

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Шушкова, Шешков, Шешков

СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

*Россійской Императорской Академіи Президенты
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

ЧАСТЬ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1824.

D.T. Front
160
108

891.78
S55727
1818a
v. 2

61-372188

~~PG 3361~~

~~S45~~

~~1818~~

П Е Ч А Т А Н О:

По определению Императорской Российской Академии.

Маия 12 дня 1817 года.

Slavic Division

461919

(v. 13, 34

ОГЛАВЛЕНІЕ

В Т О Р О Й Ч А С Т И .

- Спраш.
- 1) Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ
Россійскаго языка I.
- 2) Прибавленіе къ сему сочиненію или со-
браніе криптикъ, изданныхъ на сію кни-
гу съ примѣчаніями на оныя :
- а) Примѣчанія на письмо деревенскаго
жителя въ *Сѣверноиъ Вѣстникѣ* . . . 357.
- б) Примѣчанія на криптику, изданную въ
Московскоиъ Меркуріѣ, на книгу, *Разсуж-*
деніе о староиъ и новоиъ слоgѣ . . . 412.
-

INDEX

Page

Introduction	1
Chapter I	10
Chapter II	25
Chapter III	40
Chapter IV	55
Chapter V	70
Chapter VI	85
Chapter VII	100
Chapter VIII	115
Chapter IX	130
Chapter X	145
Chapter XI	160
Chapter XII	175
Chapter XIII	190
Chapter XIV	205
Chapter XV	220
Chapter XVI	235
Chapter XVII	250
Chapter XVIII	265
Chapter XIX	280
Chapter XX	295
Chapter XXI	310
Chapter XXII	325
Chapter XXIII	340
Chapter XXIV	355
Chapter XXV	370
Chapter XXVI	385
Chapter XXVII	400
Chapter XXVIII	415
Chapter XXIX	430
Chapter XXX	445

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Всякъ, кто любитъ Россійскую словесность, и хошя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неизцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ Французскому языку, пошъ развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидишь, какой спранный и чуждый поняшю и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ (1). Древній Славенскій

(1) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо меньше) пѣхъ спранныхъ мыслей и выражений, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе жажды созерцать неподражаемыя отѣнки рисующей

Часть II.

языкъ, опецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало Россійскаго языка, который самъ собою всегда изобилень былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красошами, заимствованными опъ сроднаго ему Эллинскаго языка, на коемъ выпійсвовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосфены, а попомъ Злашоусты, Дамаскины, и многіе другіе Хрисціанскіе проповѣдники (2). Кпо бы подумаль, чпо мы, оспавя сіе многими вѣками ушверженное основаніе языка сво-

щихся полей; не слышимъ болѣе легальной свиты галокъ, кои, кракая, сообщаютъ періодической трауръ; и кажется переспали нѣжиться въ ароматическихъ испареніяхъ всевождедѣльныхъ близнецовъ. (См. въ семъ сочиненіи снран. 51 и слѣдующія). Все это, благодаря прехожденію заблужденію, кажется стало становиться смѣшно и жалко. Однакомъ слѣдствія сихъ поврежденныхъ воображеній не скоро испребллются. Часпо на мѣсто ихъ заступающъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, чпо доколѣ спанемъ мы языку своему учиться изъ книгъ чужезычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.

- (2) Всякой языкъ обогащается другимъ, но не заимствованиемъ изъ него словъ, а тѣмъ, чпо размножая наши понятія открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекать изъ корней собственнаго языка своего дополъ неизвѣспныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужныя вѣпви.

его, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи Францускаго языка? Кому приходило въ голову съ плодотворной земли благоустроенный домъ свой переносить на бесплодную болошискую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „такимъ спарашельнымъ и оспорож-
 „нымъ упошребленіемъ сроднаго намъ корен-
 „наго Славенскаго языка купно съ Россій-
 „скимъ, опшрапяшя и спранныя слѣва не-
 „лѣпости, влодищія къ намъ изъ чужихъ
 „языковъ, заимспвующихъ себѣ красоту опъ
 „Греческаго, и по еще чрезъ Лашинскій.
 „Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ
 „чпенія книгъ церьковныхъ вкрадываюшя
 „къ намъ нечувспвишельно, искажаюшъ соб-
 „спвенную красоту нашего языка, подвер-
 „гаюшъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упад-
 „ку преклоняюшъ.“ Когда Ломоносовъ пи-
 саль сіе, тогда зараза оная не была еще въ
 шакой силѣ, и пошому могъ онъ сказать:
вкрадываются къ намъ нечувствительно: но
 нынѣ уже должно говоритъ: вломились къ
 намъ насильспвенно и наводняюшъ языкъ
 нашъ, какъ пошопъ землю. Мы въ продолже-
 нии сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Не-
 давно случилось мнѣ прочитатъ слѣдующес:
 „раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую дол-
 „жно начатъ съ Каншемира, вторую съ Ло-
 „моносова, шрешю съ переводовъ Славяно-

„Рускихъ“ господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ „нашего времени, въ которое образуется „прямность слога, называемая Французами „elegance.“ Я долго размышлялъ, вполнну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нѣпциу нынѣшняго слога называетъ онъ прямою! совершенное безобразіе и порчу онаго, образованіемъ! Онъ именуетъ прежніе переводы *Славно-Рускими*: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего Славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы, и даже самыя сочиненія? безсомнѣнія *Француско-Рускими*: и сіи то переводы предпочитаетъ онъ *Славно-Россійскимъ*? Правда, ежели Француское слово *elegance* перевестъ по Руски *телуха*, то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова! *). (3)

*) Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и нынѣ есть писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ шакъ мало въ сравненіи съ другими, что умы молодыхъ чи-

Опколѣ пришла намъ такая нехлпная мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить, и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка Французскаго? Поищемъ источникъ сего крайняго ослабленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспиванія: ибо какое знаніе можемъ мы

шпателей гораздо меньше насавляются ихъ писаніями, нежели заражаются и поршаются швореніями сихъ послѣднихъ.

(3) Можетъ быть, любовь къ опечественному языку моему понудила меня здѣсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ толь строгаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не престаю и нынѣ думать, чтобъ подобныхъ мнѣніа не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ старому слоу родились въ новомъ, довольно въ сей книгѣ показаномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ, надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ, иначе, смотри на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Если бы сей *elegance*, или скажемъ по своему *благоязычіе, историческіе, красноречіе*, почерпаемо было изъ источниковъ Русскаго языка, такъ чтобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словенности. Симъ образомъ гордимся мы появлені-

имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣши знашнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ олъ самыхъ юныхъ ногпей своихъ находяща на рукахъ у Французовъ, прилѣпляюща къ ихъ нравамъ, научающа презирашь свои обычаи, нечувствительна получающа весь образъ мыслей ихъ и поняшій, говоряшь языкомъ ихъ свободнѣ нежели своимъ, и даже до того заражающа къ нимъ приспособ-

емъ стиховъ Ломоносова предъ прежними до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *elegance* поставляется въ испребленіи старыхъ словъ, въ дѣя на мѣсто оныхъ новопереводныхъ съ Французскаго языка; когда Рускимъ оборотамъ и словосочиненію предпочитаютъ словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выражений, ему не свойственныхъ; когда по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ поль великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотяшь величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнивать съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда гоняясь за хитростями ума удаляюща олъ языка природы, и проч. и проч. — Тогда одинъ наборъ словъ для уха, неговорящій ничего разуму, часто пропивный здравому разсудку, есть для меня самой пустой *elegance*. Я люблю лучше старый, даже тяжель и обвещалый слоъ, когда онъ ясенъ и силенъ, нежели новый, одною только легкоспію и звучноспію словъ щеголяющій. Въ языкъ умъ величнѣ иногда угождашь уху, однако не величнѣ разсуждашь ушами.

спіемъ, что не шокмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняюшся, не шокмо не слыдятся не знашь онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ посшдынѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкошорымъ украшающимъ ихъ достшoinsпвомъ, хвасшаюшъ и величаюшся ?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой насшышки научаюшся они объясняшся шѣмъ всенароднымъ языкомъ, кошорой въ общихъ разговорахъ упошребшелень; но какимъ образомъ могушъ они почерпнушъ искусствш и свѣденіе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, шоль далеко опшшоящемъ опъ сего простаго мышлей своихъ сообщенія ? Для познанія богатствъ, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно чшпашъ изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писашелями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; присшойному упошребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогахъ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію; краснорѣчивому смѣшенію Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ; свойшвеннымъ языку нашему изгибамъ и оборошамъ рѣчей; складному или не складному расположенію ихъ; кршпкости выраженій; ясности и важности смысла; плавности, бы-

спрощѣ и силѣ словопеченія. Между шѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или не согласнаго сліянія буквъ, и однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искусствомъ; отсюду рождается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумніе судишь объ оныхъ. Кратко скажешь, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единаственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и преобладающій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для шѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда можетъ быть изъ превеликаго множества нынѣшнихъ худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя Славенскія и Славено-Россійскія книги, отколѣ почерпаются истинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали? (4) они читають Французскіе

(4) Подъ именемъ Славенскихъ, Славено-Россійскихъ и Рускихъ книгъ, можно разумѣть различныхъ

романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человеку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою оспорожностію вдаваться въ чтеніе Французскихъ книгъ, дабы чи-

временъ слоги, или языкъ въ смыслъ слога, какъ по слогу Библии, Паперика или Чепи - миней, слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ оныхъ слогахъ или образъ объясненія различенъ; но чѣмъ Славенской и Руской языкъ были два языка, то есть, чѣмъ можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, сего различія въ нихъ не существуетъ. Между тѣмъ многие, безъ всякаго основанія, почитающъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ Руской языкъ подъ именемъ Славенскаго презирать, и потѣже самый языкъ, унижая до протворчія и располагая оный по свойствамъ Французскаго языка, называть Рускимъ. Подъ симъ - то ни съ чѣмъ несообразнымъ раздѣленіемъ одного и тогоже языка на двѣ разныя части, изъ коихъ одна, важнѣйшая, познаваемая изъ чтенія книгъ не читаемыхъ, приводится въ забвеніе, а другая, протвѣйшая, навикомъ изъ общихъ разговоровъ съ малолѣтства затверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словъ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые меньше всего вникая въ происхожденіе, силу и свойства языка своего, по повѣдываютъ введеніе въ него новыхъ понятій, новой легкости, новой чистоты, новаго вкуса.

споту нравовъ своихъ, въ семь преисполненномъ опасностію морѣ, не прешкнушь о камень; но скажу покое разсуждая о словесности: какую пользу принесеть имъ чшеніе иноспранныхъ книгъ, когда не читають они своихъ? Волтеры, Жанъ - Жаки, Крнеліи, Расины, Моіеры, не научають насъ писать по Руски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть, и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчїи на Рускомъ языкѣ должны будемъ услупить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ со всѣмъ не имѣють той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ почно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражають попугаи, или иначе скажешь, мы будемъ подобны такому павлину, который не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать онѣя отъ пшиць несравненно меньше его прекрасныхъ, и сполько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающей оио разноцвѣтный хвостъ свой гоговъ напыкаетъ перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего можно скажешь безумнаго прилѣпленія нашего къ Французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впа-

даемъ въ большее невѣжество, и забывая природный языкъ свой, или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятие свое къ ихъ выраженіямъ и слогу. Мы безпрестанно пвердимъ о множествѣ разнаго рода книгъ и превосходныхъ сочиненій, изданныхъ Французами, и жалуемся, что мало имѣемъ ихъ на своемъ языкѣ; но гдѣ ли способы употребляемъ, чтобы до нихъ достигнуть, или ихъ превзойти? Сумароковъ ропщущему на сіе говоришь:

Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
 Которыхъ пищаніе искусству ревновало,
 И показало имъ, коль мысль сія дика,
 Что не имѣемъ мы богаписива языка.
 Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пѣни:
 Когда книгъ Рускихъ нѣшь, за кѣмъ иппи въ
 степени?

Однако больше ты сердисл на себя,
 Иль на онца, что онъ не выучилъ тебя;
 А естлибъ юность ты не прожилъ своевольно,
 Тыбъ могъ въ писаніи искусень быть довольно.
 Трудолюбивая пчела себѣ беретъ,
 Опивсюду то, что ей потребно въ сладкій медъ,
 И посѣщающа благоуханну розу,
 Беретъ въ свои соны частицы и съ навозу.
 Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ:
 Кшо виненъ въ помъ, что ты исалшири не посшигъ?

Въ самомъ дѣлѣ, кто виновашъ въ помъ
 что мы во множествѣ сочиненныхъ и пере-

веденныхъ нами книгъ имѣемъ весьма не многое число хорошихъ и подражанія достойныхъ? Привязанность наша къ Французскому языку, и отвращеніе отъ чтенія книгъ церковныхъ. Сумароковъ продолжаетъ:

Не мни, что нашъ языкъ не пошъ, что въ книгахъ чтемъ,

Которы мы съ побой не Рускими зовемъ;

Онъ пошъже, а когдаъ онъ былъ иной, какъ мы слышь,

Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь;

Такъ чтожь осмалось бы при Рускомъ языкѣ?

Отъ правды мысль твоя гораздо вдалькѣ.

Французы прилѣжаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычиспить, обогатить и писаніями своими прославиться на ономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобы подобно имъ прудиться въ созиданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобы найденныя ими въ ихъ языкѣ, ни мало намъ не сродныя красноты, перетаскивать въ свой языкъ. Тотъже Сумароковъ весьма справедливо рассуждаетъ о семъ:

Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:

Что очень хорошо на языкѣ Французскомъ,

То можетъ въ почности быть скаречно на Рускомъ.

Не мни, переводя, что складъ въ шворцѣ гошовъ;
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.

Въ спряженіе его рѣчей пы не вдавайся,

И свойственню себѣ словами украшайся.

На что степенъ въ степенъ послѣдовать ему?

Спупай лишъ пѣмъ путемъ, и обласнь дай уму:

Ты симъ, какъ швой шворецъ письмомъ своимъ
ни славень,

Доспигнешъ до него и будешъ самъ съ нимъ равенъ.

Хопя передъ шобой въ при пуда Лексиконъ,

Не мни, чтобъ помощь далъ тебѣ велику онъ:

Коль рѣчи и слова поспавишь безъ порядка,

Такъ будешъ переводъ швой нѣкая загадка,

Которую никшо не опгадаешъ въ вѣкъ;

То даромъ, что слова пы почно всѣ нарекъ.

Когда переводить захочешъ безпорочно,

Не по, шворцовъ мнѣ духъ яви и силу почно.

Языкъ нашъ сладокъ, числь и пышенъ и богашъ,

Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ.

Рабственное подражаніе наше Фреду-
замъ подобно тому, какъ бы кто увидя со-
сѣда своего, живущаго на песчаномъ мѣстѣ
и трудами своими превращившаго песокъ
сей въ плодоносную землю, вмѣсто обрабо-
тыванія съ такимъже прилѣжаніемъ пуч-
наго чернозема своего, вздумалъ удобрять
его перевозомъ на оный бесплоднаго съ со-
сѣдной земли песку. Мы почно такимъ об-
разомъ поступаемъ съ языкомъ нашимъ:

вмѣсто чтенія своихъ книгъ, читаемъ Французскія; вмѣсто изображенія мыслей своихъ по принятымъ издревлѣ правиламъ и понятіямъ, многіе вѣки возраспавшимъ и укоренившимся въ умахъ нашихъ, изображаемъ ихъ по правиламъ и понятіямъ чуждаго народа; вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнувшими изъ источниковъ онаго красочами, расплываемъ его не свойственными ему чужезпранными рѣчами и выраженіями; вмѣсто приученія слуха и разума своего къ чистому Россійскому слогу, опшываемъ опъ онаго, начинаемъ его ненавидѣть и любимъ нѣкое невразумительное сборище словъ нелѣпымъ образомъ сплепаемыхъ. Сверхъ сей ненависти къ природному языку своему и любви къ Французскому, есть еще другая причина, побуждающая новомодныхъ писателей нашихъ шочно такимъ же образомъ и въ словесности подражать имъ, какъ въ нарядахъ. Я уже сказалъ, что шрудно достигнуть до такого въ языкѣ своемъ познанія, какое имѣлъ, напримѣръ, Ломоносовъ: надлежитъ съ такимъ же вниманіемъ и такую же груду Рускихъ и еще церковныхъ книгъ прочитать, какую онъ прочиталъ, дабы умѣвъ высокій Славенскій слогъ съ проспорѣчивымъ Россійскимъ шакъ искусно смѣшивать, что въ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ про-

спохою другаго. Надлежишь долговременнымъ искусомъ и прудомъ шакое же прибрѣсшь знаніе и силу въ языкѣ, какія онъ имѣлъ, дабы умѣшь въ високомъ слогѣ помѣщашь низкія мысли и слова, шаковыя на примѣръ какъ: *рыкають, рыгають, тащипь за волосы, подгнетѣ, удалая голова*, и шому подобныя, не унижая ими слога и сохраняя всю важность онаго *).

Надлежишь имѣшь воображеніе изощренное чшеніемъ, и память обогащенную знаніемъ словъ, дабы умѣшь соспавляшь подобныя сими стихи:

Мнѣ всякая волна бышь кажешся гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на ПЕТРА.

Какое подобное паденію и шуму волны, паденіе и шумъ въ стихѣ! что можешь бышь величественнѣ сего описанія:

*) Смотри стихи его въ Поэмѣ ПЕТРЪ Великій, гдѣ сказано, говоря о стрѣльцахъ, низвергшихъ болярина Афанасья Нарышкина со стѣны на коня:

Текущу видя кровь *рыкають*: любо! любо!
Пронзеннаго поднявъ гласяшь сіе сугубо.

Говоря о пальбѣ изъ пушекъ:

Горшани мѣдныя *рыгають* жаръ свирѣпый.

Говоря о стрѣльцахъ, усремляющихся на убіеніе болярина Ивана Нарышкина, изшоргая его изъ рукъ сесстры онаго Царицы Нашалии Кириловны:

Презрѣвъ Царицыныхъ и власть и свяшость рукъ,
Безчестно за власы *елекутъ* на горесшь мукъ.

Достигло дневное до полночи свѣшило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
 Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
 И проспирало блескъ багровый изъ-за-льдовъ.
 Среди пречуднымъ при лсномъ солнцѣ ночи
 Верхи злыхъ зыбей пловцамъ сверкають въ очи.

Какое сладкогласіе и чистота слога въ двухъ послѣднихъ стихахъ! Вѣрьте послѣ сего *несомнѣнной истинѣ* писателей нашихъ, что нынѣ токмо образуется пріятность слога, называемая Французами *elegance*! Вездѣ глубокое знаніе языка показуется въ цвѣтахъ, раждающихся подѣ живописною кистию сего великаго Спихотворца. Здѣсь единымъ почеркомъ изображаетъ онъ дѣйствіе бури:

Говоря о способѣ, упошребленномъ Софіею для воспламененія ушухающаго бунша:

Подмету буйности велѣла дать выпя.

И говоря о ПЕТРѢ Великомъ *смотрѣвшимъ сквозь дымъ, сквозь кровавыя сверканіе метей*, на кровопролитной приступѣ войскъ Россійскихъ къ крѣпости Орѣховцу, что нынѣ Шлиссельбургъ:

О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
 Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль,
 И для погибели *удилыхъ славы* печаль!

Какое посреди лютой брани челоуѣколюбіе въ ПЕТРѢ, и кака похвала воинамъ подлинно представляющимся намъ *удалыми* послѣ сихъ сказанныхъ выше объ нихъ стиховъ:

Не могушь, храбрые, снѣвъ верха досягнушь,
 И щещно вѣрную прошивнымъ шавашъ грудь!

Межь моремъ рушился и воздухомъ предѣль;
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнь ле-
 пѣль.

и л и :

Внимай, какъ югъ пучину давишь,
 Съ пескомъ мушишь, зыбь на зыбь спавишь,
 Касается морскому дну,
 На сушу гонишь глубину.

Тамъ силѣ и скороссти давь образъ испо-
 лина представляешь ихъ въ ужаснѣйшемъ
 видѣ :

Бѣжишь въ свой путь съ весельемъ многимъ
 По холмамъ грозный исполинъ,
 Скупаешь по вершинамъ спрогимъ *),
 Презрѣвъ глубоко дно долинь,
 Въешь воздухъ вихремъ за собою;
 Подъ сильною его пяпою
 Кремнистые бугры прещашъ,
 И слѣдомъ дерева лежашъ,
 Чшо множесиво вѣковъ спояли
 И бурей ярость презирали.

и л и :

Свѣпящимися чешуями
 Покрышь, какъ мѣдными щипами;
 Копье и щипъ и молошь пвой
 Счипаешь за шросшникъ гнилой.

*) Примѣшимъ, что Ломоносовъ не поставилъ бы здѣсь *стремилъ*, естлибъ слово *стремость* не происходило отъ одного корня съ словомъ *острота*, чему свидѣтельствуютъ слова *остроеъ*, *остроеать*. Подобному знанію и употребленію словъ не научимся мы никогда изъ книгъ Французскихъ.

Тамъ замысловавшимъ словомъ или остроумною мыслию въ воспоргъ приводишь умъ:

Твое прехвально имя пишешь
 Не ложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
 Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышешь,
 И шолько вѣрой шепль къ тебѣ.

и л и :

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
 Реседья больше, нежели вода,
 Что видѣли судовъ Россійскихъ
 Пропивъ враговъ счастливый ходъ.

Индѣ пламеннымъ изображеніемъ всеобща-
 дающаго времени и люшой войны ужасаетъ
 воображеніе :

Уже горять Царей памъ древнія жилища ;
 Вѣнцы врагамъ корысь , и плошь ихъ вранамъ
 пища !

И кости предковъ ихъ изъ золошыхъ гробовъ
 Черезъ спѣны падаюшь къ смердящимъ шрупамъ
 въ ровъ !

Индѣ перомъ, искуснѣйшимъ чѣмъ Апел-
 лесова кисть , представляешь намъ гоняю-
 щуюся за звѣрми Россійскую Діану :

Ей вѣпры въ слѣдъ не успѣваюшь ;
 Коню бѣжашь не воспящую
 Ни рвы, ни часныхъ вѣшней связъ :
 Крутилиъ главой, звучишь броздами,
 И шопчешь бурными ногами,
 Прекрасной всадницей гордись !

Индѣ проспыми, но выше всякаго иску-
ства, спихами приводишь душу и сердце
въ умиленіе:

Въ пуши, копорымъ пролетаешь,
Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Они всѣхъ къ тебѣ простерны взоры,
Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ прудь;
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не шая ли на насъ взираешь,
Что маперію всѣ зовутъ?
Иной опъ спаросши нагбенный
Простерть спарается хребеть,
Главу и очи ушомленны
Возводишь, гдѣ швой блещеть свѣтъ.
Тамъ видя возрасъ безсловесный,
Монархини, швой зракъ небесный,
Любезну оспавляешь грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ,
Послѣдуя очами въ путь.

Индѣ колико сей нѣжности прошивень,
когда изображаетъ прошивныя сему вещи,
какъ на примѣръ злобу:

Какъ шигръ ужъ на конѣ хопи ослабѣваетъ,
Однако посмопрѣвъ, на раненой хребеть,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
И раповище злясь въ себѣ зубами рветъ:
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;

*

Но палъ, и прясучись о землю шиломъ билъ.
Изъ раны чорна кровь ударила^{сь} *) рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.

(* Примѣшимъ здѣсь, какъ слово *ударилась* возвышаетъ силу сего выраженія. Всякое другое слово, какъ на примѣръ: *полылась, потекла*, было бы меньше сильно. Для чего? Для того, что глаголъ *ударилась* соединяетъ въ себѣ два понятія: *полылась быстро*. Подобныя сему слова придають великую силу слогу. Сумароковъ прищучу свою о болшайной женѣ, услышавшей за шайну опъ мужа своего, будто бы ночью съелъ онъ лицо, оканчиваетъ слѣдующими стихами:

Сказала ей,

А ша сосѣдушкѣ своей:

Ложь ходишь всегда съ прибавкой въ мирѣ.

Ницо, два шри, чешыре,

И стало подъ вечеръ пять сошь лицъ.

Назавтрѣ къ уроду

Премножество собираешя народу

И незнакомыхъ лицъ:

За чѣмъ валишь народъ? Валишь купишь лицъ.

Какъ слово *валить* сильно здѣсь и знаменательно! Господа вшаскивашели въ нашъ языкъ чужестранныхъ словъ и рѣчей, никогда ваши *трогательныя сцены, ни слѣлкія на разумы, ни предметы потребностей*, не будутъ имѣть шаковой силы. (5)

(5) Знаю нынѣ, можетъ быть еще болѣе, нежели зналъ тогда, когда писалъ сію книгу, что приведеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Сумарокова долженствуетъ въ умахъ многихъ уронить ея цѣну. Стихотворецъ сей, сколько въ свое время прославляемый, сколько нынѣ презираемый, показываетъ, что достоинство писателей часто оцѣнивается не умомъ, но молвою. Ежели тогда превозносимъ онъ былъ несправедливо, то нынѣ еще несправедливѣе осуждается. Тогда, обращая вниманіе на многое хорошее въ немъ, извиняли его погрѣшности, молчали объ нихъ; а нынѣ совсѣмъ не чипая его, и не зная ни красотъ,

Разинуль челюспи! но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнуль духъ во адъ.

Индѣ съ шакою въ полуспишии распановною, какая въ самой природѣ между ударомъ и опголоскомъ онаго примѣчается, говоришь:

Удариль по щипу: звукъ грянуль межъ горами.

Таковъ Ломоносовъ въ стихахъ; шаковъ же онъ въ переводахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли разумъ его и глубокое въ языкѣ знаніе; покажемъ шеперь примѣръ оспорожности его и наблюденія ясности въ рѣчахъ. Въ подражаніи своемъ Анакреону говоришь онъ о Хупидонѣ:

Онъ чупь лишь ободрился,
Каковъ то, молвилъ, лукъ;

ни худостей, швердящъ, по наслышкѣ одинѣ опѣ другаго, что онѣ никуда не годипся. Тожѣ, благодаря вводимому журналистами новѣйшему вкусу, начинаешъ распространяться и на другихъ: Феофаны, Каншемиры, давно уже не чипаются; Херасковы, Пепровы, и самѣ Ломоносовъ, вешшающъ, никто въ нихъ не заглядываешъ; за ними чрезъ нѣсколько времени послѣдуютъ Державины и другіе: шакимъ образомъ умѣ и вкусѣ нашъ будетъ верпящееся колесо, въ копоромѣ одна восходящая на верхѣ спица давитъ и свергаешъ на низѣ другую. Не знаю, можетъ ли такой вкусъ бытъ основашеленѣ, швердѣ, проченѣ, согласенѣ съ здравымъ разсудкомъ, и полезенѣ для языка.

Въ дождѣ *гать* повредился,
И съ словомъ снрѣлилъ вдругъ.

Потребно сильной въ языкѣ имѣть на-
выкъ, дабы чувствовашь самонаибѣйшее об-
сноряшельство, могущее ослабить силу сло-
га, или сдѣлать его двусмысленнымъ и не-
довольно яснымъ. Въ проснорячїи обыкно-
венно вмѣсто *гаять* должно, говоряшь со-
кращенно *гай*. Ломоносовъ пошчасъ почув-
снвовалъ, что поспая :

Въ дождѣ чай повредился. . . .

выдешь изъ сего двумыслие глагола *гай*
съ именемъ *гай*, по естѣ Кипайской правы,
кнпорую мы по ушрамъ пьемъ; и для шого,
сокращая глаголь *гаять*, поспавилъ *гать* (6).
Подобная сему осноряшельность показы-

(6) Многие въ семъ мѣснѣ меня не поняли и поду-
мали, что я слово *гать* выдаю за образецъ кра-
снорячїя. Ошнюдь нѣтъ. Оно прнспое, сокра-
щенное изъ *гаять*, пошно также, какъ *гуть* со-
кращено изъ *гуть*; но какъ здѣсь и слоги про-
стой, по оно и не дѣлаетъ безобразїя; а между
тѣмъ мысль въ стихѣ спановилъ яснѣе, не-
жели бы сказано было двусмысленное *гай* (какъ
послѣ безъ него въ изданїяхъ его напрасно пере-
правлено). Примѣръ сей приведенъ единственнн
для шого, дабы показашь, что когда Ломоносовъ
писалъ стихи, по, не увлекаясь однимъ стихо-
пворческимъ воображенїемъ, при каждомъ словѣ
размышлялъ, какое бы изъ нихъ мысль его яснѣе
и лучше выражало, чего многие спнхнпворцы
не наблюдають.

ваешь, съ какимъ шщаніемъ спарался онъ наблюдать ясность и чистоту слога. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно соединенное съ пылкимъ воображеніемъ ума сильное въ языкѣ знаніе, которое приобрѣлъ онъ неуспыннымъ въ словесности упражненіемъ. Таковое прилѣжное чтеніе Россійскихъ книгъ опнижеть у нынѣшнихъ писателей драгоценное время читать Французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли *прогательную* Заиру, *занимательнаго* Кандида, *милую* Орлеанскую дѣвку, *промѣнять* на скучный Прологъ, на непонятный Неспоровъ Лѣпописецъ? Избѣгая сего шруда принимающся они за самой легкой способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразяють языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ напримѣръ какъ: *моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіазмъ, катастрофа* и шому подобныхъ *). Другіе изъ Рускихъ словъ спарающся дѣлають не Рускія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время, говоряють *будущность*; вмѣсто настоящее время, *насто-*

*) Сіи суть самыя новомодныя слова, и для шого въ нынѣшнихъ книгахъ повшоряющся онѣ почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣющся также и обветшалыя иностранныя слова, какъ напримѣръ: *авантажиться, макериться, компанію водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сіи прогнаны уже изъ большова свѣща и переселились къ купцамъ и купчихамъ.

ящность *) и проч. (7) Трешьи Францускія

*) Сіи слова, вигдѣ прежде въ языкѣ нашемъ несуществовавшія, произведены по подобію словъ изящность, суешность, безопасность и проч. Нынѣ уже оныя пишущся и печатающся во многихъ книгахъ; а пошому надѣяться должно, что словесность наша время отъ времени будетъ еще болѣе процвѣшашь. Напримѣръ: вмѣсто прошедшее время станушъ писать *прошедшность*; вмѣсто человѣческое жилище, по подобію съ голубяшнею, *человѣчатилъ*, вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ шѣляшиною, *березатина*, *дубоватина*, и шакъ далѣе. О! мы становимся великими изобрѣшателями словъ!

(7) Подобныя слова, какъ *будущность*, хопя и скорѣе могутъ быти приняты, нежели рабскиенно переводимыя съ Францускаго, или инаго языка; однакожъ и онѣ требуюшъ основательнаго разбора. Изобрѣшая ихъ, то есть производя изъ корня съ симъ или инымъ окончаніемъ, надлежитъ строго разсмащривашъ: 1е, подлинно ли сіе превращеніе прилагательныхъ именъ въ существительныя нужно для лучшаго выраженія мыслей. 2е, Въ какомъ случаѣ не поршмшъ это языкъ. Напримѣръ, хорошо ли будетъ, когда мы вмѣсто: *перестанемъ толковать о будущемъ, станемъ говорить о настоящемъ времени*, скажемъ: *перестанемъ толковать о будущности, станемъ говорить о настоящности*? или примѣчая, что языкъ позволяешъ изъ глаголовъ *ходить, цѣлять, стрѣлять*, и проч., составлшть имена *ходьба, цѣльба, стрѣльба*, начнемъ по сему правилу противусвойственно языку, пожъ самое дѣлшть и съ другими глаголами, какъ то опъ *лшть, сидѣть, грѣсшть*, и проч., производшть имена *лштьба, сидѣба, грѣсшьба*, и шому подобное? изобрѣшеніе новыхъ словъ и отверженіе старыхъ, равный принесушъ вредъ словесности, когда пріемлемы или отвергаемы будушъ безъ всякаго знанія силы и свойствъ языка.

имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводящъ изъ слова въ слово на Руской языкъ; самопроизвольно принимающъ ихъ въ помѣже смыслѣ изъ Французской лишературы въ Россійскую словесность, какъ будшо изъ ихъ службы офицеровъ пѣрмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохраняющъ поже знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣющъ. Напримѣръ: *influence* переводящъ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголь *вливать* пребуеетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бутку, вливаетъ въ сердце ей любовь*, располагающъ нововыдуманное слово сіе по Французской Грамматицѣ, спавя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: *faire l'influence sur les esprits, дѣлать вліяніе на разумъ* *).

*) Глаголь *вливать* естъ не иное что, какъ глаголь *лечь*, соединенный съ предлогомъ *въ*, ошъ кошораго безгласная буква в ошипла. Всѣ сосставленные подобнымъ образомъ глаголы соединяющъ съ пѣрмижъ самими предлогами, какъ напримѣръ: *набѣжать на камень, исторекнуться изъ напастей, отбитъ отъ непріятеля, слетѣть съ дерева, войти въ Церковь*, а когда надобно сказашъ *на Церковь*, тогда упошребляешъ другой глаголь *войти*. По какому же правилу или примѣру говоримъ мы *вліяніе на разумъ*? По Французскому. О! мы выбрали прекрасную дорогу для обогащенія языка своего! Въ священныхъ книгахъ находимъ мы: *Духъ святый найдя на Тя, и въ другомъ мѣстѣ: Сохрани душу мою отъ наитствованія страстей*. Такожъ и въ молищѣ къ Богородицѣ: *Напастей Ты приложи отклонещи, и страстей находы, двои*. Здѣсь *наитіе* или *наитствованіе* не иное что значить, какъ то самое понятіе, кошорое Французы изображающъ словомъ *influence*. Понятіе сіе и въ просторѣчїе введено; мы говоримъ: *на него дурь находить*, шакъ какъ бы по нымѣшнему сказашъ: *безуміе имѣетъ вліяніе*

Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой неслѣпой слогъ рождается отъ сихъ Руско - Французскихъ словъ. Здѣсь же примѣшимъ шокмо, что по сему новому правилу шакъ легко съ иноспранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы шокмо списывашъ ихъ *). Запру-

на его разумъ. Изъ сего видѣть можно, что естли бы пошъ, кто первый слово *influence* перевелъ *вліаніемъ*, чиналъ шаринцыя Рускія книги, шо бы онъ почерпалъ слова изъ нихъ, а не изъ Французскихъ книгъ, и шога не находили бы мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ шаковыхъ не Рускихъ рѣчей, каковы суть слѣдующія: *Авторскою дѣятельностію имѣть вліаніе на современниковъ. — Несходство въ характеръ разума и Авторства имѣть вліаніе на судь о теловѣкъ. — Находится подъ вліаніемъ исключительной торговли. — Сіе приключеніе имѣло вліаніе на ходъ политики. — И шому подобныя. Миѣ случилось разговаривашъ съ однимъ изъ зашщипивковъ нынѣшнихъ писателей, и когда я сказалъ ему, что слово *influence* переведено *вліаніемъ* не по шому, чтобъ въ языкъ нашемъ не было соопвѣтствующаго ему названія, но по шому, что переводчикъ не зналъ слова *наитствовать*, изображающаго шоъ самое понятіе; шога ошвѣчалъ онъ мнѣ: *Я лучше дамъ себѣ высѣтъ, нежели когда нибудь соегащусъ слово это употребить. Сіе одно уже показываешъ, какъ много заражены мы любовью къ Французскому и ненавистію къ своему языку. Какал же надежда ожидать намъ знающихъ языкъ свой писателей, и мудрено ли, что у насъ ихъ мало?**

*) Напримѣръ: *un des homme de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli avec succès de grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élégance, a dit, dans des Considérations sur l'état de la France: одинъ изъ людей*

дненіе вспрѣшшися въ помѣ единственнo, что не знающій Французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ Россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаешь нынѣ по Французски? По мнѣнію нынѣшнихъ Писателей великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими внигахъ слово *переворотъ*, недогадаться, что оное значить *revolution*, или по крайней мѣрѣ *revolte*. Такимъже образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе, developement; утонченный, raffiné; сосредоточить, concentrer; трогательно, touchant; занимательно, interessant*, и такъ далѣе (8). Вошь бѣда для

Франціи, который имѣлъ наиболѣе разума, который наполнялъ съ успѣхомъ великія мѣста, и который писалъ на разныхъ предметахъ съ такою занимательностію, какъ Элеансомъ, сказалъ, въ разсужденіяхъ на состояніе Франціи. Сей переводъ весьма похожъ на многіе нынѣшніе.

(8) Здѣсь по причинѣ оговариваемыхъ мною словъ, вошедшихъ между тѣмъ почти въ общее употребленіе, долженъ я снова сказать мои мысли. Съ языкомъ поже бываетъ, что съ одѣваніемъ или нарядами. Осприженная безъ пудры голова такъ теперь кажется обыкновенною, какъ прежде казалась напудренная и съ пуклями. Время и частое употребленіе однихъ, или рѣдкое другихъ словъ и выраженій, причаетъ или отбучаетъ слухъ нашъ оиъ нихъ, такъ что сперва новыя кажутся намъ дикими, а потомъ къ новымъ мы прислушаемся, и по-

нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: брашно, требище, рясна, зодѣство, доблестъ, прозябать, наитствовать, и тому подобныя, копорыхъ они сро-

гда шарыя одичають. Но между языкомъ и одѣваніемъ та разность, что носитъ такимъ или инымъ покроемъ платье, есть обычай, копорому должно слѣдовать, поному что нѣшныя причины не соглашались съ общимъ обыкновениемъ. Въ языкъ, напротивъ, слѣдовать употребленію словъ и рѣченій, проотивному свойству языка, есть не разсуждать о нихъ, или вопреки разсудка уступать худому навыку. Въ семъ случаѣ, сколько бы онъ ни сдѣлался общій, надлежитъ возспаать проотивъ него и опвращать опъ худаго ему послѣдовавія. Нѣкто, весьма справедливо сказалъ: „языкъ по свойству своему есть тѣло и духъ; тѣло его есть звукъ, духъ же соединенный съ нимъ разумъ; одинъ, шокмо духъ языка даетъ разверзающемуся, понятію челоѣческому соразмѣрную духовнымъ потребностямъ его пищу.“ Дѣйствительно, какъ бы составленная изъ словъ рѣчь ни была благозвучна для слуха, но она безъ соединенія съ сими звуками оживотворяющаго ихъ разума есть мертвое тѣло. Чѣмъ больше въ какомъ либо языкѣ тѣло сіе предпочищается духу, тѣмъ больше портится языкъ и упадетъ даръ слова. Употребленіе и навыкъ часно бывають враги разсудка. Извѣсно, что всякое слово, всякое выраженіе, хотя бы оно по составу своему не имѣло ни какого смысла, или бы несвойственно было языку, когда войдетъ въ употребленіе, то чрезъ сильный навыкъ получитъ наконецъ нѣкоторое данное ему значе-

ду не слыживали, и пошому о шаковомъ писашелъ съ гордымъ презрѣнїемъ говоряшъ: онъ Педантъ, провонялъ Славянщиною и не знаетъ Французскаго въ штиль Элегансу.

нїе, и не смотря на разумъ, доказывающій его несвойственностъ, пакъ укоренился, что испребитъ, оное прудно. Я не нахожу; какъ нѣкоторыя ушверждають, что новыя слова рождаются вмѣстѣ съ мыслями, и какъ щастливое вдохновенїе въ произведенїяхъ таланта, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ и обогащаютъ его безъ всякаго чуждаго законодательства. Мысль сія можетъ справедлива быть въ нѣкоторой шокмо весьма тѣсной ограниченности. Она, конечно, лестна для всѣхъ безъ извѣтїя, какъ писашелей, пакъ и читашелей; ибо предполагаешъ въ каждомъ изъ нихъ совершенное знанїе и любовь къ языку. Но разсуждая вообще о нововводимыхъ и прїемлемыхъ въ языкъ словахъ, едва ли она содержитъ въ себѣ столько истины, сколько снисхожденїя; ибо ежели мы можемъ сказать сіе о пяти или десяти словахъ, то напротивъ того о цѣлыхъ сонняхъ должны сказать противное шому, то есть, что они не родились вмѣстѣ съ мыслями, но взяты точно тѣми же, или переведены съ чужихъ словъ, чужою мыслию, часпо намъ несвойственною, порожденныхъ, и вошли въ языкъ не по щастливому вдохновенїю таланта, но по неосновательной переимчивости, и ушверждающя въ немъ не самовластно, то есть не властїю достоинства своего, но силою часпаго повшоренїя тѣми, которые понимаютъ ихъ не по разуму собственнаго своего, но по смыслу чужаго языка. Навыкъ силенъ. Часпо слышанное нами вкореняется въ нашъ умъ и

Между шбмъ, не взирая на опасность гбѣва ихъ, я осмѣлюсь предложитъ здѣсь нѣкошорыя прошивныя мибнiю ихъ разсужденiя, дабы упражняющихся въ словесности моло-

покоряетъ его подѣ свое иго. Здѣсь не мѣсто распроспранянья о помѣ новыми доводами и примѣрами. Въ книгѣ сей довольно ихъ показано. Сверхъ сего можно прочитатъ еще въ одиннацатой книжкѣ Академическиххъ Извѣстiй статью II подѣ названiемъ: *нѣкоторыя вылиски изъ сочиненiй Графа Мейстера съ примѣганiями на оныя*. Изъ сего можно будетъ достапочно усмотрѣть (ибо исчислишь всѣ худоводимыя слова недостало бы ни у кого перпѣнiя), что языкъ отѣ таковыхъ нововведенiй несравненно больше скудѣетъ и порпшитъ, нежели богатѣетъ и украшается, и естли не оговаривать сихъ несвойственныхъ ему словъ и выраженiй, естли не дѣлатъ имъ никакого законодательства, то напослѣдокъ заразятъ они его совершеннымъ мракомъ и непонятностию. Употребленiе и навикъ вводятъ въ языкъ слово, но оправдываютъ его не они, а разумъ. Державинъ нѣгдѣ о мелкомъ при солнечныхъ лучахъ волненiи рѣкъ сказалъ: *тешчатся рѣки златомъ*. Онъ первый примыслилъ и употребилъ глаголъ сей, столь прилично изображающiй взволнованную вѣтеркомъ поверхность водъ. Подобная новость въ языкъ, или правильнѣе въ словесности, естъ, конечно, *щастливое вдохновенiе таланта*; но можно ли шожъ самое сказать о выраженiи *влiянiе на*, о кошоромъ здѣсь разсуждается (или о иныхъ тому подобныхъ)? Какимъ образомъ, не взирая на то, что оно вошло въ общее употребленiе, присвоимъ мы ему сiе право? оно не *влiетъ съ мыслями родилось*, но взято съ Фран-

дыхъ людей, не со всѣмъ заразившихся еще сею язвою, ошпановишь, буде возможно, опъ предосудительнаго имъ послѣдованія; ибо изъ сихъ разсужденій яснѣе можно будетъ

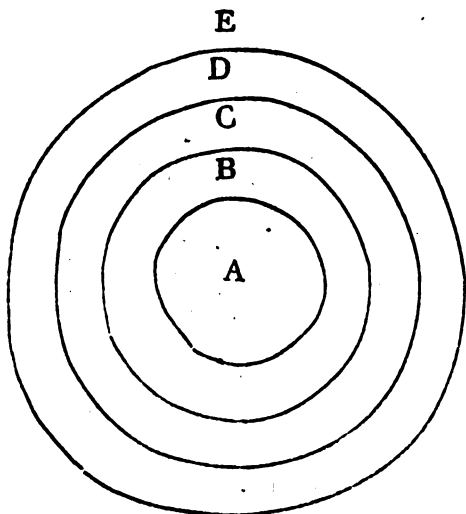
цускаго: *influence sur*, и припомъ переведено худо, а имянно по свойству ихъ, а не по свойству нашего языка; ибо Лапинскіе глаголы *fluo, influo* (опколъ Французы взяли свое выраженіе), значашъ *теку, втекаю*, а не *люю, вливаю*. Сіи два дѣйствія въ частныхъ значеніяхъ своихъ имбюпъ не малое различіе, и попому во всѣхъ языкахъ разными названіями выражающъ: мы говоримъ *течь и лить*, Французы *couler* и *verser*, Нѣмцы *flissen* и *gissen*, и такъ далѣе. Сверхъ сего каждый языкъ имбешъ свое свойство: одинъ употребляетъ слово въ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ другой не употребляетъ. Мы весьма прилично можемъ о какомъ нибудь ви-пязѣ сказать: *течь на брань*. Французъ въ подобномъ случаѣ не скажетъ: *il coule au champ de bataille*. Такъ и намъ несвойственно всѣ его иносказанія перенимать и вносить въ свой языкъ. Но положимъ, чшобы мы, имбѣя надобность въ выраженіи его *influence sur*, и хотѣли, не ища никакихъ своихъ оборотовъ, перевести оное по почности словъ, по и шогда, мнѣ кажется, скорѣе можно бы было употребить для сего слово *втеченіе*, нежели *вліяніе*; ибо, хопя мы въ языкъ нашемъ и не находимъ, чшобъ слова сіи когда либо употреблялись въ семъ иносказаніи, однакожъ лучше пойдемъ, напримѣръ, *втекаетъ въ память, втеченіе во нравы*, нежели *вливается на память, вліяніе на нравы*, и проч. Опять повшорю: навыкъ ко всему пріучить можемъ, но должно ли слѣпо ему повиноваться,

усмотрѣть, что шопъ, кто переводитъ, или лучше скажетъ перекладываетъ такимъ образомъ слова съ одного языка на другой, худое имѣетъ понятіе о происхожденіи и

и то, что не подходитъ подъ здравый разсудокъ, почитать красою? Возмемъ еще весьма употребительное нынѣ выраженіе: *носить отлегатокъ*; оно также взято съ Французскаго: *porter l'empreinte*. Я понимаю слово *отлегатокъ*, но выраженіе *носить отлегатокъ* не иначе понимаю, какъ по Французскому языку. Начто брать съ чужаго языка то, что и на немъ есть нѣкое напханное, худо придуманное уподобленіе; а на нашемъ еще болѣе, по причинѣ новости своей и необыкновенности. Для чего вмѣсто слѣдующей выписки (взятой изъ печатной книги): „*все, что вы видите въ семь городѣ, носить на себѣ отлегатокъ строгого порядка, не сказать просто: все, что вы видите въ семь городѣ, показываетъ строгой порядокъ, или наблюденіе строгого порядка?* Красопа языка, не въ томъ состояннѣ, чпобѣ памѣ объяснянсь на немѣ хипро - придуманными уподобленіями, гдѣ простое выраженіе гораздо лучше и яснѣе. Послѣ словъ: *я вижу вездѣ порядокъ*, нѣтъ надобности толковать ихъ; онѣ сами по себѣ ясны; но послѣ словъ: *я вижу вездѣ отлегатокъ порядка*, надобно ломать себѣ голову, чпобѣ добраться до смысла сей рѣчи. Первое, надобно предсавить себѣ *порядокъ легатю* (какое несвойственное превращеніе одной вещи въ другую: *порядка въ печать!*), и второе, надлежитъ сдѣлать уподобленіе не меньше спранный, что какъ опѣ печати, послѣ писненія ею, оспается на сургучѣ или воскѣ изображеніе, называемое *отлегаткомъ* (въ прямомъ смыслѣ), пакъ, когда

свойствъ языковъ, и о ихъ между собою со-
опредѣленіи.

Во всякомъ языкѣ есть множество та-
кихъ словъ или названій, которыя въ долго-
временномъ опъ разныхъ писателей употре-
бленіи получили различные смыслы, или из-
ображаютъ разныя понятія, и попому зна-
менованіе ихъ можно уподобить кругу, раж-
дающемуся опъ брошеннаго въ воду камня,
и опчасу далѣе предѣлы свои распростра-
няющему. Возмемъ на примѣръ слово *свѣтъ*

и рассмотримъ всю обширность его знаме-
нованія. Положимъ сначала, что оно заклю-

мы *порядокъ* возмемъ за *лгать*, и этимъ поряд-
комъ, какъ бы печатью, писнемъ, то опъ него
останется такое же изображеніе, называемое
тожъ *отлгаткомъ* (въ иносказательномъ смы-

Часть II.

3

чаешъ въ себѣ одно шокмо поняпіе о сіяніи или о лучахъ, исходящихъ отъ какого нибудь свѣшила, какъ то въ слѣдующей рѣчи: *солнце разливаетъ свѣтъ свой повсюду*. Изобразимъ оное чрезъ кругъ А, котораго окружность В опредѣляетъ вышесказанный смыслъ его, или заключающееся въ немъ поняпіе. Спанемъ попомъ пріискиваемъ оное въ другихъ рѣчахъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Здѣсь слово *свѣтъ* не значить уже исходящія лучи отъ свѣшила, но ученіе или наставленіе, происпекающее отъ премудрости Христовой. Ипакъ получило оно другое поняпіе, которое присоединяя къ первому, находимъ, что смыслъ слова сего разширился, или изображающій его кругъ А распростиранился до окружности С. Въ рѣчи: *семьдесятъ вѣковъ прошло, какъ свѣтъ стоитъ,*

слѣ). Какое трудное, нимало не нужное усиліе мыслей, дабы выразить хипросплетеннымъ образомъ самое простое поняпіе о существованіи порядка! я могъ бы показать тысячи подобныхъ нововведеній, которыми спараются нынѣ обобщать и украшать языкъ, называя ихъ *цветущими*, *легкими* *слогами*, и презирая для нихъ спарый, часпо сильный и краснорѣчивый слогъ, которой называютъ они *тяжелыми*; могъ бы выписать много *лыльных* *могилъ*, *клящихъ* *табунъ*, *лущистыхъ* *тѣней*, и проч. и проч.; но къ чему послужатъ мои доказательства? оставимъ времени исправить заблужденія; оно покажетъ истину.

слово *свѣтъ* не заключаетъ уже въ себѣ ни одного изъ вышенисанныхъ понятій, но означаетъ весь міръ или всю вселенную. При соединяя сіе претіе понятіе къ двумъ первымъ, ясно видимъ, что кругъ А распроспранился до окружности D. Въ рѣчи: *онъ наперся въ свѣтъ*, слово *свѣтъ* предспавляетъ накі новое понятіе, а именно, общество опличныхъ людей: слѣдовательно кругъ А распроспранился еще до окружности E. Въ рѣчи: *Америка есть новый свѣтъ*, слово *свѣтъ* означаетъ новонайденную землю, подобную прежде извѣспнымъ, то есть Европѣ, Азій и Африкѣ. И шакъ кругъ А получилъ еще большее распроспраненіе. Наконецъ опъ сего слова, какъ бы опъ нѣкого корня, произошли многія вѣшви или опрасли: *свѣшлый*, *свѣтскій*, *свѣтлїящїяся*, *свѣтло*, *свѣтлица*, и шакъ далѣе. Каждая изъ сихъ опраслей шакже въ разныхъ смыслахъ упопреляется: *свѣтлое* солнце, значипъ *сіяющее*; *свѣтлая* одежда, значипъ *великолѣпная*; *свѣтлое* лице, значипъ *веселое*. Подъ именемъ *свѣтскаго* человекѣа разумѣется иногда опличающїяся опъ духовнаго, а иногда умбющїя учпиво и прїяпно обращатся съ людьми. Такимъ образомъ кругъ, опредѣляющїя знаменованіе слова *свѣтъ*, опчасу далѣе расширяетъ свои предѣлы. Сіе есть свойшво всякаго языка, но въ ка-

ждомъ языкѣ данные одному слову различные смыслы и произведение оныхъ другъ друга, или распространение вышепомянушаго круга, опредѣляющаго ихъ знаменованіе, не одинакимъ образомъ дѣлается. Напримѣръ въ сказанной выше сего рѣчи: *солнце разливаеѣтъ свѣтъ свой повсюду*, Россійскому слову *свѣтъ* соотвѣтствуетъ Французское слово *lumiere*; но въ другой рѣчи: *семьдесятъ вѣковъ прошло, какъ свѣтъ стоитъ*, поможъ самому слову во Французскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ уже слово *monde*, а не *lumiere*. Равнымъ образомъ оныхъ Россійскаго имени *свѣтъ* происходитъ названіе *свѣтило*; напрошивъ того во Французскомъ языкѣ свѣтило называется особливимъ именемъ *Astre*, очевидно не происходящимъ оныхъ слова *lumiere*.

Происхождение словъ подобно древу; ибо какъ возникающее оныхъ корня младое дерево пускаеѣтъ оныхъ себя различныя вѣтви, и оныхъ высоты возноситься въ высоту, и оныхъ силы переходить въ силу, такъ и первоначальное слово сперва означаеѣтъ одно какое нибудь главное понятіе, а попомъ происпекающъ и утверждающъ оныхъ онаго многія другія. Часно корень его перяеѣтъ оныхъ долговременности. Старинное Славенское, или оныхъ Славенскаго происходящее слово *доба* нынѣ намъ совсѣмъ не извѣстно. Можеѣтъ быѣтъ оно заключало въ себѣ проспранный смыслъ,

но мы изъ иѣлопорыхъ находимыхъ нами въ книгахъ весьма не многихъ рѣчей, таковыхъ какъ: *доба намѣ отъ сна встати*, знаемъ шокмо часшъ онаго, догадываясь, что оно значило *пора* или *не худо*. Между шѣмъ корень сей сколько пуспилъ различныхъ опраслей? *Надобно, снадобье, подобно, удобно, сдобно, подобаетъ, сподобиться, преподобіе, доблестъ*, а можешъ бышъ и слово *добро* опъ негожъ имѣешъ свое начало. Опъ глагола *разитъ* или опъ имени *разѣ* происходяшъ слова: *пораженіе, раздраженіе, выраженіе, возраженіе, подражаніе* и проч. Всѣ оныя изображаюшъ различные поняшя. Соопшвѣспвующія симъ Францускія слова: *irritation, expression, imitation* и проч., опъ одного ли происпекаюшъ испочника? Могупъ ли два народа въ соспавленіи языка своего имѣшъ одинакія мысли и правила? Опсюду выходяшъ сѣдующее разсужденіе:

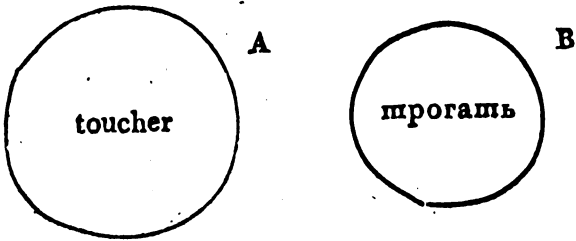
Всѣ извѣспныя намъ вещи раздѣляются на видимыя и невидимыя, или иначе сказашъ, однѣ поспигаемъ мы чувспвами, а другія разумомъ: *солнце, звѣзда, камень, дерево, трава* и проч. супъ видимыя вещи; *счастіе, невинность, щедрота, ненавистъ, лукавство*, и проч. супъ вещи умспвенныя, или разумомъ поспигаемыя. Каждая изъ всѣхъ сихъ вещей на всякомъ языкѣ изображается особливымъ названіемъ; но между сими различными ка-

ждаго языка словами, означающими одну и ту же самую вещь, находится следующая разность: то из них, кои означают видимую вещь, хотя звуком произношенія и составляющими ихъ письменами различны между собою, однакожь кругъ знаменованія ихъ на всѣхъ языкахъ есть почти одинаковъ: вездѣ напримѣръ, гдѣ споить во Французскомъ *soleil*, или въ Нѣмецкомъ *Sonne*, или въ Англинскомъ *sun*, можно въ Россійскомъ поставишь *солнце*. Напротивъ того то названія, коими изображаются умственные вещи, или дѣйствія наши, имѣютъ весьма различные круги знаменованій, поелику, какъ мы выше сего видѣли, происхождение словъ, или сдѣланіе понятій, у каждаго народа дѣлается своимъ особливымъ образомъ. Въ каждомъ языкѣ есть много даже такихъ словъ, копорымъ въ другомъ нѣтъ соотвѣтствующихъ *). Такожъ одно и то же слово

*) Мы говоримъ: *zei ne vidati*. Какое знаменованіе имѣетъ на Французскомъ языкѣ слово *zei*? Прохожій у Сумарокова въ прищѣ, укоряя шарика, идущаго пѣшкомъ за мальчикомъ, копорый ѣхалъ на ослѣ верхомъ, говоритъ ему: *лучше бы мальчику велѣлъ ты идти пѣшкомъ, а самъ бы ѣхалъ, старый хрѣнь!* Употребленіе сдѣлало, что иносказательный смыслъ выраженія *старый хрѣнь* весьма для насъ понятенъ; следовательно въ нашешъ языкѣ имѣетъ оно нѣкоторый кругъ знаменованія, но во Французскомъ языкѣ *viens raifort* означаетъ шокмо самую вещь, а въ иносказательномъ смыслѣ никакого круга знаменованія не имѣетъ.

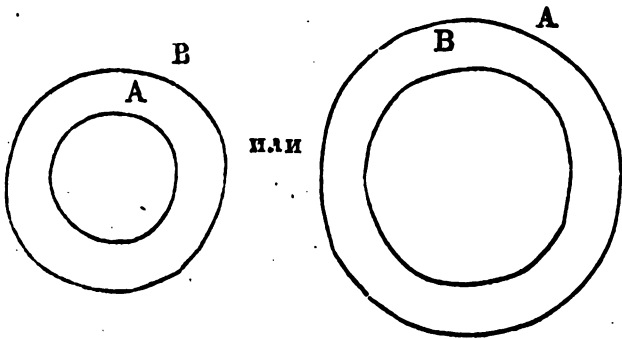
одного языка, въ разныхъ сослѣвахъ рѣчей, выражается иногда такимъ, а иногда инымъ словомъ другаго языка. Объяснимъ сіе примѣрами:

Положимъ, что кругъ, опредѣляющій знаменованіе Францускаго глагола, на примѣръ *toucher*, есть А, и что сему глаголу въ Россійскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ, или поже самое понятіе представляешь, глаголь *прогашь*, котораго кругъ знаменованія да будешь В.

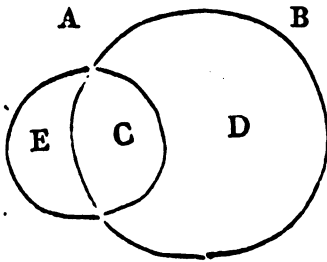

Здѣсь во первыхъ надлежитъ примѣшшь, что сіи два круга никогда не бываютъ равны между собою такъ, чтобъ одинъ изъ нихъ, будучи перенесенъ на другой, совершенно покрылъ его; но всегда бываютъ одинъ другаго или больше или меньше; и да-

же никогда не могутъ бытьъ единоцентренны, какъ ниже изображено :

Но всегда пресѣкаются между собою и находящяся въ слѣдующемъ положеніи:

С есть часть общая обоимъ кругамъ, по есть ша, гдѣ Французской глаголь *toucher* соотвѣтствуетъ Россійскому глаголу *трогать*, или можетъ бытьъ выражень онымъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей рѣчи: *toucher avec les mains*, трогать руками.

Е есть часть круга Французскаго глагола *toucher*, находящаяся внѣ круга В, означающаго Россійскій глаголь *трогать*, какъ на примѣръ въ слѣдующей рѣчи: *toucher le clavicin*. Здѣсь глаголь *toucher* не можетъ выразень бышь глаголомъ *трогать*; ибо мы не говоримъ *трогать клавикорды*, но *играть на клавикордахъ*; и такъ глаголу *toucher* соопвѣшсшвуешь здѣсь глаголь *играть*.

Д есть часть круга Россійскаго глагола *трогать*, находящаяся внѣ круга А, означающаго Французскій глаголь *toucher*, какъ на примѣръ въ слѣдующей рѣчи: *пронуться съ мѣста*. Здѣсь Россійскій глаголь *пронуться* не можетъ выразень бышь Французскимъ глаголомъ *toucher*, поелику Французамъ не свойственно говорить: *Se toucher d'une place*; они объясняютъ сіе глаголомъ *partir*. Ипакъ въ семь случаѣ Россійскому глаголу *трогать* соопвѣшсшвуешь Французской глаголь *partir*.

Разсуждая такимъ образомъ, ясно видѣшь можемъ, что соспавъ одного языка несходсшвуешь съ соспавомъ другаго, и что во всякомъ языкѣ слова получають силу и знаменованіе свое во первыхъ опъ корня, опъ котораго онѣ происходятъ, во вторыхъ опъ употребленія. Мы говоримъ: *вкусить смерть*; Французы не скажутъ *gouter*, а говорятъ: *subir la mort*. Глаголь ихъ *assister*, по нашему значить иногда *помогать*, а иногда

присутствовать, какъ на примѣръ: *assister un pauvre*, помогать бѣдному, и *assister à la cérémonie*, присутствовать при отправленіи какого нибудь обряда. Каждый народъ имѣетъ свой составъ рѣчей и свое сдѣленіе понятій, а попому и долженъ ихъ выражать своими словами, а не чужими, или взятыми съ чужихъ. Но хотѣвъ Руской языкъ располагать по Французскому, или пѣми же самими словами и выраженіями объясняться на Рускомъ, какими Французы объясняются на своемъ языкѣ, не по ли самое значить, какъ хотѣвъ, чпобъ всякой кругъ знаменованія Россійскаго слова равенъ былъ кругу знаменованія соотвѣтствующаго ему Французскаго слова? Возможно ли сіе сдѣлать и сходно ли съ разсудкомъ желать часть E, ихъ круга A, включить въ нашъ языкъ, а часть D, нашего круга B, исключить изъ онаго, то есть вмѣсто *играть на клавикордахъ*, говорить: *трогать клавикорды*? Не чудно ли, не смѣшно ли сіе? Но мы не по ли самое дѣлаемъ, когда вмѣсто жалкое зрѣлище говоримъ, *трогательная!* сдѣна; вмѣсто переиѣна правленія, *переворотъ*; вмѣсто сближить къ срединѣ, *сосредоточить* и шакъ далѣе? Остается только испребишь часть D: то есть всѣ тѣ рѣчи, которыя не могутъ изъ слова въ слово переведены бышь на Французской языкъ, объявишь не Рускими

и выключишь ихъ изъ нашего языка, яко недостоинья пребывашъ въ ономъ *). Какъ ни кажешся таковая мысль нелѣпою и не воз-

*) Изъ весьма многихъ приведемъ здѣсь въ доказательство хотя одинъ примѣръ. Мнѣ случилось нѣгдѣ прочитавъ: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*. Въ сей рѣчи слово *духъ* не есть Руское. Сему не должно удивляться: мы часто въ нынѣшнихъ книгахъ находимъ слова, кои-рыя по выговору кажутся бытъ Рускими, а по разуму иногда чужестранныя, иногда же ни Рускія ни чужестранныя, и пошому въ семъ послѣднемъ случаѣ надлежитъ ихъ причислять къ роду *заимокъ*. Мы ясно сіе увидимъ, когда вышесказанную рѣчь разсмотримъ: что разумѣешь подъ словомъ *духъ*? Во первыхъ *безплотное существо*, какъ напримѣръ: *Богъ есть духъ*; мы даже не говоримъ, *Христосъ есть духъ*, по причинѣ воплощенія онаго; во вторыхъ *душевное свойство*, какъ напримѣръ: *мужъ твердый* или *твердаго духа*; въ шрешьихъ *запахъ*, какъ напримѣръ: *какой у этого цвѣтка прекрасный духъ!* Сіи суть главныя значенія онаго, прочія мы оставляемъ, яко ненужныя для доказательства нашего. Въ вышесказанной рѣчи: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*, слово *духъ* не имѣетъ ни единого изъ помянуемыхъ значеній; ибо естли мы возьмемъ оное въ первомъ его знаменованіи, то сколько же не можемъ сказать: *Тусентъ былъ духъ*, сколько: *баранъ былъ духъ*, поелику ни шощь ни другой не есть *безплотное существо*. Естли же возьмемъ оное во второмъ его знаменованіи, то естль будемъ разумѣть подъ онымъ нѣкошорое доброе или худое свойство души нашей, какъ напримѣръ подъ робкимъ духомъ *трусость*, подъ неуспрашимымъ духомъ *храбрость*, и шакъ далѣе; шо и въ семъ смыслѣ не лзя ни о комъ сказать *онъ былъ великій духъ*, шакъ какъ не лзя сказать: *онъ былъ великая трусость* или *великая храбрость*. Наконецъ, естли мы возьмемъ оное въ шрешьемъ знаменованіи, и будемъ подъ словомъ *духъ* разумѣть *запахъ*; шо и въ семъ разумѣ не лзя сказать: *Тусентъ былъ великій духъ*, но должно говорить: *отъ Тусента былъ великій духъ*. Слѣдовашельно въ вышеупомянутой рѣчи слово *духъ* естль шокмо по произношенію Руское, но по разуму или знаменованію его оное не естль Руское: какое же? Французское *esprit*. И шакъ, когда мы

можною, и что сей путь не во храмъ краснорѣчія ведетъ насъ, но въ вершеть *невразумительной смѣси*; однако изъ предъидущихъ примѣровъ уже нѣсколько явствовало, а изъ послѣдующихъ еще яснѣе будетъ, что мы всякое шцаніе и попеченіе о томъ прилагаемъ.

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабскаго подражанія ихъ Французамъ, состоитъ въ томъ, что они, читая Французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такіа слова, которыми, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или поочно сопоставляющихся *). Чшожь до того? Не

Рускія слова не стараемъ употреблять въ прямыхъ Рускихъ знаменованіяхъ и выраженіяхъ, каковы напримѣръ суть: *духъ цѣломудрія, духъ буренъ, притиить духъ, возвыситься дуломъ*, и тому подобныхъ, для шого, что Французы не говорятъ: *esprit de la chasteté, esprit de tempte, est*, а напрошивъ шого употребляемъ ихъ во Французскомъ знаменованіи, говоря о челоѣкѣ: *онъ есть великій духъ*, для шого, что Французы говорятъ: *c'est un grand esprit*, шо не явствуетъ ли изъ шого, что мы прошивуешественнымъ и всякое здравое понятіе разрушающимъ образомъ уравнивая круги знаменованія словъ, несвойственную и чуждую намъ часшь Е круга А вводимъ въ нашъ языкъ, а часшь D собшвеннаго своего круга В шщимся испребишь ли предать забвенію, шо есть: ошаряля истинное краснорѣчіе стараемъ вводить непонянное.

*) Иныхъ можешь бышь нѣшь, а другія и есть, но мы, не читая книгъ своихъ, не можемъ ихъ знать. Виновать ли бы былъ языкъ, ешли бы кшо слово *preface* перевелъ *предлгтіе*, не зналъ, что оно давно уже употребительно и называется *предисловіемъ*? Мы выше сего видѣли подобный

ужь ли безъ знанія Французскаго языка не позволено бытъ краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, копорыхъ Французы точно выразишь не могутъ? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробіе, тадолубіе* и множесство сему подобныхъ, коимъ на Французскомъ языкѣ конечно нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ шо писатели ихъ знамениты? Гоняющся ли они за нашими словами, и говоряшь ли: *mon petit pigeon*, для шого, чшо мы говоримъ: голубчикъ мой? Спараются ли они глаголь *приголубить* выражаешь на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени *pigeon*, ради шого, чшо онъ у насъ происходитъ отъ имени голубъ? Силу нашихъ рѣчей, шаковыхъ напри мѣръ, какъ: *мнѣ было говорить, писать было тебѣ къ твоему отцу, быть писать, быть посему* и проч., выражаяшь ли они на своемъ языкѣ, когда переведуть ихъ изъ слова въ слово: *à moi été parler, écrire à toi été, être écrire, être comme cela* etc.? Спранно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, еспьлибъ они шакъ думали; но мы не шо ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *под-*

сему переводъ слова *influanse*; а въ приложенныхъ ниже сего примѣчаніяхъ еще болѣе шаковыхъ примѣровъ увидимъ.

пирать мнѣніе свое, двигать духами, терта злословія и проч.? Не есть ли это рабствен- ный переводъ съ Французскихъ рѣчей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire*? Я думаю скоро, *boire à long traits*, спануть переводить: пить долгими тертами; *il a croisé sa colere*, онъ женился на моемъ гнѣвѣ. На- конецъ меньше ли спранны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: имена мѣлкія цѣны. — Принудился проваждать скитающуюся жизнь. — Голова его образована для тайной связи съ невинностію. — Храбрость обоихъ оказы- вается самъ на самъ. — Законъ ударяетъ со- всѣмъ на иные предметы и проч.?

Между шѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ не свойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя Россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для не привыкшихъ къ нимъ ушей спранны и дики; шрешьи пе- ремѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и упо- требляются не въ шѣхъ смыслахъ, въ ка- кихъ сначала употреблялись *). Ишакъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся не- лѣпыя новости, а съ другой испребляются

*) Въ продолженіи сего сочиненія увидимъ мы ясныя тому примѣры и доказательства.

и забывающся издревле приняшья и многими вѣками ушверженныя понятія: такимъ образомъ процвѣтаешъ словесность наша и образуешся пріяшность слога, называемая Французами *elegance!*

Многіе нынѣ, почиая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презирающъ Славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно рассуждаютъ, когда изъ всей мочи кричатъ: не ужъ ли писать *аще, тогю, вскую, уне, лоне, раслудить* и проч.? Такихъ словъ, копорыя обвешшали уже и мѣста ихъ заспунили другія, поoliko же знаменательныя, конечно нѣтъ никакой нужды упопреляшъ; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и опъ шѣхъ словъ и рѣчей опвыкаемъ, копорыя сосавляющъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обвешшашъ прекрасныя и многозначція слова, шаковыя напрімѣръ, какъ: *дебелый, доблестъ, присно*, и опъ нихъ происходяція: *одебелѣть, доблій, приснопамятный, присно текущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему бышъ дики прямыя и коренныя наши названія, шаковыя, какъ: *любомудріе, умодѣліе, зодѣство, баграница, вожделѣніе, велелѣліе* и проч.? Чемъ меньше мы ихъ упопреляшъ спанемъ, шѣмъ бѣднѣе будетъ спановишся языкъ нашъ, и шѣмъ болѣе возрасташъ невѣжество наше; ибо вмѣсто при-

родныхъ словъ своихъ и собшвеннаго слога мы будемъ объясняться чужими словами и чужимъ слогомъ. Опъ чего напримѣръ, *благодстворенный воздухъ*, ешь выраженіе всякому вразумительное, между пѣмъ, какъ рѣчь: *царство мудростік растворенное*, многимъ кажется непонятною? Опъ того, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*. Приложенный при концѣ сего сочиненія Словарь хопя не иное что ешь, какъ малый шокмо опышь, однако изъ него довольно явствовашь будешь, какъ много ешь такихъ словъ, копорыхъ знаменованія, опъ того, что мы пренебрегаемъ языкъ свой, не шокмо не распространены, не обработаны, не вычищены; но напрошивъ того смѣнены, оставлены, забышы. Премножество богатыхъ и сильныхъ выражений, копорыя прилѣжнымъ упражненіемъ и шрудлюбіемъ могли бы возрасти и умножись, оставошся въ зараженныхъ Французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмена ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительное конечно и не хорошо безобразишь слогъ свой смѣшеніемъ высокיא Славенскихъ рѣченій съ проспонародными и низкими выраженіями, но поставишь знаменательное слово приличнымъ образомъ и къ спашѣ весьма похвально, хопя бы оно и не было обыкновенное. У Ломоносова опъ

чаянная Дидона зложелашельствуя Енею ,
говоришь :

Зажглавь всё корабли и съ сыномъ бы отца
Испнила и сама поверглась бы на нихъ.

Виноватъ ли Ломоносовъ , что упопре-
билъ глаголь *истинить*, котораго знаменова-
нiе можешь бышь не всякому извѣстно ?
Опшюдь нѣтъ. Довольно для него, что сло-
во сiе есть истинное Руское и вездѣ въ
Священныхъ книгахъ употребляемое. Онъ
писалъ для людей любящихъ языкъ свой , а
не для шѣхъ , которые ничего Рускаго не
чипающъ , и ни языка своего, ни обычаевъ
своихъ , ни опечесива своего не жалующъ.
Мы думаемъ , что мы весьма просвѣщаемся,
когда оставая пущь предковъ нашихъ , хо-
димъ , какъ невольники за чужеспранными ,
и въ посмѣянiе себѣ всякой глупости имъ
послѣдуемъ и подражаемъ ! Мы не говоримъ
нынѣ : *лице свѣтлое щедротою , уста утѣше-*
нiемъ сладкiя , для того , что Французы не
говорятъ : *visage lumineuse par gēnerosité , levres*
douces par consolation ; но напрошивъ того го-
воримъ : *предметъ нѣжности моей , онъ вы-*
шелъ изъ его горницы спанья (вмѣсто изъ
своей спальни) , для того , что они говорятъ :
objet de ma tendresse , il est sorti de sa chambre à coucher.
Мы начинаемъ забывать и уже нигдѣ въ но-
выхъ книгахъ своихъ не находимъ спарин-

Часть II.

4

50
after 59

Чувствованіе несправедливости оживотворяло мѣщанѣ нашихъ духомъ порядка и соразмѣрнѣйшей дѣятельности.

Онѣ долженѣ былѣ олять сойти съ зрѣлища, на которомъ изстулленное его люботестіе такъ долго выставлялось, и возвратиться въ прежнее приватное свое состояніе презрѣнія, обманутыхъ желаній и всѣми пренебрежной посредственности, и проч., и проч., и проч.

Мы думаемъ, быть великими изобрѣшателями и краснорѣчія училеями, когда коверкая собшвенныя слова свои пишемъ: *уиспинствозать, отвѣпность, предѣльпность, повсенародпость, возбупсвая, смерпнопаразопносящаяся, ощуптительпѣйшее вразумленіе, пракптическое умоклуптеніе* и проч.

Мы не лопимъ подражать Ломоносову и ему подобнымъ. Онѣ, напримѣрь: описывая красопу роци, между прочимъ въ концѣ своего описанія говоритъ: *но то пріаппное и слухѣ услуждающее пѣніе птицѣ, которое съ легкимъ шумомъ колеблющихся листовѣ и журтлнємѣ ясныхъ истопниковѣ раздается? Не духѣ ли и сердце восхипцаетѣ и всѣ суетнымѣ ратеніемѣ смерпныхъ изобрѣптенныя роскоши въ забвеніе приводитѣ.* Это слишкомъ просто для насѣ. Слогъ нашѣ нынѣ гораздо кудрявѣе, какъ напримѣрь: *въ сердетномѣ убѣжденіи привѣтствую тебя, ближайшая съпнистая роца! прохладной твоей мрапности*

внимали мои ощущенія разнѣженныя симфоніею пернапыхъ привитающихъ.

Нанипавшимся тонкимъ вкусомъ Французской литературы, можеть ли нравиться намъ подобное сему описанію весны:

Смотрѣть на роскошъ преизобилующія природы, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ, и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ, когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды, съ тихимъ журтаніемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю, тѣ любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность, слушаютъ тонкій шумъ трелещущихся листовъ и внимаютъ сладкое лѣніе птицъ: есть чудное и чувство и духъ восхищающее увеселеніе.

И л и :

Какъ лютый мразъ весну прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну пакъ воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь и проч.

И л и :

Контаетъ солнце кругъ, весна въ луга идетъ,
Увеселетъ тварь, и обновляетъ свѣтъ.

*Сокрылся снѣгъ, трава избъ пльна выступаетъ.
Исполники журтанъ. и жаворонокъ вспѣваетъ.*

Нѣтъ! мы не жалуемъ нынѣ сей простоты, которую всякъ разумѣшь можешь. Нѣтъ! мы любимъ такъ высоко лешать, чѣтобъ око ума чипашелева видѣшь насъ не могло. Напримѣръ :

Проникнутый ефирнымъ ощущеніемъ всевозраждающей весны, схвативъ мирный посахъ свой мизаго мнѣ Томсона, спремлюсь въ объятія природы. Магическѣй Мэй! Зиждатель блаженства сердецъ чувствительныхъ, оствняемый улыбающимся зракомъ твоимъ общаюсь величественному утѣшенію развивающейся натуры; юныя красоты плѣнительнаго времени въ амброзическихъ благовоніяхъ развертываются во взорѣ моемъ. Какое удовольствіе быть въ деревнѣ при симпатическихъ предметахъ! Жажду созерцать неподражаемая оттѣнки рисующихся полей и проч.

Вотъ цынѣшній нашъ слогъ! мы почитаемъ себя великими изобразителями природы, когда изъясняемъ такимъ образомъ, чѣто сами себя неопищаемъ, какъ напримѣръ: въ туманномъ небосклонѣ, рисуется летальная свита галокъ, кои, кракая при водахъ мутныхъ, сообщаютъ трауръ периодическій. Или: въ треду свою возвышенный промыслъ предлослалъ на сцену дольняго существа новое дву-

надесятимѣсятіе: или: я нѣжусь въ ароматическихъ испареніяхъ всевождедѣльныхъ близнецовъ. Дышу свободно благими Эдема, лобызаю утѣхи дольняго рая, благоговѣя тудесамъ Содѣтеля, шагаю удовольственнно. Каждое возрѣніе превесьма авантажно. Я бы не кончилъ сихъ или, естльи бы захопѣлъ всѣ подобныя сему мѣста выписать изъ нынѣшнихъ книгъ, кошорыя не въ шупкахъ и не въ насмѣшку, но увѣришельно и опъ чистаго сердца, выдаюшь за образецъ краснорѣчія.

Наконецъ мы думаемъ бышь Оссіянами и Спернами, когда, разсуждая о играющемъ младенцѣ, вмѣсто: какъ пріятно смотрѣшь на швою молодосъ! говоримъ: коль наставительно взирать на тебя въ раскрывающейся веснѣ твоей! Вмѣсто: луна свѣшипъ: блѣдная геката отражаетъ тускльыя атсвѣтки. Вмѣсто: окна заиндевелл: свирѣлая старица разрисовала стекла. Вмѣсто: Машинька и Пепруша, премилыя дѣпи, пупъ же съ нами сидящъ и играющъ: Лолота и Флнфанъ, благороднѣйшая тета, гармонируютъ намъ. Вмѣсто: пѣвняющій душу Сочинипель сей пѣмъ больше нрависся, чемъ больше его чипаешь: Элегитескій авторъ сей побуждая къ чувствительности назидаетъ воображеніе къ вящшему участвованію. Вмѣсто: любуемся его выраженіями: интересуемся назидательностію его смысла. Вмѣсто: жаркій солнеч-

ный лучъ, посреди лѣша, понуждаетъ искашь прохладной тѣни: *въ средоточіе лѣта жгущій левъ уклоняетъ обрѣсти свѣжестъ.* Въместо: око далеко опличаетъ проспирающуюся по зеленому лугу пыльную дорогу: *многоѣздный пракиѣ въ пыли являетъ контрастъ зрѣнію.* Въместо: деревенскимъ дѣвкамъ на встрѣчу идущъ цыганки: *пестрѣя толлы сельскихъ орадаѣ срѣтаются съ смуглыми ватагами пресмыкающихся Фираонитѣ.* Въместо: жалкая старушка, у которой на лицѣ написаны были уныніе и горестъ: *прогательной предметъ состраданія, котораго унылозадумчивая Физіогномія означала гипохондрію.* Въместо: какой благораспоренный воздухъ! *Что я обоняю въ развитіи красотъ вождѣлѣннѣйшаго періода!* и проч.

Предки наши мало писали стихами, и не знали въ оныхъ ни опредѣленной мѣры, ни сочетанія, ни спопосложенія; но хопя стихи ихъ токмо римфою опличаются опъ прозы, однакожь оныя, по причинѣ ясности въ нихъ разума и порядочной связи мыслей, всегда для чпенія пріятны. Напримѣръ въ прищѣ о блудномъ сынѣ, приближающійся къ концу своей жизни отецъ, вручая дѣшамъ своимъ не малое богатство, и представляя имъ въ самомъ себѣ образецъ, что Богъ не оставяетъ никогда пѣхъ, кои, призывая Его на помощь, въ честныхъ шрудахъ вѣкъ

свой, препровождаяшь, дѣлаешь имъ слѣдующее наставленіе :

Токмо естъ пребѣ Бога вамъ хвалиши,
 Въ любви и правдѣ Ему послужиши.
 Благодарствіе въ сердцахъ вашихъ буди,
 Милоснъ храниши на нищія люди.
 Миръ, смиреніе, крепоснъ сохраняйте,
 Вснкія злобы оны васъ опрѣвайше;
 Мудроснъ спяжише, правда буди съ вами,
 Лжа не изыди вашими устами.
 Съ чесными людьми дружесливо держише,
 Прелюбы шворцевъ далече бѣжише.
 Бѣжите всѣхъ злыхъ, яко люба змѣя,
 Вся заповѣди сохраните сія.

Сіи стихи конечно не имѣють той чистоты и согласія, каковыя даетъ имъ опредѣленная мѣра и стройное слогападеніе; но ясность и простота ихъ гораздо пріятнѣе для меня, нежели многословное высокомысліе слѣдующихъ, или имъ подобныхъ, стиховъ:

Гармонія! не гласъ ли твой
 Къ добру счастливыхъ возбуждаешь,
 Несчастливыхъ душу облегчаешь
 Справдой, теплюю слезой?
 Когдабъ подобилъ смертный могъ
 Невидимый и несравненный,
 Спокойный, сладостный восторгъ,
 Чѣмъ души въ горнихъ упоены:
 Онъ строй согласный звучныхъ пѣлъ,
 И нѣжныхъ гласовъ восклицанье,

На душу, на сердца вліянье,
Небеснымъ чувствомъ бы почель.

И л и :

Ударилъ въ воздухъ голосъ пвой
Размѣромъ хитрымъ, неизвѣстнымъ,
И тѣмъ же трепетомъ небеснымъ
Сердца отозвались на строй.

Тамъ вся связь мыслей и всякой стихъ
мнѣ понятенъ; а здѣсь: когдабъ смертный
могъ подобить невидимый, спокойный во-
споргъ горнихъ, онъ бы согласный строй звук-
ныхъ тѣлъ, и восклицанье нѣжныхъ голосовъ,
на душу, на сердца вліянье, почель небеснымъ
чувствомъ. Пусть пошь, кто умнѣ меня,
находитъ въ этомъ мысль, а я ничего здѣсь
кромѣ несвязности и пустословія не вижу.
Подобные сему стихи: *Сердца отозвались
на строй*, пусть для другихъ кажутся про-
гательны и занимательны, но для меня ни-
когда не будутъ они прелестны, равно какъ
и слѣдующіе:

Въ безмолвной кущѣ соснѣ густыхъ,
Согбенныхъ времени рукою,
Надъ глухо-воюющей рѣкою,
Опъ преску грома въ облакахъ,
Опъ бури свищущей въ волнахъ,
И въ черномъ воздухѣ шипищей.

Куща ничего другаго не значишь, какъ
шалашъ или хижина; чшожь шакое: *кущи*

соснѣ? И когда сосны рукою времени сгибаются? Прилично ли говорить о рѣкѣ: *глухо-воющая рѣка*? О бурѣ: *свищущая, шлящая буря*?

Мы удаляясь отъ естественной простоты, отъ подобій обыкновенныхъ и всякому разумишельныхъ, и гоняясь всегда за новостію мыслей, за остроуміемъ, пакъ излишно изощряемъ, или какъ нынѣ говоримъ, *упонтиваемъ* понятія свои, что оныя чемъ меньше мысленнымъ очамъ нашимъ отъ чрезвычайной тонкости своей видимы становясь, тѣмъ больше мы имъ удивляемся, и называемъ это *силою Генія*. Сіе-то расположеніе ума нашего, и упоеніе онаго чужестранными часшо нелѣпыми писаніями, рождаемъ въ немъ охоту подражанія и любовь къ чуднымъ симъ и сему подобнымъ выраженіямъ: *нѣжное сердце, которое тонко слитъ подъ дылкою прозрачной, или: сердетной тернѣ быть можетъ дара тать, или: не осторожно свестъ двѣ сцѣны житія*, и проч. Не осторожно я посшуплю, естли все шо выписывать спану, что въ нынѣшнихъ книгахъ почти на каждой спраницѣ попадаешся.

Каншемиръ въ спихахъ своихъ къ Государынѣ Елисаветѣ Пешровнѣ говоримъ:

Отрасль ПЕТРА Перваго, его же сердцами
 Великимъ и опцемъ звалъ больше, нежь уснами

ныхъ нашихъ выраженій и мыслей, каковы напримѣръ супъ нижеслѣдующія:

Препоясалъ мя еси силою на брань.

Уже тебѣ пора во крѣпость облещись.

Горняя мудрствуйте, не земная.

Утвердилъ еси руку свою на мнѣ.

Въ скорби распространилъ мя еси.

Вѣщаетъ ветхій деньми къ ней.

Подвизаться моленіемъ непрестаннымъ.

Воевать за Вѣру Православную.

Защитить рукою крѣпкою и мышцею высокою.

Расти какъ пѣломъ, такъ и духомъ въ премудрости и любви Божіей.

Богатѣ въ тѣлесныя и душевныя добродѣтели пате, нежели въ серебро и золото.

Принесемъ хвалу солнцу мысленному Богу не ветерному.

Просвѣти сердце мое на разумѣніе заповѣдей Твоихъ, и отверзи устнѣ мои на исповѣданіе тудесъ Твоихъ.

Истинна моя и милость моя съ нимъ, и о имени моемъ вознесется рогъ его.

Иди къ пещерамъ Кіевскимъ, о Православне, иди восхожденіемъ сердечнымъ грядый отъ силы въ силу, иди и возревнуй видѣвъ пути пѣхъ, иже во ископанной земли не брашно гиблющее съ нравіями, но пребывающее въ животъ вѣтный, еже есть твореніе воли Божія, собираху во время лѣтнее житія сего, на

*зиму страшнаго суда, егда отъ лица мраза
Его кто постоитъ?*

*Мы, говорю, нынѣ забываемъ сей слогъ,
и сладкою изобильно пекущею изъ богатаго
испощника сего водою опиюдъ не стараемся
напоить умы наши. Что же мы дѣлаемъ?
На мѣсто сихъ колико сильныхъ, сколько
же крапкихъ и прекрасныхъ выраженій, вво-
димъ въ языкъ нашъ слѣдующія и имъ по-
добныя:*

*Жестоко теловѣку несчастному дѣлать еще
упреки, бросающіе тѣнь на его характеръ.*

*Погрузиться въ состояніе моральнаго узя-
данія.*

*Онъ прстыхъ нравовъ, но стастіе напол-
нило его идеями богатства.*

*Съ важною ревностію стараться страда-
тельное участіе перемѣнить на роль всеобща-
го посреднительства.*

*Положеніе Государства внутри, равно какъ
и во внѣшнихъ отношеніяхъ, было въ умно-
жающемся безпрестанно переломѣ.*

*Умножить предуготовительныя военныя
сцены.*

*Оттаяніе нужды превратилось въ бурливыя
сцены и движенія.*

*Отвѣты учениковъ на вопросы, дѣланные
имъ при открытомъ испытаніи изъ предме-
товъ имъ преподаваемыхъ.*

*

Народъ твой! отпрашь рукой возвращенна самого
Всевышняго, полкруга въ надежду земнаго!

Стихи сіи конечно похожи на прозу; но между тѣмъ какая въ нихъ чисная, вѣличавая мысль, и какой хорошій слогъ! Напроливъ того въ слѣдующихъ стихахъ хощя еспль мѣра и споны, но какой въ нихъ спиранной слогъ, и какая темная мысль:

Лишь въ общеспивѣ душа твоя себѣ сказалась,
И сердце начало съ сердцами говорить,
Одна во слѣдъ другой идея развивалась,
И скоро обняла вселенную ихъ нить!

Что такое: душа себѣ сказалась? Что такое: одна идея развивается во слѣдъ другой и нить ихъ обнимаетъ вселенную? Какія непонятныя загадки!

Естьли предки наши не умѣли писать стиховъ, то въ прозѣ своей были они стихотворцы: возьмемъ каноны ихъ, псалмы, акафисы, ирмосы, мы часто увидимъ въ нихъ стихотворческаго огня блистаніе, какъ на примѣръ:

Слазе люди, тудодѣйствуяй Владыка, мокрую моря волну оземлевѣ древле: волею же рождѣся опѣ Дѣвы, стезю проходну небесе полагагетѣ намъ: Егоже по существу равна же Отцу и теловѣкомъ славимъ. Ирмосъ сей преложетѣ въ слѣдующіе стихи:

Владыка спаслъ людей чудесно,
 Пушь въ мори имъ онкрывъ земной :
 Опъ дѣвы же родась плѣсно,
 Сказаль намъ къ нему пушь иной.
 Его мы должны вси прославишь
 Опцемъ рожденна прежде вѣкъ,
 И намъ и Богу равна спавишь,
 Онъ есть и Богъ и человѣкъ.

Спихи сіи не худы, но между пѣмъ, гдѣ больше спихотворства, въ семь ли спихѣ : *пушь въ мори имъ открывъ земной*, или въ сей прозѣ : *мокрую моря волну оземлиевъ древле* ? Какія слова могутъ изобразить краше и сильнѣе власть Божескую, какъ не сіи : *Господь рече : да будетъ свѣтъ, и бысть* ? Какое изреченіе спихотворца, умствующаго о ничтожности мірскихъ величій, поразитъ воображеніе наше вяще и живѣе, нежели сіи слова, сказанныя о возносящемъ подъ облака главу свою и низверженномъ бурей кедрѣ : *мимо идохъ и се не бѣ* ? Можно ли мысль сію, что душевное удовольствіе много способствуешь плѣсному здравію нашему, короче и краше сего выразишь : *сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ* ? *)

*) Ломоносовъ въ Грамматикѣ своей говоритъ : „сожалѣтельно, „что изъ обычая и употребленія вышло Славенское въ сочиненіи глаголовъ свойство, когда вмѣсто дѣ-причастій „дательный падежъ причастій полагался, который служилъ „въ разныхъ лицахъ : *Ходящу имъ въ пустыи показался* „звѣрь ужасный. И хотя еще есть нѣкоторыя того осмач-

Прочтемъ псалмы Давидовы: сколько красота найдемъ мы въ нихъ, не взирая на темноту перевода ихъ! Сила нижеслѣдующихъ могущество, великолѣпіе и славу Божию

„ки Россійскому слуху сносные, какъ, *Выше либъ на морѣ*
возсталъ сильная буря; однако прочія изъ употребленія
 „вышли. Въ высокихъ стихахъ можно по моему мнѣнію съ
 „разсужденіемъ нѣкоторыя принять. Можетъ быть со вре-
 „менемъ общій слухъ къ тому привыкнетъ, и сія поше-
 „рщанная красота и красота въ Россійское слово возвра-
 „тятся.“ Я на сіе отвѣщаю, благозвучный нашъ пѣсо-
 „пѣвецъ! Ты шакъ мнилъ, пошому чшо ты искусенъ былъ
 „въ языкѣ своемъ; но шакъ ли разсуждають нынѣшніе пи-
 „сатели наши, съспѣли не всѣ, шо по крайней мѣрѣ весьма
 „многіе изъ нихъ? Ты сожалѣешь о потерянннхъ красотахъ
 „Славенскаго слога, и думаешь, чшо со временемъ возвратимъ
 „мы ихъ въ языкъ свой и пріучимъ къ нимъ слухъ нашъ. —
 „Нѣтъ! совсѣмъ напротнвъ: мы отчасу больше отвыкаемъ
 „отъ нихъ, пріучаемъ слухъ свой къ неслышаннымъ въ твои
 „времена слѣпостямъ, составляемъ новый языкъ, ни Сла-
 „венской, ни Руской, и называемъ это совершенствомъ сло-
 „весности и краснорѣчія! Ты разсуждая о языкѣ своемъ
 „сказалъ нѣкогда: „Карлъ плшый Римскій Императоръ, го-
 „варивалъ, чшо Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Францу-
 „скимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италі-
 „янскимъ съ женскимъ поломъ говоритъ прилично. Но
 „съспѣли бы отъ Россійскому языку былъ искусенъ, шо ко-
 „нечно къ тому присовокунилъ бы, чшо имъ со всѣми оны-
 „ми говоритъ пристойно. Ибо нашель бы въ немъ велико-
 „лѣпіе Ишпанскаго, живость Францускаго, крѣпость Нѣ-
 „мецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того богатство
 „и сильную въ изображеніяхъ красоту Греческаго и Ла-
 „тинскаго языка. Обеспояшальное всего сего доказательство,
 „шребуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное
 „въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣ-
 „ряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная
 „Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не ше-
 „рряють своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончай-
 „шія Философскія воображенія и разсужденія, многообраз-
 „ныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ

выражающихъ рѣченій уступаютъ ли огню самыхъ лучшихъ стихотворцевъ: во исповѣданіе и въ велелѣплоту облеклся еси — Одѣйся свѣтомъ яко ризою — Ходяй на крилу вѣ-

„семъ видимомъ спроеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣющихъ у насъ присшойныя и вещь выражающія рѣчи.“ Ты разсуждалъ шакъ, и хошя сочиненіями своими доказалъ сію истинну, однако ты еще не Оракулъ; многіе изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей по глубже себя разсуждаютъ; они начитавшись Францускихъ книгъ, и не заглядывая ни въ одну свою, ясно увидѣли, что старый языкъ нашъ никуда негодился, и для того положили составить новый, превосходящій, совершенный, неслыханный доселѣ: они стараются достигнуть до сего тремя различными средствами: 1. Упопробляютъ Славянскія слова не въ тѣхъ знаменованіяхъ, въ какихъ онѣ прежде упопробланы, какъ на примѣръ: вмѣсто *надлежитъ* или *должно*, говорятъ *долелеть*, которое слово значить *довольно*; вмѣсто *куса*, думая писать возвышеннымъ слогомъ, пишутъ *куца*, которое слово значить *шалашъ*; вмѣсто слушать *съ раболѣпностію* или *со страхомъ*, говорятъ *съ подобострастіемъ*, которое слово значить *одинакую страстямъ подвластность*, и шакъ далѣе. 2. Не вникая въ языкъ свой многихъ словъ не знаютъ, или по не упражненію своему въ чтеніи книгъ своихъ почишаютъ ихъ обвѣшчальными, и дѣлаютъ на мѣсто оныхъ новыя слова сочиня и спрягая ихъ не по смыслу и разуму коренныхъ знаменованій оныхъ, но по приученію слуха своего къ чужимъ словамъ и объясненіямъ, какъ по: *налитанность*, *картинное положеніе*, *письменный теливѣкъ*, и шому подобныя. Въ разсужденіи же иноспрапныхъ словъ поступающіи они различно: нѣкоторыя имена принимаютъ безъ перевода, и дѣлаютъ изъ нихъ глаголы, какъ на примѣръ: *энтузіасмъ*, *энтузіастствовать*; *гармоніа*, *гармонировать*; *сцена*, *быть на сценѣ*, *выходить на сцену* и проч. Сими словамъ кажеша какъ будто приписываютъ они тѣкое волшебное могущество, которое силу всякаго Рускаго выраженія препобѣждаетъ. На примѣръ: въ слѣдующихъ изъ Платоновой на коронацію рѣчи словахъ: *но нате да лвиши собою прилѣръ блгочестіа, и тѣмъ да заградниши негестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ*

преню — Творяй Ангелы своя души, и слуги
 своя пламень огненный — Основляй землю на
 тверди ея, не преклонится въ вѣѣ вѣка —
 Бездна яко риза одѣяніе ея — На горахъ ста-
 нутъ воды — Отъ запрещенія зѣва твоего

сугубрїя и невѣрїя, выраженіе говорю, *укротить злымъ дитѣмъ сугубрїя*, кажется имъ недовольно *тонко и живописно*; они бы сказали: *укротить Энтузиасма Фамалияма*. Однакожъ не всѣ иностранныя слова прочитающъ они священными; иныя изъ нихъ покушающъ переводить, не прискивая въ своемъ языкѣ подобознаменательныхъ, но такъ скажутъ, приказывая *Сидору быть Картомъ* какъ напримѣръ: *Фамалисшъ да будеть слугайнимъ*, *Механизмъ да будеть ошастка* и проч. 3. Почти каждому слову дающъ они не по знаменованіе, какое оно прежде имѣло, и каждой рѣчи не пошъ сосыавъ, какой свойственъ грубому нашему языку. Отсюдо по ихъ мнѣнію рождаются сія шокоспъ мыслей, сія нѣжность и красота слога, какъ напримѣръ слѣдующая, или ему подобная: *Фросать убѣвлюцій влоръ на распросертую картину крестяеннаго міра*. — *Илюбражатъ заимственыя предметы изъ природы усовершенствованной екуса и воображенїя*. — *Сей отрывокъ носитъ на себѣ библейскую, покоряющую важность*. — *Сїя Исторїя весьма живописательна*. — *Слозъ гео блистательнъ, натураленъ, довольно тистъ; по-ѣствованїе живо; портреты цѣтны, сильны; ко худо обдуманы, и проч. и проч.* Можно ли, читая сіе, не почувствовати новоси языка? Какъ не поѣришь, что словесность наша выѣ шокмо начиняеть рождаеть и процѣшашъ? Хошя бы кто всѣ наши книги древнїя, не весьма древнїя и новѣйшія, (по естѣ лѣшь деслика за два или за три писанныя) отъ доски до доски прочиталъ, можно объ закладъ биться, что онъ не нашель бы въ нихъ ни *влора убѣвлюцаго*, ни *предмитовъ заимственыхъ*, ни *важности покоряющей*, ни *Исторїи живописательной*, ни *слоза блистательнаго*, ни *портретовъ цѣтныхъ и сильныхъ*. Академической Словарь нашъ хошд и не давно сочинень, однако послѣ шого уже шакое множеспво новыхъ словъ на-дѣлаво, что онъ становишя обвешшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка.

побѣнутъ, отъ гласа грома твоего убоятся.—
 Восходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто
 еже основалъ еси имъ. — Предѣлъ положилъ,
 его же не прейдутъ. — Коснется горамъ и
 воздымятся. — Дхнетъ духъ его и потекутъ
 воды. — Словомъ Господнимъ небеса утверди-
 шася и духомъ устъ его вся сила ихъ? и пр.
 и пр. Какой переводъ найдемъ мы лучше се-
 го Соломоновыхъ припчей перевода: Блаженъ
 теловѣкъ, иже обрѣте премудрость и смер-
 тенъ, (по ешь: и блаженъ смертный) иже
 увѣдѣ разумъ. Лучше бо сію куповати, нежели
 злата и сребра сокровища, тестѣйша же есть
 каменій многоцѣнныхъ: не сопротивляется ей
 ничто же лукаво. Благознатна есть всѣмъ
 приближающимся ей, всякое же тестное не-
 достойно ея есть. Долгота бо житія и лѣта
 жизни въ десницѣ ея, въ шуйцѣ же ея богат-
 ство и слава: отъ устъ ея исходитъ правда,
 законъ же и милость на языцѣ носитъ. Путье
 ея путье добри, и вся стези ея мирны: древо
 живота есть всѣмъ держащимся ея, и воскло-
 няющимся на ню, яко на Господа, твердѣ.
 Богъ премудростію основа землю, уготова же
 небеса разумомъ?—Проспый, средній, и даже
 высокій слогъ Россійскій конечно не дол-
 женъ бытъ почный Славенскій, однакожь
 сей ешь истинное основаніе его, безъ ко-
 порога онъ не можешъ бытъ ни силенъ, ни
 важень. Нѣтъ конечно никакой нужды, раз-

суждая о премудрости, говоришь: *лучше бо сію куловати*; но что преняшшвуешь намъ сказашъ о ней: *въ десницѣ ея долгота жизни, въ шуйцѣ ея богатство и слава; отъ устѣ ея исходитъ правда; законъ же и милость на языкѣ своемъ носитъ; всѣ пути ея добры и всѣ стези ея мирны?* Самая малая перемѣна въ словахъ, не ослабляя мысли, сохраняетъ всю красоту слога. Ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ думать, что Славенскій языкъ не нуженъ для красоты новѣйшаго Россійскаго слога, и что гораздо нужнѣе для сего Французскій языкъ, и какой еще? Не славныхъ по испиниѣ и опличныхъ писателей ихъ, но худыхъ сплешателей нынѣшнихъ глупыхъ и нехвальныхъ умствованій, клеветъ, небылицъ и романовъ. Не ихъ читаешь, не имъ послѣдовать, не изъ нихъ должно намъ почерпывать красоту слога; но изъ собственныхъ швореній своихъ, изъ книгъ Славенскихъ. Въ доказательство сего приведемъ здѣсь нѣкоторыя примѣры.

Какъ ни прекрасна Ода, выбранная изъ Гова шаковымъ великимъ Спихопворцемъ, каковъ былъ Ломоносовъ, и хощя она написана яснымъ, чистымъ и употребительнымъ Россійскимъ языкомъ, и припомъ сладкогласіемъ рифмъ и спиховъ украшена; однако не всѣ красоты подлинника (или Славенскаго перевода) исчерпалъ онъ, и едва ли

могъ достигнуть до высоты и силы онаго, писаннаго хопя и древнимъ Славенскимъ, не весьма уже яснымъ для насъ слогомъ; но и шупъ, даже сквозь мракъ и темноту, сияющъ въ немъ неподражаемая красота, и пресильныя по истиннѣ стихотворческія въ крапкѣ слова многмысленныя выраженія. Сравнимъ сіи мѣста. У Ломоносова Богъ вопрошаетъ человека:

Спѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрытьъ,
И воздухъ огушить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быспрошекущимъ блескомъ
И горь сердца прясущимъ прескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Прекрасное распространіе мыслей, достойное пера великаго Стихотворца; но въ подлинникѣ крапкія сіи слова не заключаютъ ли въ себѣ всей силы сего вопроса:

Вѣси же ли премѣненія небесная? Призовеши же ли облакъ гласомъ? — Послещи же ли молніи и пойдутъ?

Ломоносовъ продолжаетъ:

Твоей ли хитрости взлепашь
Орель, на высоту твоя,
По вѣспру крила твои опираешь
И смошришь въ рѣки и моря?

Отъ облакъ видишь онъ высокихъ
 Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
 Что я ему на пищу даль.
 Толь быспро око ты ль создалъ?

Въ подлинникѣ сказано :

*И твоею ли хитростию стоишь ястребъ,
 распростеръ крилъ недвижимъ зря на югъ?
 Твоимъ же ли повелѣніемъ возносится орелъ?
 Неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется
 на версѣ камене и въ сокровенѣ? Тамъ же сый
 ищетъ брашна, издалета оти его наблюдаютъ.*

Ломоносовъ изобразилъ здѣсь единого орла; въ подлинникѣ предсавлены въ одинакомъ видѣ три различныя пщицы: ястребъ, орелъ и неясыть, съ приличными каждой изъ нихъ свойствами: *ястребъ* распростерши крылья, стоишь неподвижно (какое свойственное сей пщицы дано положеніе, и какъ прилично употребленъ здѣсь глаголь *стоишь!*); *орелъ* возношится; *неясыть* вселяется на вершинѣ каменныхъ горъ, въ мѣстѣхъ поштенныхъ: опколѣ очи ихъ издаече наблюдаютъ, ищущъ брашна, снѣди. Не взирая на прекрасное въ Ломоносовѣ изображеніе орла, не имѣеть ли подлинникъ своей красоты? Сверхъ сего Ломоносовъ не всѣ отличныя мѣста подлинника преложилъ въ стихи; онъ не покусился изобразить коня, шоль прекрасно и величаво шамъ описаннаго :

Или ты обложилъ еси коня силою, и облеклъ же ли еси выю его въ страхъ? Обложилъ же ли еси его всеоружіемъ, славу же персей его дерзостію? Колытомъ колая на поля играетъ, и исходитъ на полъ съ крѣпостію: срътая стрѣлы посмѣвается, и не отвертится отъ желѣза. Надъ нимъ играетъ лукъ и метъ, и гнѣвомъ потребитъ землю, и не имать вѣрять, дондеже вострубитъ труба. Трубъ вострубившей глаголетъ: благо же: издалета же обновляетъ рать со скаканіемъ и ржаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можешь быть величавѣ одѣшаго въ воинскую сбрую коня, силу и крѣпость ощущающаго въ себѣ, исходящаго на рашное полъ, гордо разгребающаго копытами землю, посмѣвающагося усмышленнымъ на него спрѣламъ и желѣзнымъ копьямъ, кипящаго гнѣвомъ, когда всадникъ надъ главою его играетъ своимъ мечемъ, и ожидающаго съ нешерпѣливою радостію гласа шрубнаго, при звукѣ коего съ громкимъ ржаніемъ успремляется скакать на брань и биву?

Ломоносовъ описываетъ звѣря, названнаго *Бегемотомъ*, и котораго почишають бытъ слономъ, или вѣрояшнѣе единорогомъ или риноцеромъ:

Возри въ лѣса на Бегемота,
 Что мною сотворенъ съ шобой;
 Колючей тернь его охота
 Безвредно попирашь ногой.

Какъ верьви сплелены въ немъ жилы.
 Опвѣдай ты своей съ нимъ силы!
 Въ немъ ребра какъ липая мѣдь:
 Кію можетъ рогъ его сопрѣшь?

Въ подлинникѣ сказано:

Се убо крѣпость его на треслѣхъ, сила же его на лулѣ трева. Постави ошмбъ яко кипарисъ, жилы же яко уже сплетены суть. Ребра его ребра мѣдяна, хребетъ же его желѣзо сліяно. — Подѣ всякимъ древомъ сплѣтъ, при рогозѣ и прости и ситови: оствѣютъ же надѣ нимъ дресеса велика съ лѣторасльми, и вѣтъви напольныя *). Аще будетъ наводненіе, не оштитъ: уловаетъ, яко внидетъ Иорданъ во уста его: во око свое возметъ его, ожестовися продиравитъ ноздри. (по еспѣ увидя его, вмѣсто чпобъ почувшвоватъ спрахъ, озлится, разширитъ ноздри, пригошовишся къ бою).

Миѣ кажешся изображеніе крѣпости и силъ полъ огромнаго животнаго, каковъ еспѣ

*) Переводъ сего мѣсца, или сихъ двухъ стиховъ, весьма шемени. Впрочемъ изъ повѣренія онаго съ переводами иностранныхъ библій добръшя можно, чпо описываются здѣсь свойства сего звѣря, и чшо смыслъ сихъ словъ долженъ бытъ слѣдующій: *онъ любитъ спать подѣ деревьями на лѣкрыхъ болотистыхъ мѣстахъ, въ тростникѣ и другихъ подобныхъ силъ травахъ. Великія при водахъ растуція ивы покрываютъ его своєю тѣнію.* Въ Нѣмецкой библіи сказано: *er liegt gern im Schulten, im Rohr, und im Schlamm verborgen. Das Gebüsch bedeckt ihn mit seinem Schatten und die Bachweiden bedecken ihn.*

слонъ, или единорогъ въ стихахъ у Ломоносова не довольно соотвѣшшвуешъ изображенію дѣйствія или употребленія тѣхъ же самыхъ силъ его; ибо о такомъ звѣрѣ, у котораго жилы какъ сплетенныя верви, ребра какъ литая мѣдь, мало сказать, что онъ колютій тернѣ безсречно полираетъ ногами. Не опъема славы у сего великаго писателя мнишся мнѣ, что надлежало бы сказать нѣчто болѣе, нѣчто удивительнѣе сего. Въ подлинникѣ напроливъ того можешъ бышь уже чрезъ мѣру огромно сказано *аще будетъ наводненіе, не ошутитъ: уловаетъ, яко видетъ Иорданъ во уста его.*

Наконецъ Ломоносовъ описываетъ другое живошное, названное *Левіофаномъ*, и которое иные почитаютъ бышь кшомъ, другіе морскимъ конемъ, прешьи крокодиломъ. Сіе послѣднее мнѣніе, судя по описанію, кажется бышь вѣрояшнѣе прочихъ:

Ты можешъ ли Левіофана
 На удѣ вышинушь на брегъ?
 Въ самой срединѣ Океана
 Онъ быспырый простираетъ бѣгъ;
 Свѣпящимися чешуями
 Покрышь какъ мѣдными щитами,
 Копье и мечъ и молотъ пшвой
 Щипаетъ за простирикъ гнилой.
 Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
 И зубы спрашныи рядъ серповъ:

Кипо руку въ нихъ вложить посмѣеть ?
 Всегда къ сраженью онъ гопювъ :
 На оспрыхъ камняхъ возлегаешъ,
 И швердоспъ оныхъ презираешъ ;
 Для крѣпоспи великихъ силъ,
 Щипаешъ ихъ за мягкой иль.
 Когда ко брани устремился,
 То море какъ кошель кипитъ,
 Какъ щещъ горпанъ его дымится,
 Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ ;
 Сверкаюшъ очи раздраженны,
 Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный.
 Всѣхъ сильныхъ онъ спрашивъ гоня.
 Кшо можешъ спать пропивъ меня ?

Въ подлинникѣ сказано :

Извлетеши ли змя удицею, или обложиши узду о ноздрехъ его ? Или вдѣжеши кольцо въ ноздри его ? Шиломъ же провертиши ли устнѣ его ? Возглаголетъ же ли ти съ моленіемъ, или съ прошеніемъ кротко ? Сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою ? Поймеша же ли его раба вѣтна ? Поиграеша ли съ нимъ, яко же со птицею, или свяжеша его яко врабѣя дѣптицу ? (по естѣ для игрушекъ сыну пвоому : et le lieras tu pour amuser tes jeunes filles). Пипаюта же ли имъ языцы, и раздѣляютъ ли его Финикійстѣи народи ? Вся же плавающая собравшеса, не подвѣмутъ кожи единыа ошиба его, и корабли рыбарей главы его. Возложиши ли нанъ руку, воспомянувъ брань быва-

ющую на тѣлѣ его? И къ тому да не будетъ. — Кто открытѣе лице облетенія его? Въ согбеніе же персей его кто увидетъ? Двери лица его кто отверзетъ. Окрестъ зубовъ его страхъ. Утроба его щипы жѣдяны, союзъ же его яко же Смиритѣ камень, единъ ко другому прилипаютъ, духъ же не пройдетъ его; яко мужъ брату своему прилѣпится, содержатся и не отторгнутся *). Въ тханіи его возблистаютъ свѣтъ: очи же его видѣніе денницы. Изъ устъ его исходятъ аки свѣщи горящія, и размещутся аки искры огненны: изъ ноздрей его исходитъ дымъ пещи горящія огнемъ углія: душа же **) его яко угліе, и яко пламы изъ устъ его исходятъ. На выи же его водворяется сила, предъ нимъ тесетъ пагуба. Плоти же тѣлесе его сольнушася: лиетъ нинь, и неподвижится: (les muscles de sa chair sont liés; tout cela est massif en lui, rien n' y branle. (Франц. die gliedmass seines Fleisches hangen an einander, und hangen hart an ihm, das er nicht zerfallen kan: Нѣм.) Сердце

*) Во Французской и другихъ библіяхъ сказано просто: члены его соединены одинъ съ другимъ пребываютъ нераздѣльны. Elles sont joint l'une à l'autre, elles s'entretiennent, et ne se séparent point. Въ Россійскомъ переводѣ употреблено подобіе: яко мужъ брату своему прилѣпится. Сіе подобіе хотя и кажется бышь запмѣвающимъ смыслъ и поспамленнымъ здѣсь не у мѣста, однако ежели мы хорошенько вникнемъ въ разумъ сихъ словъ, то найдемъ ихъ здѣсь весьма пристойными; ибо разумѣеши подъ оными союзъ между двумя друзьями: чтожь можешь бышь крѣпче и неразрывнѣе союза истинной дружбы?

**) Душа здѣсь значить дыханіе, Athem.

его ожестѣ аки камень, стоить же аки наковальня неподвижна. Обращуся ему, страхъ звѣремъ тетвероногимъ по земли скатуцимъ. Аще сряжутъ его колю, ни что же соворятъ ему, коліе вонзено и броня: вѣвляепъ желѣзо аки плевъ, мѣдь же аки древо гнило: не уязвитъ его лукъ мѣдянь, мнитъ бо каменометную пращу аки сѣно. Аки стебліе вѣвнишася ему млатове: ругаетъ же ся трусу огненосному *). Ложе его остни остриу, всяко же злато морское подѣ нимъ, яко же брение безтисленно. Возжизаетъ бездну, якъ же пещь мѣдную: мнитъ же море яко мироварницу, и партарѣ бездны яко же плѣвника: вѣвнилъ бездну въ прохождение. Ничто же естъ на земли подобно ему сотворено, поругано быти Ангелы моими: все высокое зритъ: самъ же царь всѣмъ сущимъ въ водахъ.

Вышесказанныя стихи Ломоносова конечно весьма прекрасны; но для сравненія ихъ съ подлинникомъ (то естъ съ Славенскимъ переводомъ), надлежитъ, какъ уже и выше рассуждаемо было, представитъ себѣ во первыхъ, что стихи, а особливо хорошіе, всегда имѣютъ надъ разумомъ нашимъ больше силы, чѣмъ проза; во вторыхъ, что переводъ Священныхъ книгъ во многихъ мѣ-

*) Здѣсь *трусъ огненосный* значить блескъ потрясаемаго предъ очами его чистаго или свѣщающагося оружія: *er spottet den lebenden Lanzen*, сказано въ Нѣмецкой Библіи.

спяхъ невразумительнъ, часпю по непоч-нос .и преложенія мыслей споль шрудной и въ пакія древнія времена истинной книги, каковъ естъ Еврейскій подлинникъ; часпю по нѣкоторой уже темнотѣ для насъ и са-мага Славенскаго языка; однако, не взирая на сію великую разность, сличимъ Славенскій переводъ съ почерпнутыми изъ него стихами знаменитаго нашего стихопворца, и разсмотримъ, которое изъ сихъ описаній сильнѣе. Сперва покажемъ общее ихъ распо-ложеніе, а пош мѣ упомянемъ часпно о нѣ-которыхъ выраженіяхъ.

Описаніе заключающееся въ прехъ выше-означенныхъ спрофахъ Ломоносова, состо-итъ изъ двухъ членовъ или частей, изъ ко-порыхъ первую можно назвашь предложні-емъ или вступленіемъ, а вторую изображе-ніемъ или повѣствованіемъ. Предложеніе со-стоитъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Ты можешь ли Левіофана
На удѣ выпянушь на брегъ?

Прочіе дващцать два стиха составляютъ изображение сего Левіофана, или повѣство-ваніе о силѣ и крѣпости его. Ипакъ вещь представляется здѣсь просто, безъ всякаго приуголовленія воображенія нашего къ тому, чшобъ оно вдругъ и нечаянно нашло нѣчто неожиданное. Въ Славенскомъ переводѣ на-

чинається сіе описаніє слѣдующими вопросами: извлечеш ли змія удицею, или обложиши узду о ноздрехъ его? Шиломъ же провертиши ли устнѣ его? Возглаголетъ же ли ти съ моленіемъ, или съ прошеніемъ кротко? Сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою? Поймеш ли его раба вѣгна? Поиграеш ли съ нимъ, яко же со птицею, или свяжеш его яко вработѣ дѣпищу? Всѣ сіи вопросы располагають умъ нашъ панимъ образомъ, чпо производя въ немъ любопытство узнать подробности о семъ описуемомъ звѣрѣ или змѣ, нимало не раждають въ насъ чаянія услышатъ о чемъ либо чрезвычайномъ: напроливъ того они удерживають воображеніе наше и препяпствуяють ему сдѣлать напередъ какое либо великое заключеніе о семъ живошномъ; ибо весьма естественнo представляется намъ, чпо кого не лзя извлечь удицею, того можно выпацишь большою удою; кому не лзя шиломъ провертѣть уста, тому можно просверлитъ ихъ буравомъ; съ кѣмъ не лзя поиграть какъ съ воробьемъ, шопъ можеть бытъ еще не больше коршуна, и шакъ далѣе. Между шѣмъ, говорю, какъ мы, судя по симъ вопросамъ, опнюдъ не ожидаемъ услышатъ о чемъ нибудъ необычайномъ, какимъ спрашнымъ описаніемъ поражается вдругъ воображеніе наше: вся же плавающая собравшешя, не подвигнутъ кожи единыя ошибка его, и ко-

рабли рыбарей главы его! Что можеть бышь огромнѣ сего живошнаго, и могъ ли я сію огромность его предвидѣшь изъ предъидущихъ вопросовъ? Любопышство мое чрезъ шо несравненно увеличилось; я съ неперѣливоспїю желаю знашь, что будеть далѣе. Желаніе мое поспепенно удовлетворяеться: послѣ вышеупомянушаго спрашнаго о семь чудовищѣ изреченія, слѣдующіи паки вопросы, но гораздо уже сильнѣйшіе прежнихъ: кто открьетъ лице облетенія его? Въ согбеніе же персей его кто выдетъ? Двери лица его кто отверзетъ? Окрестъ зубовъ его страхъ и проч. Сїи вопросы воспаменяють мое воображеніе, возбуждають во мнѣ глубокое вниманіе, наполняютъ меня великими мыслями, и слѣдующее попомъ описаніе, соопвѣпшвуя ожиданію моему, совершаетъ въ полной мѣрѣ дѣйствіе свое надо мною: здѣсь уже не щадился ничего, могущаго изображеніе сіе содѣлать великолѣпнымъ, поразительнымъ, спрашнымъ, чрезвычайнымъ. Искусство, съ какимъ описаніе сіе расположено, дабы приугошовленный къ любопышному вниманію умъ мой вдругъ поразись удивленіемъ, часъ опчасу увеличивающимся, подкрѣпляеться, не взирая на шемношу нѣкошорыхъ словъ, силою шаковыхъ выраженій, каковы напримѣръ сущь слѣдующія:

Кто открытѣ лице облеченія его? То есть: кто совлечетъ съ него одежду (кожу съ крокодила) для разсмотрѣнїя ея: qui est celui qui decouvrira le dessus de son vêtement?

Въ согбеніе же персей его кто увидѣтъ? То есть: кто растворитъ вооруженную страшными зубами пасть любаго звѣря сего, освидѣтельствуетъ внутренній составъ груди или пѣла его? Во Французской библии переведено сіе опдаленно отъ смысла и неясно: qui viendra avec un double mors pour s'en rendre maître?

Двери лица его кто отверзетъ? То есть: кто челюсти или звѣвь его отворишь, qui est-ce qui ouvrira l'entrée de sa gueule?

Какая чудовищу сему дана крѣпость! Какое швердое сліяніе членовъ! Ушроба его подобна мѣднымъ щипамъ, ребра его какъ самые швердѣшіе камни, такъ плотно сольпнувшіеся, что воздухъ не пройдетъ сквозь ихъ!

Очи его видѣніе денницы. То есть: сверкающіи, свѣтоносны какъ заря: *ses yeux sont comme les paupieres de l'aube du jour.* Примѣнимъ красоту подобныхъ выраженій, свойственную одному Славенскому языку: *очи его видѣніе денницы, гортань его лещѣ огненная, хребетъ его желѣзо сліяно* и проч. Здѣсь вещи не уподобляются между собою, но такъ сказать одна въ другую претворяющся. Во-

ображеніе наше не сравниваетъ ихъ, но вдругъ, какъ бы ивѣкимъ волшебнымъ превращеніемъ, одну на мѣстѣ другой видитъ. Если бы мы сказали: *оти его какъ денница свѣтлы, гортань его какъ пещь огненная, хребетъ его крѣлостію подобенъ литому желѣзу*, то колико сіи выраженіи были бы слабы предъ оными крапкими и сильными выраженіями: *оти его видѣніе денницы, гортань его пещь огненная, хребетъ его желѣзо сляно!*

На выи же его водворяется сила, предъ нимъ тегетъ пагуба. Что можете бышь сильнѣе сего выраженія? Какъ слабъ предъ онымъ Нѣмецкой переводъ: *er hat einen starcken Hals, und ist seine Lust, wo er etwas verderbet*. Ломоносовъ воспользовался сею мыслию и помѣстивъ ее въ одной изъ своихъ одъ, говоря о Государынѣ Елисаветѣ Пепровнѣ:

Лишь только ополчишься къ бою;
Предъидешь ужась предъ побою,
И слѣдомъ воскуришь дымъ.

Обращшуся же ему, страхъ звѣремъ тегвероногимъ по земли скатуцимъ отъ него. Какое прекрасное изображеніе ярости и силы одного, и шрепша и боязни другихъ бѣгущихъ отъ него живописныхъ! Впрочемъ переводы сего мѣста различны: въ Россійскомъ говорншя о *тегвероногихъ звѣряхъ*; во Французскомъ весьма не къ сшашѣ о *людяхъ*: (*les*

hommes les plus forts tremblent quand il s'élève, et ils ne savent où ils en sont, voyans comme il rompt tout); въ Нѣмецкомъ, не упоминая ни о *тетвероногихъ*, ни о *людяхъ*, сказано просто и сильно: wenn er sich erhebt, so entsetzen sich die starcken, und wenn er daher bricht, so ist keine Gnade da. То есть: *возставшу же, или поднявшуся ему, текутъ отъ него со страхомъ сильные, и горе тому, на кого онъ устремится.*

Изо всего вышесказаннаго разсудить можемъ, что когда столь прѣвосходный писатель, каковъ былъ Ломоносовъ, при всей пылкости воображенія своего, не токмо прекрасными стихами своими не могъ зашиши красноты писаннаго прозою Славенскаго перевода, но едва ли и достигъ до оной, но какъ же молодые умы, желающіе утвердиться въ силѣ краснорѣчія, не найдутъ въ сокровищамъ Священнаго писанія полезной для себя пищи? Или скажемъ, уподобляя щцательнаго стихопворца прудолюбивой пчелѣ, что когда при всемъ несомомъ ею шяжкомъ брѣмени меда, не могла она, какъ токмо самамалѣйшую часпицу онаго высосать изъ обширнаго цвѣтника, то колико цвѣтникъ сей сладкимъ симъ веществвомъ изобилень, богатъ, неистощимъ! Колико другихъ, подобнымъ ей пчель, посѣщая оный, могли бы безчисленными обогатиться сокровищами! Но не посѣщая цвѣтника сего не можемъ

мы знаемъ богатства онаго. Мнѣніе, что Славенскій языкъ различенъ съ Россійскимъ, и что нынѣ слогъ сей неупошребителенъ, не можетъ служить къ опроверженію моихъ доводовъ: я не то утверждаю, что должно писать почто Славенскимъ слогомъ, но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. И такъ въ немъ упражняйся, и изъ него почерпай должно искусство краснорѣчія, а не изъ Боннеповъ, Волперовъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ, и учась у нихъ Русскому на бредъ похожему языку, съ гордостію уверяють, что нынѣ образуется только пріятность нашего слога. Но оставимъ ихъ, и станемъ продолжать выписки и примѣры наши изъ Священнаго писанія, съ примѣчаніями на оныя: чѣмъ больше мы ихъ соберемъ, тѣмъ яснѣе будетъ сія истина. Возьмемъ случайно какую нибудь молитву, наприкладъ слѣдующую.

Святыи славныи и всехвальныи Апостоле Варооломее, всекрасныи отъ своея крове Богопроповѣдникте, желая во Христа облещися, всѣхъ своихъ, и самыя кожи плотскія совлекся, живыи же нынѣ въ новости духа жизнь нестарѣемую, моли да и азъ совлекшися вет-

Ч а с т ь II.

6

каго тѣловѣка, облечуся въ цоваго созданнаго по Бозѣ въ правдѣ, прелодобіи и истинѣ.

Примѣшимъ во первыхъ, какъ слово *все-красный* здѣсь богато, оно равняется слову *преславный*, и гораздо богашѣ чѣмъ слово *прекрасный*. Впрочемъ *отъ своей крове* значить здѣсь: *изъ рода своего*. Во вторыхъ, въ семъ крапкомъ выраженіи: *во Христа обещиися*, *) какое изобиліе мыслей заключаетъ! Ибо оное значить: напишашь душу свою ученіемъ Христовымъ, такъ крѣпко ее оградишь имъ, какъ бы оное было броня, никакими спрѣлами спрасшей, ни соблазновъ, ни угрозъ не проникаемая. Тѣмъ паче выраженіе сіе съ понятіями нашими сходственнo, что, дабы сдѣлалъ испиннымъ Христіаниномъ, оставишь надлежишь всѣ прельщающія насъ порочныя желанія, и возлюбишь строгій путь добродѣтели, наподобіе того, какъ бы скинушь съ себя богашую, щеславіе увеселяющую, и надѣшь скромную, смиренномудрiю приличную одежду, такъ какъ и здѣсь

*) Подобно сему въ переводѣ Ломоносова изъ Гомера Улиссъ говоришь Ахиллесу:

Уже тебѣ пора во крѣпость обещишь.

Каждому языку свойственны свои выраженія. Французъ не переведешь нашихъ словъ: *облегенъ во славу* или *одѣянъ лугами славы*, своими: *revetu en gloire*; а мы не переведемъ его: *rayonnant de gloire*, своими: *луцаціи славою*.

о Святомъ Вареоломеѣ сказано: *желая во Христа облещися, всѣхъ своихъ, и самыя плотскія кожи совлекся.* Примѣшимъ также и сіе выраженіе, *всѣхъ своихъ*, какъ оно кратко здѣсь и многознаменательно, попомошкмо, что не поставлено при ономъ никакого существительнаго имени, какъ на примѣръ: богатства, друзей, родственниковъ и проч.; ибо все сіе не прибавило бы ничего къ силѣ сихъ словъ: *всѣхъ своихъ*, въ которыхъ все оное заключается. Въ прѣшнихъ, послѣ сей мысли, *кто теловѣкъ, облакающійся во Христа, всѣхъ своихъ и самыя плотскія кожи совлекается*, въ какое отличное вступаетъ онъ состояніе? *Натягиваетъ жить въ новости духа жизнь нестарѣющую*: какая прекрасная мысль, и какою прекраснымъ послѣдовавшимъ изъ того разсужденіемъ заключенная: *моли да и азъ совлекшися ветхаго теловѣка, облечуся въ новаго по Бозѣ въ правдѣ, преподобіи и истинѣ!* Такъ писали предки наши: въ словахъ ихъ заключалась всегда мысль, и мысль кратко и сильно выраженная. Нынѣшніе Француско-Русскіе писатели не читають ихъ, и отъ того-то впадаютъ въ сіе невразумительное пустословіе, почерпаемое изъ чтенія однихъ чужезычныхъ книгъ.

. *Но яко теловѣколюбиваго Бога Мати, прими мое еже оубъ скверныхъ устенъ*

приносимое Тебѣ моленіе, и Твоего Сына, и нашего Владыку и Господа, Матернее Твое дерзновеніе употребляющи, моли да отверзетъ и мнѣ теловѣколюбныя утробы свояя благодости, и презрѣвъ моя безчисленная прегрѣшенія, обратитъ мя къ покаянію, и своихъ заповѣдей дѣлателя искусна явитъ мя.

Примѣнимъ въ сей къ Богородицѣ молишвѣ, какъ въ оной рѣчи: Матернее Твое дерзновеніе употребляющи, слово дерзновеніе прилично употреблено; ибо естли бы сказать: моли сына Твоего, употребляя Матернюю Твою надъ нимъ власть или силу, тогда бы понятіе заключающееся въ словахъ, *молишь, просить*, имѣло нѣкоторое прошивурѣчіе съ понятіемъ, заключающимся въ словахъ *употреблять власть или силу*, означающихъ паче верховность и повелѣніе, нежели подчиненность и прозьбу. Напрошивъ шого въ словахъ: *моли, употребляя Матернее Твое дерзновеніе*, искуснымъ образомъ соединены прошивуположныя или несходственныя между собою понятія о *преимуществахъ и купно подчиненности* паковой Машери, копорая въ Сынѣ своемъ зришь Всемогущаго небесъ и земли Владыку. Другіе могутъ взывать къ нему со спрахомъ и шрепешомъ, но Ей одной присшойно умолять Его съ дерзновеніемъ, шо естъ не со власшію, какую имѣетъ простая мать надъ просшимъ сыномъ, но

со смѣлостію , каковую Она , яко человекъ , не могла бы имѣть къ Богу , еспьли бы не была Матерь Его. Опсюду видѣшь можно , что въ прежнія времена о силѣ и знаменованіи словъ прилѣжно разсуждали , а не съ шакимъ легкомысліемъ лѣпили ихъ , какъ во многихъ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Нынѣ вмѣсто: *Матернее Твое дерзновеніе употребляючи , моли да отверзетъ и мнѣ телсвѣколюбныя употребы свояе благости , сказами бы : проси употребляя , какъ Мать , вліяніе Твое на Сына , чтобъ Онъ оказалъ надо мною свою трогательность , и назвали бы это неподобною красотою слога.*

Господи Вседержителю , сотворивый небо и землю со всею лѣлотою ихъ , связавый море словомъ повелѣнія Твоего , заключивый бездну , и залетатствовавый ю , страшнымъ и славнымъ именемъ Твоимъ , Его же вся боятся , и трелещутъ отъ лица силы Твоея. Не богаты ли , не сильны ли выраженія сіи: словомъ повелѣнія связать море? трелетать отъ лица силы?

Отъ гласа воздыханія моего прильле кость моя плоти моей. Какъ можно больше и оощишельнѣе выразить дѣйствіе сокрушающей печали?

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ Библии , изъ Прологовъ , изъ Чепиминей , и разсмошримъ слоги оныхъ :

Кійждо дѣлаше землю свою съ миромъ. Старѣйшины на стогнахъ сѣдяху, и вси о благихъ бесѣдоваху, и юноши облагахуся славою и ризами ратными. И сѣде кійждо подъ виноградомъ своимъ, и смоковницею своею, и не бысть устрашающаго ихъ. (Маккав. глав. 14). Какое прекрасное описаніе пишины и благоденствія народнаго при Царѣ мудромъ и добромъ!

Слышавшіи блажиша мя, спасохъ бо убогаго отъ руки сильнаго, и сиротѣ, емуже не бѣ помощника, помогохъ: благословеніе погибающаго на мя да придетъ, уста же вдовица благословиша мя. Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ, азъ быхъ отецъ немощнымъ. Избрахъ путь ихъ, и сѣдѣхъ Князь, и веселяхся якоже Царь посредѣ храбрыхъ, утѣшай пегальныхъ. (Іова гл. 29). Какое превосходное царскихъ должностей изображеніе: спасаю убогаго отъ руки сильнаго, вспомооществовашь сиротѣ, опираю слезы вдовицы; бысть окомъ слѣпому, опцемъ немощному; прудился разумомъ въ избираниі ведущихъ къ общему благу путей; сидѣшь на престолѣ, повелѣвая и направляя умы всѣхъ къ наблюдению законовъ; предводилешьспивовашь храбрыми и утѣшашь печальныхъ!

Простре Ааронъ руку на воды Египетскія, и изведе жабы: яже излѣзше внидоша въ дома и клѣти ложницъ и на постели, и въ дома

рабовъ ихъ, и въ тѣста и въ печи, и на Царя, и на рабы его, и на люди его возлѣзоша жабы. И воскилъ земля ихъ жабами: яже егда повелѣнїемъ Моисеовымъ изомроша, собраша ихъ Египтяне въ стоги и стоги, и возсмердѣся вся земля Египетская отъ жабъ измершихъ и изгнившихъ.

Примѣшимъ здѣсь первое, какъ исчисленіе мѣспъ и вещей, и союзъ и, при каждомъ словѣ повшоренный, умножаетъ понятіе о великомъ сихъ лѣзущихъ гадовъ количествѣ. Второе, какъ слово и воскилъ прилично здѣсь и знаменательно. Третье, какъ выраженіе въ стоги и стоги, гораздо сильнѣе, нежели бы сказано было: во многіе стоги. Четвертое, какое глаголь возсмердѣся даетъ страшное и отвращительное понятіе о сей низпосланной на Египетъ казни, кошорая была бы несравненно слабѣе изображена, естлибъ сказано было: и заразися вся земля Египетская.

Шестая казнь, гнойныя струлы горящїи на теловѣцѣхъ и скотѣхъ. Примѣшимъ здѣсь, какъ слово горящїи прилично къ спрупамъ; ибо показуешь болѣзненное ихъ дѣйствїе или нарываніе.

Седмая казнь, градъ и огонь горящъ со градомъ. Какая спихошворческая мысль!

Опнїюдь не почишаю я за излишнее выписать здѣсь изъ Чепиминей цѣлое житїе прехъ святыхъ дѣвъ: книги сіи рѣдко чи-

шаемы бывающъ, и попому слогъ ихъ мало извѣстенъ.

Три дѣвы Троицѣ Святѣй въ даръ себе при-несоша, Минодора, Митродора и Нимфодора. Ини приносятъ Богу дары отъ внѣшнихъ имѣ-ній своихъ, якоже иногда вси восточни Ца-рие, злато, ливанъ и смирну. Они же принесо-ша дары отъ внутреннихъ сокровищъ: прине-соша душу яко злато, не исплѣннымъ зла-томъ искуленную, но тесною кровію яко агнца непорочна. Принесоша совѣсть тисту яко ливанъ, глаголюще со Апостоломъ: Христова благоуханіе есмь. Тѣло же въ нетлѣнномъ дѣв-ствѣ своемъ на раны за Христа давшее, при-несоша е въ даръ Богу яко смирну. Вѣдаяху до-брѣ, яко Господь не нашихъ временныхъ бо-гатствъ, но насъ самихъ пребуетъ, по глаголу Давидову: Господь мой еси Ты: яко благихъ моихъ не пребуеши. Слжихъ убо себе Богу при-несоша, яко же святое ихъ житіе и доблест-венное страданіе являетъ.

Какое прекрасное вступленіе: при мла-дыя дѣвы приносятъ въ даръ Богу не зла-то, ливанъ и смирну, но несравненно дра-жайшія сихъ сокровища: душу свою, чисту какъ искушенное злато; совѣсть свою, благо-ухающую какъ ливанъ; тѣло свое непорочное вмѣсто смирны, вѣдая, что Богъ не благихъ нашихъ, но добродѣтелей нашихъ пребуеши.
— Далѣе.

Сїи родишася вѣ Виѳинїи, сестры же суще по плоти, быша сестры и по духу; ибо единокорно избраша Богу работати паге, неже міру и сущимъ вѣ мірѣ сѣетствамъ. Хотяще же съ душею и тѣло соблюсти нескверно, да тистотою тистому соединятся жениху своему Христу Господу, послушаша гласа Его глаголюща: изыдите отъ среды людей сихъ, и отплутитесь, и не тистотѣ ихъ не прикасайтесь, и азъ прииму вы. Изыдоша убо отъ сопребыванїя теловѣческаго, любяще зѣло вѣ дѣвствѣ пребывати, и устранившеся всего міра, на уединенномъ вселишася мѣстѣ, добрѣ вѣдуще, яко неудобь хранитися можетъ тистота дѣвитеская посредѣ народа и мущаго оти исполнь любодѣянїя и непрестаннаго грѣха. (Разсужденїе весьма справедливое). Яко же бо рѣтныя воды входяще вѣ море сладость свою погубляютъ, и съ морскими совокулльшеся водами бываютьъ сланы: тако и тистота егда посредѣ міра, аки посредѣ моря вселится, и возлюбитъ его, не возможно ей сланыхъ сластолюбія водѣ не налитися. (Какое прекрасное уподобленїе!). Дщерь Іаковля Дина, донелѣже не вдадѣ себе вѣ Сихемѣ градѣ Язытескїй, дотоль бѣ тиста дѣва: егда же изыде познати дщери тамо обитающїя, и прїобщися къ нимъ, абїе погуби дѣвство свое. (Примѣпимъ искуспво повѣспвованїя: вышесказанное подобїе уже довольно убѣдительно, однако оно под-

крѣпляется еще примѣромъ). Окаянный Сихемъ мѣръ сей съ тремя дочерми своими, съ похотию плотскою, съ похотию отесъ и гордостію женскою, нисто же ино вѣсть, потію вредити прилѣпляющихся ему. Яко же смола отерняетъ прикасающагося ей, тако онъ своя ратители, терны, нечисты и скверны творитъ. Блаженъ бѣгаяй міра, да не отернится его нечистотами: блажена сущь сія при дѣвы, избѣгшія отъ міра и отъ пріехъ его ретенныхъ злыхъ дочерей, не отернишася бо ихъ скверными, и быша бѣлы и чисты голубицы, аки двума крилами дѣянїемъ и Боговидѣнїемъ лѣпающія по горамъ и пустынямъ, желающе въ Божественнѣй любви, аки въ гнѣздѣ потупи: пустыннымъ бо непрестанное Божественное желаніе бываетъ міра сущимъ суетнаго кромѣ.

Пребываніе же ихъ бѣ на нѣкоемъ высокомъ и пустомъ холмѣ, сущемъ близъ теплыхъ водъ въ Прѣіахъ: аки за два поприща тамо всельшися живяху въ постѣ и молитвахъ непрестанныхъ. Тихое пристанище и покой добръ чистотѣ своей дѣвитеской обрѣтоша, яже да невидима будетъ теловѣки, скрыша ю въ пустыни: да видима же будетъ Ангелы, вознесоша ю на холмъ высокій. На высоту горы взыдоша, да прахъ земной отъ ногъ своихъ оттрясше къ небеси приближатся. Отъ самага мѣста, на немъже пребываху, житіе ихъ добродѣтельное показавшася. Что бо являетъ

пустыня, аще не отверженіе всего и уединеніе? что вѣщаетъ холмъ, аще не Богомыслие ихъ? что знаменуютъ теплыя воды, при нихъ же живяху, аще не теплоту ихъ сердечную къ Богу? (какое соображеніе подобій, и какое остроумное изобрѣшеніе мыслей къ распространенію слова!) Яко же бо Израиль избывъ Египетскія работы проходилъ пустыню, тако сія святыя дѣвы изшедше отъ мѣра пустынное облобызаша житіе. (Прекрасное выраженіе!). И яко Моисей возшедъ на гору узрѣ Бога, тако сія на высокомъ холмѣ сущи, тѣлесныя оти къ Богу возвождаху, умными же взираху на него ясно. И яко тамо удареніемъ въ камень истождаху воды, тако въ нихъ отъ смиреннаго въ перси ударенія потокъ слезный отъ отесъ ихъ истождаше. (Вездѣ въ уподобленіяхъ соблюдена ясность и удобовразумительность). И не таковы бяху теплыхъ водъ источникъ, какова отеса ихъ теплыя слезы изводящая: тѣмъ бо тою тѣлесное омыти благо можаху, сіи же и душевныя отицаху пороки, и пате снѣга убѣляху. Но что бѣ слезамъ отицати въ тѣхъ, яже отистивше себе отъ всякія скверны плоти и духа, яко Ангели на земли жиша? (Какое богатство мыслей испекающихъ одна изъ другой!). Аще въ тѣмъ сердцѣ отъ воспоминанія множества грѣховъ родится умиленіе и слезы: но въ нихъ, яко въ тистыхъ дѣвахъ, отъ любви къ Богу плата ис-

потникъ исхождаше. Идѣже бо огнь Божественныя любви пылаетъ, тамо не возможно водамъ слезнымъ не быти. Такова есть огня того сила, яже егда аки въ пещи въ тѣмъ сердца възгорится, елико пламене, толико и росы умножитъ; елико бо гдѣ есть любви, толико и умиленія. Отъ любви рождаются слезы, и Христосъ егда надъ Лазаремъ плакаше, рече но о немъ: виждь, како любляше его. Плакахуся святыя дѣвы въ молитвахъ и Богомышленіяхъ своихъ: любляху бо Господа своего, Его же видѣ іа насытитися желающе, со слезами времени того ожидаху, когда приити и узрѣти любимаго жениха небеснаго, каяждо отъ нихъ съ Давидомъ вѣщаше: Когда прииду и явлюся лицу Божію? быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и ночь. Аки бы глаголюще: о семъ день и ночь слезимъ, яко не скоро приходитъ то время, въ неже бы намъ приити и явитися лицу сладчайшаго ратителя нашего Іисуса Христа, Его же видѣнія сице насыщатися желаемъ, имже образомъ желаетъ елень на истопники водныя.

Сицевымъ житіемъ особнымъ егда святыя дѣвы устранихуся отъ теловѣкъ, отъ Бога явлены быша: не можетъ бо укрытися градъ верху горы стоя. Ибо исцѣленія недужнымъ чудесно отъ нихъ бывающая, яко велегласныя трубы по всей странѣ той о нихъ возвѣстиша. Въ то время царствова Максиміянъ зло-

тестивый: страную же тою обладаше Фрон-
тонъ Князь, иже слышавъ о святыхъ дѣвахъ,
повелѣ яти ихъ, и привести предъ себе. Агни-
цы Христовы ихъже пустынная не вредиша
звѣри, сіи отъ теловѣкъ звѣрообразныхъ яты,
и предъ мучителя приведены быша. Сташа
ни судъ нетестивыхъ три дѣвицы яко три Ан-
гели, имъ же бы не предъ теловѣкомъ, но
предъ самимъ въ Троицѣ славимымъ Богомъ
стояти. Недостойни бяху оти людей грѣш-
ныхъ на святолюбная лица ихъ смотрѣти,
яже Ангельскою красотою и благодатию Свя-
таго Духа сіяху. Удивляшеся мучитель та-
ковой красотѣ ихъ въ пустыни храненой, ка-
ковыя ниже въ домѣхъ царскихъ видѣ кода;
ибо аще и тѣлеса ихъ многими труды и по-
стами бяху до конца умерщвлена, обате лица
дѣвическія лѣлотою своя не погубиша, пате же
обрѣтоша ю. Идѣже бо духовныя радости и
веселія сердце бѣ исполнено, тамо не можаше
увянути цвѣтъ красоты лисныя, по писанно-
му: сердцу веселящуся, лице цвѣтетъ. Имать
же иногда и воздержаніе нѣкто сичево, яко
вмѣсто дряхлости лѣлотою краситъ лица те-
ловѣтескія, яко же Данила и съ нимъ пріехъ
отрокъ, сихъ въ постѣ и воздержаніи живу-
щихъ красота превосходяше всѣхъ отроковъ
царскихъ: тоже видѣти бѣ и въ святыхъ дѣ-
вахъ, яко изумѣватися теловѣтескому уму, зря-
ще пустынная цвѣты и дочери Божія красо-

тою своею и добротою превосходящія всякую
лѣлоту дочерей теловѣтескихъ.

Вспроси же я Князь первѣе о именахъ и
отечествѣхъ, они же сказаша, яко отъ имене
Христова Христіане именуются, при крещеніи
же имена пріятія суть, Минодора, Митродо-
ра и Нимфодора, въ той странѣ Вивинійствѣй
отъ единого отца и матере рождены. Ты же
проси Князь къ нимъ рѣчь свою, ласканіемъ
къ своему злотестію ихъ приводя и глаголя:
о дѣвы красныя! васъ величьи боги наши воз-
любиша, и красотою сицевою потшоша, еще
же и великими богатствы потпити васъ го-
товы, потію вы тесть имъ воздадите, и съ
нами принесите имъ жертву и поклоненіе: азъ
же васъ предъ Царемъ имамъ похвалити. И
егда узритъ вы Царь, возлюбитъ васъ, и мно-
гими поттетъ дарами, за великихъ же бояръ
своихъ отдастъ вы, и будете пате иныхъ женъ
тестны, славны и богаты. Тогда Минодора
старѣйшая сеспира, молчаливая отверзе уста
своя глаголющи: Богъ насъ создалъ, и образъ
своимъ украсилъ, сему кланяемся, инаго же
бога кромѣ Его ниже слышати хожемъ. Да-
ровъ же вашихъ и тестей тако требуемъ, яко
же кто требуетъ сметія ногами полираема-
го: ещезе и благородныя мужи отъ Царя
твоего намъ обѣщаеши: и кто можетъ лутшій
быти пате Господа нашего Іисуса Христа, Ему
же вѣрою уневѣстихомся, тистотою слряго-

хомся, душею прильпихомся, любовію соединихомся, и Онъ наша есть тѣсть и слава и богатство, и отъ Него не тогю ты и Царь твой, но ни весь міръ сей отлутити насъ возможетъ. Митродора же рече: Кая польза теловѣку, аще міръ весь приобрящеть, душу же свою отщепитъ? что бо намъ есть міръ сей противу любимаго жениха и Господа нашего? блато противу злата, тьма противу со́лнца, желть противу меда: убо міра ли ради суетнаго имамы отласти любве Господни, и погубити души наша? да не будетъ! (Какое предъ грознымъ судією смѣлое изъявленіе любви къ Богу, опшверженіе опъ предлагаемыхъ благъ, и презрѣніе къ мірскимъ почестямъ, когда должно для нихъ оставишь вѣру!). Мутитель же рече: много глаголете, яко не видите муки, и не приѣмлете ранъ: яже егда увѣсте, инако рещи имате. Отвѣща же ревностію Нимфодора: муками ли и лютыми ранами устрашити насъ хочещи? собери здѣ отъ всея вселенныя мутительская орудія, мети, рожны, ногти желѣзныя, призови всѣхъ мутителей отъ всего міра, совокули вся виды мукъ, и обрати я на слабое тѣло наше, узриши, яко первѣе вся тая орудія сокрушатся, и всѣмъ мутителямъ руцѣ устанутъ, и вси твои мукъ виды изнемогутъ, неже мы Христа нашего отвержемся, за Него же горкія муки сладкимъ раемъ, а временная

смерть , вѣтнымъ животомъ намъ будетъ. (Можно ли сильнѣе описать непослупную въ вѣрѣ швердосшь, воспаменяющуюся ревностію при напосинаніи о мукахъ, и кто сія, которая предъ лицомъ грознаго мучителя, исчисляя роды орудій, шолкое мужество въ себѣ являетъ? Младая дѣва! не находимъ ли мы здѣсь подобія кисти, каковою Тассъ изобразилъ представшую предъ Аладина Софронію свою?). Князь же рече къ нимъ: совѣтую вамъ яко отецъ, послушаете мя тогда и пожрите богомъ нашимъ, единородныя сестры есте, не восхотите убо едина другую видѣти безтестія и студа исполнену и лютыя муки терпящую, ни хстите цвѣтъ красоты вашей увядающъ зрѣти. Не добръ ли глаголю? Не суть ли вамъ на пользу словеса моя? Воистинну отетескій совѣтъ даю, не хотя видѣти васъ обнажаемыхъ, біемыхъ, терзаемыхъ и на уды раздробляемыхъ. Повинитесь убо повелѣнію моему, да не тогю у мене, но и у Царя благодать обряцете, и вся благая пріемше въ благополутіи проживете дни своя послушавше мя нынѣ: аще же ни, то абіе горкія бѣды и тяжкія болѣзни обымутъ вы, и погибнетъ красота лица вашего. (Здѣсь примѣпишь надлежишь, какое искусство упошребляетъ Сочинитель, дабы швердосшь въ вѣрѣ изобразилъ шоржеспвующею надъ всѣмъ. Сколько прелестей и ужасовъ собрано для

поколебанія юныхъ сердець! Съ одной стороны угрожающа онѣ люпыми мученіями и смертію, съ другой предлагаешся имъ изобильная жизнь и сладость брака; мучишель вмѣсто гнѣва и угрозъ, хладомъ своимъ скрѣпляющихъ швердую душу, нападаешъ на нихъ крошестію, сожалѣніемъ, прозьбою, совѣтами, ласками, шеплошою своею смягчающими крѣпость духа; однако же посредѣ сихъ увѣщаваній своихъ не забываешъ, къ возбужденію въ нихъ спрахъ и препеша, напомянушь мимоходомъ о терзаніи, о раздробленіи ихъ на уды, въ случаѣ непослушанія. Опшвѣшы свяшыхъ дѣвъ убѣдительны, сильны, смѣлы; но безъ дерзости, безъ гордости; нѣшь въ нихъ ничего, кромѣ благородной смѣлости сердца, преисполненнаго любви къ Богу, уповающаго на безсмертіе души, и увѣреннаго въ правотѣ своихъ чувствъ). *На сія словеса отвѣща Минодора: намѣ, о судіе! ни ласканіе твое есть пріятно, ни прещеніе страшно: вѣмы бо, яко наслаждапися съ вами богатствѣ, славы и всѣхъ сластей временныхъ, есть вѣтнюю себѣ горестъ готовити во адѣ: терлѣтъ временныя за Христа муки, есть вѣтнюю себѣ на небесѣхъ радость ходатайствовати; и тое благополудіе, еже намѣ обѣщаеши, есть непоостоянно, и муки, и миже намѣ претиши, суть временны. Нашего же Владыки, и муки, яже уготова ненавидящимѣ Ею, суть вѣтны.*

Ч а с ь II.

7

и множество благодати, юже сокры любящими
 Его, есть неконтаемо: того ради не хоцемъ
 вашихъ благъ, ниже боимся мукъ, яко времен-
 ны суть: боимся же мукъ адскихъ, и взираемъ
 на небесная благая, яко вѣтна суть, а напла-
 те, яко любимъ Христа жениха нашего, тѣмъ
 и умрети за Него желаемъ: умрети же еди-
 нодушно вкулъ, да покажемся сестры быти
 духомъ пате, неже тѣломъ. И яко же едина
 насъ утроба роди въ мѣръ, тако едина за
 Христа мученическая смертъ да изведетъ отъ
 сего мѣра, и единъ да приметъ ны тертогъ
 Сласовъ, и тако не разлугимся съ собою во
 вѣки. Посемъ возведши оти горъ воздохну, и
 рете: о Іисусе Христе Боже нашъ, не отвер-
 жемся Тебе предъ теловѣки, ни Ты отвержися
 насъ предъ Отцемъ Твоимъ, иже есть на не-
 бесѣхъ. И паки къ мучителю глагола: мучи
 убо, о судіе, тое, еже тебѣ красно быти ви-
 дится, тѣло наше, язвы е ранами, ни едино
 бо лутшее тѣлу нашему украшеніе можетъ
 быти, ни злато, ни маргариты, ниже много-
 цѣнныя одежды якоже раны за Христа на-
 шего, ихъже подѣлати давно желаемъ. (Какая
 преисполненная усердія ко Христу молитва,
 и какая попомъ швердая къ судіи рѣчь!).
 Князь же къ ней рете: ты старѣйша еси и
 лѣты и разумомъ, имѣла бы еси и другихъ
 утити, да повинутся повелѣнію Цареву и на-
 шему: ты же и сама не слушаеши и оныхъ

развращаеши. Послушай убо мя, молю тя, сотвори повелѣнное, поклонися богомъ, да и тыя на тебѣ смотряще поже сотворятъ. Отвѣща же Святая: всуе трудишися Княже, пекійся насъ отъ Христа отлутити, и къ поклоненію идоломъ, ихъже вы богами зовете, преклонити. Ни азъ сотворю сего, ниже сестры моя, съ ними же есмь, якоже и они со мною, едина душа, едина мысль, едино сердце Христа любящее. Совѣтую убо тебѣ, не трудися болѣе словами, но самую искушай вещь: бій, сѣцы, жги, на уды раздробляй, тогда узриши, повинемся ли безбожному твоему повелѣнію. Христовы есмь, и за Него умрети готовы. Сія слышавъ Фронтонъ Князь исполнися ярости, и весь гнѣвъ свой на Минодору излія: и абіе повелѣ меньшія двѣ сестры, отведши Минодору старѣйшую ихъ сестру, обнажити, и тетыремъ слекулаторомъ бити. Біена же бысть Святая, и проповѣдникъ воляще: погнати боги и похвали Царя, и законъ его не уничижай. Биша же ю трезъ два таса. И егда глагола къ ней мучитель: пожри богъ мѣ. Она отвѣща ему: не ино что творю, тоію жертву приношу, не видиши ли, яко вся себе принесохъ жертву Богу моему? (Какой приличной и спокойной отвѣтъ посреди мученія!). Мучитель же веляше слугамъ жестокае бити ю. Биша убо по всему тѣлу безъ помилованія, сокрушающе составы ея,

*

ломающе кости и плоть раздробляюще. Она же усердною безсмертнаго жениха своего любовію и желаніемъ обьята, доблественно терпяше, аки не слышащи болѣзни. Та же изъ глубины сердетныхъ возоли: Господи Иисусе Христе, веселіе мое, и любве сердца моего, къ Тебѣ прибѣгаю надеждо моя, и молю, прими въ мирѣ душу мою: и сія рекши испусти духъ, и поиде къ возлюбленному жениху своему, ранами яко многоцѣнными утварьми украшена.

По тепырехъ же днехъ Митродору и Нимфодору мучитель предъ собою на судѣ поставивъ, положи при ногахъ ихъ мертвое тѣло старѣйшія сестры ихъ, и лежаше тое тесное Свяпыя Минодоры тѣло наго непокровенно нимало, ниже бѣ на немъ не уязвленнаго мѣста, вся уды сокрушены, онѣ ногѣ до главы не бѣ цѣлости, и бѣ умиленъ позоръ всѣмъ зрящимъ. (Какое новое и ужасное средство къ поколебанію пвердоспи двухъ оставшихся сестръ!) Сіе же сотвори мучитель, акибы глаголя: видите ли сестру вашу, тоже и вамъ будетъ. И надѣшесе, яко тыя двѣ сестры видѣвше тако лютѣ умученное тѣло сестры своея, убоятся и повинутся воли его. Все же предстоящіи смотряще на мертвое и лютѣ уязвленное тое тѣло, естественною побѣждахуса жалостію, и явѣ умиляющесе плакаху, тоію единъ мучитель болѣе ожестота-

шеся аки камень. Святыхъ же дѣвъ Митродору и Нимфодору само естество и любовь, яже къ сестрѣ, аще и преклоняше къ слезамъ, обате возбраняше имъ большая любовь Христова, и извѣстная надежда, яко сестра ихъ уже въ терпозѣ жениха своего веселится, и оныхъ къ себѣ ждетъ, да таковыми же ранами украсившеся пощатся приити и явитися лицу всевождедѣннаго Господа: и тое удержаваше отъ слезъ. Святая дѣвы, яже взирающе на подлежащее имъ Святое тѣло, глаголаху: благословенна ты сестра и мати наша сподобльшаяся вѣнцемъ мученичества вѣнчана быти, и внити въ терпозѣ жениха твоего: пожелися убо преблагому Господу, Егоже нынѣ зриши, да не медля повелитъ и намъ твоимъ же путемъ приити къ Нему, и поклонитися Величеству Его, наслаждаться же любве Его, и веселитися съ Нимъ во вѣки. О мучители! Постю медлите долго не убивающе ны? Постю лишаете насъ таси возлюбленныя сестры нашея? Постю не скоро сію намъ подаете смерти ташу, ея же аки пресладкаго пиятя жаждемъ? Се готовы уды наша на раздробленіе, готовы ребра на жженіе, готова плоть на растерзаніе, готовы главы на усѣтеніе, готово сердце на мужественное терпѣніе: наити убо дѣло ваше, не надѣйтесь бо отъ насъ болѣе нисто же, не преклонимъ колѣна богомъ лжеименнымъ. Видите насъ усердно

желающихъ смерти, и что хотите болѣе?
 Умрети съ сестрою нашею за Христа Госло-
 да жениха нашего прелюбезнаго желаемъ. (Ка-
 кой мужеспвенный слогъ и какое шоржеспво
 вѣры! Лежащее предъ глазами пѣло убиенной
 сеспыры, ожиданіе пойже самой учаспи надъ
 собою, увѣщеваніе, убѣжденіе, обѣщаніе вся-
 наго рода земныхъ благополучій: коликія
 сущь орудія къ попрысенію швердоспи ду-
 шевной! Но какая сила чувспвъ, и какое
 величеспво духа, чѣмъ болѣе спѣсняемаго,
 пѣмъ болѣе неунывающаго и расщущаго!).
 Егдаже судія аще и видѣ небоязненныя ихъ
 умы, и желаніе смерти за Христа непремѣн-
 ное, обате покушаяся еще ласканіемъ къ сво-
 ему преклонити единомыслію, нѣсто лукаво.
 глагола. Отвѣщаша: доколѣ не престанеши,
 окаянне, нашему твердому предложенію про-
 тивная глаголаши? аще емлещи вѣру, яко еди-
 наго корене вѣтлви, единыя утробы сеспыры
 есмы, то вѣждь извѣстно, яко и мысль едину
 имама, юже отъ убиенныя тобою сеспыры на-
 шея разумѣй: аще бо та ни единѣ имущи
 предъ отесы страданія мужеспвеннаго образѣ
 толикую вѣ терпѣніи яви силу, что убо мы
 сотворимъ смотряще на сестру нашу образѣ
 намъ себе давшую? Не видиши ли, како она
 аще и лежащи, и уста затворена имущи, оба-
 те отверспыми своими ранами, якоже усты
 наказуетъ ны, и увѣщаваетъ къ подвигу стра-

дальтескому? Не разлутимся убо отъ нея, ни расторгнемъ сроднаго нашего союза, но умремъ, якоже и она умре за Христа. (Какой оборотъ мыслей и какое прошивное намбренію слѣдствіе! Изъ того жестокаго зрѣлища, изъ того самаго безчеловѣчнаго примѣра, кошорымъ мучитель мнилъ устрашить ихъ, почерпающъ они новую къ подкрѣпленію силъ своихъ пищу! И съ какимъ припомъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ объясняются: вмѣстѣ зашворенныхъ устъ сеспры ихъ вѣщающъ къ нимъ опверспыя ея раны!). Отрицаемся обѣщанныхъ влми богатствъ, отрицаемся славы, и всего, еже отъ земли есть и въ землю паки возвратится. Отрицаемся плѣнныхъ жениховъ, имуще неплѣннаго, Его же любимъ, и Ему же въ вѣно нашу за Него смерть приносимъ, да безсмертнаго, вѣтнаго, тистаго и святаго терптога Его слѣдобимся. Тогда мучитель оттаявъ надежды своя развѣрися зѣло, и повелѣ Нимфодору отвести, Митродору же повѣсивше свѣщами опалити тѣло ея: и опаляема бѣ по всему тѣлу трезвѣ два таса. Такову же терпяци муку, возвождаше отеса своя къ единому, за Него же страдалше, возлюбленному жениху своему, помощи отъ Него просяци. Опаленную же аки уголь, снемше съ древа, повелѣ мучитель палицами желѣзными крѣлко бити, сокрушающе всяudy ея, и въ тѣхъ мукахъ Святая Митродора взы-

ваючи ко Господу, предаде въ руцѣ Его Свя-
тую свою душу. Умершей же ей, приведена
бысть третія агница Христова Святая Ним-
фодора, да двоихъ уже сестрѣ своихъ мерт-
вая плѣса видитѣ, и тѣхъ лютаго убіенія
устрашившия отвержется Христа. Ната же
къ ней Князь лукаво вѣщати: о красная дѣви-
це! Ея же азъ пате иныхъ удивляюся лѣлотѣ,
и о юности милосердствую: бози ми суть
свидѣтеліе, яко не мнѣ ты люблю дщере
моея: тогю приступи и поклонися богомъ, и
абіе велику имѣти будеши у Царя благость,
дастѣ бо тебѣ имѣнія и тести: а еже есть
больше, многое у него будеши имѣти дерзно-
веніе. Аще же ни, увы мнѣ, злѣ погибнеши,
яко же и твоя сестры, ихъ же плѣса види-
ши. Святая же вся словеса его вмѣняючи аки
вѣтрѣ, не внимаше имъ, но и противу вѣщая
укори идолы и идолопоклонниковъ, Давидски
глаголя: идоли языкъ сребро и золото, дѣла
рукъ теловѣтескихъ: подобни имъ да будутѣ
творящии я, и вси надѣющіися на ня. Видя же
беззаконный, яко не услѣтѣ словесы нитю
же, повелѣ обнаживши ю повѣсити, и ногтьми
желѣзными строгаши тѣло ея. Она же въ тѣхъ
мукахъ нитесо же нетерпѣливо показа, ни во-
золи, ниже возстена, но тогю горѣ оти воз-
ведши, двизаше устнами своими, еже бѣ зна-
меніемъ ея къ Богу прилѣжныя молитвы. И
егда воліяше проловѣдникъ, пожри богомъ, и

свободишися отъ муки. Отвѣща Святая : азъ пожрохъ себе Богу моему за Него ми и страдати сладко, и умрети пріобрѣтеніе. Наконецъ мучитель повелѣ палицами желѣзными убить до смерти, и убіена бысть Святая за свидѣтельство Іисусъ Христово. Тако троица дѣвицъ Святую Троицу прослави смертію страдальческою. Мучителю же недовольно бѣ мучить живыя, но и на мертвыя неукротимую свою излія лютость : повелѣ бо огонь великъ вознѣтити, и тѣлеса святыхъ мученицъ въ него на сожженіе во врещи. Сему же бывшу, внезапно другій огонь съ великимъ громомъ съ небесе спадѣ, и въ мгновеніе ока сожже Фронтоня Князя и вся его слуги мучившія святыхъ мученицъ. На вознѣщанный же огонь дождь великъ изліяся и погаси его. (Толь лютому дѣйствію какой приличнѣишій конецъ бытъ можеть, какъ не сей, что громъ поразилъ мучителей, и дождь погасилъ воспаленный ими огонь!). А вѣрнии взявше тѣлеса святыхъ отъ огня неврежденная, погребоша я тесно близъ теплыхъ водъ въ единомъ гробѣ. Ихъже едина утроба роди, тѣхъ и гробъ единъ прія, да яже неразлутны быша въ животѣ своемъ, неразлутны будутъ и по смерти. Сестры быша на земли, сестры суть на небеси въ единомъ терпозѣ жениха своего, сестры и во гробѣ. Надъ ними же создана бысть Церковь во имя ихъ, и истекаю отъ нихъ исцѣленій

рѣки, во славу Бога въ Троицѣ единого, и въ память тріехъ дѣвицъ святыхъ, ихъ же молитвай да слодобимся зрѣти. Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога, Емуже слава во вѣки, аминь.

Всѣ сіи приведенныя для примѣра здѣсь выписки изъ Священныхъ писаній сущь опнюдь не шакія, копорыя бы съ особливимъ пщаніемъ выбраны были, но случайно взяпы изъ немногаго числа попадавшихся мнѣ въ руки книгъ. Между шѣмъ, ешлы мы безъ всякаго предубѣжденія и предразсудка, вникнувъ хорошенько въ языкъ свой, сравнимъ ихъ съ самыми краснорѣчивѣйшими иноспранными сочиненіями, по должны будемъ признашья, что оныя ни общимъ расположеніемъ описанія или повѣспованія, ни соображеніемъ поняшій, ни оспропою мыслей, ни изобрѣпеніемъ, ни украшеніемъ, ни чистопою и величавоспію слога, не успупаютъ имъ. Опкудужъ мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для насшавленія себя въ искусствѣ слова? Опъ малаго разумѣнія языка своего. Почему считаемъ мы себя поль бѣдными? Потому что не знаемъ всего своего богашства. Справедливо ли сіе, что языкъ нашъ нынѣ токмо начинаешъ образовашья? Весьма справедливо! Сличимъ еще разъ вышепоказанный необразованный слогъ Славенскій съ нынѣшнимъ образован-

ныиъ слогомъ , и мы потчасъ сіе увидимъ. Разогнемъ какую нибудь изъ книгъ , а особливо изъ переводовъ нашихъ , нынѣ издаваемыхъ , копорые , благодаря Французскимъ Авторамъ , обучающимъ насъ Рускому языку , почти всѣ одинакимъ складомъ пишушся ; разогнемъ , говорю , какую нибудь изъ книгъ сихъ , мы найдемъ въ ней :

. „Оспалась у него одна только дочь. „Онъ принялъ всевозможныя старанія о раз- „витіи ея характера, 1) и неусыпно пекся о „помъ , чтобъ ее сохранить въ расположені- „яхъ свойственнѣйшихъ щастію. 2) Она пока- „зала , въ первыхъ еще своихъ лѣтахъ , рѣд- „кую оспрошу ума , живыя тувствованія и „легкое благоволеніе ; 3) но однакожъ 4) мо- „жно было примѣшшь въ ней весьма вели- „кую склонность къ огорченію опъ малѣй- „шей причины. Когда она достигла до юно- „шескихъ лѣтъ , тогда сія тувствительность „дала разсудительный оборотъ ея мыслямъ , „тихость ея нравамъ , 5) копорые придавали „блескъ ея красотѣ , и дѣлала 6) ея 7) го- „раздо любезнѣйшею въ глазахъ шѣхъ , ко- „торые 8) были одарены подобными свой- „ствами ; но Сеншь - Оберь былъ сполько „благоразумень , что не могъ 9) предпочестъ „красоту добродѣтели ; будучи проницате- „лень , онъ могъ судишь , сколь сія красота „бываешь опасна для той 10) , копорая об-

„ладаеть ею, и потому не могъ радоваться
 „этому. 11) Такимъ образомъ спалъ онъ
 „спараться укрѣлять ея характеръ 12) и
 „пріучать ея 13) господствовать надъ сво-
 „ими наклонностями, и обуздовать свои
 „спремленія; онъ научилъ ея 14) удержи-
 „вать первое движеніе и переносилъ хлад-
 „нокровно безчисленныя сопротивленія 15)
 „вспрѣчающіяся въ жизни; но чтобы на-
 „училъ ее принуждать себя 16), влишь въ
 „сердцѣ ея 17) спокойное достоинство, 18),
 „которое одно сильно преодолѣвъ справси
 „и возвыситъ насъ прѣвыше 19) всѣхъ печаль-
 „ныхъ происшествій и злощасій, по онъ
 „самъ имѣлъ нужду въ мужествѣ, и не безъ
 „труда показывалъ видъ, что его не про-
 „гаютъ слезы, маловажныя огорченія, кото-
 „рыя причиняла иногда Эмилии предумо-
 „вительная его прозорливость 20). Эмилиа
 „похожа была на свою мать. Она имѣла
 „прекрасную ея талію 21), нѣжныя черты
 „ея лица; имѣла подобно ей глаза голубые,
 „нѣжныя и милые 22); но какъ ни были пре-
 „дешны ея черты, только особенно выра-
 „женія ея осанки, перемѣняющейся подобно
 „предметамъ, коими она трогалась, придава-
 „ло ея фигурѣ непреодолимую прелесть 23).“

1) Что такое: развивать характеръ? По-
 хоже ли это на Руской языкъ?

2) Что такое: сохранить ее въ располо-

женіяхъ свойственнѣйшихъ щастію? Могутъ ли стихи древнихъ Оракуловъ бытъ шемнѣ сего?

3) Что такое: живыя тувствованія и легкое благоволеніе? Пустой звукъ словъ не можеть бытъ вразумишелень.

4) Что значить здѣсь *однакожъ*? Союзъ сей показываешъ всегда нѣкоторое изъясніе изъ предвѣдущаго положенія, какъ напри- мѣръ: *онъ хотя тихаго нрава и терпѣливъ, однакожъ не дастъ себя въ обиду*. Здѣсь слова терпѣніе и обида имѣють нѣкоторую между собою прошивуположность, поелику пред- полагаешся, что обида можеть разрушить терпѣніе. Но живость или пылкость чувствъ въ шомъ и сосшопшъ, что человекъ скло- ненъ къ радостямъ и огорченіямъ опъ ма- лыхъ причинъ: къ чемужъ здѣсь союзъ *од- накожъ*?

5) Что такое: *сія тувствительность дала разсудительный оборотъ ея мыслямъ*? Что такое: *сія тувствительность дала тихость ея нравамъ*? Опшкуду научаемся мы шакому чудному сосшавленію рѣчей, шакимъ спран- нымъ выраженіямъ?

6) Здѣсь глаголы спущаны: *послѣ мно- жественнаго придавали*, *посшавлень* пош- часъ единшвенный, и *дѣлала*, опносящійся къ *тувствительности*, о коей прежде говоре- но было. Прекрасный выдешъ слогъ, когда

мы глаголы такъ располагають будемъ: *существовательность дала, нравы придавали, и дѣлала!*

7) Здѣсь мѣстоименіе *ея* поставлено не въ помѣ падежѣ; должно говорить и дѣлала *ее*, а не *ея*. Мы послѣ изъ многократнаго впаданія въ сію погрѣшность увидимъ, что это не опечатка.

8) Не давно было *которые*: близкаго и частаго повтора сего мѣстоименія надлежитъ избѣгать, да припомъ же здѣсь надлежало сказать *которыя*, поелику говорится о женщинахъ, а не о мужчинахъ.

9) Глаголь *не могъ* поставленъ здѣсь весьма не къ спашѣ; ибо кпо чего не дѣлаемъ по невозможности, а не по доброй воли, тому и благоразумія приписывать не должно.

10) Здѣсь мѣстоименіе *той* означаетъ женщину, но можеть относиться къ красотѣ; ибо сказано: *сія красота опасна бываетъ для той* (красоты). Подобнаго двумыслія въ хорошемъ слогѣ надлежитъ избѣгать.

11) *И потому не могъ радоваться этому*, есть весьма грубой и слуху противной слогъ.

12) *Укрѣпляютъ характеръ*, есть нелѣпица.

13) Здѣсь впрочемъ мѣстоименіе *ея* поставлено не въ помѣ падежѣ: *приучать ее*, а не *ея*.

14) Тажъ самая погрѣшность въ претій разъ.

15) *Безчисленныя сопротивленія.* Оба сіи слова здѣсь не у мѣста, и потому больше служаць къ запмѣнїю, нежели къ ясному выраженію мысли. Слово *сопротивленіе* не значить *противность*, или *противный* и *непрїязненный слухай*, но значить *борьбу нашу съ сими слухаями*, и слѣдственно глаголь *переносить* не приличесвуешь оному; ибо *переносить противности* можно, а *переносить сопротивленія* есть поже самое, что *сопротивляться сопротивленіямъ*. Слово же *безчисленныя* отнимаешь вѣроятность у словъ *переносить хладнокровно*. Дабы сдѣлать мысль сію правдоподобною и ясною, надлежало бы сказать: и *переносить хладнокровно встрѣтающіяся въ жизни противности*, не обременя понятія нашего неимовѣрнымъ словомъ *безчисленныя*. Даже и въ сихъ словахъ: *переносить хладнокровно*, заключаешся уже нѣчто не естественное, и для того гораздо ближе къ нашимъ чувствамъ: *переносить терпѣливо*. Сколько писателю разсуждашь должно, когда онъ желаетъ, чшобъ писаніе его не было вздорное!

16) *Принуждать себя*, есть весьма слабое и не ясное выраженіе; настоящее слово: *владѣть собою*.

17) Здѣсь въ четвертый разъ мѣсто-

именіе ея посшавлено не въ шомъ падежѣ :
влишь въ сердцѣ ея, а не ея.

18) *Влить въ сердцѣ спокойное достоинство*, есть одинъ пустой звукъ словъ, безъ всякой мысли.

19) *Возвыситься превыше*. Вознесишь превыше, можно сказать ; но *возвыситься превыше, отдалиться далѣе, приблизиться ближе*, подобныя сему выраженія не составляютъ красоты слога.

20) *Предусмотрительная прозорливость* есть такоеже выраженіе, какъ : высокая высота, зримая видимость и проч.

21) *Талія*. Талии бывають также и у Рускихъ женщинъ, а попому кажешся и названію сему надлежало бы также бышь и въ Рускомъ языкѣ.

22) Можно сказать : *прекрасные, терные, голубые глаза*. Можно также сказать : *милые глазки, милой ротикѣ*; но весьма не хорошо : *милые нѣжные глаза ! милой нѣжной ротѣ !*

23) *Выраженіе осанки, перемѣняющейся подобно предметамъ, кои она прогалась придавала фигурѣ ея непреодолимую прелесть!!!* Послѣ таковой ясности смысла и красоты слога не оспашся намъ ничего, какъ шокмо удивляться, въ какое крапкое время и какіе великіе успѣхи, учась у Французовъ, сдѣлали мы въ Россійскомъ языкѣ !

Въ крапкой выпискѣ сей, содержащей въ себѣ не болѣе двухъ страницъ, находимъ мы такое великое число несвойственностей, погрѣшностей, нескладицъ и неаппоспей: сколькожъ найдемъ мы ихъ во всей книгѣ? Можетъ бытъ въ возраженіе скажутъ мнѣ, что я выбралъ самое худое мѣсто и самый слабый переводъ, по которому не должно заключать вообще о всѣхъ переводахъ. Я и не говорю обо всѣхъ, однакожъ смѣло отвѣчаю, что изъ десяти девять шаковыхъ, въ которыхъ подобный сему бредъ выдается за красоту слога. Разогните нынѣшнія наши книги, вы увидите, что главная часть писателей нашихъ щеголяютъ симъ парабарскимъ языкомъ, и называютъ его новымъ, вычищеннымъ, утонченнымъ! Книги сіи печатаются, умножаются, никто не оговариваетъ ихъ, слогъ ихъ похваляется; молодые люди, мало упражнявшіеся въ языкѣ своемъ, чистая ихъ пріучаютъ умъ свой къ ложнымъ понятіямъ, къ худому складу, къ невразумительнымъ выраженіямъ; зло сіе возрасшаетъ, распространяется, дѣлается общимъ. Оно по свойству нашему наклонному къ подражанію, по привычкѣ, дѣлающей всякую странную вещь не странною, такъ прилипчиво, такъ непримѣнно вкрадывается въ насъ, что тѣ самые люди, которые видятъ его и вопіютъ противъ него, не чувствуютъ,

Часть II. 8

что они сами имъ заражены. Желаете ли предъ глазами своими имѣшь тому примѣръ? Прочитайше слѣдующее о нынѣшнемъ воспитаніи нашемъ разсужденіе :

„Естьли бы перестали у насъ воспитывать дѣтей не справясь съ ихъ склонностями и дарованіями, естьли бы перестали родители избирать имъ состояніе безъ цѣли и назначеній, по можно надѣясь, что слѣдующее поколѣніе произрастетъ бы лучшихъ людей на сценѣ гражданского міра ! Разсмотрите физически и морально всякое юное существо вступающее въ ученіе ; опредѣлите ему съ первой буквы его состояніе, его мѣсто въ обществѣ, займите его всѣми познаніями, всѣми опытами, касающимися единственно до его предмета; усовершенствуйте его въ одной части, сдѣлайте изъ него добраго гражданина, или ученаго, или судію, или воина, или пресвитера, или купца, или земледѣльца; удалите отъ него попугаевъ иностранныхъ, всю эту діалектику чужеземную; оставьте непростибельное, грубое заблужденіе, чтобы ломать языкъ ихъ въ молотки для пріятнаго выговора чужаго и большею частію для моды, не давши глаголаго понятія о своемъ; научите ихъ почитать иностранцевъ, которые весьма худо изъясняются и нашимъ языкомъ, и

„Другими, пренебрегая сію маловажную часть
 „воспитанія: однакожь не меньше того насъ
 „учашъ, просвѣщающъ; увѣрьте, что мо-
 „жно не краснѣя весьма худо говоримъ ино-
 „спраннымъ языкомъ и бытъ весьма полез-
 „нымъ членомъ общества; швердите имъ,
 „что не умъ богатъ языкомъ, а языкъ умомъ.
 „Переувѣрьте ихъ въ обольщающей химерѣ,
 „что будто въ чтеніи однихъ иноспранныхъ
 „книгъ можно полько почерпашъ высокія,
 „новыя идеи; онѣ раждающся опъ наблю-
 „деній, соображенія, размышленій — и въ
 „свое время. Раскройте предъ глазами вос-
 „питанниковъ вашихъ свою вѣру, свою ис-
 „порію, свои законы, свое домашнее устрой-
 „ство, пользы Государства, торговлю, про-
 „мыслы, художества, науки; швердите имъ
 „непрестанно, что они должны бытъ преж-
 „де всего члены своего общества, слуги
 „своего Государя, и попомъ уже граждане
 „міра! Напоминайте имъ о любви къ нему,
 „о своихъ обязанностяхъ, о добродѣтеляхъ
 „замѣченныхъ ими въ своихъ опчизнахъ, и
 „вы увидите, какъ примѣрно, какъ скоро
 „перемѣнится сей хаосъ воспитанія нашего
 „въ истинный свѣтъ просвѣщенія, въ луч-
 „шую, сошвѣтшвеннѣйшую систему для
 „нашего народа; вы увидите, какъ опличи-
 „тельно родятся характеры, дарованія,
 „шворческіе умы; какъ воскреснутъ швердыя

*

„великія души, пробудящся порывистыя же-
 „ланія патриотизма и изъ разнѣженныхъ
 „головъ Сенскихъ пипомцовъ, родящся не
 „личины Рускихъ, но истинныя Рускіе, до-
 „брыя граждане, сыны своего отечества!“

Тотъ же сочинилъ въ примѣчаніи своемъ
 между прочимъ говоритъ: „мы начинаемъ за-
 „бывать Руской языкъ болѣе и болѣе: куда вы
 „хотите явиться съ Рускимъ языкомъ? Въ
 „хорошемъ обществѣ, въ кругѣ людей пакъ
 „называемыхъ (лучшаго сорпу) de bon ton,
 „тамъ говорятъ по Француски. Въ школахъ?
 „Тамъ изъясняютъ уроки по Француски. Въ
 „домахъ? Тамъ коверкаютъ свой языкъ и
 „мѣшаютъ его съ Францускимъ. Гдѣ же го-
 „ворятъ по Руски? на площади, на биржѣ,
 „по деревнямъ — и кто? . . . Это неумѣ-
 „шимо! Пора бы намъ имѣть больше на-
 „родной гордости и не унижать достоин-
 „ства своего языка предъ цѣлымъ свѣтомъ!
 „Всѣ знаютъ, какъ тонко, обилень, сла-
 „докъ, живописателень Руской языкъ: для
 „чего бы не стараться довести его до воз-
 „можнаго совершенства? Для чего такой
 „могущественной Имперіи не заставитъ
 „иностранныхъ сколько же подвигнуться
 „къ намъ, сколько мы къ нимъ *)? Для чего

*) Этотъ вопросъ легко сдѣланъ, но трудно его рѣшить:
 сперва располкуемъ, что значить подвигнуться къ намъ?

„не занимаешься имъ нашимъ языкомъ въ по-
 „сольствахъ, сношеніяхъ политическихъ —
 „для чего не употребляешь его при дворѣ?
 „Тамъ, гдѣ спеченіе утонченныхъ мыслей;
 „тамъ, гдѣ вѣжливость, искусство обраще-
 „нія доведены до такой высокой степени?
 „Тамъ - то надобно образовать первоначаль-
 „ный вкусъ къ своему нарѣчію, тамъ на-
 „чать воспитывать Руской языкъ *): тогда
 „разольется онъ нечувствительно въ обще-
 „ствѣ, заславяшь гораздо съ большею охо-
 „ткою всякаго письменнаго человѣка зани-
 „маться его красотою; тогда будешь по-
 „крайней мѣрѣ писать съ надеждою, что
 „книги Рускіе и читаешь и понимаешь спа-
 „снись.“

Главное основаніе разсужденія сего весь-
 ма справедливо: оно открываетъ намъ гла-
 за, оно даетъ намъ чувствованіе ослѣпленіе
 наше; но какъ же можно пому, кто съ ша-

То ли, чтобы они въ своей землѣ обучались такъ нашему
 языку, какъ мы ихъ? Но чѣмъ же *такая могущественная
 Имперія* заставитъ ихъ *подвинуться къ сему*? Силою
 оружія, или силою краснорѣчія? Первое было бы и жалко и
 смѣшно: воевать съ чужимъ народомъ для того, чтобы
 принудить его обучаться нашему языку! Огъ впрочемъ мы
 весьма далеки: надобно сперва снять съ себя ихъ цѣпи, и
 пошомъ уже наложить на нихъ свои.

*) Воспитывать языкъ? — Давно ли сочинитель говорилъ,
 что языкъ нашъ *тонокъ, обилень, сладокъ, живописателенъ*?
 Какъ же теперь велишь его *воспитывать*? Да сверхъ того
 это дѣла уже и не такъ молодо, чтобы слово *воспитаніе*
 было ему прилично.

кою истинною укоряешь насъ, что мы начинаемъ забывать Рускій языкъ болѣе и болѣе, и съ такимъ благонамѣреніемъ совѣтуешь намъ удалить всю туземную діалектику и прилагать стараніе о глубокомъ познаніи природнаго языка своего, какъ возможно, говорю, тому самому писателю, который съ шоникимъ жаромъ вопіешь прошивъ сего, не чувствуешь, что онъ самъ послѣдуетъ сей діалектикѣ и собственнымъ примѣромъ своимъ разрушаетъ благій совѣтъ свой? Ибо чтожь, какъ не туземную діалектику, значать сіи и подобныя сему, разсѣянные повсюду въ той же самой книгѣ его, выраженія: *Жени разсматривалъ природу* (иной подумаетъ, что это Жанъ или Иванъ разсматривалъ природу: совсѣмъ не то!) и *стараясь потрафить подлинникѣ украсилъ списокъ* (это очень ясно!) — *Примѣтательные улы разсматривали Жени со всѣхъ сторонъ и раскрыли трезвъ анализъ тайны его чудесъ* (это прямо по Руски)! *Улучшенная природа, въ воображеніи, во вкусѣ и въ ощущеніи всего изящнаго* (хорошо)! — *Важность посящая отлетитокъ мужественнаго характера* (не лзя лучше!) Онъ не былъ еще злодѣемъ по привычкѣ, но по системѣ былъ уже таковъ. — Часто покушалась она закрасить тѣмъ нибудь (для чего не замазать!) свое положеніе. — *Набросилъ тѣнь на сіи преступныя восторги, и пр.*

и пр. и пр.? Набросимъ и мы пѣнь на сей спиральной слогъ и подивимся, что находимъ его въ такомъ сочиненіи, которое полкуешь намъ о классическихъ спихопвореніяхъ и о Россійской Словесности, и которое называя языкъ нашъ вмѣстѣ и вновь рождающійся и бѣднымъ, и богатымъ и живописательнымъ, и укоряя насъ, что вездѣ въ обществахъ и въ домахъ нашихъ коверкаютъ его мѣшая съ Французскимъ языкомъ, само себя пѣмъ же самымъ укоризнамъ подвергаетъ.

Въ нѣкоторой книжкѣ случилось мнѣ прочиташъ слѣдующій вопросъ: отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? Сочинишель разсуждая о семъ между прочимъ говоритъ:

„Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно развиваться и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, — то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей, — но и многія историческія свѣденія, умъ образованный логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько время (правильнѣе времени) потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Волтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному.

(А мы во всю жизнь учась чужому, и не заглядывая въ свой, хошимъ бышь писателями!). Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ прочитавъ Монпаня, Паскаля, пять или шесть авторовъ вѣка Людовика XIV, Волтера, Руссо, Томаса, Мэрмонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ во всѣхъ формахъ — (во всѣхъ родахъ, я думаю); — но мы прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. (На сіе мнѣніе не во всемъ согласиться можно: мнѣ кажется, ежели Французъ прочитавъ Монпаня, Паскаля, Волтера, можетъ совершенно узнать языкъ свой, но и мы прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, познать самое узнать можемъ; ибо естли нынѣшніе Французы учаща у Монпаней, Паскалей, Волтеровъ; но и Монпани, Паскали, Волтеры, у кого нибудь также учились. Писатели по различнымъ дарованіямъ и склонностямъ своимъ избираюць себѣ родъ писанія: иной трубу, другой свирель; но безъ знанія языка ничто ни въ какомъ родѣ Словесности не прославится. Писателю надлежитъ необходимо соединить въ себѣ природное дарованіе и глубокое знаніе языка своего: первое снабждаетъ его изобиліемъ и выборомъ

мыслей, второе изобиліемъ и выборомъ словъ. Писать безъ дарованія, будешь Тредьяковскій (*); писать безъ знанія языка, будешь нынѣшній писатель. Конечно безъ разума утвержденного науками, хотя бы кто и всѣ церковныя и свѣтскія книги прочиталъ, онъ приучилъ бы только слухъ свой къ простому звуку словъ, нимало не обогащающему разсудка нашего, и слѣдовательно не собралъ бы никакого ни *умственного* ни *словеснаго* богатства. Но чтожь, кто имѣя острый умъ, прочитаетъ ихъ съ разсужденіемъ и приобрѣтетъ изъ нихъ познаніе въ краскостии, силѣ и красотѣ слога; по почему же сей не сдѣлается тѣмъ художникомъ, коимъ всему изображаемому имъ даетъ душу и краски? Я думаю совсѣмъ напророчивъ: Французы не могли изъ духовныхъ книгъ своихъ сколько заимствовать, сколько мы изъ своихъ можемъ: слогъ въ нихъ величественъ, красокъ, силенъ, богатъ; сравните ихъ съ Французскими духовными писаніями, и вы пошчасъ сіе увидите. Надлежитъ только отрястать отъ себя мракъ предразсудка и не лѣнисья почерпать изъ сего неиспощаемаго источника). *Истинныхъ писателей было*

*) Я разумю о стихотворствѣ Тредьяковского; чтожь принадлежитъ до историческихъ переводовъ его и писаній въ прозѣ, оныя ошибки не должны почищаться наравнѣ съ его стихами.

у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать приятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. (Превосходныхъ писателей въ разныхъ родахъ, конечно, было у насъ мало; но свѣтскихъ, а не духовныхъ; и первыхъ мало отъ того, что не читають они послѣднихъ. Я не говорю, чтобъ могли мы изъ духовныхъ книгъ почерпнуть всѣ роды свѣтскихъ писаній; но кто при остротѣ ума и природныхъ дарованіяхъ будетъ въ языкѣ своемъ и краснорѣчій силенъ, пошъ по всякому цупи, какой шокмо изберешъ себѣ, пойдешъ достоѣнно. Есть у насъ много великихъ образцовъ, но мы не знаемъ ихъ, и пошому не умѣемъ подражать имъ. Между пѣмъ и въ свѣтскихъ писателяхъ имѣемъ мы довольно примѣровъ: Лирика равнаго Ломоносову конечно нѣтъ во Франціи: Мальгеръ и Руссо ихъ далеко уступаютъ ему; откуда же брать онъ образцы и примѣры? Природа одарила его разумомъ, науки распростирили его понятія, но кто снабдилъ его силою слова? Если бы Сумароковъ познаніемъ языка своего обогатилъ себя столько же, какъ Ломоносовъ; онъ бы, можешъ бытъ, при остротѣ ума своего, въ сапирическихъ сочиненіяхъ не упустилъ Буалу, въ прагическихъ

Расину, въ припчяхъ ла Фоншеню (*). Вольно намъ на чужихъ, даже и посредственныхъ писателей, смотрѣшь завидными глазами, а своихъ и хорошихъ презираешь. Чпожь принад-

(*) Припчи и Эклоги всего болѣе украшаются простополомъ слога и выражений; но прочія сочиненія шребуютьъ возвышенныхъ мыслей. Сумароковъ родился бытъ стихопворцемъ, но природное дарованіе его не подкрѣплено было прилѣжнымъ упражненіемъ въ языкѣ своемъ и глубокимъ знаніемъ онаго. Въ трагедіи его Гамлетѣ раскаивающійся въ злодѣянїяхъ своихъ Клавдій падъ на колѣни, говоритъ:

Се Боже, предъ Тобой сей мерзкій человекъ,
Который срамошой одной наполнилъ вѣкъ,
Поборникъ испины, безспыдныхъ дѣлъ рачишель,
Врагъ Твой, врагъ ближняго, убійца и мучишель!

Въ повѣйшихъ изданїяхъ слово *поборникъ* перемѣнено и вмѣсто онаго пошавлено *рушитель истинны*; однакожь Сумароковъ дѣйсшвишельно упошребилъ слово *поборникъ*! принимая оное въ смыслъ прошивоборника. Въ тойже трагедіи его уличенная сыномъ своимъ въ убійствѣ перваго мужа своего и пришедшая въ раскаиніе Гершпруда говоритъ вшорому супругу своему:

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того прошивна днл, какъ шы на пронъ возшель,
Тѣхъ пагубныхъ минушь, какъ чесшь я пошрляла,
И на супружню смерть не пронуша взирала: (и проч.)

Ломоносовъ похуляя сей послѣдній стихъ, и доказывая, что въ немъ совсѣмъ не пошъ смыслъ заключаешся, въ какомъ сочинишель его упошребилъ, написалъ слѣдующіе стихи:

Женился Спилъ, спарикъ безъ мочи,
На Шеллѣ, что въ пяшнадцать лѣшь,
И не дождавшисъ первой ночи.
Закашлявшисъ оставилъ свѣшь;
Тушь Шелла бѣдная въздыкала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

лежитъ до сего мнѣнія, что авторы наши не успѣли обогатить словъ новыми идеями; но развѣ говорится сіе о прежнихъ авторахъ, а нынѣшніе весьма въ помъ успѣли! Изъ великаго множества приведенныхъ въ

Изъ сего довольно яствуетъ, сколь много знаніе языка предохраняетъ писателя отъ погрѣшностей и несвойственныхъ выраженій, въ которыя онъ безъ того, при всемъ своемъ остроуміи и дарованіи, не рѣдко впадаетъ будешь. Впрочемъ, хотя изъ многихъ мѣстъ можно бы было показать, что Сумароковъ не довольно упражнялся въ чтеніи Славенскихъ книгъ, и поному не могъ быть силенъ въ языкѣ, однакожъ онъ при всѣхъ своихъ недоспапкахъ есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ стихотворцевъ и прагиковъ, каковыхъ и во Франціи не много было. Если бы не находимъ мы въ немъ примѣрной чистоты, великолѣпія и богатства языка; но по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ чувствуемъ сладость онаго, не смотря на нынѣшнихъ писателей, которые говорятъ: *Семира сво изрядна, также Вышеславъ, Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Гамлетъ и проч.*; но теперь уже выходятъ они изъ моды и колорисъ ихъ отдѣлки тускнѣетъ: такъ то мало могъ онъ устоять противу времени и вкуса! — Преславные мы будемъ знатоки и писатели, когда о прагедіяхъ разсуждать станемъ по модѣ, какъ о пряжкахъ и башмакахъ! Ваши отдѣлки и колорисы при свѣстѣ здраваго разсудка исчезнутъ, но Сумароковъ будетъ всегда Сумароковъ. Въ самыхъ величайшихъ сочинителяхъ и стихотворцахъ примѣчаются иногда недоспапки: Корпелій, высокопарный Корпелій, отецъ Французской прагедіи, преисполненъ ими. Инакъ неблаго-разумель пошъ, кто въ знаменитомъ писателѣ замѣтши двѣ или три погрѣшности, станешь для оныхъ всѣ прочія красныя его пренебрегать. Талантъ часто и въ самой погрѣшности не преспаешь бышь шалашиномъ: у Ломоносова въ прагедіи прекрасная Ташарская Царевна влюбляется съ башни въ развѣзжающаго по полямъ рыцаря, и открываетъ спраснь свою наперсницѣ своей сими словами:

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропусшивъ сквозь паръ густой лучи,

семь сочиненіи выше и ниже сего примѣ-
ровъ ясно видѣшь можно, какую пріятность
и какое приращеніе получилъ языкъ нашъ!)
Руской Кандидатъ авторства (вошь и дока-
зашельство пому!), *недовольный книгами,*

Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна пишица минула въ сей ночи.
Отець мой воинству поповишся къ отпору,
И на снѣгахъ сползъ уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближку гору,
Чшъ бѣ прямо успрямилъ на городъ пучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносилъ,
Которой съ высоты на агнца хочеть пастъ;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурной хврь крушился:
Селимова казалъ проворство плѣмъ и власнъ.
Онъ ѣздилъ по полкамъ (и проч.).

Стихи сіи гладки, чисны, громки; но свойственны ли
и приличны ли они устами любовницы? Слыша ее звуча-
щу шакимъ величавымъ слогомъ, не паче ли она вообра-
жаешся намъ Гомеромъ или Демосфеномъ, нежели молодою,
спрашною Царевною? Въ другомъ мѣстѣ, въ шойже са-
мой прагедіи его Мамаѣ, Селимъ говоришь сей же самой
любовницѣ своей Тамирѣ:

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую прошивность учинишь?
Какое сердце есть на свѣстѣ шоль безбожно,
Которое себя дерзаетъ оскорбишь?
Тебя, предъ коею жаръ браанный погасаетъ
И падають изъ рукъ и копья и щипы,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный ушихаетъ
Удержанъ силою шолкой красоты!

И въ другомъ мѣстѣ нѣсколько пониже, гдѣ Селимъ
убѣждаетъ Тамиру оставишь отца своего и ѣхашъ съ нимъ
въ его землю:

Послѣдуй мнѣ въ дуга Багдашскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣшенъе тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя,

долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. (Этіопъ способъ узнавать языкъ всѣхъ легче). Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ по Французски! (Стыдно и

Царицу воспріять великую спекаюся,
 Близнею почтись чуждойся народъ,
 И красотъ своей родителъ удивляясь,
 Превыше всѣхъ торжествъ пошавишь швой приходъ.

Если бы сіи прекрасные стихи вложены были въ уста посланника Селимова, которой бы отправленъ опъ него былъ съ пѣмъ, чѣмъ прельстись Царевну краснорѣчивымъ изображеніемъ приличностей мѣстъ и почестей, ожидающихъ ее въ шой спрачъ, куда ее приглашаютъ; тогда бы помѣщены они были приличнымъ образомъ. Но когда самъ Селимъ, улуча на крашкое время случай увидѣться съ своею любовницею, виѣшо проспаго, смущнаго, поропливаго издѣлія спрасшныхъ чувствъ своихъ, вѣщаеъ ей шоль отборными словами и мыслями, каковы сушь сіи:

Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ
 И падаютъ изъ рукъ и копья и мечи.

И л и :

Во срѣшене шебъ Евфрашъ прольетъ себя (и проч.)

То хопя и вижу я здѣсь много ума и краснорѣчія; однако не вижу ни любви, ни сердца, ни чувствъ. Напрошивъ того, когда Труворъ убѣждал Ильмену уйши съ нимъ, говоришь ей:

Коль любишь шы меня, разспанься съ сей спрапой,
 И изъ величества, куда восходишь нынѣ,
 Отважся шы со мной жить въ бѣдности, въ пуспынѣ,
 Съ презрѣннымъ, съ выгнанымъ, съ оставленнымъ ошъ всѣхъ;
 Покинь съ желаніемъ надежду всѣхъ упѣхъ,
 Которы пышношью Князей увеселяють,
 И чесподобіе богашыхъ умножаютъ;

жалъ, да пособить нѣчемъ. Рѣка печетъ, и все, что въ ней, плыветъ съ нею. А виноваты писатели. Молиеръ многіе безразсудные во Франціи обычаи умѣлъ сдѣлать смѣшными!) *Милыя дамы, которыхъ надлежало бы*

Довольствуйся со мной, пустыннымъ жилиемъ,
И будь участница въ печасіи моемъ,
Которо, коль ты мнѣ вручишь красу и младость,
Мнѣ въ сказанную преобразишь радость.

Или когда Хоревъ Оснелдѣ своей, укоряющей его жестокосердіемъ за то, что онъ идетъ съ ошцемъ ея сражашься, отвѣтствуетъ:

Когда я въ бѣдственныхъ лютейша днѣ часахъ
Кажуся шигромъ быль въ вслѣбленныхъ очахъ,
Такъ вѣдай, что во градъ меня съ кровава бою
Внесушь, и мертваго положашъ предъ шобою:
Не навлеку меча, хошя иду на брань,
И раздѣлю живошь себѣ и долгу въ дань.

Тогда, читая сіи стихи, сердце мое наполняется состраданіемъ и жалостію къ состоянію сего любовника. Я не научаюсь у него ни громкости слога, ни высокости мыслей; но научась любить и чувствовашь. Слѣдующъ ли изъ сего заключить, что ни Ломоносовъ ни Сумароковъ, ни другіе многіе писатели наши не могутъ намъ служить образцами? Ошнюдь нѣтъ! Надлежитъ шокмо чистить ихъ съ разсужденіемъ, безъ всякаго къ нимъ приспращія и ненависти, безъ всякаго предубѣжденія къ иносказаннымъ писателямъ, и безъ всякаго прищомъ самолюбія, или высокаго о себѣ мнѣнія; ибо сія послѣдняя спрашъ часто сбиваетъ насъ съ прямой дороги. Мы часто слышимъ крикуновъ и Зоилловъ; но рѣдко шаккихъ, кошорые, не кричатъ, а разсуждаютъ и доказываютъ. Знающій Зоиль съ невѣждою Зоиломъ различествуютъ въ шомъ, что первый выслушиваетъ доказательшва, и когда найдетъ ошья сильнѣйшими своихъ; шо соглашется съ шѣмъ, кошо противъ него спорить, и перемѣняетъ свое мнѣніе; а другой не перемѣнитъ онаго ни зачшо, и говоритъ какъ Ско-

только подслушать, чтобы украсить Романъ или Комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ не Рускими фразами. (Милыя дамы, или по нашему грубому языку женщины, барыни, барышни, рѣдко бывають

шининъ: у мнѣ, слышь ты, сто вошло въ мою голову, то въ ней и засѣло. Когда я съ разсужденіемъ буду чиглашь прежнихъ писателей нашихъ, шаковыхъ какъ Теофанъ, Капшемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Поповскій, Казикій, Польшица, Майковъ, Пешковъ, Крашенинниковъ, и многихъ пынѣшнихъ, украшающихъ списхошвореніе и словесносшь нашу: шо почему, имѣя дарованіе, не найду я въ нихъ доспащочной для ума моего пици? А есшьли я не имѣю въ себѣ дарованій шой пчелы, кошорая, какъ говоришь Сумароковъ: *посвицл блисеуцханку розу, беретъ въ свои соты тастицы и съ навозу*; шо никакіе славные сочинители не научашъ меня писашъ. Многіе пынѣ, разсуждая о сочиненіяхъ, кричатъ: *эта Сатира скаредна, стихи въ ней негладки; это слово никуда негодится, оно написано по Славенски!* Да развѣ не можешъ бышь въ негладкихъ стихахъ богашаго, и въ гладкихъ скуднаго смысла? Почто худое съ хорошимъ сливашъ безъ различія? Развѣ не лъзя по Славенски написашъ хорошо, и по Руски худо? Также по Руски хорошо, и по Славенски худо? Какая нужда мнѣ до слога, по Славенски ли, по Малороссійски ли, по Руски ли кто пишешъ? Лишь бы не имѣлъ онъ юродливаго смѣшенія, лишь бы ясенъ былъ связью рѣчей, крашокъ выраженіями, изобилень разумомъ, и приличень роду писанія; шо еспь, не написалъ бы кто Комедію Славенскимъ, а поэму проспонароднымъ Рускимъ языкомъ. Начшо мнѣ послѣдовашъ худой прозѣ, или худымъ стихамъ Сумарокова; но для чего мнѣ шамъ не перенимашъ у него, гдѣ онъ какъ весна цвѣшущъ, какъ роза цѣженъ? Въ разсужденіи же различенія велѣпоспей ошъ красосшь надлежишь бышь весьма осторожну, и опяюдь не полагашься на судъ другихъ, доколѣ собспивеннымъ своимъ разсудкомъ не ушвердишь въ шомъ. Напримѣръ: ежели бы кто мнѣ сказаль: посмотри, какъ въ Синавѣ и Триворѣ чешвершое явленіе перваго дѣйствія безъ размышленія написано, и спашъ бы доказывашъ шо слѣдующимъ образомъ:

сочинишельницами, и шакъ пусть ихъ гово-
ряшь, какъ хошяшь. А вошь несносно, когда
господа писатели дерушь уши наши не Ру-
скими фразами!). *Чтожъ остается дѣлать
Автору?* (Учишься Руской, а не Французкой,

Труворъ оставшись наединѣ съ Ильменою, и зная уже,
что она всхупаетъ въ бракъ съ брашомъ его Синавомъ,
вопрошаетъ ее съ безпокойствомъ:

Трув: Такъ ты ужъ предпріала
Его супругой бышь?

Ильм: Хошя и не желала.

Трув: О коль несчастливый мой брашъ днесъ щастливъ спалъ!

Ильм: Ты щастіемъ его напасъ мою назвала:
По повелѣнію ему супругой буду;
Но въ одръ

Здѣсь видя по неволѣ вырывающееся изъ груди своей
признаніе любви, прерываетъ она рѣчь свою. По сіе время
весьма хорошо. Вспревоженный сердца ихъ не имѣють
времени шайшь долѣе свой пламень. Они опарываются во
взаимной спрасни своей, и разговоръ ихъ продолжается:

Трув: О время! о судьбы! За что ты намъ поль спрости!
Удобно ль будешь мнѣ толику скорбь шерпѣшь,
Какъ буду я шебя чужой супругой зрѣшь,
Красу швою чужимъ желаніямъ врученну,
И сердца моего ушѣху похищенну!

Ильм: Я съ именемъ умру любовницы швоей,
И дѣвой сниду въ гробъ, не чувшвуй муки сей.

Трув: Ты брашу моему хошѣла бышь женою.

Ильм: Не обвиняй меня невольною виною,
И дай исполнишь мнѣ родишельскій приказъ:
Ахъ! ештли въ свѣшѣ кшо несчастливѣе насъ!

Здѣсь все ясно сказано: Труворъ знаетъ, что Ильмена
любитъ его, что она выходитъ замужъ за браша его по
повелѣнію отца своего, и что хочешь не измѣняя ему
умереть. Посмотримъ шеперь продолженіе ихъ разговора:

Часть II.

9

грамотѣ). *Выдумывать, сочинять выраженія?*
 (Кто безъ прилѣжнаго въ языкѣ своемъ упражненія спанеть выдумывать, сочинять выраженія, пошъ похожъ будешь на того, копорой говоришь во снѣ). *Угадывать лучшій*

Трув: Твой духъ не шакъ какъ мой смѣя бракомъ будешь мучень,
 А я пребуду въ вѣкъ на свѣтѣ злополучень,
 Хотя мой вѣкъ нап-снѣ и скоро сократишь,
 Когда она меня съ тобою разлучишь:
 И какъ меня, увы! пожрешь земли ушроба,
 Приди когда нибудь ко мнѣ на мѣсто гроба,
 И ешлы буду жишь я въ памяти швоей,
 Хошь малу жершву дай во шмѣ душѣ моей:
 И вспомянувь разрывъ союза между нами,
 Оплачь мою злу чассть, омой мой гробъ слезами.

Ильм: Владычеспшуй собой, печали умѣрай,
 А жершвы опъ меня иныя ожидай.
 Не слезы буду лишъ я жершвуя любви:
 Когда тебѣ лишусь, полююшѣ шоки крови.

Здѣсь Ильмена повпорлешъ шожѣ самое, что она и прежде сказала, шо ешлы: что она умрешъ прежде, нежели ему измѣнишь. Чѣмъ же можно извинишь просшопу сего ошеѣша его:

Я не могу никакъ понять твоихъ рѣсей?

И когда Ильмена еще съ большею ясностію скажешъ ему:

Поймешъ, когда моихъ померкнетъ свѣтъ отей;
 шогда онъ съ шожѣ, какъ и прежде, но здѣсь еще болѣе непросшительною тупостію ума, наки повпорлешъ ей:

Мнѣ мысль твоя темна, какъ я ни разсуждаю.

Видѣ шакое непоняшїе его и недогадливостъ, Ильмена имѣла все право сказать, *считаемъ разеоворъ* и проч. Ешлы бы, говорю, кто шакимъ образомъ доказалъ мнѣ, я бы не могъ его оспоришь и долженъ бы былъ согласишь съ нимъ; но ежели бы кто о шойже прагедіи сказалъ мнѣ (какъ я шо и слышалъ опъ многихъ), что слѣдующіе, произнесенные Госшомысломъ въ шо время, какъ дочь его закололась предъ нимъ, сшихи, весьма нееспешвенны:

выборъ словъ ? (Надлежишь о словахъ разсуждашь и основываешься на коренномъ знаменованіи оныхъ, а не угадываешь ихъ; ибо естли писашель самъ угадываешь будешь слова, и заспавишь чипашеля угадываешь

Возьми ошь глазъ моихъ сіе бездушно шѣло.

Чье сердце какъ мое шoliko бѣдъ шерпѣло!

То бы я не скоро согласился; ибо надлежишь разсмотрѣшь сперва Госпомыслову швердосшь и любомудріе, наипаче изображенныя въ монологахъ, начинающемся сима спихомъ:

Наполкень нашъ животъ предлюжествомъ суетъ;
 шакожь припомнишь и сіи выше того въ разговорѣ съ дочерью своею, сказанныя имъ слова:

**А какъ закроешь ты глаза свои спомъ вѣчнымъ,
 Могу ли я шогда бышь споль безчеловѣчнымъ,
 Чшобъ не шпревожилъ рокъ сей крѣпости моеи,
 И не далъ слабости шому въ кончинѣ дней,
 Кшо малодушія понинѣ жилъ не зная,
 И сына погребалъ очей не омочая?**

**Когда изъ глазъ моихъ шокъ слезный шощечешь,
 Чшо видя плачуща народъ о мнѣ речешь?**

Коль слуху моему сей голось будешь злобенъ:

Се шпердый Госпомысль намъ въ немощахъ подобеть!

Хошляжь сей слабости я въ сердце не пуцу;

Но духъ, тебя лишаешь, колико возмуцу!

Привыкнувъ видѣшь въ немъ сію спомчскую швердосшь, могу ли я ожидать, чшобъ сей великій мужъ, при какомъ бы шо ни было нещастіи, возопилъ: ахъ! увы! горе мнѣ! Правда швердосшь его была бы нѣкое не ешеспшвенное жестокосердіе, естли бы онъ произнесъ одиць сей спихъ

Возьми ошь глазъ моихъ сіе бездушно шѣло;

Но между шѣмъ, какъ сей спихъ являетъ въ Госпомыслѣ необычайную швердосшь духа, другой:

Чье сердце какъ мое шoliko бѣдъ шерпѣло!

*

ихъ, то и родился изъ сего нынѣшній невразумительный образъ писанія). *Давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ?* (Прочитайте приложенный ниже сего опытъ Слова, вы увидите, что мы знаменованія многихъ коренныхъ словъ не знаемъ, и когда мы, не зная настоящаго знаменованія ихъ, спанемъ давали имъ новые смыслы, заимствуя оныя отъ Французскихъ словъ; но не выдетъ ли изъ сего, какъ я въ началѣ сего сочиненія помощію круговъ полковаль, что мы часть Е своего круга испребляемъ, а часть D чужаго круга распроспраняемъ и умножаемъ будемъ. Таковыми средствами достигнемъ ли мы до того, чтобы быть хорошими писателями? Напроривъ, доведемъ языкъ свой до совершеннаго упадка. Истина сія не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію, что чѣмъ больше будемъ мы думать о Французскомъ языкѣ, тѣмъ меньше будемъ знать свой собственнй). *Предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновен-*

Показываетъ въ немъ чувствительнаго и больше, нежели плачущаго ошца. Ишакъ въ сихъ двухъ стихахъ нахожу я искусное соединеніе двухъ противныхъ между собою свойствъ, и слѣдовательно мысль не хулы, но всякой похвалы достойную. Сумароковъ въ новѣйшихъ изданіяхъ трагедій своихъ, сіи два стиха совсѣмъ выпустилъ; однако на сіе не надлежитъ сморѣть; ибо онъ многія сочиненія свои, гоняся за богатыми рифмами, поправляя испортилъ.

ность выражений. (Я совѣмъ не поминаю, въ чемъ состоишь сіе искусство обманывать чашапелей, и какаѧ нужда предлагать выраженія въ новой связи? Великіе писатели изобрѣшаютъ, украшаютъ, обогащаютъ языкъ новыми понятіями; но предлагать выраженія въ новой связи, мнѣ кажется, не иное что значить можетъ, какъ располагать рѣчи наши по свойству и складу чужаго языка, думая, что въ этомъ состоишь новостъ, пріятностъ, обогащеніе. Если мы такъ рассуждаемъ будемъ, то почтожь жалуемся, что вездѣ у насъ говорятъ по Француски? Лучше говорить по Француски, нежели Рускимъ языкомъ по Француски писать). Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, (какой трудности? пой, чтожь пишутъ новою никому непонятною связью, и сдѣлашь, чтожь ее всѣ понимали? Подлинно это великая трудностъ и достойная того, чтожь пошлѣ надъ нею! Славный Донъ Кишотъ не боролся ли съ вѣтренными мельницами желая побѣдить ихъ?), и что свѣтскія дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Если спросите у нихъ: какъ же говорить должно? То всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: не знаю; но это грубо, несносно! (Не спрашивайте ни у свѣшскихъ

дамъ, ни у монахинь, и за чѣмъ у нихъ спрашиваешь, когда онѣ говорятъ: не знаю?) — Однимъ словомъ, Французской языкъ весь въ книгахъ, со всѣми красотою и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ, а Руской только отчасти? (Источникъ Рускаго языка также въ книгахъ, копорыхъ мы не читаемъ, и хопимъ, чшобъ онъ былъ не въ нашихъ, а во Французскихъ книгахъ). Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человекъ съ талантомъ. (Расиновъ языкъ не шопъ, копорымъ всѣ говорятъ, иначе всякой бы былъ Расинъ. Ломоносова языкомъ никому говоришь не стыдно. Бѣдные Рускіе! Они должны молчать до шѣхъ поръ, покуда родится человекъ съ талантомъ, копорой напишетъ, какъ имъ говоришь должно!). Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или генія, говоря, что онъ есть терпѣніе въ превосходномъ степени. Но естли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія геній не можетъ возсіять во всей своей лутезарности. Работа естъ условіе искусства. Охота и возможность преодолевать трудности естъ характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ словомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, того имъ

стояла палья краснорѣція! Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естьли и самое щастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственною постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ утеникомъ, писать и бросать въ огонь напечатанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? (Что до этой трудности принадлежишь, то она конечно велика, и когда мы къ сей великой трудности прибавимъ еще великую легкость переводить съ чужаго языка слова и рѣчи, не зная своего: тогда и доберемся до истинной причины, отъ чего у насъ такъ мало авторскихъ талантовъ, и такъ много худыхъ писателей, которые порпяпъ и безобразящъ языкъ свой, не чувствуя того и пріемля нелѣпности за красоту). Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: путь время идти въ службу, время искать тиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы натинаемъ только любить тение; (полно не перестаемъ ли?) Имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе тиновъ не мѣшаетъ биламъ,

ужинамъ, праздникамъ; а жизнь авторская любитъ тасное уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, которые утатся, также слѣшатъ выдти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ не многіе, которые остаются въ утеномъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ. — Безъ того трудно писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ утенъ ни былъ. Всѣ Французскіе писатели, служащіе образцомъ тонкости и пріятности въ слога, переправляли, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтъ, наблюдая, что ему правится, и потому? (Французскіе писатели познавали и исправляли погрѣшности свои отъ сужденія объ нихъ другихъ писателей; Волшеръ судилъ Корнелія и Расина, Лагарпъ разсматривалъ Волшера, и такъ далѣе. Всякой изъ нихъ одинъ на другаго дѣлалъ свои замѣчанія, доказывалъ, что въ немъ худо и что хорошо, разбираалъ каждой стихъ его, каждую рѣчь, каждое слово. Сверхъ сего многіе и самыя лучшіе писатели поправляли сами себя, и въ новыхъ изданіяхъ ихъ всѣ сін перемѣны напечатаны такъ что читатель, съ великою для себя пользою, можетъ слышать старую и новую мысль сочинителя. Отсюда раждался общій свѣтъ для всѣхъ, языкъ получалъ опредѣленіе и чистоту,

словесность процвѣтала. Но мы гдѣ разсуждали о сочиненіяхъ своихъ? Мы только твердимъ о Бонешахъ, Томсонахъ, Жанъ-Жакахъ; а про своихъ не говоримъ ни слова, и ешьли когда начнемъ судить объ нихъ; то опниудь не съ шѣмъ, чшобъ подробнымъ разсмаприваніемъ слога и выраженій ихъ принесшь пользу словесности; но чшобъ просто, безъ всякихъ доказательствъ, поборишь писателя, или чшобъ показашъ похвальное достоинство свое, заключающееся въ презрѣніи къ языку своему). Правда, что онѣ, будучи школою для авторовѣ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховѣ. Щастливѣ, кто, слушая Сиренѣ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захотѣтъ! Инаге мы останемся при однихъ куллетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта, но жить въ кабинетѣ. (Все сіе опчасти можетъ быть справедливо, но я не полагаю сего главнымъ препятствіемъ прозябенію талантовѣ. Ешьли бы дворяне наши, хотя и до пятнадцати лѣтъ, но учились болѣе Руской, нежели Французкой грамошѣ, и ешьли бы въ сіе время положено въ нихъ было досташочное къ познанію языка своего основаніе; шогда

служба не мѣшала бы имъ обогащаться дальнѣйшими въ помѣ пріобрѣтеніями; получа охоту и знаніе нашли бы они время, когда обращаясь съ женщинами въ обществѣ, и когда дома сидѣть за книгами. Имя хорошаго писателя сдѣлалось бы у насъ въ такомъ же уваженіи, какъ и у другихъ народовъ. Но когда мы опъ самой колыбели своей вмѣстѣ съ молокомъ сосемъ въ себя любовь къ Французскому, и презрѣніе къ своему языку; по какихъ можемъ ожидать талантовъ, какого процвѣшанія словесности, какихъ рѣдкихъ произведеній ума? Кто въ подлинну захочетъ двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, писать и бросать въ огонь свои сочиненія, доколѣ не почувствуетъ ихъ достойными изданіями въ свѣтъ, когда ясно видишь, что попеченіе его будетъ тщетно; что и чинапелей такихъ мало, кошорые бы двадцатилѣтній прудъ его могли распознавать съ единолѣтнимъ; и что къ совершенному упадку прекраснаго языка нашего отчасу болѣе распространяется зараза наывающій нѣкую чуждую и несвойственную намъ нескладу пріятностію слога и элегансомъ?).“

Для дальнѣйшаго показанія, что мы съ одной стороны языкъ свой забываемъ, а съ другой всякими вводимыми въ него неприличными новостями искажаемъ его, или ина-

че сказать, кругъ знаменованія коренныхъ Россійскихъ словъ списанъ, а новопринятыхъ, не опредѣленныхъ, не содержащихъ въ себѣ никакого смысла, противу свойствъ языка своего распространить стараемся, разсудилось мнѣ, читая нынѣшнія и старинныя книги, выписывать изъ нихъ всѣ тѣ слова и рѣчи, которыя заключаютъ въ себѣ нѣчто особенное и достойны нѣкотораго примѣчанія. Въ первой выпискѣ, сдѣланной мною изъ новѣйшихъ книгъ, выбиралъ я только такія выраженія, которыя языку нашему совсѣмъ несвойственны, и старался примѣчаніями моими доказать неприличность оныхъ, не входя въ разсужденіе (или входя очень мало) и не выписывая такъихъ мѣстъ, кои показываютъ слабость или нечислоту слога, могущую происходить отъ неискusstва въ краснорѣчіи, хотя впрочемъ сочинитель и ни мало не гоняется за чужезычными словами и складомъ; ибо сіи послѣднія замѣчанія могли бы меня весьма далеко завести. Я не означалъ такъже ни главія книгъ, ни мѣстъ, въ коихъ сіи неслѣпныя выраженія мнѣ попадались; поелику замѣреніе мое не есть лично кому нибудь досаждашь; но только для общей пользы словесности, начинающимъ упражняться въ оной дашь примѣнить, сколь сіи вводимыя въ прекрасной нашъ языкъ новости суть

безобразны. Впрочемъ да не подумаетъ читатель, что я въ приложенныхъ выше и ниже сего примѣрахъ нѣкоторыя, для вѣщаго показанія странности ихъ, отъ себя составилъ; нѣтъ! я могу удостовѣрить его, что всѣ оныя выбраны изъ печатныхъ книгъ.

Вторая выписка сдѣлана мною изъ книгъ церковныхъ. Въ оной выбиралъ я пакія слова, изъ которыхъ инья въ новѣйшихъ нынѣшнихъ писаніяхъ мало или совсѣмъ неизвѣстны, а другія хотя употребляющіяся, но не во всѣхъ мѣстахъ смыслахъ, въ какихъ употреблялись прежде, и пошому кругъ знаменованія ихъ, къ ущербу богатства языка, заключенъ въ нѣислѣвимыя прежнихъ предѣлы. Обѣ таковыя выписки могутъ быть полезны: первая для обнаруженія вводимыхъ странностей; вторая для показанія, что вмѣсто неслѣдныхъ новостей, за которыми мы, читая иностранныя книги, гоняемся, можно чрезъ прилѣжное чтеніе книгъ своихъ почерпнуть изъ оныхъ истинное краснорѣчіе, обогатить умъ свой знаніемъ силы слога, не ползая по слѣдамъ иностранныхъ писателей, но сопровождаясь своими, пролагать себѣ новый путь; и однимъ словомъ, вмѣсто перенимающихъ слышимые звуки косноязычныхъ попугаевъ, быть сладкогласными на своемъ языкѣ соловьями.

Послѣдняя изъ двухъ вышепомянутыхъ выписокъ есть одинъ весьма недоспашочный опытъ. Надлежитъ, продолжая такимъ образомъ, составишь полный Словарь, и расположишь оный по азбучному порядку. Хотя имѣемъ мы Академическій и церковный Словари, въ которыхъ многія спаринныя, или нынѣ мало употребительныя слова, собраны и исполкованы; однако много осталось еще не исполкованныхъ, а другія пребуютъ пространнѣйшаго исполкованія. Ипакъ не бесполезно будетъ съ помощію двухъ вышесказанныхъ Словарей, и прилѣжнаго чтенія церковныхъ и Славенскихъ книгъ, составишь вновь такой Словарь, въ кошоромъ бы всякое слово объяснено было во первыхъ множайшими текстами, показующими во всей обширности кругъ знаменованія онаго; во вторыхъ должно стараться показашь корень онаго и присовокупить къ тому свои примѣчанія и разсужденія, какія понятія въ Россійскомъ слогѣ изображають имъ приспоино; въ третыхъ надлежитъ разсмотрѣть, не заключаетъ ли оно въ себѣ такихъ смысловъ, для выраженія коихъ прибегаемъ мы нынѣ къ рабспвенному съ чужихъ языковъ переводу словъ, въ нашемъ языкѣ совсѣмъ новыхъ и слѣдспвенно не имѣющихъ никакого знаменованія ни силы. Я увѣренъ, что шощь, кшо съ большимъ до-

сугомъ, и съ вѣщными моихъ способностями и дарованіями, восхощешь упопробишь трудъ свой на составленіе такового Словаря, принесеть не малую Россійской Словесности пользу, равно какъ и пошь, яшо, искусный въ языкъ своемъ, возьмешя исполковашь однознаменительныя въ немъ слова.

Слова и рѣчи, выписанныя изъ нынѣшнихъ сочиненій и переводовъ съ прилаганіями на оныя.

„Сія отмѣна была именно слѣдствіемъ „отклонительнаго желанія его.“ Поелику таковой языкъ не всѣмъ Рускимъ извѣстенъ, того ради надлежитъ прибѣгнуть къ переводу. Кажется оное значить: *сія отмѣна сдѣлана была по собственному его желанію*; но безъ сомнѣнія слогъ сей показался сочинителю слишкомъ проспѣ. Ипакъ спанемъ доискиваться, что въ кудрявомъ слогѣ его должно разумѣть подъ словами *отклонительное желаніе*. Прилагательными именами различаются прошивныя или несходныя между собою вещи: мы для того говоримъ широкая дорога, высокой дубъ, сердшой человекъ, дабы чинатель или слушатель нашъ не вообразилъ себѣ узкой дороги, низкаго дуба

смиреннаго человѣка. Есльлибъ не было ничего глубокаго, то бы слово *мѣлкій* было намъ не нужно, и не могло бы заключать въ себѣ никакого понятія. Худое или вредное желаніе опличается опъ добраго или полезнаго: опъ чегожъ опличается и что значить отклонительное желаніе? Развѣ опъ приклонительнаго? Но здѣсь паки слѣдуешь вопросъ: что значить приклонительное желаніе?

„Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей.“ Миѣ кажется и сіе выраженіе принадлежить больше къ новому, нежели къ старому слогу, въ копоромъ, хопя бы и нашли во Францускихъ книгахъ: *quand la voyage est devenu necessaire à mon ame*, то однакожъ сказали бы просто: когда я любилъ путешествовать, нежели спали бы путешествіе называть потребностію души. Хорошо знать по Француски, но за чѣмъ свой языкъ поршишь по ихъ языку? за чѣмъ вмѣсто я видѣлъ какъ вы шли или я видѣлъ васъ идущихъ, говоршишь и пишашъ: я видѣлъ васъ идти, переводя сіе съ Францускаго: *je vous ai vu passer*, или я слышалъ его играть, *j'ai l'entendu jouer* (*). Сіи и подобныя сему выраженія не

*) Каждому народу свой составъ рѣчей свойственъ: для чего Французы не перенимають у насъ и не говорятъ *je vous ai vu passant, jouant etc.*? Также для чего говоршишь они: *je marche*, а не *je suis marchant*, шогда, когда Англичане напрошишь шого говоршишь: *j am' walking*, а не *j walk*?

ясно ли показывающъ, что мы такъ много набиваемъ головы свои Французскимъ языкомъ, и такъ мало упражняемся въ своемъ собственномъ, что сочиняя Рускую книгу не умѣемъ иначе изъясняться, какъ переводнымъ съ Французскаго языка складомъ. Прославился ли бы пошъ Французъ между соотечественниками своими, копорой бы начитавшись нашихъ книгъ, и замѣнилъ въ нихъ таковыя свойственныя намъ выраженія, какъ на примѣръ: *онъ пошелъ на него войною*, спалъ по Французски пишеть: *il est allé par guerre sur lui?* Безсомнѣнія прославился бы, да, только не красотою слога, а сумашествіемъ. Мы смѣемся надъ пою Рускою барынею, копорая худо умѣя говорить по Французски, сказала нѣкогда: *quand j'étoit dans la fille*, переводя сіе съ Рускаго, *когда я была въ дѣвкахъ*; но мы несравненно ее смѣшише: она чужой языкъ изломала, располагая оный по природному языку свосму; а мы коверкаемъ свой языкъ, располагая оный по чужому: копорое изъ сихъ двухъ невѣжествъ больше и постыднѣе?

„Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; Монопонія бываетъ „утомительна.“ Тонъ, гармонія, монопонія! Въ двухъ спрокахъ при иноспранныхъ слова: ктожъ незнающій Французскаго языка

будешь разумѣть сіи спроки? Справное дѣло, ежели мы для чтенія Россійскихъ книгъ должны обучаться Французскому языку! Но когда мы почти сряду можемъ спавить при иностранныхъ слова, по для чегожъ не поставишь ихъ пять или шесть, какъ на примѣръ: *дифферантные тоны формируютъ гармонию всегда агребельную для слуха; монотонія бываетъ аннойянтъ?* Такимъ образомъ переводъ иностранныхъ книгъ не стоилъ бы ни какого труда; ибо можно бы было весь Россійской языкъ испребишь, оспавя въ немъ шокмо нѣскольکو союзовъ и мѣстоименій для помѣщенія оныхъ между чужестранными именами и глаголами. Не знаю для чего по сіе время сего легкаго способа не придумають!

„Королевская прокламація воспламенила даже до энтузіазма патриотизмъ жителей провинціи Аbruццо.“ Здѣсь шанже больше иностранныхъ словъ, нежели Рускихъ. Велише прочишашъ сіе чловѣку незнающему по Французски, вы увидише, что онъ безъ заканій и кривляній рта сего не прочишашъ. Мы имѣемъ еще нужду въ нѣкоторыхъ Техническихъ названіяхъ, безъ кошорыхъ не можемъ обойтись, но и шѣмъ, когда ошысканы бывають присшойныя Россійскія имена, и слухъ нашъ привыкнешъ къ онымъ, по во первыхъ раждаешя ошъ того чистопла

Часть II.

слога, а во вторыхъ и самая наука удобнѣе впечатлѣвается въ разумъ нашъ. Привыкнувъ на примѣръ въ механикѣ къ слову *рыгагб*, или въ землемѣрии къ слову *отвѣсб*, мы лучше понимаемъ ихъ, нежели слова: *левые*, *перпендикулярб*. Въ предложеніи на нашъ языкъ Евклидовой землемѣрной науки, многія изъ сихъ словъ прекрасно переведены, какъ на примѣръ паралельныя linee названы *минующими тертами*; хорда, *подтягающею*; диаметръ, *размѣромб*; центръ, *остію* и проч. Таковыя и симъ подобныя слова нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями; но какая нужда вмѣсто склонности говорить *инклинація*; вмѣсто опшращеніе, *анпилатія*; вмѣсто пошщеніе, *визитб*, и проч.? Трудно бытъ полезнымъ изобрѣшашелемъ, а обезьяною всегда бытъ можно.

„Доколѣ буду жить, богини милыя, клянуся васъ любить.“ И въ другомъ мѣстѣ: *гасто* *нариналб* онѣ говоритъ о безсмертіи, *милой* *надеждѣ* своей.“ Во всякомъ языкѣ бывають такія слова, которыми на другомъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ: прилагательное *милой* или *милая* есть одно изъ такихъ словъ. Оно имѣетъ пріятной выговоръ и нѣжное знаменованіе; употребляется въ любовныхъ и дружескихъ объясненіяхъ, и сколько свойственно среднему или простому, сколько

неприлично высокому и пышному слогу. Весьма пристойно говорить: *милой другъ, милое личико*; напрошивъ того весьма спрранно и дико, слышать: *милая бося, милая надежда безсмертія!* Сколь бы какое слово ни было прекрасно и знаменательно, однако еѣшли оно безпрестанно повторяшь и спавишь безъ всякаго разбора, гдѣ ни попало, какъ по въ нынѣшнихъ книгахъ упошребляюшь слово *милая*, шо не будешъ оно украшеніемъ слога, а токмо однимъ моднымъ словцомъ, каковыя по временамъ проявляюшся иногда въ столицахъ, какъ напримѣръ: *голубтикъ мой, какихъ нибудь*, и шому подобныя. Рассказываютъ, что Сумароковъ побхаль однажды въ Москву въ шо время, когда слово *голубтикъ* было шамъ въ великомъ упошребленіи. По возвращеніи его опшуда въ Пешербургъ нѣкошорые изъ его пріятелей у него спрашивали: кого видѣлъ онъ въ Москвѣ? Никого, отвѣчалъ онъ, шамъ нѣшь людей, все голубтики.

„Когда настанетъ рѣшительная точка времени.“ Ежели ешь почка времени, шо безсомнѣнія должны уже бышь и запяшая, и двоешочіе, и вопросительной знакъ, и линей времени.

„Вѣдомственныя извѣстія.“ Сіе выраженіе шолькоже ясно, какъ лошадиные кони или одѣвательное платье. Ежели вѣдомственныя

значитъ газетныя, по надлежало бы писать въдомостныя, попому чпо газеты называются въдомостями, а не въдомствами.

„Они въ высокоглаголивыхъ фразахъ описали Бонапартіево положеніе.“ Юродливое сочепаніе Славенскаго слова высокоглаголивый съ Французскимъ словомъ фразъ или фраза.

„Вообще судили, что наши и Неапольскія вооруженія сосредоточены.“ Глаголь сосредоточить переведень съ Французскаго *concentrer*. Неапольскія вооруженія, вмѣсто Неаполитанскія, есть также иѣчто новое. Мнѣ кажется, прежде нежели мы начнемъ чпо ибудь перемѣнять, надлежитъ весьма обдумать, подлинно ли перемѣна сія нужна и полезна. Сверхъ сего во многихъ вещахъ долговременную привычку и обыкновеніе должно предпочитать новости, даже и такой, которая дѣйствительно заключаетъ въ себѣ иѣчтопреимущество. Мы привыкли къ слову Неаполитанскій, на чпожъ писать Неапольскій? Перемѣнивъ безъ нужды старое, и пріучая меня противъ воли моей къ новому слову, какое названіе дадите вы жищелю Неаполя? Неаполець? Но оное не значитъ жищеля города сего, а значитъ маленькой Неаполь. Ипакъ въ семь случаевъ должны вы иакъ прибѣгнуть къ слову Неаполитанецъ: начпожъ вы оное перемѣняли? Припомъ же подъ словами Неаполитанская земля разу-

мѣшся все королевство, а подъ словами *Неалольская земля* должно разумѣть шокмо ту землю, на которой городъ *Неалоль* построень, или ту округу, которая собственно ему принадлежишь.

„Протекшій годъ былъ поворотный кругъ Францускаго всемірнаго переворота.“ Францускаго всемірнаго бышь не можешь; а ежели всемірнаю, то не одного Францускаго. Слову *переворотъ* дано здѣсь знаменованіе Францускаго слова *revolution*. Никогда въ Россійскомъ языкѣ доселѣ не означало оно сего понятія. Оно съ подобными сему словами *изворотиться*, *перевернуться*, *вывернуться*, употреблялось въ простомъ или низкомъ слоgѣ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ рѣчахъ: *я хоту изворотиться или сдѣлать переворотъ въ деньгахъ; посмотримъ, какъ онъ изъ этого вывернется, даромъ что онъ переворотливъ* и проч. Какой странной составъ рѣчей происходишь опъ сего нововведеннаго слова! Выпишемъ здѣсь нѣскольکو оныхъ для примѣра: *весть моря въ переворотъ. — Вовлеть въ пугину переворота. — Направлять намѣреніе переворота на всѣ правительства. — Переворотный факелъ. — Церковную область преобразить въ переворотную провинцію. — Пентархія обратилась въ переворотной кругъ. — Францускіе переворотные флоты. — Какое бы слѣдствіе ни имѣлъ*

противопереворотъ. — Исторженіе Голландіи изъ подѣ переворотной власти. — Переворотная война сдѣлалась войною округленія. — Какая неудобопонятная гиль!

„Но приключеніе сіе еще страннѣе, непонятнѣе и подозрительнѣе, дѣлаютъ унижительно тяжкія условія сего соглашенія.“ Удивительно тяжки подобнаго слога напѣшенія. Опъ чего? Во первыхъ, слова здѣсь расположены такимъ образомъ, что читая ихъ кажешся, какъ будто онѣ за волосы другъ друга пянушь. Во вторыхъ, смыслъ ихъ не ясенъ: что значить *унижительно тяжело?* Каждое изъ сихъ словъ порознь можно разумѣшь; но вмѣстѣ не соспавляютъ онѣ никакого понятія. Подобенъ ли сей слогъ напримѣръ слѣдующему: *не презираетъ и нижняя Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества двоеглавный орелъ, когда, аки отъ престолекущаго источника рѣки изобильныя, отъ простертыя Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества десницы, всѣхъ требующихъ щедряющая происходитъ милостыня?* Сравнимъ вышесказанный элгансъ съ сею славянщицкою, и горе тому, кто не почувствуетъ ихъ разности!

„Народъ не думалъ о предметѣ кровопролитія въ изступленіи своемъ веселился общимъ бѣдствіемъ.“ Слово предметъ хотя также есть новое и переводное; ибо нигдѣ въ спа-

ринныхъ книгахъ иѣшь онаго; однакожь оно довольно знаменательно, шакъ чшо съ успѣхомъ въ языкъ нашъ принято бышь можешъ; но при всемъ помъ и оное часто заводитъ насъ въ несвойственныя языку нашему выраженія. Въ вышесказанной рѣчи *предметъ кровопролитія* ешь иѣкая загадка, или излишняя кудрявость мыслей, равно какъ и въ слѣдующей рѣчи: *всякое тиранское изгнаніе, всякое убійство, было тогда предметомъ благодаренія и жертвъ*. Почему мысль сія была бы хуже или слабѣе выражена, ешьлибъ сказано было: *за всякое жестокосердое изгнаніе, за всякое убійство приносились тогда благодаренія и жертвы?* Симъ образомъ рѣчь сія ешь ясная и чиспая Руская, а вышесказаннымъ образомъ она ешь Француско-Руская. Чѣмъ короче какая мысль можешъ бышь выражена, тѣмъ лучше: излишность словъ, не прибавляя никакой силы, распроспраняешъ и безобразитъ слогъ: мы слово *предметъ*, послѣдуя Францускому слогу, весьма часто безъ всякой нужды употребляемъ, какъ на примѣръ: *вѣ старину было многое отенъ стыдно, то нынѣ составляетъ тещъ и предметъ похвальбы*. Для чего не просто *тещъ и похвальбу?* или: *молодые господа вѣ своихъ собраніяхъ имѣютъ обыкновенными предметами осмѣянія легковѣрности невинныхъ женщинѣ*. На что здѣсь имѣютъ

предметами осмѣянія легковѣрности? Для чего не просто осмѣиваютъ легковѣрность? Сверхъ сего не спранны ли слѣдующія и симъ подобныя выраженія: доставляя избытокъ свой въ другихъ предметахъ потребностей; занимательность предмета и проч.? Нѣгдѣ случилось мнѣ прочиташъ чувствительное какъ нынѣ называютъ, описание о человѣкѣ, кошорой удитъ рыбу: съ дрожащимъ сердцемъ приподнимаетъ уду и съ радостію вытаскиваетъ предметъ пролитанія своего. Мнѣ кажется мы скоро будемъ писать: дрова суть предметы толленія легкой. О! какіе сдѣлаемъ мы успѣхи въ словесности, когда достигнемъ до того, что вмѣсто подай мнѣ платокъ, станемъ слугѣ своему говорить: подай мнѣ предметъ сморканія моего!

„Ловить кораллы.“ Ловяшъ то, что опъ насъ убѣгаетъ; а что пребываетъ неподвижно, или не стараемся уйши опъ насъ, то достаютъ, ищутъ, или промышляютъ.

„Судно нагало было и проч.“ Какое прошивное слуху спеченіе словъ!

„Пріѣхавшая эскадра.“ Можно сказать пріѣхать на корабль, или еще лучше, какъ въ Славенскихъ книгахъ пишешся, пріидти кораблемъ; но весьма несвойспвенно говорить: корабль пріѣхалъ, лошадь пріѣхала.

„Ни въ одной провинціи военной деспо-

пизмъ столь явно не приступалъ къ дѣлу, какъ въ Римской.“ Можеть ли что страннѣе бытъ сего выраженія: военной деслопизмъ явно приступаетъ къ дѣлу!

„Свѣтъ пожарныхъ пламенниковъ помрачаетъ всякой другой свѣтъ непросвѣщеннаго разума.“ Таковую ясность слога и таковыя подобія находимъ мы весьма часпо въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Во первыхъ: что такое пожарный пламенникъ? Во вторыхъ: какъ можеть свѣтъ онаго помрачать свѣтъ непросвѣщеннаго, то есть свѣту не имѣющаго разума? Сходенъ ли таковой слогъ и таковыя уподобленія съ слѣдующими, какковы не рѣдко находимъ мы въ старинныхъ книгахъ; яко же бо дѣвица отъ проста рода сущи, красоты же ради лица, и нравовъ благолѣпныхъ избрана бывши нѣкому Царю въ невѣсту, протее вѣси, и нравы простыя напинаетъ забывать: такъ и преподобный отецъ нашъ избранъ сый отъ грѣва матерня въ раба небесному Царю, возлюбивъ небесная отъ юности, земная ната забывать, сиче глаголя: забыти мнѣ сотвори Богъ вся болѣзни моя и вся, яже отца моего. Что же его таково къ презрѣнію міра и сластей привлече? Любовь Божія, по реченію псалмолѣвца: милость Твоя, Господи, поженетъ мя. И не дивно, яко же бо излишняя теплота понуждаепъ насъ къ сжелеченію одеждъ и тѣлесъ обнаженію, воеже быти

намъ крѣпчайшимъ и удобнѣйшимъ къ совершенію предложеннаго дѣла: сице и огонь любви Божія горящъ въ праведникъ содѣла то, яко всѣхъ міра сего благихъ себе обнажи, да крѣпчайшій и удобнѣйшій будетъ къ совершенію иноческаго нагнания. Естли что здѣсь шемнаго, невразумительнаго, или слуху прошивнаго?

„Только двое судовъ ушли.“ Двое судовъ, вмѣсто два судна, не по Руски и непростишительно, не шокмо сочинителю книгъ, ниже безграмотному престолюдину.

„Когда же сей наружный миръ будетъ достигнутъ.“ Достигаешь до чего, доходишь до чего, доплываешь до чего: при сихъ глаголахъ несвойственно говоришь: будетъ достигнутъ, будетъ дойденъ, будетъ долытъ.

„Такъ кончился протекшій годъ, и среди войны на водѣ и на морѣ оставилъ — бездны политики.“ Надлежитъ спросить у сочинителя сихъ спрокъ, что значишь оставить бездны политики?

„Руссо, по своему характеру, ставитъ себя средоточіемъ мыслей своихъ.“ Руссовы мысли уподоблены здѣсь кругу, а самъ онъ, по характеру его, сдѣланъ центромъ сего круга. Признаешь должно, что геомеприческое выраженіе сіе весьма далеко опшсонишь опъ ясности геомеприческихъ опредѣленій.

„Слогъ его, какъ зеркало или картина вещей, дѣлается необходимымъ слогомъ; онъ впечатлѣваетъ всѣ свои описанія, и всякая терта жива, плодотворна.“ Это слишкомъ высоко для моего простаго понятія. Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ зеркало или картина дѣлается слогомъ, и еще картина вещей; почему думать должно, что есть также и картины душъ или духовъ. Мѣстоименіе онъ относится здѣсь къ слогу: какъ же слогъ впечатлѣваетъ? Также — признаюсь въ моемъ невѣжествѣ — не знаю и того, что значить живая, плодотворная терта; знаю только, что эта госпожа, или кто она такая, черпа, не мертва и не бесплодна.

„Силою высочайшей дѣятельности сотворить для себя новое чувство.“ Силою высочайшаго подражанія Французамъ, вездѣ слышимъ мы сотворяющія новыя мысли и новый непонятный для насъ слогъ.

„О нравственномъ, до боголужанія относящемся, и утеномъ состояніи протекшаго года, сочинитель сего историческаго изображенія не хотѣтъ проводить ни одной терты.“ Какіе искусные и оспроумные писатели, благодаря Французамъ, станемъ мы въ Россійскомъ языкѣ! Въспомо прежней просонародной рѣчи: я не хоту тебѣ объ этомъ ни слова сказать, говоримъ важно и замы-

словаго : я не хоту тебѣ объ этомъ проводить ни одной терты !

„Торгѣ 1775 года занималъ 353 корабля.“
Корабли могутъ обращаться въ торгу; но какимъ образомъ торгъ можетъ занимать корабли, эшога я не понимаю.

„При сихъ обстоятельствахъ Король увидѣлъ себя принужденнымъ отступить отъ Римской области и ограничить себя единственно оборонительною войною.“ На что сія кудрявая мысль и сіи лишнія слова : ограничить себя единственно ? Для чего не сказать просто : принужденъ былъ отступить и вести оборонительную войну ? Слово принужденъ заключаетъ уже въ себѣ понятіе , что онъ долженъ былъ удовольствоваться или ограничить себя.

„Забавное было бы тченіе , естлибѣ кто въ полезномъ сочиненіи захотѣлъ предложить публикѣ въ паралелли пришедшія трезв Константинополъ и трезв Парижъ извѣстія.“ Предложишь въ паралелли, вмѣсто сличить, есть подлинно забавное чченіе !

„Французы приближились въ усиленныхъ толлахъ.“ Въ усиленныхъ толпахъ сполькожъ худо по Руски , какъ въ уширенныхъ толпакахъ или въ удлиненомъ кафшанѣ.

„Однако сіе радостное упоеніе вскорѣ прервано было тертою вѣроломства.“ Опять черта, и еще шакаля , кошора прерываетъ упоеніе !

„Дошло до акціи.“ Не ужъ ли и сего не можно выразить по Руски? Какъ бѣдень нашъ языкъ!

„Стойщій тамъ Неолольскій воинскій корпусъ слѣдующаго дня вдругъ потѣсенъ, вогнатъ въ Калви, и окруженъ. Онъ потребованъ къ здаѣ.“ Приличнѣ говоришь военный корпусъ и воинскія подвиги; да корпусъ же и не можешь иначе бышь, какъ военный. Вогнатъ неправильно, а должно говоришь вогнанъ. Корпусъ потребованъ къ здаѣ, пріятель мой потребованъ къ гуляню за городъ, слуга мой потребованъ къ притесанію сосѣда: все это не по Руски.

„Генераль Жубертъ игралъ совершенно страдательную роль.“ Какой неаѣпицы не вложишь намъ въ уша безумное подражаніе Французамъ!

„Фортуна много бы помогла въ улегтеніе моего состоянія.“ За чѣмъ новое слово улегтеніе? Для чего не къ облегченію моего состоянія? Естли мы, вмѣсто сдѣлать легче, сдѣлать лучше; спанемъ говоришь: улегтитъ, улутшитъ; то вмѣсто сдѣлать пріятнѣе, сдѣлать вкуснѣе, должны будемъ писать: улпріятнитъ, увкуснитъ; украсишь ли чрезъ по языкъ нашъ, или обезобразишь? Но мало сказать обезобразишь: многія понятія его перенушаютъ, смѣшаютъ; ибо по сему правилу сдѣлать крѣпче и укрѣпить будешь

все равно. Между шѣмъ понятія изображаемые сими двумя выраженіями суть, по свойству языка нашего, весьма между собою различны: *сдѣлать крѣпче* значить перемѣнить слабое качество вещи въ крѣпчайшее: вино, перегнанное черезъ кубъ, дѣлается крѣпче. Въ семъ случаѣ не лзя говорить: *укрѣпить вино*. Напрошивъ того *укрѣпить доску гвоздями* не ешь перемѣнить качество оной, но токмо учинить ее неподвижною. Въ семъ случаѣ не можно сказать: *сдѣлать доску крѣпче*.

„Влеченіе нашихъ идей столь же обширно какъ пространный Океанъ.“ Влеченіе, скрипѣніе, смиреніе и проч., не имѣють никакой обширности или пространства, и попому не могутъ быть уподоблены Океану, такъ какъ поверхность не можетъ быть уподоблена толщотѣ, или почка высотѣ. Надобно разсуждать когда нишешь.

„Такъ Французы и ихъ орудія поражаемы были.“ Французовъ можно поражать, но никогда не говорится: *поражать орудія*.

„Итакъ тихими шагами бѣгая по полю мы очень весело шли.“ Тихими шагами не бѣгаютъ, и когда бѣгаютъ, тогда уже не ходятъ.

„Тамъ вѣтренныя мѣльницы трезв дыханіе нѣжнаго зефира въ движеніе приходили. — Тамъ мы, подѣ молодымъ березникомъ (раз-

вѣ въ молодомъ, а не подъ молодымъ), грибокъ отъ земли отдѣляли. — Тамъ увидѣли, что стогъ сѣна былъ весь въ полымѣ (развѣ въ поломѣ, а не въ полымѣ), и бѣдные мужики тщетно старались подавать оному руку помощи.“ Надлежишь вездѣ наблюдать приличность, и опшюдь не соединяшь грубыхъ поняшій съ нѣжными, или важныхъ съ низкими, какъ развѣ шокмо въ шупочномъ сло-гѣ. Нѣжные зефиры могушь играшь распущенными власами красавицы, шевелишь розовыми листочками, прохлаждашь упомянутую солнечнымъ зноемъ паспушку; но пристойно ли имъ двигашь вѣтренныя мѣльницы? Сыскавъ грибокъ говоримъ ли мы когда: *я грибокъ отъ земли отдѣлилъ?* Хорошо о несчастномъ чело-вѣкѣ сказать мы подали ему руку помощи, но прилично ли говоришь се о стогѣ сѣна?

„Соблюдая непредѣльной порядокъ.“ Непредѣльной, нерукой, немозглой и проч. никогда не говорится; а говорится: безпредѣльной, безрукой, безмозглой и проч.

„Казалось, что вся природа искала намъ добронравствовать.“ — Добронравствовать? По этому можно говоришь: благолучствовать, рыболовствовать, горохосажашельствовать? Вопшь какіе новые къ обогащенію языка открывающя испочки!

„Кустарники сиренъ ароматнымъ запахомъ

своимъ весь домъ окуривали.“ Развѣ сіи ку-
старники зажжены были? Ибо куришься
полюбо опъ того, что горить.

„Она едва примѣтила его; но была такъ
любезна, трогательна въ нѣжной томности
своего взора. Хорошій слогъ долженъ бытъ
проспъ и ясенъ, подобенъ обыкновенному
разговору челоука, умѣющаго складно и
пріятно говорить. Но вышесказанная рѣчь
имѣешь ли въ себѣ сіе достоинство? Мы
можемъ сказать красавицѣ: *томные взоры
твои прелестны; ты хороша въ бѣломъ
платьѣ, или бѣлое платье къ тебѣ пристало;*
но похожъ ли будешь жеманный слогъ нашъ
на хорошей и чистой языкъ, когда мы гово-
ришь спанемъ: *ты трогательна въ томности
твоего взора; ты прекрасна въ бѣлизнѣ тво-
его платья?*

„Съ весьма тонкимъ вкусомъ отнесъ къ
публикѣ слова.“ Какая нужда изъясняешь
такимъ принужденнымъ и не естественнымъ
слогодъ? Если мы вмѣсто: *онъ обратясь
къ народу сказалъ, будемъ писать: онъ от-
несъ къ публикѣ слова; а вмѣсто: отнести
письмо на почту, спанемъ говорить: обра-
тить шествіе свое къ почтѣ для отнесенія
письма; то мы не краснорѣчіемъ плѣняемъ
сердца, но странностию и невразумитель-
ностию своею посмѣяніе въ умахъ произво-
димъ будемъ. Съ словомъ вкусъ мы почно*

также поступаемъ, какъ съ словомъ *предметъ*, то есть весьма часто употребляемъ его не къ сипаши. Оно происходитъ отъ глагола *вкушать* или отъ имени *кусокъ*, и значить чувство, какое получаетъ языкъ нашъ отъ раздробленія зубами куска снѣди. Сіе есть главное его знаменованіе: и потому въ слѣдующихъ и подобныхъ сему рѣчахъ: *вкусное вино, пріятное вкусомъ яблоко, противное вкусу лѣкарство*, таковы и въ сопряженіи его съ приличными ему прилагательными именами, какъ то: *кислой, сладкой, горькой, пріаной вкусомъ* и проч., имѣемъ мы ясное и чистое о немъ понятіе. Но велику человѣческой разумъ весьма обширенъ, такъ что сколько бы ни изобрѣлъ онъ разныхъ названій, однако всегда изобиліе мыслей его превосходитъ будешь изобилія словъ: сего ради часто бываетъ, что одно и тожь самое слово служить къ изображенію двухъ или многихъ понятій, изъ коихъ одно есть первоначальное, а другія по сходству или подобію съ онымъ отъ него произведенныя. Мы говоримъ *вкушать пищу*, и говоримъ также *вкушать утѣхи*. Здѣсь въ первой рѣчи слово *вкушать* имѣетъ настоящее свое знаменованіе, а во второй заимствованное отъ подобія съ онымъ. Равнымъ образомъ и слово *вкусъ* употребляется иногда въ первоначальномъ знаменованіи, то есть

Ча с ш ъ II.

11

означаешъ чувство, различающее снѣдаемыя вещи; а иногда въ производномъ опъ подобія съ онымъ, то естъ означаешъ разборчивость или званіе различашъ изящносшь вещей. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ нигдѣ не находимъ мы онаго въ старинныхъ нашихъ книгахъ. Предки наши вмѣсто *имѣть вкусъ* говаривали: *толкъ вѣдать, силу знать*. Попомъ съ Нѣмецкаго *geschmack* вошло къ намъ слово *смакъ*; а наконецъ, чипая Французскія книги, начали мы употребляшъ слово *вкусъ* больше по значенію ихъ слова *gout*, нежели по собствннымъ своимъ понятіямъ. Опъ сего-то заимствованія словъ съ чужихъ языковъ рождаешся въ нашемъ сія нечлѣпность слога и сей чуждый и странннй составъ рѣчей. Естли бы мы распространивъ знаменованіе слова *вкусъ*, употребляли оное шамъ шокмо, гдѣ составляемая изъ онаго рѣчь непрощивна свойству языка нашего, какъ на примѣръ слѣдующая: *у всякаго свой вкусъ, или это платье не по моему вкусу*; то конечно было бы сіе обогащеніемъ языка; ибо въ обѣихъ сихъ рѣчахъ нѣшъ ничего прощивнаго здравому разсудку; слово *вкусъ* означаешъ въ нихъ съ равною ясностію и то и другое понятіе, то естъ, первоначальное и производное опъ онаго. Но мы говоримъ: *онѣ имѣетъ вкусъ въ музыкѣ*. Хотя привычка и дѣлаешъ, что рѣчь сія не кажется намъ дикою, однакожъ въ самомъ дѣ-

лѣ оная состоишь изъ пустыхъ словъ , не заключающихъ въ себѣ никакой мысли ; ибо какимъ образомъ можно себѣ предсказать , чтобъ вкусъ , по естѣ чувствво языка или рта нашего , пребывало въ музыкѣ , или въ плашѣ , или въ иной какой вещи ? Если составленіе сей рѣчи терпимо , то для чего и другихъ такимъ же образомъ не составляешь ? Напримѣръ мы въ просторѣчи говоримъ : *онѣ пронюхалѣ что у нихѣ на умѣ ;* для чегожъ , пріемля обоняніе за проніцаніе , не говоришь : *онѣ имѣетѣ обоняніе въ ихѣ умѣ ?* Рѣчь сія опіюдь не должна бытъ страннѣе первой , поелику оная точно такимъ же образомъ составлена . *Одѣваться со вкусомѣ* естѣ также не собственное наше выраженіе ; ибо мы не говоримъ , или по крайней мѣрѣ не должны говорить : *плакать съ горестію , любить съ нѣжностью , жить со скупостію ;* но между шѣмъ , какъ свойство языка нашего во всѣхъ другихъ случаяхъ велишь намъ говорить : *плакать горько , любить нѣжно , жить скупо ,* въ семъ единомъ не льзя сказать : *одѣваться вкусно ,* и пакъ , когда мы какую рѣчь не можемъ составить по свойству языка нашего , и должны непременно составлять оную противу свойства его ; по сіе уже одно показываетъ , что мы нѣчто чужое вмѣшиваемъ въ свой языкъ . Также и слѣдующая рѣчь естѣ Французская , а

не наша : онъ лишетъ во вкусъ *Мармонтеля*. Какъ можно писать во вкусъ? Не все ли это равно, какъ бы кто, вмѣсто я подражаю *налѣву соловья*, сказалъ: я пою *въ голосъ соловья*? Французы по бѣдности языка своего вездѣ употребляютъ слово *вкусъ*; у нихъ оно ко всему пригодно: къ пищѣ, къ плащю, къ стихопворству, къ сапогамъ, къ музыкѣ, къ наукамъ и къ любви. Прилично ли намъ съ богатствомъ языка своего гоняться за бѣдностію ихъ языка? На что намъ, вмѣсто *храмъ велелѣпно украшенный*, писать: *храмъ украшенный съ тонкимъ вкусомъ*? Когда я читаю *тонкой, вѣрной вкусъ*; шо не долженъ ли воображать, что естъ такъ же и *толстой и невѣрной* вкусъ? Обыкновенно опивчають на сіе: какъ же писать? Какъ сказать: *un goût delicat, un goût fin*? Я опять повпоряю, что естли мы не упражнясь въ своемъ языкѣ, не вникая въ оный, не чувствуя собственныхъ своихъ красотъ, спанемъ шокмо о помъ помышлять, какимъ бы образомъ перевеситъ шакое шо или иное Француское выраженіе; однимъ словомъ, естли мы сочиняя Рускую книгу не переспанемъ думаъ по Француски, шо мы никогда силы и красоты языка своего знашь не будемъ. Для чего ни въ Ломоносовѣ, ни въ Теофанѣ, ни въ Каншемирѣ, ни во всѣхъ знавшихъ хорошо Руской языкъ писателей, не находимъ мы

сего Француско-Русскаго состава рѣчей? Для того, что они начипавшись природныхъ книгъ своихъ сочиняли, а не переводили сочиняя, то ешь почерпали мысли свои изъ собшвеннаго языка своего, а не изъ чужаго. Не токмо всякъ сочиняющій книгу обязанъ спарашься красопою языка своего воспалять разумъ и пѣвнать сердца наши; но и шопъ, кто переводитъ, долженъ всякую сочинителеву мысль силою своихъ, а не его словъ, изображать. Напримѣръ: ешьли бы кто *leve toi, eternel, dans la colere*, перевелъ изъ слова въ слово: *встань, вѣчный, въ гнѣвѣ своемъ*, шопъ былъ бы обыкновенный переводчикъ; но когда бы онъ шужъ самую мысль шакъ прекрасно выразилъ, какъ она въ Псалтирѣ выражена: *Воскреси Господи гнѣвомъ Твоимъ*, тогда бы онъ соблюлъ всю важность и красоту слога. Какая нужда намъ вмѣсто: *она его любитъ*, или *онъ ей нравится*, говорить: *она имѣетъ къ нему вкусъ*, для того шолько, что Французы говорятъ: *elle a du goût pour lui?* Желаетъ ли кто видѣть, до чего доводитъ насъ безумное подраженіе Французамъ? Мы говоримъ и печатаемъ въ книгахъ: *вкусъ царствовать; тертежъ вкуса; хотя двери его были и затворены, однако онъ имѣлъ смѣлость войши къ нему, и вкусъ сдѣлать ему свое привѣтствіе.*

„Трогательная сѣвна; занимательная книга

или площадь.“ Нововыдуманныя слова сіи въ великомъ нынѣ употребленіи. Почпи во всякой книгѣ и на всякой страницѣ мы ихъ находимъ. Между шѣмъ, естли что нибудь безобразіе, какъ слово *сцена*, и еще *прогательная сцена*, въ Россійскомъ, а особливо важномъ слогѣ? Слово *прогательно* естль совсѣмъ не нужной для насъ и весьма худой переводъ Французскаго слова *touchant*. Не нужной по тому, что мы имѣемъ множество словъ, поже самое понятіе выражающихъ, какъ напримѣръ: *жалко, тувствительно, плативно, слезно, сердобольно* и проч.; худой по тому, что въ нашемъ языкѣ ничего не значить. Защищники сихъ юродливыхъ словъ скажутъ миѣ: когда глаголь *toucher* по Руски значить *трогать*, то для чегожь нарѣчіе *touchant* не должно значить *трогательно*? Я уже выше сего показалъ, что два соотвѣтствующія на двухъ языкахъ слова не могутъ имѣть одинакаго круга знаменованія, и что мы не изъ Французскихъ книгъ должны учиться Рускому языку: иначе мы будемъ сполько же смѣшны, какъ бы Французы смѣшны были, ежелибъ они не слѣдуя собственнымъ своимъ понятіямъ, но гонясь за нашими, для выраженія словъ, таковыхъ напримѣръ, какъ *пронуться*, то естль помѣшатся въ умѣ; *пронуться съ мѣста* то естль двигнуться, и *пронуться*, то естль повредиться (говоря о

сѣбѣспныхъ припасахъ или напипкахъ), стали выдумывать новыя, несвойственныя языку ихъ слова, производя ихъ отъ глагола *toucher*, для того помя, что у насъ происходитъ онѣ отъ глагола *трогать*. Можеть бытъ скажущъ еще, когда упоиребляемъ мы слова: *желательно, гаятельно, сомнительно* и проч., по для чего, послѣдую помуъ правилу, не упоиреблять *трогательно, занимательно* и проч.? Для того, что естли бы это свойственно было языку нашему, по давно бы уже оное введено было въ упоиребленіе. Выдумка сія не шакая остроумная, чтобъ никому изъ прежнихъ писателей не могла придти въ голову; но мы нигдѣ не видимъ пому примѣра. Естли же мы, не знавъ швердо языка своего, спанемъ изобрѣпашъ новости; естли вмѣсто: я видѣлъ жалкое или плачевное зрѣлище, будемъ писать я *видѣлъ трогательную сцѣну*, или вмѣсто: на площади сей много зданій помѣшались могутъ, *площадь сія занимательна для зданій*; естли позволено писать: *трогательно* и *занимательно*, для того что пишешся оскорбительно, презрительно и пр.; естли, говорю, мы шакимъ образомъ рассуждашь будемъ, по кто удержитъ меня отъ распространенія далѣ сихъ по нынѣшнему премудрыхъ выдумовъ? Кто запретитъ мнѣ писать: *лѣпательно, клеватательно, ку-*

сапелъно, какъ напрымбръ: птица есть тварь лѣтательная и клевательная; онъ говоришь со мною кусательно, то естъ колко, насказалъ мнѣ много обидныхъ словъ? Умствую такимъ образомъ, подлинно соспавишся прекрасный и богатый языкъ Россійскіи!

„Многіе другіе представители и тиновники.“ Что такое предспавитель? Не то ли, что Французы начали было называть герре-*representant*, и кошорыхъ нынѣ уже нѣтъ? — Да какая намъ нужда до ихъ *репрезентантовъ*? Не ужъ ли намъ и для гиліопинъ ихъ выдумывать Рускія имена?

„Исполнить родителей глубочайшей признательности.“ Я по сіе время не зналъ, что глубочайшая признательность имѣеть у себя родителей.

„Мысль перваго Маія.“ Первой Май, или первое число Мая, не естъ существо размышляющее. Надлежало бы сказать: *мысль въ первый день Мая.*

„Пишу для васъ; заблаговременно готовлю васъ въ друзья моей памяти.“ Хорошій слогъ долженъ быть естествоень, а не надушь и не чопорень. Какъ бы мы назвали шого опца, кошорой бы на вопросъ нашъ, за чѣмъ обучаетъ онъ дѣтей своихъ грамошъ, отвѣчалъ намъ: я заблаговременно гоповлю ихъ въ друзья чипанью?

„Шебановъ утверждаетъ, что Волтеръ не

имѣлъ того излишняго и вспльльсиваго самолюбія, которое обыкновенно ставили ему въ порокъ.“ Существишельныя имена должны сочиняшьясь съ приспойными имъ прилагательными именами. Сочинишель, или какъ въ священныхъ книгахъ называется, списашель жишя святыхъ отецъ въ Паперикъ о преподабномъ Неспорѣ говоришь: *навыте всякой инотеской добродѣтели; тистотѣ тѣлеснѣй и душевнѣй, вольнѣй нищетѣ, смиренію глубокому, послушанію непрекословному, пощенію крѣпкому, моленію непрестанному, бдѣнію неусыльному.* Здѣсь при каждомъ существишельномъ имени положено приличное ему прилагательное имя; но что значить *излишнее* самолюбіе? Человѣкъ можетъ бытъ самолюбивъ или весьма самолюбивъ; добродѣшелень, или весьма добродѣшелень; но въ сихъ словахъ: *онѣ* *излишно* *самолюбивѣ*, *излишно* *добродѣшеленѣ*, нѣтъ никакого смысла. *Вспльльсивое* самолюбіе пакже ничего не значить, и сполько же непоняпно, какъ *дальновидное*, или *быстрое*, или *голубое* самолюбіе.

„*Они примѣтили, что сія коляска запряженная въ двѣ лошади, покрытая потомъ, взвѣхала къ нимъ на дворѣ.*“ Хля въ проспорѣчии и говоришья у насъ: *ѣхашь въ двѣ*, въ *при*, въ *четыре* лошади и проч., однакожь упошребя причастіе запряженная луч-

ше сказаць: коляска, запряженная двумя лошадьми, нежели въ двѣ лошади. Чпощь принадлежишь до сего, чпощь вмѣсто вслотѣвшая лошадь, говоришь: лошадь покрытая попомъ, таковое выраженіе въ языкѣ нашемъ весьма безобразно; ибо просшыя и низкія поняшія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описываешь неприлично.

„Народъ не потерялъ перваго отлетатка своей цѣны. — Говоритъ объ одраніи тудовныхъ иконъ (вмѣсто: о похищеніи окладовъ съ чудопворныхъ иконъ). Обработанность — обдуманность — натитанность. — Помилуйше! Долго ли намъ такъ писать? Не ужь ли мы вподлинну думаемъ, чшо лзыкъ нашъ будетъ въ совершенствѣ, когда мы изъ всѣхъ глаголовъ, безъ всякаго размышленія и разбора, накропаемъ себѣ кучу именъ? Не ужь ли мы достигнемъ до того, чшо спанемъ напоследокъ говоришь: летательность ума моего гораздо больше твоей — я усталъ отъ многой ходительности — онъ будуги въ тужихъ краяхъ полугилъ великую насмотрѣнность и проч.? Нѣгдѣ, говоря о примѣчаніяхъ Болшина на Леклеркову Россійскую Исторію, сказаю, что слогъ въ сей книгѣ посредственный, довольно тистый для того времени, и нѣсколько тяжелый для нашего. Болшинъ не очень давно писалъ свои примѣчанія, а уже слогъ того времени спано-

выпися намъ пѣжель. Это мы видимъ, что нынѣшній чистъ и легокъ: чистъ, какъ бѣлая бумага, на которой ничего не написано; легокъ, какъ прахъ, въ которомъ нѣтъ никакой вещественности!

Дабы не наскучилъ читателю, прерываю я сіи выписки и мои на нихъ замѣчанія, которыя были бы безконечны, еслибы я имѣлъ терпѣніе прочитывать отъ начала до конца тѣ книги, кои нынѣшнимъ усовершенствованнымъ языкомъ пишуся. Между тѣмъ изъ крапкого собранія сего довольно явствуетъ, о чемъ мы прилагаемъ попеченіе, о томъ ли, чтобы *образовать*, или о томъ, чтобы *обезобразить* языкъ свой. Изъ слѣдующаго же за симъ опыта Словаря увидимъ мы, что нужнѣе намъ для знанія языка своего, Французскія ли книги читать, или собственныя свои?

Опытъ Словаря, или слова и рѣчи, выпи-
санныя изъ Священнаго Писанія для пока-
занія знаменованія оныхъ 9).

Въ (предлогъ). Нѣкопорыя Славенскія реченія, сочиненныя съ симъ предлогомъ, нынѣ уже намъ иныя почпи, а другія и совсѣмъ невразумительны, какъ напримѣръ: *препояшитесь и будите въ сыны сильны, поразите мужественно языки сія, иже собраща-ся на ны, растерзати насъ, и святая наша.* (Макнав. гл. 3). Какая прекрасная рѣчь къ воинамъ! и какое побудительное къ мужественному ополченію выраженіе: *препояшится и будите въ сыны сильны!* — Хешпеевы дѣши, въ книгѣ Бытія, главѣ 23, говорящъ Авимелеху: *послушай насъ Господине, Царь отъ Бога ты еси вѣ насъ* (то есть надъ нами). Вышесказанныя выраженія нѣсколько еще намъ вразумительны, но нижеслѣдующія кажутся совсѣмъ непонятны: *да якоже царствуетъ грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣгную.*

9) Подъ сею спашьею помѣщены были нѣсколько словъ, собранныхъ и объясненныхъ; но какъ оныя вмѣстѣ со многими другими прибавленными перенесены въ Академическія Извѣстія; то, дабы оныя не находились въ двухъ книгахъ, опсѣлъ исключаются, кромѣ не многихъ, куда не внесенныхъ, или въ которыхъ помѣщены разсужденія, съ сею книгою сообразныя.

(Посл. къ Римл. гл. 5). Дабы рѣчь сію разумѣшь, надлежишь прежде себѣ представить, что въра учишь и понятія наши о безсмертіи души и о правосудіи Божиємъ удостоивряють насъ, что беззаконникъ или грѣшнѣйшій человекъ, не токмо общую всѣмъ живущимъ часъ, естествовную смерть вкусишь, но и по смерти за злыя дѣла свои осужденъ будешь на мученіе. Сіе - то обоюдное состояніе его, то есть въ здѣшной жизни печали, угрызенія совѣсти, болѣзни и разлученіе души съ тѣломъ, или естествовнѣйшая смерть; а въ будущей опроверженіе ошъ лица Господня и безконечная мука, или подобная смерти жизнь, называется вѣчною смертію: по сему понятію *грѣхъ царствуетъ въ смерть*, значить, что онъ царствуетъ во имя смерти, печешся покорить всѣхъ ея державѣ (*regne pour donner la mort*). Въ прошивуборствіе грѣху, для освобожденія рода человеческаго ошъ порабоженія оному, Богъ ниспослалъ на землю благодать, ученіе Христово, да воцарится въ жизнь вѣчную, то есть да печешся избавить всѣхъ ошъ вѣчной смерти, дашь жизнь вѣчную (*pour donner la vie eternelle*). *Сынъ праведный раждается въ животъ* (*la justice tend à la vie*), *гоненіе же нечестиваго въ смерть* (*et celui qui poursuit le mal tend à sa mort*. Припч. Солом. глава 11). Здѣсь рожденіе сына праведнаго въ животъ, а го-

неніе сына нечестиваго въ смерть, значить, что первый спарается добрыми дѣлами своими спяжашъ себѣ вѣчную жизнь; а другой злыми дѣлами своими ищешъ, гоняешся за шѣмъ, чтобъ низринуть себя въ вѣчную смерть. *Слова нечестивыхъ льстива въ кровь* (тамъже). То естъ: льстивый лукаваго чловѣка языкъ щипица пошь пунь, кошорой тебѣ къ смерти или погибели ведешъ, успилапъ цвѣтами, дабы не видя опасности своей шель пы безбоязненно по оному: *les paroles des méchants ne tenoient qu'à dresser des embuches, pour gerandre le sang.* — *Иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, въ смерть крестихомся? Слогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да яко же воста Христосъ отъ мертвыхъ, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ: car nous qui sommes morts au pêché, comment y vivrions nous encore? ne savez-vous pas que nous tous qui avons été batisés en Jesus Christ, nous avons été batisés en sa mort? nous sommes donc ensévelis avec lui en sa mort par le bateme, afin que comme Christ est ressuscité des morts par la gloire du pere, nous aussi marchions dans une vie nouvelle* (Послан. къ Римлян: гл. 6). Для разумѣнія, что значить здѣсь: *креститься въ смерть и слогребстися Христу крещеніемъ въ смерть*, надлежитъ знать, что поелику Христіанская вѣра научаетъ насъ, что Христосъ смертію своею умершвилъ

грѣхъ, или царство грѣха, и воплощеніемъ своимъ воцарилъ благодать, шо есть снялъ съ рода человѣческаго оковы грѣха и вѣчной смерти, шого ради почерпается отсюду понятіе, что крещающійся во Христа, въ смерть крещается, и спогребается Ему крещеніемъ въ смерть, шо есть: какъ Хрипось умеръ для умерщвленія грѣха, шакъ и чело-вѣкъ крещается во знаменіе шого, что онъ умираетъ яко грѣшникъ, спогребается крещеніемъ Хрипу, и въ новомъ бышій своемъ лишается грѣховной жизни, умершіи или креспившіи въ смерть, начинаютъ жить въ жизнь вѣчную. Сія мысль подпверждается слѣдующими въ шой же главѣ сказанными словами: *сіе вѣдаяще, яко ветхій нашъ тело-вѣкъ съ нимъ распятъ, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху.* Подобныя вышесказаннымъ выраженія нынѣ намъ необыкновенны; однакожь въ нѣкоторыхъ рѣчахъ ошались еще упопрещительными, какъ напримѣръ въ сей рѣчи: *бей въ мою голову,* шо есть: я велю, я приказываю. Всякую шакую рѣчь привычка и частое упопрещеніе дѣлають намъ понятною и ясною. Впрочемъ не можно опрещать, чтобъ подобныя выраженія не были украшеніемъ языка, пошому что въ краткихъ словахъ пространную мысль заключають; а чѣмъ короче какое выраженіе, шѣмъ оно

силнѣе. Сличимъ вышеписанный переводъ Россійской (изъ посланія къ Римл. глава 6) съ переводомъ Французскимъ: мы увидимъ, что въ первомъ употреблено токмо сорокъ семь словъ (считая въ помѣ числѣ предлоги и союзы), для объясненія тогожь самаго, что во второмъ объяснено семьюдесятью словами. Прочитаемъ со вниманіемъ пошъ и другой переводъ, и ежели мы хотя нѣсколько искусны въ краснорѣчїи и силѣ слога, то почувствуемъ пошчасъ превосходство Россійскаго перевода предъ Французскимъ *). Здѣсь надлежитъ еще слѣдующее

*) Для вѣщаго удостоенія себя въ помѣ, что Славенскій языкъ краткосію своею, и слѣдственно силою выраженій, вездѣ преимуществуетъ предъ Французскимъ языкомъ, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ Россійской и Французской Библии. Мѣста сіи покажутъ намъ, сколько гдѣ для объясненія одной мысли надлежало употребить Славенскихъ и сколько Французскихъ словъ:

Не слышателіе бо закона праведни, но творцы закона оправдѣшия (Послан. къ Римлян. глава 2). Здѣсь употреблено 9 словъ.

Се шы Іудей именуешися и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ, и разумѣши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемъ опѣ закона: уповаѣ же себе пожда быши слѣпыми, свѣта сущимъ во тьмѣ, наказашеля безумныма, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ: научая убо инаго, себе ли не поучиши? Проповѣдалъ не красти, крадеши; глаголаѣ не прелюбы швориши, прелюбы швориши; гнушаяся идолъ,

Ce ne sont pas ceux qui écoutent la loi, qui sont justes devant dieu; mais ce sont ceux qui observent la loi qui seront justifiés. Здѣсь употреблено 25 словъ.

Toi donc qui portes le nom de juif, qui te repose sur la loi, qui te glorifies en dieu; qui connois sa volonté, et qui sais discerner ce qui est contraire, étant instruit par la loi; qui crois être le conducteur des aveugles, la lumière de ceux qui sont dans les tenebres; le docteur des ignorans, le Maître des simples, ayant le regle de la science et de la vérité dans la loi. Toi, dis - je, qui enseignes les autres, tu ne t'enseignes pas toi même! Toi qui prêches qu'on ne doit

примѣшить: въ упомянутой выше сего рѣчи сказано: *иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ?* И въ тойже главѣ въ другомъ мѣстѣ написано: *еже бо умре, грѣху умре единою, а еже живетъ, Богови живетъ. Такжеде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови.* Что значашь въ сихъ рѣчахъ выраженія: *умереть грѣху, жить Богу или Богови?* Нынѣ оныя въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ совсѣмъ неупотребительны. Разсмотримъ, какой разумъ заключался въ нихъ прежде, и какимъ образомъ выражаемъ мы нынѣ оный. *Умереть грѣху* (*être mort pour la péché*) значило: отрещись на вѣки отъ грѣха; подъ словами же: *жить Богови* (*vivre pour le Dieu*) разумѣлось: посвящашь навсегда жизнь свою Богу. Нынѣ по примѣру чужихъ языковъ объясняемъ мы сію мысль словами: *умереть для грѣха, жить*

святая крадеши: иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчестивуеши (тамъже). Здѣсь употреблено всего 71 слово.

Вси непослушни ходящии спрощиво, мѣдь и желѣзо, вси расплѣни сущь (Иерем. глава 6). Здѣсь употреблено всѣхъ 11 словъ.

pas dérober, tu dérobes! Toi qui dis, qu'on ne doit pas commettre adulteres, tu commets adultère! Toi qui as en abomination les idoles, tu commets des sacrileges! Toi qui te glorifies dans la loi, tu deshones dieu par la transgression de la loi. Здѣсь употреблено 137 словъ.

Tous sont rebelles; ils agissent frauduleusement; ils sont comme de l'airain, et du fer; ce sont tous des enfans qui se perdent l'un l'autre. Здѣсь употреблено 20 словъ, не считая членовъ.

Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы безчисленное множество.

Часть II.

для Бога ; ибо онъ умеръ для грѣха естъ выраженіе подобное тому , какое изображаемъ мы . словами : онъ умеръ для насъ , разумѣя подъ симъ , что пошъ человекъ , о которомъ у насъ идешь рѣчь , хотя и живъ еще , но по отдаленности его отъ насъ , или по инымъ какимъ причинамъ , мы никогда уже не надѣмся его увидѣшь . Слѣдую старинному правилу , надлежало бы говорить : онъ умеръ намъ , онъ умеръ грѣху , онъ умеръ славѣ и пр . Возьмемъ для примѣра одну изъ сихъ рѣчей и рассмотримъ , которое выраженіе лучше и справедливѣе , прежнее ли напримѣръ : онъ умеръ славѣ , или нынѣшнее : онъ умеръ для славы ? Сіе послѣднее не заключаетъ ли па-че въ себѣ мысль : онъ купилъ славу цѣною жизни своей ? Сія мысль весьма различна отъ слѣдующей , которую мы изобразимъ хошимъ : онъ потерялъ славу свою , и уже никакимъ образомъ возвратитъ оную не можетъ . Ипакъ обѣ сіи весьма различныя между собою мысли , изображаемъ мы одними и тѣмиже самыми словами : онъ умеръ для славы . Сіе ли естъ красота и богатство языка ? Напропивъ того Славенское выраженіе : онъ умеръ славѣ , изъясляетъ точно ту самую мысль , которую мы нынѣ иначе выразимъ не умѣемъ , какъ смѣшивая ее съ другою мыслию , заключающеюся въ словахъ : онъ умеръ для славы . Тожъ самое можно сказать и о

другихъ выраженіяхъ, шаковыхъ какъ: онѣ умерѣ грѣху, онѣ умерѣ намѣ и проч. Для чего оставили мы ясный смыслъ силъ старыхъ, и прибѣгнули къ темному двусмыслию новыхъ выраженій? Для того, что не вникаемъ въ богатство кореннаго языка своего, и послѣдуемъ бѣдности чужихъ языковъ. Все наше разсужденіе основано на томъ, что Французы говорятъ: *il est mort pour nous, il est mort pour la gloire etc.*

Капашь. Глаголь сей происходитъ отъ имени *калля*, и сверхъ обыкновенныхъ знаменований своихъ, какъ то: вода каплетъ, воскъ распяяющій отъ жара каплетъ и проч., употребляется въ слѣдующихъ иносказательныхъ смыслахъ: *уста праведнаго калятъ премудрость* (то естъ раждають, производящъ премудрыя рѣчи, наподобіе капель низпадающихъ одна послѣ другой: *produire*, Франц. *herbvorbringen*, Нѣм.) — *Усты мужей праведныхъ калятъ благодати*, *уста же нечестивыхъ развращаются* (Примч. глава 10).

Ковъ, лукавство, обманъ, умысль, сѣшь соплешаемая на уловленіе кого либо: *Фистъ же убо приимъ власть, по трехъ днехъ възде во Иерусалимъ отъ Кесаріи. Сказаша же ему Архіереи и первіи отъ Иудей на Павла, и моляху его, просяще благодати нашь* (*et ils lui demandaient comme une grace*), *яко да послетъ*

его во Іерусалимѣ: ковѣ творяще (lui ayant dressé des embüches), яко да убіють его на пути (Дѣян. глава 45). — Скрываеѣ въ сердцѣ злобный ковѣ (Лом.). Опсюду ковникѣ значить злоумышленникѣ, буншовщикѣ: бѣ же нарицаемый Варавва со сковники своими связанѣ, иже въ ковѣ убійство сотвориша: et il y en avoit un, nommé Barabbas, qui étoit en prison, avec d'autres séditieux qui avoient commis un meurtre dans une sédition (Марк. 15, 7). Опсюду глаголѣ ковать упошребляеѣся въ шомѣ же самомѣ смыслѣ: лести въ сердцѣ кующаго злая: qui machine du mal (Припч. 12, 20). Опсюду же происходиѣ слово коварство, которое берешѣся иногда въ худомѣ разумѣ, означая лукавство, пронырство, зломыслие, злоухищреніе; а иногда въ добромѣ, и шогда значить острошу ума, хитрость, глубокое знаніе, искусство. Примѣры первому знаменованію: наготою тѣлесною и терпѣніемѣ обнажилѣ еси вражія коварства (Тропарь 11 Ноября). — Противныхѣ силы устрашаеѣтъ, коварства ихѣ разсылавѣ мракѣ (Ломон.). Но коваренѣ сый (étant un homme artificieux, Франц. lüstig, arglüstig, tückisch, Нѣмец.), лестию васѣ пріяхѣ (Посл. 2 къ Кор. 12, 16). — Сталѣ тѣсенѣ къ злобѣ путь коварникамѣ въ судахѣ (Ломон.). Примѣры второму: уразумѣйте незлобивіи коварство, ненаказанніи же приложите къ сердцу: vous, imprudens, apprenez la pru-

dence; vous insensés, devenez inteligens de coeur, (Франц. Mercket ihr albern, die witze, und ihr thoren, nehmet es zu hertzen, Нѣм. (Припч. 8, 5). — *Да дастъ незлобивымъ коварство* (discerment, (Франц. Klugheit, witze, klugsinnigkeit, gescheidigkeit, Нѣм.), *отротати же юну тувство же и смыслъ* (Припч. 1, 4). — *Корень премудрости кому открылся? и коварства ея кто уразумѣ?* qui est - ce qui a connu ses subtilités? (Франц. und wer hat ihre fertige, kluge, zulängliche erkant? Нѣм. (Сирахъ 1, 6).

Ликъ, иногда значить образъ, изображеніе, начертаніе лица: *написать ликъ Святаго*; иногда же разумѣется подъ симъ словомъ хоръ, клиръ, по естъ собраніе людей поющихъ, пляшущихъ, или иное что дѣлающихъ вмѣстѣ: *Царь Давидъ видя Аароново племя умножившееся въ толь великое число, яко не возможно бѣ всѣмъ въ церкви служити вкупѣ; раздѣли е на двадесять тетыре треды или лики, да едины по друзѣхъ седмицу свою держаще въ церкви вси служатъ. Избра же отъ коемждо лицѣ тестнѣйшаго, и постави его имъ натальника, яко коемждо лику своего натальнѣйшаго Священника имѣти. Бяше же кійждо ликъ имый священниковъ болѣ пяти тысящъ* (Чеп. мин. листъ 25). — *Ликъ Богословъ стѣ конецъ, свыше же Ангелъ множества къ Сіону идячу, всесильнымъ мановеніемъ, Владычице, Твоему погребенію служаще* (мо-

лип. Богородицѣ). — Ломоносовъ въ одной изъ одъ своихъ сказалъ :

*Дѣвицѣ и юношѣ красны лики
Вносите радостныя клики.*

Иногда же слово *ликъ* значить концертъ или согласное многихъ людей пѣніе: *да восхвалятъ имя Его въ лицѣ* (qu'ils louent son nom en concert), *въ тимпанѣ и Псалтири да поютъ Ему* (Псал. 149). Отсюда существительное имя *ликованіе*, и глаголъ *ликовать*: *и творяху праздникъ съ ликованіемъ* (то есть съ веселіемъ, съ пѣніемъ, съ пляскою), *жруще овцы и волы* (Чеш. мин. житіе Никиты мучен.). Сумароковъ въ прищѣ фебѣ и борея говорить :

*Вдругъ солнце возсіяло,
И естество другой порядокъ воспріяло :
Куда ни возведешъ ты взоры,
Ликустъ рѣки, лѣсъ, луга, поля и горы.*

Лице. Слово сіе собственно значить переднюю головы человѣческой часть, заключающую въ себѣ чело, глаза, носъ, щоки, уста и подбородокъ. Сіе есть главное и первоначальное его знаменованіе. Въ иносказательномъ же смыслѣ заключаетъ оно въ себѣ многія другія смѣжныя и близкія между собою понятія, какъ мы изъ слѣдующихъ примѣровъ увидимъ. Поелику лице человѣче-

ское можетъ находиться въ разныхъ обсто-
 ятельствахъ ; того ради, когда разсуждаеш-
 ся о естественномъ сложеніи или цвѣтѣ
 онаго, тогда говорится : *круглое, продолго-
 ватое, полное, сухощавое, смуглое, блѣдное,
 прекрасное, безобразное лице* и проч. Когда
 же разсуждается о чертахъ или расположе-
 ніи его, которое часто соотвѣтствуетъ
 внутреннимъ чувствамъ человека, почему и
 называется оно въ такомъ случаѣ зеркаломъ
 души ; тогда говорится : *веселое, легальное,
 злобное, угрюмое, ласковое лице* и проч. Оп-
 сяду происходитъ слово *лицемѣріе*, по есѣ
 пришествію, приведеніе лица своего въ та-
 кой видъ или мѣру, чѣмъ оно не показыва-
 ло сердечныхъ чувствъ нашихъ. Такъ напри-
 кладъ : завистливый услыша о благополучіи
 другаго, скорбитъ сердцемъ, но скрываетъ
 печаль сію въ душѣ своей, при свиданіи съ
 нимъ *лицемѣритъ*, и поздравляя его согла-
 шаетъ лице свое съ словами, пришествіа
 и лести исполненными. Такожъ, поелику ли-
 це человеческое есѣ первѣйшая и главная
 часть тѣла его ; того ради часто берется
 оно за всего человека : въ такомъ смыслѣ
 вмѣсто, *да удостоюся его увидѣть*, говори-
 ся, *да сподоблюся узрѣть лице его*. Давидъ
 въ началѣ шестнадцатаго псалма говоритъ
 Богу : *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ*,
 и въ концѣ тогожъ Псалма : *азъ же правдою*

явлюся лицу Твоему. Люди бываютьъ различныхъ соспояній, званій, достоинствъ; имѣютьъ разныя между собою связи; а попому и слово *лице*, приеаемое въ смыслѣ всего челоѡвѣка, изображаетъ иногда шѣжь самыя понятія, какія относятся къ самому челоѡвѣку; въ такомъ разумѣ говорится: *Онѣ представляетъ лице судіи*. — Я не смотрю ни на какое *лице*. — Или не вѣси коликое есть зло досадити Царю, и которымъ каземъ подлежитъ дерзнувый обезгестити *лице Царское* и проч. Отсюду происходятъ слова: *лицность*, по естѣ присраспіе наше къ самому себѣ, или къ другому лицу или челоѡвѣку; *лицепріятіе*, по естѣ приемъ лица въ судѣ, или номъ какомъ дѣлѣ, паче по знакомству его съ нами, нежели по правдѣ и совѣсти. Въ предисловіи къ Минеемъ чспіямъ сказано о жишіи Свяшыхъ опецъ: *Судіи и гражданскіи управители обряцутъ въ нихъ примѣры любящихъ правду, и хвалящихъ милостію на судѣ, не жзду и лице приеающихъ, но сиру и убогу равно судящихъ*. Отсюду съ присовокупленіемъ предлоговъ произведены слова: *отлитіе, разлитіе, прилитіе, налитность, на лицо* и проч. Отсюду же могло бы происходить слово *лицедѣй*, естѣлибъ употребляемое нами чужестранное названіе *актерѣ* не препяшствовало намъ распросстраняшь круга знаменованій собственныхъ словъ на-

шихъ ; ибо въ самомъ дѣлѣ , что иное значить лицедѣй , какъ не человекъ дѣлающаго изъ себя разныя лица ? Можеть ли какое слово быть знаменательнѣе для выраженія того понятія , которое разумѣемъ мы подъ словомъ актеръ ? Но здѣсь паки повспорить должно , что сочинители наши лучше любящъ бытъ Французскими подражателями , нежели истинными Россійскими пловцами . Возвратимся къ прежнему толкованію нашему . Слово *лице* придается иногда не одному человеку , но многимъ вдругъ : *Объявить отъ лица судей , отъ лица всего народа и проч .* Давидъ говоритъ Богу : *Яко былъ еси упованіе мое , столбъ крѣпости отъ лица вражія , то есть отъ лица враговъ моихъ (Псал . 60) .* Когда Фараонъ съ войскомъ своимъ погнался за вышедшими изъ земли его Израильянами , предъ коими шествовалъ облачный столпъ , и когда догналъ онъ ихъ на берегу Чермнаго моря ; тогда , дабы воспрепятствовать сраженію между обоими сими народами , говоритъ Священное писаніе : *Взятся же (то есть опячь былъ или опошелъ прочь) и столбъ облачный отъ лица ихъ (Израильяны) , и ста созда ихъ , и вниде посредь полка (сирѣчь войска) Египетска , и посредь полка сыновъ Израилевыхъ , и ста .* Здѣсь въ рѣчи : *Взятся же столбъ отъ лица Израильтянъ ,* слово *лице* , не иное что значить , какъ пе-

реднюю или шу сторону, куда лица всѣхъ Израильтянъ обращены были, и слѣдственно въ семъ разумѣ заключаетъ оно въ себѣ по самое понятіе, которое въ приложеніи къ войскамъ изображаемъ мы словомъ фронтъ, происходящимъ отъ иностраннаго названія front, означающаго лобъ или чело. Въ семъ же самомъ смыслѣ употреблено слово *лице* въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ Священнаго писанія: *Да избретъ Господь Богъ духовъ и всякія плоти теловѣка надъ сонмомъ симъ, иже изыдетъ предъ лицемъ ихъ, иже увидетъ предъ лицемъ ихъ, и иже введетъ ихъ; и да не будетъ сонмъ Господень, яко овцы не имуще пастыря* (Числа глава 27). Въ подобномъ же разумѣ у большой какой нибудь вещи, имѣющей бока и задъ, какъ напримѣръ у дома или зданія, подъ словомъ *лице* разумѣется передняя сторона онаго, которую обыкновенно изображаемъ мы чужезычнымъ названіемъ *фасадъ*. (См. дальнѣйшее разсужденіе о семъ подъ словомъ *прозывать*). Также говорится: *Библия въ лицахъ*, по есть съ изображеніями, съ рисунками, или, кто больше привыкъ къ иностраннымъ словамъ, съ *виньетами*, съ *купферштихами*. Въ книгѣ называемой *Описаніе Артиллеріи*, переведенной съ Голландскаго языка *Тимоеемъ Бринкомъ* и напечатанной въ 1710 году, сказано, что все содержащееся въ ней *гитно описано, и*

пристойными лицами украшено, всѣмъ сея науки охотимъ на пользу. Здѣсь лица значащъ чертежи, фигуры. — Распространя даале кругъ знаменованія слова сего, разумѣется также подъ онымъ и всякая поверхность вещи, какъ напримѣръ: Разсѣяться по лицу земли, разсуждать о лицѣ небесъ и пр. Въ помѣ же самомъ смыслѣ лицомъ у сукна, или иной какой ткани, называется та сторона, которая обыкновенно бываетъ чище и глаже, и тогда прошивная ей сторона именуется изнанкою. Такожь по сходству и близости съ симъ понятіемъ слово лице приписуется и другимъ вещественнымъ или не вещественнымъ существамъ, какъ напримѣръ: Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога, или: лица гнѣва Твоего убоюся, или: посла Навуходносоръ Царь Ассирійскій ко всѣмъ обитающимъ въ Персидѣ, и ко всѣмъ живущимъ къ западомъ, обитающимъ въ Киликіи и Дамасцѣ, и Ливанѣ и Антиливанѣ, и ко всѣмъ живущимъ на лицѣ приморія (qui demeuroient sur la côte de la mer. Іудея. глава 1 ст. 7). Или же: Воздвиге Архистратигъ д. сницу свою, и знамена крестнымъ знаменіемъ лице водное (то есть поверхность текущихъ на него водъ), глаголя: станите тамо (Чет. мин. листъ 29). Послѣдую сему, вмѣсто день скрывается, Ломоносовъ говоритъ:

*Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ногъ.*

Отъ лица, во образѣ нарѣчія значить иногда въ разсужденіи, по причинѣ, въ отношеніи (à cause, à l'égard, Фр.): *Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего* (à cause de ton indignation), *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (à cause de mes péchés). Также: *Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Псаломъ 37). Впрочемъ слово сіе въ священномъ писаніи употребляется и въ другихъ различныхъ смыслахъ, какъ напримѣръ: *Мнози ладша злата ради, и бысть лагуба ихъ прямо лицу ихъ*, то есть: они на то самое успремляли глаза свои, пѣмъ самымъ прельщались, что сославало ихъ погибель. Французской переводъ не выражаетъ сей мысли: plusieurs ont été ruinés par l'or, et se sont vus détruits; Нѣмецкой же выражаетъ: viel sind um des golds willen zum fall gerahten, und seine gestalt ist ihr untergang gewesen, сирѣчь: многіе пали злата ради, и видъ онаго былъ причиною ихъ погибели (Сирахъ 31, 6). Въ молитвахъ часто говорится Богу: *Просвѣти лице Свое на мнѣ*, то есть: да сіяетъ, да прославляется милость Твоя, на меня изліянная. Въ Псалмирѣ говоря о Богѣ сказано: *Яко положиши ихъ (враговъ своихъ) яко пещь огненную, во время лица Твоего*, то есть во время

гнѣва Твоего: tu les rendra comme un four embrasé au tems de ton courroux (Псаломъ 20). У Іереміи Богъ прогнѣванный на Израильскія горы говоритъ: *Хребетъ а не лице покажу имъ въ день погибели ихъ* (глава 18, ст 17). То есть: отворачуся отъ нихъ, не сжалюся надъ ними, не буду внимать воплю ихъ. — Часто бываетъ, что слово заимствуешь знаменование и силу свою отъ другихъ сопряженныхъ съ нимъ словъ какъ напримѣръ: *Господи Боже силъ, призирай на землю и творяи ю трястися, отъ Его же лица растаяваются горы, и изсушаются бездны, самъ сый Господь, самъ услыши воздыханія связанныхъ, и изведи отъ земли Евангелію, и не отврати лица Твоего отъ сына ея, но вонми души ихъ и мене Твоего ради* (Чеш. мин. житіе Корнилія сопника). Здѣсь слово *лице* упомянуто двукратно, и въ каждомъ мѣстѣ имѣетъ оно особый и весьма различный отъ другаго смыслъ; ибо *лице*, отъ котораго таятъ горы, и изсушаются бездны или моря, не иное что понятію нашему представлять можетъ, какъ или гнѣвъ, или могущество, или безконечность времени; напропивъ щого *лице*, о коемъ молящъ, да не отвертится оно отъ насъ, изображаетъ милость, благость, истекающее отъ него благополучіе наше. Припомъ же, какъ сильно и богато выраженіе сіе: *отъ Его же лица растаяваются горы!*

Какой другой глаголь можешъ замѣнишь здѣсь силу глагола *таять*, представляющаго воображенію нашему, что ошь всемогущаго взора Божія, каменная швердось горъ премѣняется въ воскъ подобную мягкость, и высота вершинъ ихъ упадаешъ на подошву? Поспавимъ вмѣсто глагола *растаяются* какой нибудь другой глаголь, напри- мѣръ: уничтожающся, исчезающъ, рассыпающся; тогда вся красота мысли пропадесть, поелику изображаемая сими шремя глаголами дѣйствія сами по себѣ естественнымъ образомъ, какъ напри- мѣръ ошь долгошы времени, ошь землетрясенія, или ошь иной какой причины, сдѣлашся могушь; но въ словахъ *горы таютъ* заключаешся поняшіе, что сію необычайную, неестественную съ ними перемѣну воображаешъ умъ нашъ, уподобляющій дѣйствіе всеильнаго взора Божія шакому пламени, предъ коимъ величайшая швердось горъ; не иное что ешь, какъ образъ слабости, подобіе мягкиль ошь малѣйшаго духа шеплошы шаяущихъ веществвъ. Изъ сего можемъ мы видѣшь, коликимъ изобиліемъ мыслей обогащашся иногда рѣчь, чрезъ одно шокмо прилично помѣщенное въ ней слово!

Лышто. Кажешся слово сіе значишь шу самую часть ноги, кошорую въ шпроспорѣчій называющъ *лытка*, и ошшуда шроисходяшь

слова *лытѣть*, *лыжи* и проч. *Мняше того бѣжати хотяща, таже подрѣза ему лыста, да не избѣгнетъ* (Пашер. листъ 135). — *Не въ силѣ констѣй восхоцетъ, ниже въ лыстѣхъ мужескихъ благоволитъ* (il n'a point d'égard à la force du cheval; il ne fait point cas des hommes légers à la course): *Благоволитъ Господь въ боящихся Его, и во уповающихъ на милость Его* (Псаломъ 146). — *Повелѣ каменіемъ бити его по лицу, и по ребромъ и по лыстомъ* (Пролог.).

Любопрѣніе, любовь или приспраспие къ прѣнію, къ прошивурѣчію, къ спорамъ: *Совѣтую тебѣ Евдокіе, остави непотребное любопрѣніе и безумное прекословіе, и волею принеси богѣмъ жертву. Аще же ни, то и неволею пожреш, убѣждена бо будеш острыми муками* (Чеш. мин. листъ 33). Отсюду происходитъ прилагательное имя *любопрителенъ*, въ шомъ же смыслѣ употребляемое: *Ненависть воздвигаетъ распрю, всѣхъ же нелюбопрительныхъ покрываетъ любовь* (Припч. Соломон. глава 10).

Мышца, въ просторѣчїи *мышка*, или чужезычное *мускулъ*. Подъ именемъ мышцей или мышекъ разумѣются соспавы шѣла, служащїе орудїями шѣлесной силѣ, и потому часто берутся за самую силу, и означающъ *власпъ, могущество, или руку, яко членъ сильнѣйшїй въ шѣлѣ человѣческомъ: И снѣ*

водоносѣ на мышца своя, и налои его: elle ôta sa crûche de dessus son épaule, et l'a prit en sa main, et elle lui donna à boire, шо еспѣ: Ревекка сняла кувшинъ съ водою съ плеча своего, и взявъ оный въ руки, напоила Исаака (Быш. глава 24). — Иовъ, Царь, въ главѣ 31 книги, подѣ именемъ его извѣспной, въ Священномъ Писаніи, разсуждая о усердіи своемъ къ благу народному, говоримъ о себѣ съ клятвою: *Аще воздвигохъ на сироту руку, надѣяся, яко многа помощь мнѣ естъ, да падетъ убо рамо мое отъ состава, мышца же моя отъ локтя да сокрушится.* Здѣсь весьма ясно сказано, какая часть руки нашей разумѣлась подѣ именемъ *рамо*, и какая подѣ именемъ *мышца*. — *Сотвори державу мышцею своею:* il a déployé avec puissance la force de son bras (Ев. опѣ Луки гл. 1). — *И мышцею высокою изведе ихъ изъ нея* (шо еспѣ людей изъ земли Египетскія. Дѣян. глава 13). — *Избавилъ еси мышцею Твоею люди Твоя* (Псал. 76). — *Ты смирилъ еси, яко язвена, гордаго: мышцею силы Твоя растогилъ еси враги Твоя* (Псал. 88, 11). — *Отъ множества оклеветаеміи воззовутъ, возоліютъ отъ мышцы многихъ:* шо еспѣ опѣ припѣсненія, опѣ угнѣшенія, опѣ руки сильной. Во Француской Библии сказано: à cause de la violence des grands. (Иовъ глава 35). И у Ломоносова въ письмѣ къ Шувалову:

*Напрелся мышцами и рамена подвинулѣ,
И плечоу земли превыше облакѣ вскинулѣ.*

Отсюда происходитъ слово *мыштица*, по естъ ручка у кресель, или у чего инаго: *мыштицы* деѣ туду и сюду надѣ престоломѣ сѣдалища, и два льва стояша близъ мыштицей (Парал. глава 9).

Наказаніе, приеѣмлетсѣ часто за наспа-
вленіе: *И нынѣ Царіе разумѣйте, накажитесѣ* (recevez l'instruction) *вси судящіи земли. Приими-
те наказаніе, да не когда прогнѣваеѣтсѣ Гос-
подь, и погибнете отѣ пути праведныхѣ.* (Псал. 2). — *Премудрость и наказаніе нетестивіи
унитижатѣ: les fous méprisent la sagesse et l'in-
struction* (Припч. 1, 8). — *Како возненавидѣхѣ
наказаніе, и отѣ облитеній уклонисѣ сердце
мое? Не послушахѣ гласа наказующаго мя, и
ко утащему мя не прилагахѣ уха моего* (памѣ-
же глава 5, 12). — *Сыне не пренебрегай на-
казанія Господня, ниже ослабѣвай отѣ Него
облигаемый* (памѣже глава 3).

Наслаждашѣся. Глаголь сей сочинялсѣ
прежде съ родипельнымѣ надежемѣ: *наслаж-
дашѣся духовныхѣ словесѣ; нынѣ же сочи-
няешсѣ съ шворищельнымѣ: наслаждатѣся
духовными словесами.*

Непосшупень, швердѣ, непоколебимѣ
(inebranlable, Франц. unbeweglich, Нѣм.): *Тѣмѣ
же братія моя возлюбленная, тверди бывай-
те, непоступни* (Коринѣян. 15, 8). Примѣ-

нимъ, какой многознаменательной и богатой смыслъ содержишь въ себѣ слово сіе: *будьте непоступны*, по есть стойше швердо, берегилесь спупилсь, шагнулсь, двигнулсь, пронулсь съ мѣспа. Еспьли мы, вмѣспо *будьте непоступны*, скажемъ *будьте непоколебимы*; по хопя и кажутся слова сіи однознаменательными, однако разбирая прямой или коренной разумъ ихъ, найдемъ мы великую между оными разность. Въ словѣ *непоколебимъ* изъемлется понятіе о волѣ, и поспому собспвенно принадлежишь оноє къ бездушнымъ вещамъ: домъ, сполпъ, испуканъ сущъ *непоколебимы*, по есть неподвижны, не колеблются, не шапаются; но когда мы говоримъ о челоувѣкѣ: *духъ его непоколебимъ*, погда заимспвуемъ понятіе сіе оспъ бездушной и переносимъ оноє къ одушевленной вещи, разумѣя подѣ симъ, что, какъ сполпъ или испуканъ мерпвою вещьспвенноспію своею, шакъ подобно и челоувѣкъ швердоспію живаго духа своего могутъ бышь *непоколебимы*. Слѣдовапельно слово сіе упошреблено здѣсь въ заимспвованномъ или иносказательномъ смыслѣ. Иносказанія или метафоры нужны намъ бывають шамъ, гдѣ нѣтъ настоящаго, прямо выражающаго мысль, слова; но когда оноє есть, погда въ иносказаніи часто нѣтъ никакой надобности. Слово *непоступенъ* прилично челоувѣку,

попому чшо воля въ немъ, свойспвенная живошному, не шомо не исключается, но паче показуешся, ушверждаешся. Можно сказаць: *теловѣкъ непостуленъ*, шо ешь швердъ въ намѣреніяхъ своихъ, упоренъ, неподашливъ, непреклоненъ; но не можно сказаць: *столлѣ непостуленъ*. Въ семъ-шо полагаю я многознаменашельнось и богашество слова сего. Въ самомъ дѣлѣ: слову *непоколебимъ* шочно соопшвѣспивують иносшранныя слова: *inbranlable* Французское, и *unbeweglich* Нѣмецкое; но слову *непостуленъ* я не нахожу въ ихъ языкахъ равносильнаго.

Непщевашь, мнишь, мыслишь, почишаць: *Непщую бо нитимъ же лишитися преднихъ Апостолъ*: *mais j'estime que je n'ai été en rien inférieur aux plus excellens Apôtres* (Послан. къ Коринѣ. 2, глава 11, сп. 6). — *Непщую себе блаженна быти*: *je m'estime heureux* (Дѣян. 26, 2). — *Аще убо што благое въ сій день сотворилъ еси, не отъ себе сіе быти, но отъ самага Бога вся благая намъ дарующаго непщуща, Тому, сіе восписуй, и благодари: и да ты въ семъ благомъ утвердитъ, и прогая совершити пособитъ, молися* (молишва). — *Мы по худому нашему разуму, таковыя на сіе непщумъ быти вины* (Пашерик. лиспъ 19). — *Князь же Ростиславъ слышавъ то, не положи на сердцѣ своемъ силы словесъ Преподобнаго* (какое прекрасное выраженіе вмѣсто сего

*

простого: не уважилъ, не послушалъ словъ его), и нещучя укоризну его глаголати, а не пророцество, разгнѣваясь зѣло (тамъ же).

Низвратитъ, собсѣвенно значить опрокинуть, поворошитъ верхъ-дномъ, (renverser, Франц.) Въ инословномъ же смыслѣ значить погубить, ввергнуть въ бѣду, въ нещастіе: *Не убіетъ голодомъ Господь душу праведную, животъ же нечестивыхъ низвратитъ* (Припч. Соломон. глава 10). Матшафія умирая, и оставляя семейство свое посреди разврата и пороковъ, тако увѣщаваешь оное къ твердому храненію добродѣтелей: *Нынѣ укрѣлися гордыня и облитеніе, и время низвращенія, и гнѣвъ ярости. Мужайтесь убо тогда, и возревнуйте закону, и дадите души ваша за завѣтъ отецъ нашихъ* (Маккав. глава 2).

Обоняшь. Также не всегда спраданіе, какъ - то: *Ноздри имутъ и не обоняютъ* (сирѣчь не ощущають запаха Псал. 113); но иногда самое дѣйствіе значить, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствуетъ: *Благодаряше Бога въ скорбехъ, и къ тому же своихъ сродниковъ поуташе, аки ливанъ во огни обоняющъ представляя* (Папер. житіе Симон. Еписк.). Здѣсь обоняющъ значить поже, что благоухающъ. Въ предисловіи къ Папернику сказано: *Обате отъ тѣлесъ лежащихъ неплѣнно въ пещерахъ, ни едино ароматъ земныхъ обоняніе слышится, кромѣ своего имъ отъ*

Бога даннаго благоуханія: ни едино убо и помазаніе на нихъ есть; но аще бы прежде и было (еже поистиннѣ николи же бѣ), то уже нынѣ обонянію и дѣйствию его преставшу, не могли бы доселѣ пребывать нетлѣнны. Здѣсь также обоняніе въ обѣихъ вышепомянутыхъ мѣстахъ значить самый запахъ, а не чувствованіе запаха.

Овъ, ово, иной, иное: *Овому талантѣ овому два.* — Примѣнимъ мимоходомъ здѣсь, что нѣкоторыя несвойственныя намъ слова, хопя и ошъ худаго, но частаго употребленія оныхъ, дѣлаются почти уже общими, и обращаются въ грамматическія для насъ правила; напрошивъ того подобныя симъ, каковы сущь: *ово, зане, лоне, убо, иже, яко* и проч., вышли совсѣмъ изъ обыкновенія, такъ что кромѣ Славенскаго слога не можемъ, или лучше сказать, не смѣемъ ихъ употреблять. Вопросаю: пріобрѣщаемъ ли мы чрезъ то, или перьяемъ? Сіе поселившееся въ насъ презрѣніе къ нимъ, ошъ разсужденія ли происходитъ, основаннаго на разумѣ, или ошъ насильства обычая? Чему лучше послѣдовать, разсудку, или привычкѣ? Если сїи вопросы не подлежатъ рѣшенію; то кажется мнѣ лучше всегда обращаться къ кореннымъ словамъ своимъ, нежели прилѣпляться къ чужимъ, которыя заводять насъ въ спранныя нецѣлостности, и нечувствив-

пелельно пріучаюшь и слухъ и умъ нашъ къ онымъ. Считая за невозможность упошреблять нѣ слова, кои упошребляемы были предками нашими, мы чаопно принуждены бываемъ чувствовать въ нихъ недоспапокъ.

Таковыхъ примѣровъ много бы показати можно было, но покажемъ здѣсь хопя одинъ: Егда же во вся страны изыде о немъ слава, стекахуся къ нему вси, не тогю близъ живущи, и отъ странъ далекихъ, имъ же многіе дни путь творити пошребно баше. Ини не суще къ нему больныя своя, ини же больнымъ въ домѣхъ лежащимъ просяще здравія, ини напастьми и скорбьми одержими, ини же отъ бѣсовъ мугими, и кійждо ихъ не пощъ возвращашеся, но пріимаше овъ нѣльбу, овъ утѣшепіе, овъ пользу, овъ иную кую помощь, и съ радостію отхождаху восвоиси, прославляюще Бога (Чеп. мин. жипіе Симеона Столпника). Скажемъ сіе нынѣшнимъ нашимъ слогомъ: Когда же во всѣ стороны слава о немъ разнеслася, тогда собирались къ нему всѣ, не токмо близко живущіе, но и тѣ, которые далеко жили, такъ то имъ надлежало многіе дни быть въ пути. Иные несли къ нему больныхъ своихъ, иные больнымъ въ домахъ лежащимъ просили здравія, иные были изъ нихъ напастьми и скорбьми одержими, иные недугами мугими, и каждой не безъ успѣха назадъ возвращался; но иной полуталъ исцѣленіе,

пной утѣшеніе, иной пользу, иной иную какую
 помощь, и съ радостію отходили домой, про-
 славляя Бога. Мы видимъ, что слово овъ
 здѣсь не лишнее, и что безъ онаго мѣсто-
 именіе иной, будучи многократно повторено,
 могло бы наскучить. Также и въ слѣдующемъ
 примѣрѣ слово сіе не безобразіе дѣлаетъ,
 но красоту: *Послѣ жестокихъ оныхъ волне-
 ній и обуреваній, колебавшихъ, но не опроверг-
 шихъ Церковь Христову, даровалъ онъ ей
 міръ и тишину отъ внѣшнихъ непріятелей,
 явилъ новыхъ своихъ въ ней подвижниковъ.
 Возсіяли свѣтила, украшающія мысленное сіе
 небо, ово утѣшеніемъ и проловѣдію слова Божія,
 ово святостію житія и наставленіемъ другихъ
 къ добродѣтели, ово постомъ и самовольнымъ
 удрученіемъ тѣла и страстей своихъ, сво раз-
 личными трудами и подвигами (Папер.)* Тожъ
 самое можно сказать и о словахъ зане, поне:
 первое изъ нихъ значить для того что, второ-
 е по крайней мѣрѣ. Оба онѣ по причинѣ
 краткости своей были бы весьма полезны,
 еспылибъ мы пріучили къ нимъ слухъ свой;
 ибо мы не можемъ ихъ никакими другими
 словами замѣнить, а особливо въ стихахъ,
 въ копорыхъ краткость словъ чрезвычайно
 нужна, и припомъ не только въ оныхъ, но
 и въ прозѣ въ высокому слогу слова по край-
 ней мѣрѣ и для того что не могутъ и не
 должны бытъ употребляемы, поелику дѣла-

юпъ спихъ шершавымъ и прозаическимъ. Ломоносовъ, избѣгая многосложныхъ словъ; *который, которая, которое*, и можешь бышь не довольно смѣлый, чтобъ ввести старинное иже, началъ первый вмѣсто оныхъ писать *то* :

*О ты, что въ горести напрасно,
На Бога ропщешь теловѣкъ!*

Естьли бы онъ не упохребилъ сего средства, опнюдь ни разуму, ни слуху не прошивнаго, то можешь бышь многія бы прекрасныя выраженія и мысли принужденъ былъ перемѣнить или оставишь за чѣмъ, что онѣ въ спихѣ не вмѣщаются. Естьли бы мы опрясши опъ себя мракъ предразсудка, и напишавши умъ свой чпеніемъ Славенскихъ, а не Францускихъ книгъ, начали языкъ свой болѣе любить, то всѣ настоящія и коренныя наши слова перестали бы намъ казаться спранными и дикими.

Одождишь (*faire pleuvoir*, Франц.), осыпашь чѣмъ, послашь что либо въ шакомъ изобиліи, какъ дождь: *Одождитѣ на грѣшники сѣти: огонь и жупелѣ, и духъ буренѣ, гашь гаши ихъ*: *il fera pleuvoir sur les méchants des pièges; du feu et du souffre; et un vent de tempête sera la portion de leur breuvage* (Псалм. 11). *И одожди на ня яко прахъ плоти, и яко песокъ морскій птицы пернаты*: *et il fit pleuvoir sur*

eux de la ch^rr abondamment comme de la poussiere, et des oiseaux ailés comme le sable de la mer (Псал. 77). Для чегожь послѣдуя сему не упошребляшь сего знаменательнаго слова, какъ напримѣрь: ошкупъ принеся имъ великія богатства и одождилъ ихъ золотомъ? Здѣсь хопя Россійскій глаголь *одождилъ* имѣеть почное знаменованіе Французскаго *pleuvoir*, однако мы не изъ подражанія къ нимъ перевели оный съ ихъ языка, но такъ сказаъхъ поняпія наши въ семъ случаѣ вспрѣпились съ ихъ поняпіями. Индѣ же оныя не вспрѣчающся, и погда не по свойспву ихъ языка, но по свойспву собспвеннаго своего надлежитъ о словахъ и выраженіяхъ умспвоваъхъ. Въ доказапельствво сего смопри въ примѣчаніи подѣ словомъ *прозябать* шолкованіе о словѣ сокровище.

Опасно, значить иногда прилѣжно, шщательно: *тѣмже япся опасно листырскихъ трудовъ, ута и моля христолюбивое стадо утвержденныхъ быти въ вѣрѣ, и христородражательно жити* (Папер. листъ 80). — Исправленіе прологовъ поручено было угенымъ изъ духовнаго тина мужемъ, какъ въ богословіи и церковной исторіи, такъ въ Гретескомъ и Латинскомъ языкахъ искуснымъ съ такимъ наставленіемъ, дабы оныя помянутыя книги разсмотрѣли со всякимъ опаснымъ наблюденіемъ, не имѣется ли въ нихъ того противнаго

слову Божию, догматамъ вѣры, и преданіямъ церковнымъ, такожъ сумнительнаго и невѣроязнаго: и ежели что таковое обрящется, представляли бы съ мнѣніемъ Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе.

Огребайтесь, воздерживайтесь, уклоняйтесь, избѣгайтесь, удаляйтесь отъ чего: Возлюбленнии молю яко пришельцы и странники, огребайтесь (de vous abstenir) отъ плотскихъ похотей, яже воютъ на душу (Посл. Пепр. 1, гл. 2). — Благъ, кротокъ, смиренъ, и огребайтесь отъ всякія злыя вещи (Чеп. мин. листъ 50).

Персь, прахъ, пыль, мѣлая земля, (Poudre, Фр. staub, Нѣм.): и будетъ яко персть отъ колесе богатство нечестивыхъ, и аки прахъ летитъ. (Исаія 29, 5). Созда Богъ теловѣка, персть вземъ отъ земли (Быт. 11, 7). Посыла перстію главу свою, и падъ на землю поклонися Господеву (Іовъ 1, 22). Отсюду происходитъ слово перстный, по естѣ созданный изъ земли, изъ персти: Воскресеніе мертвыхъ сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніе (le corps est semé corruptible, il ressuscitera incorruptible): сѣется не въ тѣсть (il est semé méprisable), востаетъ въ славу: сѣется тѣло душевное (il est semé corps animal), востаетъ тѣло духовное (il ressuscitera corps spirituel). Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное, тако и писано есть, бысть первый теловѣкъ

Адамъ въ душу живу (le premier homme, Adam, a été fait avec une ame vivante), *последній Адамъ въ духъ животворящъ* (mais le dernier Adam est un esprit vivifiant, (Франц. lebendigmachender geist, Нѣм.), *потомъ же духовное* (geistliche). *Первый теловѣкъ отъ земли перстенъ*, (то есть ошь праха земнаго: terrestre (Фр. irdisch, Нѣм.) *Вторый теловѣкъ: Господь на небеси*, (то есть небесный, имѣющій власть на небесахъ: le Second homme, qui est le Seigneur, est du ciel, Франц. der ander mensch ist vom himmel, а въ другихъ переводахъ: herr vom himmel, herr aus dem himmel, und ist himmlisch, Нѣм.). *Якъвъ перстный, такови и перстнии; и якъвъ небесный, тацъже и небеснии*, и *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облетемся и во образъ небеснаго* (Посл. къ Кор. 1, гл. 15). *Человѣкъ есть перстенъ и смертенъ* (Чеш. мин. листъ 18).

Поприще. Имя сіе происходитъ ошь слова *пря*; поелику означало опредѣленной длины мѣсто, на копоромъ древніе Греки и Римляне собирались подвизашься въ шѣлесныхъ движеніяхъ, спора между собою, или имѣя прою о первенствѣ въ бѣганьи, шаъ какъ мы нынѣ конское поприще называемъ *бѣгъ*. Длина, каковую обыкновенно имѣло мѣсто сіе, служила и къ исчисленію разстоянія между двумя извѣстными мѣстами, шаъ какъ мы нынѣ исчисляемъ оное посредствомъ верствъ. Протяженіе, называемое поприщемъ

содержало въ себѣ тысячу шаговъ. *Аще кто
тя пойметъ по силѣ полприще едино, иди съ
нимъ два* (Ев. опъ Матѣ. гл. 5). Иногда же
подъ словомъ симъ разумѣется и разспомяніе
времени, какъ изъ слѣдующаго примѣра ви-
дѣнь можно: *слодоби же насъ и ноцное по-
прище* (по еспѣ всю ночь) *прейти, не иску-
шены отъ злыхъ, и избави насъ отъ всякаго
смущенія.* (Молиш. на сонъ грядущимъ).

Почипъ или почивашъ. Глаголь сей, при-
емлемый въ смыслѣ покоиптъся, спать, пре-
бывать безбоязненно или безлетно, часто съ
великою красотою упопреляется въ Сла-
венскихъ книгахъ, какъ напримѣръ: *многаго
ради милосердія твоего, никогда же оплутай-
ся отъ мене, но всегда во мнѣ поживай, до-
брый пастырю твоихъ овецъ* (молишва ко
Христу свяпшаго Антіоха). *Въ сердцѣ блазѣ
мужа погіетъ премудрость.* (Припч. Солом.
гл. 14). *Аще убо будетъ ту сынъ міра, погіетъ
на немъ міръ вашъ* (Папер. принош. Пешру
Великому), по еспѣ: спокойствіе, тишина
ваша, ушвержденная на немъ, аки на не со-
крушимомъ сполнѣ, надежно пребывашъ бу-
дешъ, какъ бы спящая, или почивающая без-
заботно. Сирахъ во гл. 5, увѣщевая зако-
снѣвшаго во грѣхахъ и не помышляющаго о
покаяніи человекна, говоритъ ему: *не рцы (о
Богѣ): щедрота его многа естъ, множество
грѣховъ моихъ огиститъ. Милость бо и гнѣвъ*

у него, и на грѣшникахъ потіетъ ярость его. Здѣсь съ выраженіемъ *потіетъ* сопрягается понятіе, что гнѣвъ или ярость Божія пребудеть къ грѣшникамъ не умолима, какъ бы уснувшая и не возбуждаемая гласомъ милосердія.

Прелесть. Слово сіе имѣетъ два различныхъ знаменованія. Собственно значить оно красосу, пригожество, благообразіе; но какъ не рѣдко бываетъ, что пріятная наружность, приманивая и соблазняя насъ, не даетъ намъ видѣть сокрывающейся подъ нею худой, или гнусной внушенности; того ради подъ шѣмъ же самымъ названіемъ часто разумѣемъ мы обманъ, соблазнъ, коварство, хитросость: и всю сатанину прелестъ отжени отъ мене (Молиш.). Отсюда прелестными звѣздами называются шѣ воздушные огни, которые, доколѣ сіяніе ихъ продолжается, кажутся намъ бытъ ниспадающими звѣздами, кои попомъ исчезаютъ. Іуда въ соборномъ посланіи своемъ, глава 1, говоритъ о нечестивыхъ людяхъ: *сїи суть въ любвахъ вашихъ сквернители, съ вами ядуще, безъ боязни себя пасуще* (se repaissant sans aucune retenue): *Облаци безводни, отъ вѣтрѣ приносили: дресеса Есенна, безплодна, дважды умерша, искоренена: волны свирѣлыя моря, воспѣняюще своя стыдѣнія* (se sont de vagues furieuses de la mer qui jettent l'écume de leurs im-

purités): *Звѣзды прелестныя, имже мракъ тьмы во вѣки блюдется* (ce sont des étoiles errantes, aux quelles l'obscurité des ténèbres est réservée pour l'éternité). Въ проповиомыслие сему подъ именемъ *нелрелестныхъ звѣздъ* разумѣются настоящія, не обманчивыя звѣзды: *Просіяша прелодобнии отцы наши житіемъ своимъ небеснымъ посредѣ песка пещернаго, аки звѣзды нелрелестныя.* (Пашер. предисловіе къ чипашелю).

Преподобіе. Кругъ знаменованія слова сего, также какъ и многихъ другихъ, весьма стѣсненъ. Нынѣ оное иначе не упошребляется, какъ токмо въ смыслѣ привѣштеннаго названія духовнымъ особамъ, какъ на примѣръ: *Ваше Прелодобіе, Прелодобный Отецъ* и проч. Корень сего названія происходитъ отъ имени *доба* *). Прержъ сего знаменованіе онаго было гораздо обширнѣе: оно значило *тестность, святость, благоцестіе, правоту*, и вездѣ въ семъ смыслѣ упошреблялось, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣшь можно: *въ злобѣ своей отринетя негестивый, надѣйся же на Гослода своимъ Прелодобіемъ* (то есть правошою души своей, par son intégrité) *праведенъ* (Притп. Солом. гл. 14). — *Совѣтъ добръ сохранитъ тя, помышленіе же прелодобное* (то есть честное, праводушное) *соблюдетъ тя* (гл. 2). — *Утвержденіе прелодоб-*

*) См. слово сіе въ Академич. Извѣстіяхъ Кн. III, справ. 76.

ному страхъ Господень, сокрушеніе же творящимъ злая: la voie de l'Eternel est la force de l'homme integre; mais elle est la ruine des ouvriers d'iniquité (гл. 8). Отсюда слова *не прелодобное, не подобное*, прошивное сему имѣю: по знаменованіе, какъ по слѣдующіе примѣры показывающъ: и *разбери прю мою отъ языка непрелодобна*, (по естъ отъ языка лживаго, неправеднаго). *Отъими отъ насъ всякое метаніе неподобное* (по естъ лукавое, злое), и *похоть вредну*. Нынѣ конечно многимъ бы показалось странно, ежели бы кто написалъ: *Будь добродѣтеленъ, гуждъ зависти, незлобенъ, Дѣлами праведенъ, душою прелодобенъ*.

Но что же естъ причиною тому, что слово сіе показалось бы странно? Не иное что, какъ отвычка отъ употребленія онаго. Знаменованіе слова сего соотвѣтствуетъ точно знаменованію Францускаго слова *Intégrité*: почемужъ по Француски *integre* хорошо, а по Руски *прелодобенъ* худо? На какомъ разсужденіи умствование сіе основано? На томъ ли, что въ чужемъ языкѣ каждое слово кажешся намъ прекрасно, а въ своемъ каждое безобразно? Или на томъ что мы не читая старинныхъ книгъ своихъ не знаемъ всей обширности знаменованія словъ, и пошому не умѣемъ ихъ употреблять по пристойности? Обѣ сіи причины весьма сильны и убѣдительны!

Препоясашь. Глаголь сей употребляешся въ слѣдующихъ смыслахъ: *Богъ препоясуяй мя силою*: c'est le Dieu fort qui m'environne de force, (Франц. der mich mit Kraft umgürtet, Нѣм. (Псал. 17. 33). — *И препоясалъ мя еси силою на брань*: tu m'a revêtu de force pour le combat.

Прещеніе или запрещеніе. Слово сіе въ обыкновенномъ, по естѣ въ новѣйшихъ книгахъ наиболѣе употребляемомъ смыслѣ, значить возраженіе, не позволеніе; но въ Священномъ Писаніи чаще означаетъ оно гнѣвъ, яроссть, угрозы; и хотя оба сіи понятія нажупся одно опъ другаго весьма различествующими, однакожь они имѣюшь нѣкопорое между собою сходство: ибо и въ первомъ смыслѣ *запрещать*, по естѣ не позволяшь, заключаешъ уже въ себѣ мысль о гнѣвѣ, о угрозахъ; поелику несвойственно запрещашъ чтонибудь съ веселымъ и ласковымъ видомъ. Мы увидимъ впорое знаменованіе онаго въ слѣдующихъ примѣрахъ: *Увѣровавшимъ убо догматомъ, и заповѣди хранящимъ, будущая благая обѣщаваютъ: не увѣровавшимъ же догматомъ, или заповѣди не хранящимъ, будущими претягъ муками.* (Предисл. къ Евангел. опъ Матѣ.). Или: *Господь же Богъ истиненъ есть, той Богъ живущій, и Царь вѣтний: отъ гнѣва Его подвигнется земля, и не стерпятъ языцы прещенія Его*: la terre sera ébranlée par sa colere, et les nations ne pourront

soûtenir son indignation (Гер. гл. 10). Здѣсь не можно оставишь безъ примѣчанія красоты и силы сей рѣчи, и какъ слово *подвигнется* знаменательно и важно; — гораздо сильнѣе, нежели попрысается, поколеблется (*seга ébranlée*); ибо подвигнувшись, то есть опсшупишь опъ ужаса назадъ, заключаетъ уже въ себѣ понятіе о препенѣ, о дрожаніи; напрошивъ того поколебаніе, попрысеніе, хотя и означаетъ страхъ, однакожь не сопрягаетъ вмѣстѣ съ собою понятія о поль естесственномъ движеніи, которое мы при возчувствованіи ужаса дѣлаемъ, то есть съ препеномъ опсшупаемъ вспяшь. Въ девятой главѣ дѣяній Апостольскихъ, сказано: *Саулъ дыхая прещеніемъ и убійствомъ*. Ломоносовъ весьма прилично слово сіе въ семь знаменованіи упошребилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

*Претящимъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ ветерній, рекъ:
О дерзкій мира нарушитель,
Ты мегъ противъ меня извлекъ!*

Есшьяли бы здѣсь выраженіе *претящимъ окомъ* не соединяло въ себѣ обѣихъ выше-сказанныхъ понятій, а значило бы шокмо одно первое, сирѣчь *нелозволяющимъ*, то бы сила сего перваго стиха гораздо была слабѣе; ибо восклицаніе шрепьяго стиха: *о дерзкій мира нарушитель!* показываешь пакой пылъ гнѣва, кошорому слово *претящій*,

еспѣлибъ оно значило покомъ *непозволяющій*, недовольно бы соощвѣшспвовало; и когда бы Ломоносовъ не зналъ всей обширности знаменованія сего слова, тогда бы вмѣсто онаго принужденъ былъ искашь равносильное ему, какъ на примѣръ: *гнѣвнымъ*, или *грознымъ*, или *яростнымъ*; но всѣ сіи слова, будучи Хореи, не могли бы сославить начала Ямбическаго стиха; *сердитымъ* же было бы низко: и шакъ не научась знаменованію словъ изъ Священнаго Писанія, долженъ бы онъ былъ по неволѣ, и можетъ бышь съ худшимъ усилѣхомъ, перемѣнишь прекрасный сославъ сего стиха. Сіе одно уже показываешъ, сколь нужно стихошворцу и всякому въ словесности упражняющемуся писателю почерпашъ силу и красоту слога изъ церковныхъ или спаринныхъ Славенскихъ книгъ, а не изъ Францускихъ авторовъ, которые могутъ насъ научишь по Француски; но нѣшь ничего безумнѣе и смѣшнѣе, какъ учишь-ся у нихъ красотѣ Россійскаго языка.

Примиришься. Глаголь сей упошребляешся съ предложнымъ падежемъ: *примиришься съ кѣмъ*; однако же можетъ оный сочиняшься и съ дательнымъ падежемъ: *примиришься кому*, какъ изъ слѣдующаго примѣра видѣшь можно: *аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, мно-*

жае лате примирившесе, спасемсе въ животѣ его. (Рим. гл. 5).

Пришочникъ, кпо припчами говоришь, припчи пишешъ: *вѣнецъ премудрыхъ богатство ихъ, Притотникъ глаголетъ* (Пашер. житіе Св. Еразма).

Прозябашъ. Глаголь сей, полико прекрасный и многозначущій, нынѣшними писателями рѣдко употребляется, пошому, что разумъ онаго заключенъ въ предѣлы гораздо пѣснѣйшіе, нежели въ какихъ мы его въ Священномъ Писаніи находимъ. Нынѣ наиболѣе извѣстенъ онъ въ самомъ шокмо прошомъ смыслѣ своемъ, по еспъ: бышь проницаему опъ спужи. Другія же знаменованія онаго новомоднымъ писателямъ, учащимся краснорѣчию Россійскаго языка изъ книгъ Францускихъ, мало или со всѣмъ не извѣстны. Въ Славенскихъ книгахъ употребляется онъ иногда въ дѣйствительномъ залогѣ, а иногда въ среднемъ или страдательномъ. Въ первомъ случаѣ значить: дѣлать землю плодородною, производить одну какую либо вещь изъ другой какой либо вещи; во второмъ произрастать, исходить изъ земли, или изъ чего инаго. Примѣры первому: *одѣвающему небо облаки* (пойше Богу), *уготовляющему земли дождь*, *прозябающему на горахъ траву скотомъ* (qui fait produire le foin aux montagnes), и *злакъ на службу теловѣкомъ*

*

(Псал. 146). И въ другомъ мѣстѣ: яко земля растящая цвѣтъ свой, и яко вертоградъ сѣмена своя прозябаеть (et comme un jardin fait germer les choses qui y sont semées): тако возраститъ Господь правду (Исаія гл. 61). Также и въ молишвѣ къ Богоматери: *что ты наречемъ, о благодатная? Небо, яко возсіяла еси Солнце правды; Рай, яко прозябла еси цвѣтъ неплѣвнйя.* Примѣры впрочемо: Яко листъ расплощаяся на деревѣ гасетъ, овѣ убо спадаетъ, другій же прозябаеть (Сир. гл. 14). У Исаи Богъ глаголетъ Іакову: *наложу духъ Мой на сѣмя твое, и благословенія Моя на гада твоя, и прозябнутъ аки трава посреде воды, и яко верба при водѣ текущей* (гл. 44). Въ припчяхъ Соломоновыхъ вмѣсто, чпобъ сказать: жизнь человека, любящаго истину и благими дѣлами себя украшающаго, процвѣтаетъ на подобіе древа, въ пучной землѣ распускающаго — сказано: *отъ плода правды древо жизни прозябаеть.* Какое краткое и прекрасное выраженіе! — Въ вышесказанныхъ примѣрахъ глаголь сей употребленъ, говоря о земныхъ произрастѣніяхъ; но понятіе онаго распространяется и на другія вещи, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣть можно: *сердца моего струлы, отъ многихъ грѣховъ прозябшія ми, исцѣли, Спасе, яко душъ и тѣлесъ врагъ, и подая просящимъ прегрѣшеній прощеніе* (молишвен.). И въ дру-

гомъ мѣстѣ : а понеже по сихъ хотяху ереси прозябнути, и обытаи наши растлѣти, благоволи написатися благовѣстіямъ, да отъ сихъ утими истинѣ, не прельщаемя отъ ложныхъ ересей, ниже всеконечно растлѣтся обытаи наши (предисл. къ Еван. отъ Маше.). Здѣсь прозябнуть хоша поже самое значить, что и прежде, сирѣчь : возникнуть, возрасти; но относился уже не къ растлѣніямъ, а къ ересямъ, то есть, къ безшѣлеснымъ вещамъ или спраснямъ, и слѣдовательно смыслъ онаго увеличенъ или распространенъ. Разсматривая силу слова сего всякъ согласится, что оно въ семъ смыслѣ подходитъ весьма близко къ тому понятію, которое Французы изображаютъ словами *éclore, se développer*. — Мы нынѣ послѣднее изъ сихъ чужестранныхъ названій переводимъ нововымышленнымъ словомъ *развитіе*. Откуда взято оное и отъ какихъ началъ происходитъ? — Если отъ одного произволенія, не основаннаго ни на какомъ разсудкѣ, такъ это не послѣдованія, но посмѣянія достойно; буде же бы кто смель ушверждать, что слово сіе нужно въ нашемъ языкѣ и есть точный переводъ Французскаго глагола *developper*, то во первыхъ дѣлашь таковыя переводы не значить ли учиться Рускому языку изъ книгъ Французскихъ? Во вторыхъ надлежитъ доказать, что во всемъ Россійскомъ языкѣ нѣтъ

ни одного названія, которое бы заключающееся въ словѣ *developer* понятіе выражать могло; иначе было бы сіе не знаніе языка своего и гонящаяся за чужимъ, похоже на то, какъ бы кто, имѣя у себя полную жишницы хлѣба, и не вѣдая о помѣ, спалъ у бѣднаго сосѣда своего просить подаянія. Ежели мы, не разсуждая о знаменованіяхъ и производствѣхъ коренныхъ словъ своихъ, спанемъ переводить ихъ по почному составу Французскихъ словъ, и рѣчи свои располагать по ихъ рѣчамъ; по вмѣсто числительны и обогащенія языка своего, будемъ оный поршить; ибо *défiler*, *dénicher* etc. спанемъ переводить: *разпрять*, *разгибать* и проч. — вмѣсто *страстный игрокъ*, *un joueur déterminé*, спанемъ писать *игрокъ определенный*: ктожь будетъ разумѣть насъ? Французы глаголомъ своимъ *déveloper* изображаютъ перемѣну состоянія вещи, бывшей прежде *enveloppé*. Когда они говорятъ: *l'esprit se développe*; то воображаютъ, что онъ прежде былъ *enveloppé dans un certain chaos*, и потомъ мало по малу началъ оказываться, или распускаться, на подобіе цвѣшка. Переводя слово сіе *развитіемъ*, и говоря: *разумъ его натинаетъ развиваться*, по смыслу слова сего должны мы воображать, что онъ прежде былъ *свитъ*; естественна ли представитъ себѣ *свитой разумъ*? Для чего Фран-

цузы не говорятъ: *son esprit commence à se détordre?* Для того, что сіе не употребительно, и следовательно не будетъ имѣть ни силы шой, ни смысла. Но глаголь *détordre* ближе подходитъ къ нашему глаголу *развивать*, нежели глаголь *développer*; какъ же вводимъ мы съ Францускаго языка въ Руской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употребляя сочли бы за безобразіе? — По истиннѣ разумъ и слухъ мой спрадаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ногныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*; напрошивъ по го я весьма охотно слушаю, когда въ простой пѣснѣ поютъ:

Заплѣпсия, плѣпень, заплѣпсия,
Ты развѣйся камка хрущепая.

Здѣсь развиваніе камки я понимаю; но чтобы постигнуть *развиваніе понятій*, признаюсь, что на эпошъ разъ умъ мой *не развивается*, и оспаешся шѣмъ же *свитымъ*, какимъ прежде былъ. Ломоносовъ употребилъ слово *препящій*. (см. *прещение*) въ такомъ смыслѣ, въ какомъ нишо изъ новѣйшихъ писателей не употреблялъ оное; однако онъ не изъ Францускихъ книгъ перевелъ его, а взялъ изъ Священнаго Писанія. Слова получаютъ силу отъ долговременнаго употребленія ихъ; изобрѣшаютъ и распростира-

няпъ знаменованіе оныхъ еспъ дѣло искус-
 ныхъ писателей, знающихъ корни языка
 своего и умѣющихъ производить отъ нихъ
 сродныя имъ слова, копорыя, хотя при
 первомъ появленіи своемъ и кажутся для
 опывшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько стран-
 ны, но вскорѣ, по опысаніи источника
 ихъ, становятся понятны разуму и пріят-
 ны слуху. Для чего въ вышесказанной рѣчи:
*ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались пер-
 выя мои метафизическія понятія, вмѣсто
 развивались, не скажешь: въ которыхъ пер-
 выя мои понятія прозябали?* — Мы выше
 сего видѣли, что слово прозябать поже са-
 мое значить; ибо естли о ерсяхъ, говориш-
 ся прозябають, по и о понятіяхъ поже
 скажешь можно. Буде сочиняя Рускія книги
 надобно непременно не по своему думать,
 но по Француски, и все свое вниманіе по-
 мо на по усремлять, какъ бы какое ихъ
 слово или понятіе выразишь ближе, (какъ
 будшо не знавъ языка ихъ, не возможно намъ
 бышь краснорѣчивыми писателями;) по по
 крайней мѣрѣ не лзя же сколько нибудь
 не помышлять и о своемъ языкѣ. Пусть
 шакъ, что лишь только примемся мы за
 перо; по первая встрѣчающаяся намъ мысль
 естъ сія, или сему подобная: какъ перевесть
 глаголь *développer*? какъ прославившагося под-
 вигами своими мужа, послѣдуя Францускимъ

писателямъ , уподобишь актеру вышедшему на сцену, играющему тонкую или занимательную роль и всѣхъ взоры въ себѣ сосредоточивающему? Не лъзя ли во всякую спрочу, къ спатб или не къ спатб, помбспишь вкусб, предметб, картина, моральность, потребность? И наконецъ какъ бы сказать: abbé, madame, papa, mama и проч.? *). Когда уже

*) Не дивно, что худые писатели, изъ сочиненій которыхъ видно, что они о грамматическихъ правилахъ не имѣють ни малѣйшаго понятія, и съ роду никакой Руской книги не читывали, наполняютъ писанія свои симъ неслѣпымъ съ Французскаго языка переводомъ рѣчей; но удивительно, что примѣчаются у насъ такіе сочинители, которымъ надлежитъ оудать справедливость, что они ошъ природы одарены краснорѣчіемъ, и вообще слогъ ихъ гладокъ, плавленъ и чистъ; но и шѣ не могутъ воздержаться, чтобъ иногда чуждое и несвойственное намъ не принять за прекрасное и свое. Толико-то излишнее упоеніе ума своего чтеніемъ иносанныхъ книгъ опнимаешь у сочинителя способность бытъ совершенно сильну на своемъ языкѣ! Между шѣмъ, сіи хотя и впадають иногда въ погрѣшности, однакожъ во многихъ другихъ мѣстахъ сочиненій своихъ награждаютъ они недоспанки своимъ природнымъ краснорѣчіемъ и плавностію слога; но сожалѣніа доспойно что шѣ, въ которыхъ горитъ ошоа къ словесности, не имѣя еще шакого, какъ они, дара писашъ, подражають имъ не въ шомъ, что въ нихъ похвально, а въ шомъ, что въ нихъ предосудительно. Переводишь не шокмо цѣлыя рѣчи; но даже и однѣ слова, по почному ихъ знаменованію на чужомъ языкѣ, ешь безобразишь языкъ свой, опнимаешь у него всю красоту, силу и дѣлашь его невразумишельнымъ; ибо ешьли мы хотя нѣсколько разсудимъ, шо увидимъ, что каждой народъ въ соспаненіи языка своего умспановалъ по собшвеннымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ ошъ другаго народа: мы напримѣръ слово *сокрывице* произвели ошъ глагола *сокрывать*, разсуждая, что

пристрастіе наше ни коимъ образомъ не можеть миновать сего камня прешыканія, шо по малой мѣрѣ надлежитъ хоть изрѣдка заглядывать въ свои книги, соображаясь съ употребленіемъ, и прежде, нежели приступимъ мы къ выдумыванію новыхъ словъ, посмотрѣмъ: нѣтъ ли старыхъ, пошѣже самый смыслъ въ себѣ заключающихъ? Понятіе глагола *developper* не есть такое особ-

чѣмъ драгоценнѣе какая вещь, тѣмъ рачительнѣе стараются сохранишь, или сокрывать оную. По сему понятію нашему всякое богатство или рѣдкую и драгоценную вещь называемъ мы *сокровищемъ*. Французы напротивъ того, умствуя иначе, произвели названіе сіе отъ имени *or*, *золото*, сложя оное съ предлогомъ *tres*, соотвѣтствующимъ нашему предлогу *пре*, или нарѣчію *весьма*. Инакъ по ихъ понятію *tresor*, шо есть сокровище, есть вещь превосходнѣйшая или дражайшая золота. — Намъ свойственно отъ нашего названія *сокровище* произвести глаголь *сокровиществовать*, котораго они отъ своего названія произвести не могутъ. Имъ же свойственно отъ ихъ названія *tresor* произвести имя *tresorier*, котораго мы отъ нашего названія произвести не можемъ. Опсюду явствуетъ, что не шокмо опрали, происходящія отъ корней словъ, но и сама соотвѣтствующія въ двухъ языкахъ слова, хоша одно и шокъ поиліе выражаютъ, но по различнымъ употребленіямъ соснавлены и отъ разныхъ источниковъ происпекаютъ. Можеть ли же быть обогащеніемъ языка и красою слога, когда мы не своихъ словъ знаменованіе полковашъ, не отъ нихъ сродныя имъ опрали производимъ, но по точности смысла чужестранныхъ словъ переводимъ ихъ и въ нашъ языкъ принимаемъ будемъ? — Хорошо, что слово сокровище часто въ книгахъ и въ простыхъ разговорахъ употребляется, и потому знаменованіе оного извѣстно всякому даже и безграмотному челоуку; но естли бы оно по причинѣ рѣдкаго въ простыхъ разговорахъ употребленія своего, такъ напимѣрь, какъ

ливое, которое бы одному шокмо Французу пришло въ голову; оно естъ весьма общее. Мало ли у насъ такихъ словъ, которыя совершенно его выражаютъ? Мы говоримъ: *лѣсъ раскидывается, цвѣшокъ распускается*. Въ приведенномъ выше сего примѣрѣ изъ Сираха сказано: *Яко листъ расплощаяся на древѣ гаснѣтъ, овѣ убо слѣдуетъ, другій же прозябаетъ*. Чпо значить здѣсь расплощаться? Листъ

слова *убоизиться, нещевать, доблестъ, прозябать, водство, свѣтоносный* и сему подобныя, шокмо шѣмъ извѣстно было, которыя прилѣжно въ языкѣ своемъ упражняющся; но какимъ бы надлежало счестъ того переводчика, копорой бы нашедъ во Французской книгѣ слово *tresor*, по не искусству своему въ природномъ языкѣ своемъ, не зная о малоупотребительномъ словѣ *сокровище*, вздумалъ перевестъ его почно прошиемъ Французскаго, *презлато*? Надлежало ли бы въ томъ ему послѣдовать и приниматъ слогъ его за образецъ краснорѣчя? Но что я предполагаю шакова переводчика, копорой бы не зная слова *сокровище*, назвалъ, или перевелъ его *презлатомъ*? Предположеніе сіе какъ ни спранно, однакожъ оно не естъ пустое мечтаніе, но дѣло на яву совершающееся. Въ книгѣ, называющей себя *опытомъ всеобщей словесности, и пераю классическою на Рускомъ языкѣ*, читаемъ мы слѣдующее: „слово *Литтература* будетъ на Рускомъ не столько *Словесность* сколько *Любословіе, наука Письменъ*, и ти ближе къ переводу, если позволятъ назватъ, *Письменность*; наука, которал посредствоомъ *литтеръ* (то естъ буквѣ или письменъ) *изображаетъ заимствованныя предметы изъ природы усвершенствованной, вкуса, воображеніа*. Принявъ слово сіе, можно назватъ *Литтератора письменнымъ теловкомъ*. Не ясно ли изъ сего видѣшь можно, что мы съ такимъ зашмѣиємъ ума привязываемся къ переводу словъ съ чужеспраннаго языка, что шѣ названія наши, которыя не одинакій имѣютъ корень съ чужеспранными названіями, кажушся уже намъ не имѣющими никакой силы. Французское съ Латин-

расплющается, шо ешь изъ свернушаго пучка развершываешся, спановился плоскимъ. Всѣ сіи поняшїя не супъ ли тѣбѣ самыя, копорыя Французы изображають глаголомъ *developer*? На чшожь намъ онъ, и какая нужда вводилъ для него новое слово *развиваешся*, со всемъ не выражающее шой мысли, копорую мы выразишь хошимъ, и копорая во многихъ писанїяхъ по свойству языка

скаго языка взяное ими слово *литтература*, происходящее отъ имени *litterae*, письменна или буквы, изображаешъ въ ихъ языкѣ пожь самое поняше, какое въ нашемъ языкѣ изображаемъ мы названїемъ словесность? на чшоже намъ чужое слово, когда у насъ ешь свое? Но мы не довольснваемся еще тѣмъ, что имѣя свое названїе упопроблемъ чужое; лѣшь! мы даже не хошимъ въ сѣемъ названїи признавашъ ни какого знаменованїя, ни силы; пошому шокмо, что оно не отъ одинакаго происходить корня съ Французскимъ названїемъ, и для того выдумываемъ новое слово *письменность*, копорое въ Россійскомъ языкѣ столь же обширный смыслъ имѣешъ, какъ *полопкнность*, *булажнность*, *ерибнность*, и проч. *Любословіе* ни когда не можешъ значить *словесность*, но *любовь къ словесности*, или паче *словоохотливность*, *говорливность*. По свойству языка нашего *письменннй теловѣкъ* и *пишениннй пирога* не иное что значишь, какъ шо, что одинъ изъ нихъ соспанленъ изъ письменъ или буквъ (ешли бы шо возможно было), а другой сѣманъ изъ пишеницы. Удивительнн, въ какое заблужденїе заводилъ насъ слѣпая напн привязанность къ Французскому языку! Какъ не подумаемъ мы, что ешли наше названїе *словесность* не имѣешъ полнаго знаменованїя, заключающагося въ словѣ *литтература*, пошому что происходитъ отъ имени слово, а не отъ имени *письмо*; шо и Французское названїе *литтература* не имѣешъ полной силы нашего названїя *словесность*, пошому что происходитъ отъ имени *письмо*, а не отъ имени слово: для чегожь Французы не перемѣнлюшь сво-

нашего давно уже выражена и долговременнымъ употребленіемъ утверждена? Можешь бышь въ возраженіе скажешь мнѣ: не ужъ ли пишешь: *умъ расплывается?* Не спорю, что выраженіе сіе покажется дико, но меньше ли дико: *умъ развивается?* Въ Икосѣ къ Богородицѣ сказано о Христѣ: *изъ безсѣмныхъ прозябъ утробы:* не ужъ ли лучше и понятнѣе будетъ, ежели мы скажемъ: *изъ*

его названія, и вмѣсто пишперашуры, послѣдуя намъ, не пишешь *пароллетура*, производя оное отъ имени *parole*, слово? — Вся надобность переименованія *словесности* на *письменность* сосшомъ, по словамъ самого вышеупомянутыхъ спрокъ сочинителя, въ томъ, что *подойти ближе къ переводу*. Да какая нужда подходишь ближе къ переводу? Не ужъ ли должно намъ всѣ слова свои по ихъ словамъ передѣлать? Письмо называешь буквою для шого, что у нихъ называется оно *lettre*? Слова: *писатьъ, писарь*, и *писаніе* оставишь по прежнему, для шого что у нихъ говорится; *ecrire, esrivaine, écriture*; а слова: *писецъ, писака, письменоводитель писатель*, выключишь изъ языка для шого, что у нихъ не могушь они происходить отъ глагола *ecrire*? — Я не знаю, изображаетъ ли словесность *замысленные предметы изъ природы усовершенствованной, вкуса, воображенія*? — Это опредѣленіе для *неумтонченнаго ума моего* слишкомъ глубокомысленно; но вѣдаю, что слова не иное что сущь, какъ общенародные мысли наши знаки, подъ которыми каждый народъ принялъ или условился разумѣть видимыя имъ шѣлесными или умощвенными очами вещи. Напримѣръ: свѣшло для всему міру видно. Французы, увидя оное, назвали его *soleil*; Нѣмцы, *sonne*; Рускіе *солнце*. Всѣ сіи при слова изображаютъ одну и шужъ самую вещь; слѣдовательно и знаменованіе сихъ словъ, или понятіе, заключающееся въ оныхъ, есть совершенно одинакое. Ипакъ можно ли, безъ спранныго и слѣпаго къ Французскому языку предубѣжденія, думаешь и утверждаешь, что въ словѣ *soleil* заключается мѣчто больше, чемъ въ словѣ *солнце*?

безсѣмныя развился утробы? Когда хочешь бышь писателемъ, умѣй упопреляшь слова шакъ, чпобъ оныя не казались дики. Одно и пожь самое поняшѣ въ одномъ мѣспѣ прилично изобразить шакимъ, а въ другомъ мѣспѣ другимъ словомъ. Языкъ нашъ богашъ: скудосшь знанія нашего въ немъ не ешь скудосшь языка. Совѣшуйся съ разсудкомъ, съ знаменованіемъ словъ, съ упопреленіемъ оныхъ, съ свойспвенными намъ оборочами рѣчей; совѣшуйся и выбирай. Впрочемъ для выраженія какой либо мысли лучше поставишь, хопя и старое, но коренное Россійское слово, нежели ново-переведенное съ Французскаго или инаго языка. Есльи чпшашель не будешъ шебя разумѣшь, онъ виновашъ, а не пы: опвычка ошь чпенія книгъ своихъ и незнаніе природнаго языка своего, ешь шакое же невѣжесшво, какъ и рабспвенное чужому языку подражаніе. Прилично и нужно наблюдашь равенсшво слога, шо ешь не смѣшивашъ низкихъ словъ съ высокими, шупливыхъ рѣчей съ важными, замысловашихъ выражений съ весьма просшыми; но не должно никогда смотрѣшь на шѣхъ, которые нашедъ въ книгѣ какое нибудь неизвѣстное имъ слово, восшають прошивъ него, не ушверждаясь ни на какомъ другомъ разсужденіи, кромѣ шого, чшо имъ нигдѣ не случалось онаго

слышать; но мудрено ли сіе? Во первыхъ таковыя слова никогда въ обыкновенныхъ разговорахъ не употребляются. Во вторыхъ, не только шопъ, кшо мало читаешь, или читаешь Французскія книги, а не свои; но и шопъ, кшо много упражняешься въ чтеніи, по причинѣ великаго изобилія и богатства языка нашего, не скоро получишь въ немъ глубокой искусь и свѣденіе. Выше сего разсуждали мы, что какъ знаменованіе каждаго слова, чрезъ долговременное въ разныхъ смыслахъ употребленіе онаго, распространяется на подобіе круга, раждающагося опъ брошеннаго въ воду камня; такъ наполивъ шого, чрезъ всегдашнее употребленіе онаго въ одномъ, и весьма рѣдкое въ другомъ смыслѣ, сей послѣдній смыслъ его приходишь въ забвеніе, и слѣдовательно кругъ знаменованія сего слова уменьшается. Напримѣръ всякому понятно слово *безпутный*, но чтожь разумѣешь онъ подъ симъ? *Худой, негодный, какъ - то: безпутный теловѣкъ, безпутная женщина*, и проч. Въ семъ смыслѣ, говорю, всякому извѣстно оное пошому, что часто употребляется; но когда мы вдругъ прочишаемъ: *въ безпутныя пустыни скрыться*; тогда рѣдкое въ семъ смыслѣ употребленіе сего слова ошпанавливаетъ понятіе наше, какъ бы при услышаніи чего нибудь необыкновеннаго или страннаго. Между шѣмъ,

когда мы вникнемъ въ коренной составъ сего слова, то оное опнюдь не будетъ намъ казаться дико; ибо что значить оно въ семъ смыслѣ? Не иное что, какъ необитаемую, непроходную пущыню, въ которой нѣтъ пушей, ни слѣдовъ человѣческихъ. Малая весьма привычка познакомишь насъ съ симъ знаменованіемъ его, и вскорѣ *безпутная пустыня* сполько же будетъ намъ вразумительно, какъ и *безпутный теловѣкъ*. Слово *зодѣй* есть настоящее Руское, происходящее отъ глагола *созидать*; но ежели бы кто въ разговорахъ сказалъ: *я нанялъ зодѣаго строиць домъ*, то вѣрно бы многіе нашли у насъ такіе, которые бы спросили: ково онъ нанялъ? а другіе бы съ насмѣшкою сказали: онъ говоритъ страннымъ языкомъ! Ишакъ разговаривая съ Рускими и по Руски, надлежитъ непременно упошреблять иностранныя слова: *я нанялъ архитектора строить домъ*. Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ по немногу, поспепенно, и къ родшву и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ опечешву) уже шакъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество опцевъ и машерей радующихся и ушѣшающихся, когда дѣши ихъ, не умѣя порядочно грамотѣ, лепечуть полурускимъ языкомъ; когда они вмѣсто зданіе говорятъ *едифисъ*; вмѣсто меня удивило, меня *фрапировало* и проч.

Я самъ слышалъ одного дядю, которой племянника своего, называвшаго людей его слугами, училъ, чѣмъ онъ впредь опъ эпова проспонароднаго названія опвыкалъ, утверждая, что между знающими свѣтское обращеніе людьми, никогда не говорится *слуга*, а всегда *лакей*. Какъ нынѣ смѣшонъ и спрашенъ покажется пошъ прѣзжій, развѣ изъ глухой деревни опецъ, которой съ неосторожностію молвишь: *у меня дѣтей моихъ грамотѣ обучаетъ Руской Полѣ, а воспитываю ихъ я самъ!* Напрощивъ шого, какъ благородень и просвѣщенъ пошъ, которой съ оспроуміемъ скажешь: *какъ я щастливѣ!* я отдалѣ севодни дѣтей моихъ на воспитаніе Французскому Аббату. — Я чувствую, что здѣсь въ шысячу голосовъ возопіюшь на меня: сумасшедшій! что ты бредишь? да ешьли у насъ такіе учители, копорымъ бы воспитаніе дѣшей поручишь можно было? — Изъ сихъ шысячи голосовъ я опвѣчаю шокмо нѣкоторымъ: во первыхъ, я подѣ именемъ воспитанія разумѣю больше *полезный отетеству духъ*, нежели *ловкое тѣлодвиженіе*, во вшорыхъ, доколѣ не переспанемъ мы ненавидѣшь свое и любишь чужое, до шѣхъ поръ ничего у насъ не будетъ. Англичанинъ не гоняешь за Французскимъ воспитаніемъ и за языкомъ ихъ, не нанимаешь кучеровъ ихъ учишь себя, но онъ Англичанинъ: дѣ-

лами искусень, словами краснорѣчивъ, нравомъ добръ, и свѣтскимъ обращеніемъ пріятенъ по своему. Народъ, которой все перенимаеть у другаго народа, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ; такой народъ уничижаешь себя и теряешь собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшіе, что не гнушается ими, но почиаетъ ихъ своимъ украшеніемъ. — Я опспутилъ нѣсколько отъ шого, о чемъ рѣчь была, и для шого снова къ шому обращаюсь. Употребленіе чужеспранныхъ названій препяшпвуетъ распространенію знаменованія собственныхъ словъ нашихъ, и даже приводитъ ихъ въ забвеніе: напримѣръ, ежели бы кто сказалъ: *этотъ домъ стоитъ лицомъ на улицу*, мы бы разумѣли, что онъ не задомъ и не бокомъ стоитъ на улице; слѣдовательно въ семь разумѣ слово *лице* весьма бы ясно понимали; но ежели бы кто написалъ: *лице дома*, или *домъ этотъ имѣетъ шестьдесятъ сажень въ лицѣ*, многимъ бы показалось сіе, ежели не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ не такъ вразумительно, какъ *фасадъ дома*, или *домъ этотъ имѣетъ шестьдесятъ сажень въ фасадѣ*. Опъ чегожъ происходитъ сіе? Опъ привычки къ употребленію чужеспранныхъ словъ, которая обыкновенно соединена бы-

ваешь съ опвычкою опъ своихъ собствен-
ныхъ. Есльлибъ мы оспава чужое слово *фа-
садъ*, спали упопреляшь свое собственное
лице; по бы смыслъ онаго во всѣхъ оборо-
пахъ рѣчей сдѣлался и обширнѣе и знаме-
напельнѣе. Введеніе въ свой языкъ иноспран-
ныхъ словъ, а еще болѣе соспавленіе своихъ
новыхъ по образу и поняпіямъ чуждаго на-
рода, всегда будеть безобразно, хопя бы
общее упопреленіе и ушвердило ихъ; на-
прошивъ шого возвращеніе къ кореннымъ
словамъ своимъ, и упопреленіе оныхъ по
собспвеннымъ своимъ о вещахъ поняпіямъ,
всегда обогащаетъ языкъ, хопя бы оныя по
опвычкѣ опъ нихъ нашей сначала и пока-
зались намъ нѣскольکو дики. До заведенія
Намѣспничеспвъ мы не упопреляли словъ:
*Намѣспникъ, Исправникъ, Приставъ, Засѣда-
тель, Предсѣдатель* и проч. Тогда они были
нѣскольکو новы, но шеперь кшо не упопрел-
ляешъ ихъ даже и въ самыхъ просныхъ раз-
говорахъ? Есльли бы кшо нынѣ *Фельдмар-
шала* началъ называшъ *Воеводою*, по конеч-
но, по опвычкѣ нашей опъ сего слова, сна-
чала показалось бы оное нѣскольکو спран-
но; но при малѣйшемъ упопреленіи онаго
спранность сія пошчасъ бы исчезла; ибо
когда мы вникнемъ въ сложеніе сего чуже-
спраннаго названія, происходящаго опъ Нѣ-
мецкаго слова *feld*, поле, и опъ Французкаго

*

marcher, ходить; то безъ сомнѣнія почувствуемъ, что Россійское имя *Воевода*, составленное изъ словъ *водитѣ* полки или *вои*, выражаетъ несравненно лучше то понятіе, которое заключается въ словѣ *Фельдмаршалъ*. Ипакъ что, кромѣ одной привычки, убѣждаетъ насъ предпочитать иносѣранное названіе своему собсѣвенному, знаменованіемъ гораздо сильнѣйшему онаго? Но должна ли привычка, вещь удобопремѣнная и неоснованная ни на какомъ разумѣ, поржествовать надъ здравымъ разсудкомъ? Подобныхъ примѣровъ можно бы было привести здѣсь множество. Сіа-то безразсудная привычка наша къ употребленію чужесѣранныхъ словъ и рѣчей есть причиною, что многія неизвѣстныя намъ, по неупражненію нашему въ чтеніи книгъ церковныхъ, слова, весьма впрочемъ сильныя и знаменательныя, кажутся намъ неудобопотребительными и сѣранными; но мы весьма худо разсуждаемъ будемъ, ежели неприличность или худосѣе словъ станемъ доказывать опъ вычкою, нашею опъ оныхъ. Вольно намъ вмѣсто: *плясать въ ладѣ*, говорить: *танцовать въ такту*. Вольно намъ оставишь крашкое слово *зане*, и вмѣсто онаго употреблять три слова: *для того что*. Вольно намъ пренебрегать слово *гонецѣ*, и вмѣсто онаго говорить *курьерѣ*. Вольно намъ книго-

хранишельницу называшь *библіотекою*, бойницу *батарею*, бойца или единоборца *гладіаторомъ*, писателя *авторомъ*, повѣрье *модю* и проч. Вольно намъ съ Францускаго языка накропашь кучу новыхъ, мнимо Рускихъ, ничего незначащихъ словъ; а многія старыя, многозначащія, прекрасныя и сильныя слова, или совсѣмъ оставишь, или обширное знаменованіе ихъ, содержащее въ себѣ множество смѣжныхъ и близкихъ между собою понятій, заключишь въ шѣсныя и скудныя предѣлы. Всѣ таковыя слова одичали для насъ и кажутся намъ не довольно знаменательными. Опъ того, что мы вмѣсто ихъ упошребляемъ чужеспранныя. Есшьли бы испребилась въ насъ сія пошпидная зараза; есшьлибъ мы въ обществвахъ и на улицахъ стыдились разговаривашь не своимъ языкомъ; есшьли бы вперяли въ дѣшеі своихъ, что всякъ знающій чужой языкъ основательно, а свой пошерхносно, есшь не иное что, какъ попугай; тогда бы мы силу языка своего лучше знали, нежели нынѣ ее знаемъ; тогда бы можешъ бышь и другія многія глупости и обезьянства опъ насъ опстали. Духъ честолобія воспрянулъ бы въ насъ, и мы бы свергнувъ съ себя иго подражанія, сказали: мы сами хотимъ бышь образцомъ для другихъ.

Разоряшь. Глаголь сей значащій разломать, разрушить, употребляешся говоря какъ о вещественныхъ, такъ и невестественныхъ вещахъ: *разорить городъ, стѣну, башню и проч.;* шакожь *разорить надежду, сомнѣнїе, страхъ* и проч. *Молю, Дѣво, душевное смущенїе и пегали моя бурю разорити* (Молишва Богородицѣ). — Но какое единство сохраняетъ, какую любовь соблюдаетъ, или помышляетъ той, который безумствуя неистовствомъ несогласїа, раздираетъ церковь, вѣру разоряетъ, миръ возмущаетъ, любовь растопаетъ, таинство оскверняетъ (избран. сочиненїа Кириїана стран. 25).

Растворяшь, разводишь одну какую нибудь жидкость другою, смѣшиваешь двѣ или многія вещи во едино, отъ чего качества или свойства ихъ получаютъ нѣкоторую перемену, поелику каждая изъ нихъ заимствуетъ нѣчто отъ качества другой, напримѣръ: вода влишая въ вино растворяетъ оное, сирѣчь, смѣшивая прѣсныя частицы свои съ кислошами или оспрыми частицами вина дѣлаетъ его слабѣе. Теплоша смѣшенная со спужею и влажностъ съ сухостїю растворяють воздухъ, сирѣчь, дѣлають его больше или меньше прїятнымъ, больше или меньше здоровымъ, плодотворнымъ и проч. *Зане пепелъ яко хлѣбъ ядыхъ и питїе мое*

сѣ платемъ растворяхъ: et je mêlè *) ma boisson de pleur (Псаломъ 102). — Придите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворихъ вамъ, que je rerepare (Пришч. глава 9). — Буди мнѣ по глаголу твоему (опвѣчаетъ Марія Ангелу, благовѣствующему Ей о рожденіи отъ Ней Иисуса Христа) и рожду Безплотнаго, плоть отъ Мене заимствовавшаго, яко да возведетъ теловѣка, яко единъ всесиленъ, въ первое достояніе, сѣ раствореніемъ: по естѣ съ нѣкимъ еще поправленіемъ, съ прибавленіемъ блага (молишва). — Тогда при опшествіи жена бросясь мнѣ на шею, сіи петальныя слова своими растворяла слезами: не разлужишься со мною: кулно, ахъ! кулно пойдемъ! говорила: послѣдую за тобою, и изгнаннаго изгнанная буду женою (Трудолюб. Пчела; переводъ Кондрашовича прешіей Овидіевой Элегіи). — Понеже царство мудростію растворенное Богоугодно и благополучно устрояемо бываетъ (Папер. приношеніе Петру Великому).

Расплишь. Нынѣ глаголь сей мало и почпи въ одномъ шокмо смыслѣ упопреляется: разрушишь дѣвство; но въ Славенскихъ книгахъ знаменованіе его естѣ гораздо обширнѣе: оный значить повредитъ, иска-

*) Французскій глаголь *meler* и Нѣмецкій *vermischen* не выражають почно знаменованіе глагола растворяшь, кошорому у нихъ нѣтъ соопвѣствующаго и равносильнаго.

зипь, испортить. *Пастырие мнози растлиша виноградъ мой: plusieurs bergers ont gâté ma vigne* (Иерем. гл. 12). Гнилость бо нитто же ино есть, по наученію любомудрыхъ, тогю лишеніе теллоты внутреннїа въ мокротъ, и растлѣніе тояжде мокроты отъ теллоты виѣшнїа (Пашер. предисловіе къ чипашелю). Для дальнѣйшаго исполкованїа разума слова сего, прошивузнаменательнаго слову *нелѣніе*, смотри примѣры употребленїа онаго въ словахъ стропшивый, прозябашь.

Сказашь, въ Священномъ Писанїи употребляешся иногда вмѣсто показашь, дашь знашь: *Сказалъ еси въ людехъ силу Твою: tu a fait connoitre ta force parmi le peuple* (Псал. 76).

Сокровище, не всегда значить богатство или собраніе рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей, но употребляешся иногда въ настоющемъ или коренномъ смыслѣ своемъ, и тогда означаетъ нѣкую сокровенную опъ насъ вещь или мѣсто, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствуетъ: *лутіе адовы домъ ея* (блудницы) *низводяція въ сокровища смертнїа*: то есть, въ безвѣстнїа намъ пропасти, бездны: *aix profondeurs de la mort* (Притч. глава 7). — *Аще възыщеша премудрость и якоже сокровища* (то есть шайнїа сокровеннїа мѣста) *испытаети ю, тогда уразумѣши страхъ Господень и познаніе Божіе обрящеша*

(Тамъже глава 2). — *И изведе вѣтрѣ отъ сокровищъ своихъ: et tire le vent hors de ses tresors,* Франц. *und führest den wind aus seinen verborgenen orten,* а по другимъ переводамъ: *aus heimlichen örtern, von seine behältnis,* Нѣм. Въ Голландской Библии сказано: *ende doet den wint voortkomen uut süine schatkameren.* Здѣсь примѣшивъ должно, что Россійское слово сокровище и Голландское *schat kamer,* шакожь и Нѣмецкое *verborgene; heimliche ort, oder behältnis,* весьма хорошо выражаютъ мысль, что вѣтры пребываютъ въ сокровенныхъ неизвѣстныхъ смертному мѣстахъ, хранилищахъ, затворахъ; но Французское слово *tresor* совсѣмъ не выражаетъ сей мысли, поелику оное будучи составлено изъ словъ *tres, весьма,* и *or, золото,* не заключаешь въ коренномъ знаменованіи своемъ ни малѣйшаго понятія о сокровенности. Изъ сего примѣра можемъ мы видѣть, сколь нужно для ясности слога, а особливо для обогащенія языка своего новыми выраженіями, знашь силу коренныхъ словъ своихъ. Безъ сего будемъ мы весьма худые изобрѣшашеди и вводилши новостей. — Ошсуду происходишь глаголь *сокровиществовать,* шо есть собирать, скопляшь: *неправедное лихоимства собраніе въ прибытокъ праведнаго на небеси мздовоздаяніа измѣнивый, мене на мытницѣ тѣлесныхъ страстей сокровиществующа* (шо есть скопляюща, соби-

рающа, пригопавлиюща себѣ) вѣтний огонь, измѣни молитвами твоими (молишва Апостолю Тимоѣю). — Сокровиществуется праведнымъ богатство нечестивыхъ: то естъ собирается для праведныхъ, доспанется праведнымъ: *les richesses du pécheur seront réservées au just* (Припчей глава 12).

Спирать. Сей глаголь, кромѣ просныхъ или общенародныхъ знаменованій своихъ, часпо съ великою красою упошребляешся въ разумѣ глаголовъ сокрушать, низлагать, испреблять, униптожать, какъ изъ слѣдующи въ примѣровъ явспововать будещъ: и оскудѣ рапуай ихъ на земли, и цари сопрошася во дни оны. То естъ: и не оспалося никого на земли, кпо бы поднялъ на нихъ оружіе свос, и цари ополчавшіеся прошиву нихъ въ сіе время всѣ, или побѣждены, или низложены были. (Маккав. гл. 14). *Истрыетъ* (то естъ сошрепъ, искоренишъ, *brisera*, Франц.) Господь кедрь Ливанскія, и истнитъ я, яко тельца Ливанска (Псаломъ 28). — Порази же градъ во всей земли Егилетстѣй отъ теловѣка до скота, и всяку траву и вся древа, яже на поляхъ, сопре градъ. То естъ побилъ, сокрушилъ (Чеш. мин. лиспъ 23). — Сіе слышавъ Максиміанъ, повелѣ евши его каменіемъ въ лице и во уста бити за таковое къ Царю глаголаніе. Избиша же ему и зубы, сокрушиша видъ его, сопроша языкъ Христа и словѣдающъ,

наконецъ еле жива изведе изъ града, усѣкоша святую его главу' по повелѣнію Цареву (памѣже лиспъ 15, въ жишіи Св. Анфима). Часто въ сочиненіяхъ случается, что при разныхъ рѣчахъ надлежитъ неоднократно повторишь пошѣже самый глаголь. Таковое повтореніе наскучиваетъ слуху: шого ради однознаменательныя слова въ семъ случаѣ дѣлають великое пособіе и украшеніе слогу, какъ и здѣсь сказано: *сокрушиша зубы, сопроша языкѣ*. Ломоносовъ во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ употреблялъ глаголь сей, какъ на примѣръ:

*Я влещи уткну прѣтны,
Когда грядовъ пространн стѣны
Безъ пагубы людской сотру.*

И л и :

*Въ немъ ребра какъ лятая мѣдъ;
Кто можетъ рогъ его сотреть?*

Спроишь. Глаголь сей сверхъ наставляющаго знаменованія своего, какъ шо: *строить храмъ, домъ, церковь* и проч., употребляется во многихъ иносказательныхъ смыслахъ, какъ на примѣръ: *совѣтую убо тебѣ возвратитися въ міръ, и Богъ да устроитъ спасеніе твое, якоже хочеть* (Чепи мин. жишіе Свяшья Феодоры). — *Иду убо* (говоритъ Евдоксій женѣ своей и дѣшамъ опходя на мученіе), *и якоже Господь мой хочеть о мнѣ, да*

устрои́тъ, и по́можетъ ми; васъ же Богу оставляю. Зловѣда же и устрой вся яже о домѣ, о садѣхъ и о рабѣхъ (Чеш. мин. жишио Романа и Евдоксія).

*Богъ все на пользу нашу строитъ,
Казнить кого, или покоритъ (Ломоносовъ).*

Спроптивый, худый, развратный, бѣшеный, злой. *Вси непослушни ходящии строптиво, мѣдь и желѣзо, вси расплѣни суть: tous sont rebelles; ils agissent frauduleusement; ils sont comme de l'airain et du fer; ce sont tous des enfans qui se perdent l'un l'autre (Иерем. гл. 6). — Раби, повинуйтеся во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ (Послан. Пепр. 1, глава 2). — Сѣ преподобнымъ преподобенъ будеши, и сѣ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши, и со строптивымъ развратишися (Псал. 17). — Иже оставша отъ племени сего строптиваго: à tout le reste de ceux qui seront restés de cette mechante race (Иерем. гл. 8). — И не услышаша Мене и не снятъ ухо ихъ: но пойдоша въ похотѣхъ и въ строптивствѣ сердца своего лукаваго (тамъ же глава 7). Сумароковъ въ переводѣ вѣспника изъ Расиновой шрагедіи Федры говоритъ:*

*Коней строптивыхъ смъ, что были иногда
Взыванію его послушны всегда.*

Здѣсь спроптивыхъ значить бѣшеныхъ, ярыхъ, необузданныхъ. Слово иногда поспавлено здѣсь въ смыслѣ нѣкогда; ибо въ обыкновенномъ знаменованіи своемъ, по есть въ иныя времена, пропиворѣчило бы оно слову *завсегда*.

Тощъ, тощій, сверхъ обыкновеннаго знаменованія своего, значущаго пустою, сухощавый, порожній, праздный, какъ напри- мѣръ: *тощій желудокъ, тощая лошадь* и пр., приѣмляется еще въ знаменованіи щещпнаго, напраснаго, бесполезнаго, суешнаго, бесплоднаго: *Тѣмже, братія моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни, избытокествующе въ дѣлѣ Господни всегда, вѣдаяще, яко трудъ вашъ нѣсть тощъ предъ Господемъ: sachant que votre travail ne sera point vain aupres du Seigneur* (Посл. 1 къ Коринѣ. гл. 15, 58). — *Господи Боже мой, аще сотворишъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми зла, да отпладу убо отъ врагъ моихъ тощъ*: по есть слабъ, немощень, преодоленъ ими: *so müsste ich billig für meinen feinden zu boden fallen*, Нѣмец. (Псаломъ 7, 5). — *Тогда Симонъ поклонися до земли, рече: отче, не изыду тощъ* (по есть неудовлешворень въ желаніи моемъ) *отъ тебе, аще написаніемъ не извѣстиши ми* (Папер. листъ 59). — *Сія вся діавольская суть натинанія, тощъ буди таковыхъ*: по есть не вдавайся въ нихъ,

будь чуждъ, далекъ опъ оныхъ (шамъже листъ 152). — *Тѣ же не обрѣтше искомаго, возвратишася къ пославшему ихъ тщи: по есть безъ успѣха* (Чеш. мин.) — *И ни во что влѣниша* (народы) *слово Навуходносора Царя Ассирійска, и возвратиша посланниковѣ его тщихъ* (*sans nul effet*, Франц.) *сѣ безтестіемѣ отѣ лица своего* (Иудиф. гл. 1, 11).

Треба. Тоже что жершва, однако больше разумѣтся о жершвѣ кровной, приносимой идоламъ: *Храните себе отѣ пребѣ идольскихъ* (Іоан. послан. 1, гл. 5). — *Идѣже кровавыя скверныя діаволу творяхуся пребы, тамо безкровная гистая ната приносится Богу жертва* (Чеши минеи, воспоминаніе Собора Пресв. Богор. въ Міасійскѣй области). Отсюду происходятъ слова: *требище*, по есть капище или храмъ языческой, въ кошоромъ идолопоклонники приносили жершву кумирамъ, или паче жрецамъ, поелику сіи сѣдали оную. *Аще бо кто видитъ тя, и муща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенная ясти?* *Car si quelqu'un d'eux le voit, toi qui as de la connoissance, assis à table dans le temple des idoles, la conscience de celui qui est foible, ne sera t'elle pas déterminée à manger de ce qui est sacrifié à l'idole?* (Послан. 1 къ Коринѣ. гл. 8). *Дѣйствующей же Святаго Духа благодати, много въ странѣ той людей отѣ заблужденія*

и погибели избави, возгласеніемъ словесъ своихъ пребища идольская разоряя, и созидавая духовныя въ сердцахъ теловѣтскихъ Святому Духу храмы (Чеш. минея жишіе Авшонома). Иногда же, равно какъ и слово *требникъ*, значить олшарь или жершвенникъ: И создаша пребище Тафегу, еже есть во юдоли сына Еномля: *et ils ont bati les hauts lieux de topeth, qui est dans la vallée du fils de Hinnom.* (Іерем. глава 7).— Всесоженія ихъ и жертвы ихъ будутъ пріятны на требницѣ моемъ: *leurs holocaustes et leurs sacrificés seront agréables sur mon autel* (Исаія глава 56). Впрочемъ слово *треба* по тому понятію, что жертвы необходимо нужны или надобны, безсомнѣнія имѣють одинакій корень съ словами *требовать*, *требованіе*, *потребно* и проч.

Туга, скорбь, печаль, тѣсноста духа: Отъ печали многія и туги сердца (*dans une grande affliction et le coeur serré de douleur*) написавъ вамъ многими слезами (Послан. 2 къ Коринѣ. глава 2, 4). Отсюду происходишь глаголь *стужать*, упошребляющійся въ разныхъ знаменованіяхъ, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ явствовашь будешь: *Посемъ видѣвъ блаженный сей безмолвникъ смятеніе сущее въ Князехъ Россійскихъ, изгнану бывшу Изяславу изъ Кіева, и сѣдшу тамо брату его Святославу, стужи о семъ не могій терпѣти мятежа* (Папер. жишіе Никона). Здѣсь *сту-*

жи о семъ значить запечалился, соболъзновалъ, шужиль. — *Возскорбѣхъ пегалию мою, и смятохся отъ гласа вражя, и отъ стуженія грѣшника* (Псаломъ 54). Здѣсь отъ стуженія грѣшника значить опъ нападковъ, опъ досадъ причиняемыхъ злыми людьми: *à cause de l'oppression du méchant*. — Мнози бо теловѣцы многажды натинаятъ доброе дѣло со усердіемъ, скоро же стуживши (по еспъ наскуча) престають отъ добраго натинанія, и лѣнивѣйшии бываютъ (Чепи мин. жипіе Св. Феодоры). — *Не стужай ми мати моя: по еспъ не поскуй, не сожалѣй о мнѣ* (Чеп. мин. жипіе Симеона Сполпника). — *Увидимъ бо слышателіе, аще не стужительно* (по еспъ безскучно) *услышимъ и прилѣжно разсмотримъ* (Феофанъ въ словѣ о дѣлѣ Божіи) — *Господи, то ся умножиша стужающіи ми? То еспъ злодѣи мои, нападающіе на меня, зложелательствующіе мнѣ: qui te persécutent*, Франц. (Псал. 3).

Тѣсноша. Собспвенно значить узкосп мѣста, иносказательно же приемлется въ знаменованіи скорби, печали, угнѣпенія, бѣды, напаси: *Господи Вседержителю Боже Израилевѣ, душа въ тѣснотѣ и духъ въ стуженіи* (*l'ame qui est dans l'angoisse, et l'esprit accablé d'ennui*) *возоли къ тебѣ* (Варух. гл. 3). — *Кто ны разлугитъ отъ любве Божія? скорбѣ ли, или тѣснота* (*l'affliction, l'angoisse*), или го-

некіе, или гладб, или нагота, или бѣда, или меть? (Послан. къ Римлян. глава 8, 35). — И что вельми дивно, сами непріатели тѣсно-ту свою, истинною понуждени, засвидѣтельствовали, когда на монетахъ недавно въ память падшаго Короля своего изданныхъ, льва версіемъ обязаннаго излетали (Феофанъ въ похвальномъ словѣ о флорѣ). Отсюду происходитъ, что поелику слова: пространство, обширность или широта, значащъ прошивное тѣснотѣ, въ собственномъ ихъ знаменованіи, того ради часто и въ иносказательномъ смыслѣ прошивное же означающъ, по естѣ утѣшеніе, освобожденіе отъ бѣдъ и пелалей, какъ изъ слѣдующихъ примѣровъ видѣшь можно: Въ скорби распространилъ мя еси: по естѣ утѣшилъ, далъ силу мнѣ переносишь печаль, послалъ ко мнѣ опраду: *quand j'etois pressé, tu m'as mis au large*, Франц. *der du mich tröstest in angst*. Нѣм. (Псал. 4). — Уширилъ еси стопы моя подо мною, и не изнемогостѣ плеснѣ мои: *tu m'as fait marcher au large, et mes talons n'ont point glissé* (Псал. 17). — И изведе мя на широту: по естѣ вывелъ меня изъ бѣды, изъ напаси, стѣсненному духу моему далъ опраду (Псал. 17). — И нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои: *tu ne m'a point livré entre les mains de mon ennemi, mais tu as fait tenir mes pies au large*, Франц. *du hast mich in die*

hände des feinds nicht beschlossen, meine füsse hast du auf einen raumen plan gesetzt, Нѣмец. (Псаломъ 30).

Тяжа. Тоже чшо пѣжба. Слово сіе означаетъ искъ, споръ объ имѣніи, разбирашельство судомъ, имѣеть одинакій корень съ словами: *тяжестъ, тягаться, стязаться, истязать, суняга* и проч.; ибо всѣ оныя происходятъ отъ понянія, заключающагося въ глаголъ *тянуть*. Названіе *тяжестъ* или *тягость* произошло отъ воображенія, *что сила тянетъ вещь къ низу*. Подъ словами *тягаться, стязаться, сосязаться, разумѣтся: тянуть другъ друга, пытаться кто кого перетянетъ*. Слово *истязаніе* значить: *вытянуть изъ кого сокровенную мысль его посредствомъ хитрыхъ вопросовъ, или угрозъ, или мученій*. Названіе *суняга* означаетъ охотника судиться, *тягаться, всегда исполненнаго, чреватаго пѣжбами, наподобіе того, какъ говоришь о носящей въ брюхѣ своемъ ягнѣтъ овецъ, или поросятъ свинѣ, суняга, сунороса*. Поелику же одинъ изъ пѣжущихся соперниковъ пріобрѣтаетъ имѣніе, того ради отъ того же самаго корня произведенное слово *стязаніе* значить *имущество, собственности, пріобрѣтеніе*. Такимъ образомъ одно поняніе производитъ другое, и отъ одного слова рождаются многія другія, въ разныхъ знаменованіяхъ употребляемыя

слова, какъ мы по изъ слѣдующихъ примѣровъ увидимъ. Тяжа или шяжба: да не исходитъ изъ отчизны ни которыймъ судомъ, ни тяжкою не отъемлютъ и не выкупаютъ (Судебн. стран. 208). Тяжаніе или шяжаніе: Бжіе тяжаніе, Божіе зданіе есте: *vous êtes le champ que Dieu cultive, l'ediffice de Dieu*, Франц. *Gottes land - gut, Gottes gebäu seid ihr*, Нѣмец. (Посланіе 1 къ Коринѣ. глава 3). То есть: посланіе вы вѣруете въ Бога и сохраняете заповѣди Его, то вы собственно Ему принадлежите, наподобіе поля, которое принадлежитъ тому, въмъ оно обработано, или чьи сѣмена въ него посѣяны; Богъ господствуетъ въ сердцахъ вашихъ, и потому вы можете называться Его шяжаніемъ, Его имѣніемъ, Его достояніемъ. Тяжатель или шяжатель: *Посла къ тяжателемъ во время раба, да отъ тяжатель приметъ отъ плода винограда* (Еван. отъ Марка, глава 12). То есть: послалъ къ хозяевамъ, къ владѣльцамъ того винограда. *Позна волъ стяжавшаго и: le boeuf connoit son possesseur* (Исаія глава 1). Шяжашъ значить получишъ, досташъ, набрашъ. Хрипосъ посылая учениковъ своихъ проповѣдовать Евангеліе, говоритъ имъ: *На путь языкъ не идете, и во градъ Самаритянскій не внидите. Идите же лѣте ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. Ходяще же проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися цар-*

ствіе небесное. Болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите (*vous l'avez recü gratuitement, donnez le gratuitement*). Не стяжите (по есмь не носите съ собою, не собирайте) золота, ни сребра, ни мѣди, при поясѣхъ вашихъ, ни пиры въ путь (*ni sac pour le voyage*), ни двою ризу, ни салогъ, ни жезла (Евангел. оупъ Маттѣ. глава 10). — Сей убо стяжалъ село отъ мзды, по есмь нажилъ деревню отъ лихоимства, отъ взяпокъ. Приспяжаніе, поже что пріобрѣшеніе, присокупленіе: *Аще жрецъ прістяжетъ душу, прістяженную сребромъ*: по есмь: ежели жрецъ будешъ имѣшь собственаго челоука своего, купленнаго на свои деньги (Левит. гл. 12). — Онъ же мысль благу воспріемъ и достойну возраста и старости преимущества (*digne de son age, de l'excellence de la vieillesse*) и прістяжанія лѣлотныя сѣдины (по есмь полученнаго отъ сѣдыхъ волосъ украшенія): *et de l'honneur de ses cheveux blancs* (Маккав. 2, глава 6). — Ты же сыне теловѣтъ, возьми себѣ метъ острѣ пате бритвы стригущаго, прістяжи его себѣ (*prends le*), и возложи его на главу твою, и на браду твою (Иезек. гл. 5, 1). Любоспяжаніе значить любовь къ лихоимству, къ собиранію, къ пріобрѣшенію имѣнія. Неспяжаніе напрошивъ шого есмь безкорыстіе, презрѣніе къ собиранію богатства:

и нестяжаніе лате суетнаго мира возлюбилъ еси (Кондакъ Ноября 11). — Дню же прислѣвшу со всякимъ смиреніемъ, нестяжаніемъ, тистотою, терлѣніемъ, постомъ, любовію, Богомышленіемъ, прилѣжаше рукодѣлію (Папер. житіе Олимпія иконописца). Спязаніе: Придетъ тѣсѣ той, когда общій нашъ Господь, страшный и неумытный Судія, спроситъ насъ не о родѣ, не о имени; но о дѣлѣ, и о данныхъ всякому талантѣхъ спязатися нагнетъ (Феоф. въ проповѣди говоренной въ день Александра Невскаго). Испязаніе иногда значить мученіе, иногда же просто извѣдываніе, вопрошеніе: *Имѣяи страшному Твоему предстати престолу Слове, и дѣяній моихъ истязаемъи быти винѣ, который обрящу отвѣтъ окаянный?* (Молишва).

Углубашь. Вѣроятно происходитъ отъ слова *глубина*, значить погрязашь, утопашь: *Углубоша языцы въ пагубѣ, юже сотвориша: les nations ont été enfoncées dans la fosse qu'elles avoient faite, Франц. die heyden sind in das verderben gesunken, das sie zugerichtet haben, Нѣмец.* (Псаломъ 9, стихъ 16).

Ужикъ, ужика. Родственникъ, родственница. Происходитъ отъ слова *узы*: *Мы же идуще, пояхомъ съ собою други и ужики своя* (Папер. листъ 60).

Умешь. Происходитъ отъ глагола *метать*, значить всякой соръ, навозъ, нечи-

споту: *И емѣняю вся* (красная и богачая) *уметы быти, да приобрящу Христа: et je ne les regarde que comme des ordures, pourvu que je gagne christ* (Филип. глава 3, 8).

Уне, унее, уншій. То есть: хорошо, лучше, лучшій, или: полезно, полезнѣе, полезнѣйшій: Бѣ же Каиафа давый совѣтъ Иудеамъ, яко уне есть единому теловѣку умрети за люди: *qu'il étoit à propos qu'un seul homme mourut pour le peuple*, (Франц. *es wäre gut*, Нѣмец. (Евангел. ошъ Иоан. глава 18, 14). — Уне ми есть умрети въ гробищахъ сихъ, неже въ такихъ грѣсѣхъ жити въ мѣрѣ (Прологъ). — Горе тому, кто соблазна ради приходитъ: унее ему было бы (*il vaudroit mieux pour lui*), аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и сверженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ одинаго (Лук. глава 17). — Не пять ли птицъ цѣнятся пѣнязма двѣма? и ни одна отъ нихъ нѣсть забвенна предъ Богомъ: но и власы главы вашей вси изотненіи суть. Не убойтеся убо: мнозѣхъ птицъ унши есте вы: *vous valez plus que beaucoup de passeraux* (Луки глава 12).

Усыренный. Прилагательное, происходящее ошъ существительнаго сырость, значить упитанный, растворенный влажностію: Гора Божія, гора пугная, усыренная (Псаломъ 67, 16). То есть не сухая, не бесплодная, но изобильная соками, плодоносная

(*ein fetes, ein fruchtbar berg*, Нѣм.). — Вскую не-
пщуете горы усыренныя? (памъже). — Когда
Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ
Орлѣ Матерь Божія съ сыномъ своимъ пребы-
ваетъ, гора то Божія, Духомъ Святымъ усы-
ренная, гора каменная, отъ нея же нерукоствъ-
ный камень отсѣтеса Христосъ. И сія то гора
Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества Ор-
ла съ собою горѣ возвышаетъ, да ближайшій
будетъ къ солнцу мысленному неветернему
Богу Отцу присносущному, иже свѣтлостію и
теплотою милости своея Ваше Царское Пре-
свѣтлое Величество согрѣваетъ и просвѣщаетъ
(Папер. приношеніе Петру Великому).

Ушварь. Всякаго рода приборы, наряды
и украшенія: такожде и кони сущія во ут-
вари (по естѣ въ убранствѣ) постави предъ
нимъ (Папер. листъ 75). — Повелѣ же и же-
нѣ украсити себе во утварь всяку на прель-
щеніе блаженнаго (памъже). — И да не прель-
стятся умы, видяще идолы златы и сребря-
ны, и сущую окрестъ ихъ утварь: *en voyant
les images d'or et d'argent, et leurs ornemens* (Мак-
кав. книга 2, гл. 2, 2). Отсюду происходишь
глаголь утваряють по естѣ украшають: И се
такъ творяху средѣ дому моего, и посылаху
къ мужемъ грядущимъ издалета, къ нимъ же
пословъ посылаху, и егда приходити имъ,
абие умывалася еси, и утваряла еси оти твои
(*tu' as fardé ton visage*, (Фр. *und schminktest deine*

augen, Нѣм.), и украшалася утварію, и сѣдѣла еси на одрѣ посланнѣ (Іезек. гл. 23, 40).

Уханіе, поже чшо обоняніе: *Ежели ретѣь нога, яко нѣсмь отѣ тѣла, поелику нѣсмь рука: еда сего ради нѣсть отѣ тѣла? Аще все тѣло око, гдѣ слухѣь, гдѣ уханіе? (Послан. къ Коринѣ. глава 14).* Отсюду происходяшъ слова благоуханіе, сладкоуханіе: *Радуйся сладкоуханный крине (Акаеиспѣь Пресвятѣьй Богородицѣь).*

Ходить, значить иногда дѣлать чшо либо по своей волѣ, поступать: *Не сохраниша завітѣа Божія, и въ законѣь Его не восхотѣьша ходити, шо еспѣь, не хотѣьли по закону Его поступать (Псал. 77).* — *Аще бо всѣмѣь спасеніе предложено, не смотря на разлитіе тиновѣь, то што иное остается, развѣь да всякѣь по званію своему ходитѣь: шо еспѣь по долгу званія своего поступаетъ (Феоф. въ словѣь говоренномѣь въ день Александра Невскаго).* — *Храняй завітѣь и милость рабу твоему, ходящему предѣь Тобою всѣмѣь сердцемѣь своимѣь (Книга царспѣьь, глава 8).* — *Аще въ повелѣьніихѣь Моихѣь ходите, и заповѣьди Моя сохраните, и сотворите я: и дамѣь дождѣь вамѣь во время свое, и земля дастѣь плоды своя: и дамѣь мирѣь въ земли вашей, и поженете враги ваша, и призрю на васѣь и благословлю васѣь, и не возгнушается душа Моя вами: и похожду въ васѣь (шо еспѣь: и*

буду съ вами или между вами: *et je marcherai au milieu de vous*) и буду вамъ Богъ, и будете ли людѣ, глаголетъ Господь (Левит. гл. 26). — Возсія бо солнце со зноемъ, и изсуши траву, и цвѣтъ ея опладе, и благолѣпіе лица ея погибе: сице и богатый въ хожденіи своемъ (по есмь въ дѣлахъ, въ намѣреніяхъ своихъ: *dans ses entreprises*) увянетъ (Посланіе Іаковле, глава 1). Опсюду происходитъ сложное имя *правоходящій*, по есмь справедливостъ любящій (*l'homme droit*). Жертвы нетестивыхъ мерзостъ Господеви, обѣты же правоходящихъ пріятны Ему (Припч. Солом. гл. 15).

Краткой сей опытъ Словаря, какъ и выше уже сказано, есмь весьма недоспапочная малоупотребительныхъ словъ и рѣчей выписка, сдѣланная для одного токмо примѣра; ибо сосшавленіе таковаго Словаря требуетъ великихъ и долговременныхъ трудовъ, не одного челоука, но цѣлаго общества. Во первыхъ надлежитъ употребить нѣскольکو лѣтъ на прочтеніе со вниманіемъ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ многихъ Славенскихъ книгъ, дабы выписать изъ нихъ всѣ шѣ мѣста, копорыя весь знаменованія крутъ каждаго нынѣ мало употребительнаго слова доспапочно опредѣлишь могушь. Во вторыхъ, покажашъ всѣ примѣры сильныхъ и богашыхъ

рѣчей и выражений, коихъ мы нынѣ въ новѣйшихъ нашихъ сочиненіяхъ совсѣмъ не находимъ, или находимъ весьма рѣдко, и пошому отчасу болѣе опываемъ отъ оныхъ. Въ прешьихъ, надлежитъ воспользоваться тѣми изъ нихъ, кои въ общенародный языкъ, безъ нарушенія чистоты слога онаго, приняты бытъ могутъ *). Всѣ сіи, пребующія великаго упражненія, искусства въ языкѣ и размышленія, трудности, а припомъ и малыя способности мои, не позволили сдѣлать мнѣ лучшаго и пространнѣйшаго Словарю сему опыта; однакожь, не взирая на великой недоспашокъ онаго, въ семь, такъ сказать, малѣйшемъ образчикѣ, можно довольно усмотрѣть, сколь много естъ такихъ словъ, копорыхъ кругъ знаменованія или сѣшенъ, или забытъ, или совсѣмъ неизвѣстенъ. Отъ инаго слова осталась вѣшви, но погибъ корень; отъ другаго корень остался цѣль, но посохли многія вѣшви. Можетъ ли вниканіе во все оное, можетъ ли краснорѣчіе, какое находимъ мы въ Священныхъ Писаніяхъ, бытъ бесполезно для того, кшо

*) Здѣсь должно больше призывать на помощь разумъ, нежели слухъ; ибо не всегда худо бываетъ то, чего слухъ нашъ опыкнѣи сначала не пріемлетъ, а пошомъ привыкая не шокмо шерпитъ, но и прельщается тѣмъ. Напрошивъ того никогда не можетъ быть хорошо то, чего разумъ нашъ не утверждаетъ, хошя бы слухъ нашъ по привычкѣ и шерпѣлъ оное.

въ Россійской словесности подвизаться желаетъ? Должны ли мы слушать проспаго, ни на какихъ доказательспвахъ не основаннаго мнѣнїя тѣхъ, которые по привязанности къ иносраннымъ языкамъ, и по незнанїю своего собспвеннаго, проспвно сему думаютъ? Вникнемъ, вникнемъ поглубже въ красоту Славенскаго языка, и тогда мы увидимъ, что онъ во второмъ - надесятъ вѣкѣ уже столько процвѣпалъ, сколько Французской языкъ спалъ процвѣпалъ во времена Людовика XIV, то есть въ седьмомъ - надесятъ вѣкѣ. По красотѣ, съ какою предки наши переводили славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, и по высотѣ словъ и мыслей, каковыми повсюду въ переводахъ своихъ гремятъ они и блистаютъ, досповѣрно заключить можно, колико уже и тогда былъ ученъ, глубокомысленъ народъ Славенскїй. Мы знанїемъ и краснорѣчїемъ ихъ не умѣли доспачно воспользоваться, не умѣли въ подвигѣ словесности, заимспвуя отъ нихъ, идти доспойно по стопамъ ихъ, потому, что когда сообщенїемъ своимъ сблизились съ чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вмѣсто заняпїя отъ нихъ единыхъ спкмо полезныхъ наукъ и художествъ, спали перенимать мѣлочныя иль обычаи, наружныя виды, тѣлесныя украшенїя, и часъ отчасу болѣе дѣлашся совер-

шенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало спановишься въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они участь насъ всему: какъ одѣвашься, какъ ходишь, какъ стоишь, какъ пѣшь, какъ говоришь, какъ кланяешься, и даже какъ сморкаешь и кашляешь. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по Француски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣшь Рускую пѣсню. Мы кликнули кличь, кто изъ Французовъ, какова бы роду, званія и сословія онъ ни былъ, хочешь за дорогую плашу, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, приняшь на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣшей? Явились ихъ престрашныя шолпы; стали насъ бришь, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлають; презираешь благочестивые нравы предковъ нашихъ, и насмѣхашься надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами *). Однимъ словомъ, они запрягли

*) Вотъ что сами Французы о насъ пишутъ: бывший при посольствѣ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны съ Посломъ Францускимъ Опишалемиъ господинъ Мессельеръ, между прочимъ, описывая пребываніе свое въ Петербургѣ, говоритъ: „*nous fumés assaillis par une nuée de Français de toutes les couleurs, dont la plupart, apres avoir eu des demêlés avec la police de Paris, sont venus investir les régions septentrionales. Nous fumés etonnés et affligés de trouver chez beaucoup de grands seigneurs des deserteurs, des banqueroutiers, des libertins, et beaucoup de femmes du*

насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляющъ нами — а мы ихъ возимъ съ гордосцію, и шѣ у насъ въ посмѣяніи, которыя не сѣбшашъ оплачашъ себя честию возить ихъ! Не могли они испребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и шощъ не защищаешъ насъ опъ нихъ: мы училелей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдилелей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гребенками. Опъ сего шо между прочими вещами родилось въ насъ и презрѣніе къ Сла-

même genre, qui, par la prévention que l'on a en faveur des Français, étoient chargés de l'éducation des enfans de la plus grande importance. То есть: мы обступлены были шучею всякаго рода Французомъ, изъ коихъ главная часть, поссорясь съ Парижскою Полиціею, пришли заражашъ сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промашавшихся, распушныхъ людей, и множество шакогожъ рода женщинъ, копорымъ, по предубѣжденію къ Французамъ, поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знаменитѣйшихъ. (*Voyage à Petersbourg, ou nouveaux mémoires sur la Russie, par M. de la Messeliere, page 124*). — Вообразимъ себѣ успѣхи сей заразы, шоль издавна водворившейся между нами и опчасу болѣе распространяющейся! Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ не можешъ безъ нѣкотораго вреда воспиташъ чужой земли юношу, шо какойже произведешъ предъ множество шаковыхъ воспиташелей, изъ коихъ главная часть состоишъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей? Съ правсшвенностію не шо дѣлается, шо съ естественностію: курица высиженная и вскормленная ушкою ошанешся курицею, и не пойдеши за нею въ воду; но Руской, воспитанной Французомъ, всегда будешъ больше Французъ, нежели Руской.

венскому языку; сіе по естъ причиною, что мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ нашихъ находимъ шаковыя и подобныя симъ о книгахъ толкованія: „Слогъ нашего переводчика можно назвать изряднымъ; онъ не надутъ Славянщиною, и довольно тистъ.“ Естъли бы сочинитель сказалъ: *Славенскія выраженія могутъ иногда быть не у мѣста, когда оныя безъ разбора употребляемы будутъ, тогда бы всякой съ нимъ согласился; но онъ, рассуждая о слогѣ, говоритъ: не надутъ Славянщиною. Что иное значить слово сіе, какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку? Естъли бы кто, говоря о почтенномъ спарикѣ, назвалъ его старитищемъ, или говоря о Россіи, назвалъ ее Россійскою, то не показалъ ли бы онъ къ нимъ презрѣнія своего? Впрочемъ излишне сіе доказывать: большая часть нынѣшнихъ писателей нашихъ и словами и слогомъ своимъ, сообразнымъ ихъ мнѣнію, спараются всѣхъ увѣряя, что древній нашъ Славенскій языкъ никуда негоденъ. Возможно ли не сожалѣть о шаковомъ ихъ заблужденіи? Оное совращаетъ насъ съ истиннаго пути, и ведетъ по весьма кривой дорогѣ. Проспите мнѣ, милостивые государи мои! Я опнюдъ не имѣю ни малѣйшаго желанія досаждаю вамъ, но больно и несносно Рускому слышатъ, когда вы явными словами и слогомъ писанія своего*

увѣряете, что милая туземца ваша должна лучше, чѣмъ посылая Славянщина, развивать умъ, выходящій на сцену авторства для игранія интересной роли. Воля ваша, гнѣвайтесь на меня, какъ хотите; но не повѣрю я этому, не повѣрю никогда. Пригожіе цѣпки, являющіеся иногда въ сочиненіяхъ вашихъ не препятствуютъ видѣть мнѣ распуцую вездѣ между ими крапиву. Я когда читаю васъ и нахожу промежутками такія мѣста, гдѣ вы природнымъ языкомъ своимъ говорите, безъ всякихъ обезображивающихъ слогъ вашъ новоизобрѣтеній и не свойственныхъ намъ подражаній, тамъ всегда съ сожалѣніемъ думаю: Боже мой! для чего сіи люди привязались къ чужезычію? для чего не вникаютъ они въ красоту собственнаго языка своего? они бы вмѣсто развращенія молодыхъ писателей, научили ихъ писать. Иногда, прочитавъ съ пріятностію какое нибудь мѣсто, прихожу я въ нѣкоторое сомнѣніе, колеблюсь въ прежнихъ моихъ заключеніяхъ и размышляю самъ въ себѣ: можетъ быть я строга сужу. Прочитаемъ снова со вниманіемъ. Начну читать и всякая пріятность моя разрушаетсядесятью воспрѣчающимися непріятностями: тамъ вездѣ напикнусь я на иносманное слово, вездѣ вмѣсто явленія нахожу сцену; вмѣсто дѣйствія, актъ; вмѣ-

сто унынія или задумчивости *меланхолю*; вмѣсто баснословія, *мифологию*; вмѣсто вѣры, *религію*; вмѣсто спихотворческихъ описаній, *дескриптивную или описывательную поэзію*; вмѣсто согласія частей, *гармоническое цѣлое*; вмѣсто предмѣспія, *форштадъ*; вмѣсто разбойниковъ, *бандидовъ*; вмѣсто возницы или извозчика, *фурмана*; вмѣсто осмотра, *визитацию*; вмѣсто досмотрщика, *визитатора*; вмѣсто соборной церкви, *катедральную*; вмѣсто разсмаприванія книгъ *рецензію*; вмѣсто доблестія, *героизмъ* и пр. Фу пронасъ! думаю, на что такою распочипельною рукою и безъ всякой нужды сыплюшь они въ языкъ нашъ 'сполько иноспранныхъ словъ? Стану чипашь далѣе и вижу, что набивъ голову свою десятью долями чужеземной и одною долею своею словесности, и перемѣшавъ это вмѣспѣ, часно бываюшь они и шогда непоняшны, когда кажешся говорять собшвеннымъ языкомъ своимъ. Чипаю Рускія слова и не понимаю ихъ: *главное дѣйствіе* (въ драмѣ) *возмутительно*, но не менѣе того *естественно*. Что значить здѣсь: *возмутительно*? — *Годъ траура былъ для меня возрастомъ*. Что значить здѣсь: *возрастъ*? — Индѣ, чтобъ разумѣть Руское слово, должно мнѣ приводить себѣ на память Француской языкъ. Какъ можно положить себѣ въ голову, что когда Французы

женъ своихъ называютъ: *ma moitié*, по и мы своихъ можемъ называть: *моя половина*? Гдѣ Французы скажутъ: *objet, goût, tableau*, памъ и у насъ должно говорить: предметъ, вкусъ, картина, нимаго не разсуждая о томъ, хорошо ли и свойственно ли по нашему языку, или нѣтъ? — Можешь ли это служишь намъ оправданіемъ, когда мы наполняя сочиненія свои несвойственными намъ выраженіями, ссылаемся на то, что такъ сказано у *Канта, Оссіана, Лафатера, Стерна*, и проч. Это ихъ языкъ. Да чей бы онъ ни былъ, надобно, чтобы онъ былъ вразумительнъ и ясенъ; а безъ того имя сочинителя не оправдываетъ переводчика. Ежели бы Оссіанъ, изображая красавицу, написалъ: *она пришла на берегъ, и въ слезахъ обращала красное око свое*; я бы подумалъ: какаяжъ это красавица, когда у ней одинъ глазъ, и шопъ красной, слѣдовательно больной? Часто Оссіаны въ переводахъ далеки бывають отъ подлинниковъ. Часто Шакесперы и Метаспази на нашемъ языкѣ весьма на себя не похожи. Часто прекрасныя мысли ихъ, переведенныя изъ слова въ слово, не только теряють всю свою красоту, но и совсѣмъ невразумительны бывають. Ипакъ надобно прежде за свой языкъ взяться, своему языку хорошенько научиться, вникнуть въ него, почувствовать всю его красоту, обогатить.

Часть II.

17

ся знаніемъ словъ, и попомъ уже говоришь намъ о Шакесперахъ и Метаспазіяхъ. Когда я читаю Оссіана, или кого другаго, по Руски, шо хочу, чшобъ онъ на моемъ языкѣ былъ уменъ, а не на своемъ. Мнѣ мало пользы, чшо мысль его на его языкѣ хороша, когда на моемъ она худа. Сами ли Оссіаны, Сперны, и проч., говорлшь непоняшно, или переводчики дѣлаюшъ ихъ шаковыми, я сего не разбираю; но когда читая ихъ нахожу: *юности отъ племени отечественныхъ рѣкъ его*, съ истолкованіемъ, что это на языкѣ Оссіановомъ значить: *единоземцы*; шога, не изыскивалъ кто правъ, кто виновашъ, имѣю всякое право сказать, чшо рѣчь эта не годилась, Оссіанова ли она, или шога, кто выдаетъ мнѣ оную за его языкъ: *ибо рѣки не могутъ имѣть племени*. Когда я читая далѣе нахожу: *битвы юности, траву стѣнѣ, облако запада* (сіе можно сказать шокмо о важныхъ вещахъ, какъ напримѣръ: *врата востока, сынъ отечества, дщерь неба*; но не смѣшно ли говоришь: *дерево лѣса, рыба рѣки, кустъ поля, и шому подобное*)? Когда нахожу: *гордую чувствительность, кудри старости*: (къ чувствительности сполькоже неидеть прилагательное *гордая*, сколько кудри не приспали спарости, или *сѣдина* молодости). — Когда нахожу: *рѣками мира соблюсти жизнь война*, и другія многія подобныя симъ выра-

женія, то хопя бы всѣ миѣ кричали: вѣрь во имя Оссіана, Лафатера, Сперна, Бонета, Волпера, и всѣхъ ученыхъ мужей, что это весьма хорошо, весьма прекрасно! Я спою въ помѣ, что это очень худо 10). Когда я

10) Можеть быть я слишкомъ много наговорилъ здѣсь объ Оссіанѣ; однакожъ и нынѣ, разсуждая о немъ, не могу опустить отъ погдашнихъ моихъ мыслей, что онъ во многихъ мѣстахъ, или въ самомъ дѣлѣ, или въ переводѣ на нашемъ языкѣ, не чистъ, ни мыслями, ни выраженіями. Пѣснопѣнія его обрали на себя вниманіе ученаго свѣта. Многіе равняютъ его съ Гомеромъ. Но мы не иначе можемъ объ немъ судить, какъ только по переводамъ. Гомеровы книги существуютъ; онъ писанъ на языкѣ извѣстномъ ученому свѣту; Оссіановъ же подлинникъ есть нѣкая загадка. Мы его не знаемъ, а только видимъ одни переводы, часто въ мысляхъ и выраженіяхъ весьма между собою различныя, а потому и не можемъ угадать, кто изъ переводчиковъ подошелъ ближе къ Оссіану. Я видѣлъ два Рускихъ перевода. Возмемъ въ сличеніе съ ними третій на Италіанскомъ языкѣ знаменитаго ихъ писателя Чезаропти. Мы не для того помѣщаемъ здѣсь въ маломъ образчикѣ сие сравненіе, чтобъ опорочить которой либо изъ сихъ переводовъ; они всѣ вообще могутъ быть хороши; но между шѣмъ не худо видѣть ихъ разность. Сверхъ сего Оссіанъ славится; многія выраженія его почитаются новыми, прекрасными. Переводчики наши (я бы сказалъ поже и о чужестранныхъ, но мнѣ до языка ихъ нѣтъ никакой нужды) увлекаемые сею мыслию, часто, для выраженія красоты Оссіановой, упошребля-

почти на каждой страницѣ нахожу сей или подобный сему слогъ: избрать невѣсту въ предметъ своихъ желаній. — Она бываетъ

юшѣ его обороты, преступая свойство языка своего, точно такъ, какъ бы кто, переводя Русскую нашу пѣсню, вздумалъ, что когда у насъ хорошо: *завнобушка ты моя*, или: *младъ ясенъ соколь*, то будто и на другомъ языкѣ тѣхъ самыя слова пошъ будутъ хороши. Опнюдь нѣтъ. Правду говоришъ сей стихъ: *Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ*. Въ хорошемъ переводѣ не только выраженія, но даже и мысли должны быть соображаемы съ своимъ языкомъ. Часто одна переставка словъ, одно удареніе, одно приисканіе приличнѣйшаго имени или глагола, даетъ силу мысли. Погрѣшности противъ сего тѣмъ вреднѣе и заразительнѣе для словесности, что будучи иногда смѣшаны съ хорошимъ и чистымъ слогомъ, не только уходятъ отъ вниманія читателя, но еще и привлекаютъ молодыхъ писателей къ подражанію онымъ. Сличеніе сихъ переводовъ покажетъ намъ, сколько надлежитъ опасаться, чтобъ чужой языкъ, не отвлекалъ насъ отъ ясности и чистоты мыслей на своемъ языкѣ.

С Л И Ч Е Н І Е.

Первый переводъ.

„Вечерняя звѣзда, лю-
„безная подруга ночи,
„возвышающая блиста-
„тельное чело свое изъ
„облаковъ запада, пыше-
„ствуешь величествен-
„ными стопами по ла-
„зори небесной.“

Второй переводъ.

„Звѣзданиспускающей-
„ся ночи! прекрасенъ
„свѣтъ твой на западъ.
„Ты подвемлешь изъ об-
„лака блистающую гла-
„ву свою; шествуешь
„величественно по хол-
„му.“

эпиграмматична. — Она́ бываетъ играема. — Сопровождаютъ мораль свою пльнительными образами. — Сообщать правдоушенія въ Миеоло-

Третьй переводъ.

Stella maggior della cadente notte,
Deh come bella in occidente splendi!
E come bella la chiomata fronte
Mostri fuor delle nubi, e maestosa
Poggi sopra il tuo colle!

шоесть:

„Главная звѣзда *) упадающей ночи! Какъ свѣтъ,
„ло сіяніе швое на западѣ! Съ какою красною
„являешь ты косматое чело свое, и съ какимъ
„величешвомъ возлежишь на швоемъ холмѣ.“

Примѣчаніе.

Таковыя выраженія, какъ *блмстающая глава* и *косматое чело*, не сосшавляютъ существенной разности; ибо хопя оныя и различны между собою, но мысль въ нихъ одинакая. Солнце обыкновенно изображается въ видѣ челошческаго лица, написаннаго въ кругѣ, отъ котораго во всѣ стороны исходять лучи. Сіе изображение подало поводъ лучи уподоблять волосамъ, и поштому *косматое чело* свѣтила ешь поже, что *ислцскииущее отъ себя блмстающіе лучи*. Ипакъ не о сихъ выраженіяхъ будемъ мы разсуждать, но о тѣхъ, въ которыхъ одна мысль совершенно разнспвуетъ отъ другой, на примѣръ, когда одинъ переводчикъ говоритъ о звѣздѣ, что она *шествуетъ по лазори небесной*; другой, что она *шествуетъ по холму*; прешій, что она *возлежитъ на своемъ холмѣ*. Каждое изъ сихъ выра-

*) Сочинишель говоритъ о звѣздѣ, называемой Венерою. Примѣч. Италіанскаго переводчика.

гитеской одеждѣ — Сочинять моральныя диссертациі — Гармонировать другѣ съ другомъ — Писать въ Шакесперовомъ духѣ, и пр. и пр.—

женій содержишь въ себѣ особую мысль, и трудно угадаешь, которая изъ нихъ есть подлинно Оссіанова. Миѣ кажется послѣдняя, потому что древніе спихоповорцы часто описывали природу въ томъ видѣ, какъ она взорамъ ихъ представлялась. Когда человекъ ночью смотритъ на высокой холмѣ и видитъ блистающую надъ вершиною его звѣзду, то представляя себѣ въ ней нѣкое свѣтящееся лице, легко можешь возмечтать, что холмъ этотъ есть ея собственннй, и что она, какъ бы облокотясь, возлежитъ на немъ и смотритъ въ долину. Мысль сія весьма естественна, и при томъ ниже слѣдующій вопросъ ясно оную подтверждаетъ. (Замѣшимъ здѣсь еще мимоходомъ, что кажется въ первомъ переводѣ къ слову *столы* найдеть прилагательное *величественныя*).

первый:

„Что привлекаетъ
„взоръ твой на долину?“

второй:

„Что видишь ты въ
„долину?“

третій:

E che mai guati nella pianura?

что есть:

„На что смотришь (или что такое разсмотришь) ты въ долину?“

Примѣчаніе:

Разсматривать, или смотрѣть на что нибудь со вниманіемъ, естественнѣе лицу пребывающему на одномъ мѣстѣ, или *возлежащему на своемъ холмѣ*, какъ сказано въ предъемѣ переводѣ, нежели *существоющему*, какъ сказано въ двухъ первыхъ.

То сличая слоги сей, наполненный подобными выражениями, съ стариннымъ нашимъ слогомъ, какимъ писаны, напримѣръ, сочи-

первый:

„Бурные днѣ вѣтры
„молчавѣ; шумѣ источ-
„ника удалился; усми-
„ренныя волны ласкаютъ-
„ся у подножія скалы.“

второй:

„Умолкли бурные вѣт-
„ры. Издалека слышно
„журчаніе потока. Шу-
„мяція волны далеко
„бьются о берегѣ камен-
„ный.“

третій:

i tempestosi venti

*Di già son cheti, e 'l rapido torrente
S'ode soltanto strepitar da lungi,
Che con l'onde sonanti ascende e copre
Lontane rupi.*

ш. е.

„Уже бурные вѣтры умолкли, и одинъ только
„быспрый потокѣ, лющій воды свои съ камени-
„стыхъ утесовѣ, шумитѣ вдали.“

Примѣчаніе:

Третій переводѣ различенъ съ двумя первыми, которые также между собою несходны, и для того разсмотримъ каждый изъ нихъ подробно. Въ первомъ переводѣ встрѣчаются *вѣтры днѣ*, изи еще *днѣ вѣтры*. На что шумѣ днѣ? Да еслибы и нужно было сдѣлать сіе между вѣтрами различіе, такъ надлежало бы сказать: *дневныя вѣтры*, а не *днѣ вѣтры*: таковое выраженіе въ языкѣ нашемъ странно. Припомѣ же какъ можѣ изъ того, что *бурныя вѣтры утихли*, слѣдовать, что *шумѣ источника удалился*? Напримѣ, онѣ долженѣ былѣ приближиться, но естѣ сдѣлаться слышнѣ, потому

ненія Теофана Прокоповича, Димитрія Рословскаго, и проч., хомя и нахожу его *нобыль*, но не могу прельщашься сею новостію,

что шумъ въпроевъ не заглушаетъ его болбе. Послѣдняя рѣчь: *успиренныя волны ласкаются у подножія скалы*, хомя и есть слѣдствіе умолкшихъ вътврѣвъ, однакожъ и она не хорошо выражена: *успиренныя* пошому не должно сказать, что волны, послѣ утихшаго въпра, не другимъ къмъ, но сами собою усмиряются. Глаголь *ласкаться* употребляется съ предлогомъ къ: *ласкаюсь къ тебѣ*, а не у тебѣ. Если же рѣчь сію принять въ томъ смыслѣ, что волны ласкались не къ скалѣ, но между собою у скалы, то по Руски вмѣсто: *изъявляютъ взаимныя ласки*, не говорится: *ласкаться другъ съ другомъ*.

Во второмъ переводѣ изображеніе составлено изъ трехъ мыслей, изъ которыхъ первая есть: *умолкли бурныя вѣтры*. Двѣ послѣднія, то есть изъ *далека слышно журганіе потока и шумящая волны далеко* *) *бьются о берегъ каменный*, обѣ супъ послѣдствія, произшедшія отъ сей первой мысли. Сіи послѣдствія состоятъ изъ двухъ шумовъ, изъ которыхъ одинъ другому необходимо мѣшашь долженъ: *шумящая волны въ море*, препятствуютъ мнѣ слышашь *журганіе потока* на берегу. Сверхъ сего волны *шумятъ* во время дѣйствія въпра, но когда вътврѣ утихъ, тогда и онѣ перестаютъ бытъ, или по крайней мѣрѣ спановятъ меньше *шумящими*. Одно ли и тоже говорятъ два перевода, изъ которыхъ одинъ называетъ ихъ *успирен-*

*) Не пропустимъ безъ разсмотрѣнія и самыхъ малыхъ вещей; ибо мы не осуждаемъ, но шокмо да мѣ на замѣчаніе, какъ прудно наблюдать вездѣ ясность и чистоту языка. На что здѣсь слово *далеко*, и къ чему относится оное: *далеко шумящая*, или *далеко бьются о берегъ каменный*?

основанною на совершенномъ опдаленіи ошъ своего языка, и на почномъ подражаніи чужому, шо естъ Французскому языку. Сіе по-

ными и лскающимися, а другой шумлящими и бьющимися? копорому изъ нихъ вбришь, и какъ угадашь почную мысль подлинника? Всѣ сіи обстоятельсва запущивающъ мое понятіе, и не дающъ ему представляемыхъ изображеній ясно и чисто видѣть.

Сличая оба наши перевода съ прешимъ, Италіанскимъ, мы не находимъ въ немъ подобнаго смѣшенія мыслей, и попому должно опдать ему преимуществво.

п е р в ы й :

„Насѣкомыя, быстро
„носимыя на легкихъ
„своихъ крылахъ, напол-
„няющъ жужжаніемъ без-
„молвную тишину воз-
„духа.“

в т о р ы й :

„Мухи вечернія на сла-
„быхъ своихъ крыльяхъ
„лепающъ и жужжащъ
„въ полѣ.“

п р е ш и й :

Già i notturni insetti
Sospesi stanno in su le debili ale,
E di grato susurro empiano i campi.

ш. е.

„Уже вечернія мошки, вися на слабыхъ крыль-
„яхъ своихъ, пріятнымъ жужжаніемъ наполняющъ
„воздухъ.“

П р и м ѣ ч а н і е .

Въ первомъ переводѣ: *насѣкомыя, быстро носимыя на легкихъ своихъ крылахъ*, естъ изображеніе совсемъ прошивное *летанію* или *вистнѣю* на *слабыхъ своихъ крыльяхъ* (какъ сказано въ двухъ послѣднихъ переводахъ), и мало приличное *мошкамъ* или *насѣко-*

дражаніе, опклоняющее насъ опъ свойствѣ
языка своего, опъ вниканія въ силу словъ,
и сіе желаніе опличисья новостію выра-

мымъ. Сверхъ сего *безмолвная тишина* естъ почти
поже, что *тихая тишина*.

Во второмъ переводѣ выраженіе: *мухи летаютъ*,
грубѣ Италіянскаго: *мошки висятъ* (*sospesi stanno*).
Мухи и въ горницѣ *летаютъ*; но *мошки* на слабыхъ
крыльяхъ своихъ *висятъ* или *толпятся* могушъ поль-
ко въ полѣ. Природа изображена здѣсь живѣе и
пріятнѣе.

п е р в ы й :

„Лучезарная! что при-
„влекаешъ взоръ швой
„на долину? но я вижу
„ны съ иужною усмѣш-
„кою преклоняешся на
„края горизонта. Волны
„радостно сшекаются
„во кругъ шебя, и омы-
„ваютъ швой блестящіе
„власы.“

в т о р ы й :

„Что видишь ты, свѣ-
„пило любезное? но ты
„улыбаешься и заходишь.
„Волны съ радостію о-
„кружаютъ шебя, и о-
„мываютъ прекрасные
„власы швой.“

п р е ш і й :

E che mai guati, o graziosa stella?
Ma tu parti e sorridi; ad incontrarti
Corron l'onde festose, e bagnan liete
La tua chioma lucente.

п. е.

„На кого смотришь ты, прелестное свѣпило?
„Но ты отходишь и улыбаешься; ликующія волны
„текутъ во срѣщеніе шебѣ, и омываютъ съ весе-
„ліемъ власы швой блистающіе.“

женій, часто невольнымъ образомъ вовлекаешъ насъ въ шемнопу и невразумительность. Примѣромъ сему можешъ служишь

П р и м ѣ ч а н і е .

Здѣсь всѣ при перевода и мыслями и выраженіями сходны. Замѣшимъ шокмо, что въ первомъ переводѣ я вижу суть излишнія слова, и что выраженіе *преклоняешся на края горизонта* не имѣетъ чистаго смысла; ибо что такое *края горизонта*? — Кругъ, называемый симъ именемъ, есть самъ предѣлъ или край пресѣкающагося съ землею видимаго намъ неба: чтожъ такое *края края*? Буде же мы, не согласно съ астрономическимъ опредѣленіемъ слова *горизонтъ*, возьмемъ оное за зримую нами поверхность земли, то хопя окружный предѣлъ ея и можемъ названъ *краемъ*, но и тогда не избѣгнемъ ошъ запутанности мыслей, поелику не о такой вещи говоримъ, копорая движется по землѣ къ сему краю, но о звѣздѣ или свѣтилѣ, опускающемся къ *горизонту*; а не къ *краямъ горизонта*. Сверхъ сего въ Оссіановыхъ пѣсняхъ астрономическія слова не у мѣста.

п е р в ы й :

„Прости молчаливая
„звѣзда! Пусть огонь
„моего духа сіяетъ вмѣ-
„сто лучей пвоихъ. Я
„чувствую онѣ возраж-
„дается во всей своей
„силѣ, при его сіяніи
„вижу я пѣни друзей
„моихъ, собравшихся на
„холмѣ Лоры.“

в ш о р ы й :

„Прости лучъ тихій!
„Да возсіяетъ свѣтъ
„души Оссіановой! и
„возсіялъ онѣ въ силѣ
„своей! я вижу умер-
„шихъ друзей моихъ,
„собирающихся на Лорѣ,
„гдѣ они во дни прошед-
„шіе собирались.“

слѣдующій переводъ : „Мудрый отлѣтается
 „отъ слабоумнаго только средствами само-
 „чувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе,

ш р е ш і й :

Addio soave

Tacito raggio: ah disfavilli omai

N. ll' alma d'Ossian la serena luce.

Ecco già sorge, ecco s'avviva; io veggo

Gli amici estinti, il lor congresso é in Lora,

Come un tempo già fu.

ш. е.

„Прости пріятный пихій лучь! Ахъ возблистай
 „ снова, о свѣтазарный лучь, въ душѣ Оссіановой!
 „ се уже возгарается, се возсіяваетъ онъ: я вижу
 „ тѣни усопшихъ друзей моихъ. Они собираются
 „ въ Лоръ, какъ бывало въ прежнія времена.“

П р и м ѣ ч а н і е.

Хотя въ каждомъ изъ сихъ трехъ переводовъ
 есть въкоторая разность въ выраженіяхъ, но какъ
 сіе не дѣлаетъ главной разности въ мысляхъ, по
 и могущъ они оставаться каждый въ своемъ видѣ.

п е р в ы й :

„Я зрю тамъ Фингала,
 „ посреди своихъ силь-
 „ ныхъ.“

в ш о р ы й :

„Является Фингалъ,
 „ подобно влажному стол-
 „ пу тумана.

ш р е ш і й :

Fingal sen viene

Ad acquosa colonna somigliante

Di densa nubbia che sul lago avanza.

ш. е.

„Фингалъ идетъ, подобенъ густому столпу ту-
 „ мана, движущемуся по озеру.“

„всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣ-
 „тельнѣе есть средство или предметъ, въ ко-
 „торомъ или терезѣ которой мы сильнѣе су-

П р и м ѣ ч а н і е.

Въ первомъ переводѣ прекрасное уподобленіе Фингаловой пѣни густому столпу шума совершенно выпущено, и вмѣсто онаго сказано: я зрю Фингала посреди своихъ сильныхъ.

Во второмъ переводѣ прилагательное влажный, говоря о туманѣ, далеко уступаетъ прилагательному *цустый* (*denso*); припомъ же подобіе не dokonчано, и чрезъ то оно слабѣе, чѣмъ въ претъемъ, Италіянскомъ. Туманъ на водѣ гораздо виднѣе, и потому изображеніе, что онъ въ видѣ густаго столпа движется по озеру, много мечпанію сему придаетъ силы.

п е р в ы й :

„Я вижу бардовъ, мо-
 „ихъ сотрудниковъ :
 „шамъ почтенный Улинъ,
 „величественный Рино,
 „сладкогласный Альпинъ,
 „нѣжная и жалоспная
 „Минона.“

в ш о р ы й :

„Герои окружающъ его
 „и барды пѣня : Улинъ
 „сѣдовласый, величавый
 „Рино, Альпинъ сладко-
 „гласный и кропкая, пе-
 „чальная Минона.“

п р е т ѣ й :

Gli fan cerchio gli eroi: vedi con esso
 I gran figli del canto, Ulin canuto,
 E Rino il maestoso, e 'l dolce Alpino
 Dall' armonica voce, e di Minona
 Il soave lamento.

п . е .

„Храбрые воины и знаменитые пѣснопѣвцы
 „о окружающъ его : Улинъ сѣдовласый, и величе-

„ществуемъ, тѣмъ существиѣ мы сами,
 „тѣмъ вредиѣ и радостиѣ бытіе наше —
 „тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, лю-

„спвенный Рино, и сладкогласный Альпинъ, и уны-
 „вно поющая Минона.“

П р и м ѣ ч а н і е.

Мы не спанемъ говорить о разностихъ, шако-
 выхъ, какъ въ одномъ переводѣ Улинъ названъ *ло-
 тскими*, а въ другихъ *сѣдовласыми*, хопя и оныя
 должны означать нѣкошорую непочность съ под-
 линникомъ; но замѣнимъ гораздо большія сихъ, а
 имянно: въ двухъ первыхъ переводахъ Минона на-
 звана, въ одномъ *нѣжною* и *жалостною*, а въ другомъ
краткою и *легальною*: всѣ сіи названія показываютъ
 нравственныя ея свойства; но Оссіянь, по мнѣнію
 Ипаліянскаго переводчика, не о помѣ разсуждаешъ:
 онъ хочетъ только показать искусство и образъ
 ея пѣнія. Чезаропши въ примѣчаніяхъ своихъ гово-
 ритъ, что Оссіянь сими словами означаетъ сію
 пѣвицу: *Minona dotata di voce soavemente lamentevole*,
 шо есть: Минона одаренная пріятно-унылымъ го-
 лосомъ. — Замѣнимъ еще во второмъ переводѣ,
 что выраженіе *Барды пѣнія* Рускому языку совсемъ
 не свойственно, иначе какъ развѣ слово *Барды*
 взять за *учителей*, даже и въ такомъ случаѣ лучше
 сказать: *учать лѣтъ*, нежели *учители лѣній*.

п е р в ы й :

„О друзья мои! сколь
 „много перемѣнились вы
 „съ тѣхъ щаспливыхъ
 „дней, какъ среди пор-
 „жеснѣ Сельмы состя-
 „зались мы, кому вѣн-
 „часться наградою пѣнія,

в ш о р ы й :

„Какъ перемѣнились
 „вы, друзья мои, со дней
 „Сельмскаго пиршества,
 „когда мы спорили въ
 „пѣніи, подобно вѣшер-
 „камъ весеннимъ, несущимся
 „вдоль по холму

„бимѣ, живущѣ, оживляющѣ, блаженнѣ, те-
 „ловѣтнѣ, Божественнѣ, съ цѣлю бытія на-
 „шего сообразнѣ.“ — То могу ли я съ усла-

„подобны весеннимъ зе-
 „фирамъ, копорые по-
 „перемѣнно возлешающѣ
 „на холмѣ, и съ пріят-
 „нымъ шумомъ нѣжащѣ
 „и колеблющѣ раждаю-
 „щуюся праву.“

„и колеблющимъ по пе-
 „ремѣнно тихо-шепчу-
 „щую праву.“

т р е т і й :

Oh quanto, amici,
 Cangiatei siete dal buon tempo antico
 Del convito di Selma, allor che insieme
 Faceam col canto graziose gare!
 Siccome i venticelli a primavera,
 Che volando sul colle alternamente
 Piegan l'erbetta dal dolce susurro.

п. е.

„О какъ перемѣнились вы, друзья мои, отъ
 „тѣхъ блаженныхъ, старыхъ временъ, когда бы-
 „вало на Сельмскихъ празднествахъ въ пріятномъ
 „спорѣ, кпо лучше споешь, пѣвали мы, подобно
 „весеннимъ вѣтеркамъ, вѣющимъ по холму, играя
 „по перемѣнно съ сладко-шепчущею правою.“

П р и м ѣ ч а н і е.

Здѣсь много различія, и для того рассмотримъ
 каждый переводъ. Въ первомъ: *среди торжествъ Сель-*
мы, не хорошо; лучше: среди Сельмскихъ торжествъ.
 Выраженіе: *вѣнаться наградою лѣнія,* также не хо-
 рошо, первое потому, что награду не можно, какъ
 вѣнокъ, надѣть на голову. Иносказаніе должен-
 ствуетъ бытъ ясное, не затрудняющее понятія.

жденіемъ чипашь по, чего не разумбю, и не вбрю, чшобъ другой кшо разумбшь могъ? Я не знаю Лафатеръ ли взлешблъ выше пре-

Вшорое, *награда лѣнія* есть сполько же не по Руски, какъ *Барды лѣнія*. Въ рѣчи: *подобны весеннимъ вѣтеркамъ*, слово *подобны* опносятся къ мѣстоименію *мы*; но какъ же *Оссіянъ* говоритъ: *мы*, по еспь спихопворцы, подобны *зефирамъ*? Иное голосъ или пѣніе спихопворца уподоблять *весеннимъ вѣтеркамъ* или *зефирамъ*, иное самого спихопворца. Можно бы счеспь сіе опечаткою, и вмѣсто *подобны* поставитъ *подобно*, однако нѣшб; погда смыслъ будешб еще хуже: *кому вѣньгаться наградою лѣнія, подобно весеннимъ зефирамъ*? Слѣдовашельно выдегб, что *весенніе зephyры вѣньгались наградою лѣнія*. Въ окончаніи сказано: *подобны весеннимъ зефирамъ, которые полеремѣнно возлетаютъ на холмъ, и съ пріятнымъ шумомъ нѣжатъ и колеблютъ рждающуюся траву: колебашь по, что рждаешь!* Всякб, кшо сличитб рѣчь сію съ пѣмб, какъ она сказана въ двухъ другихъ переводахъ, легко почувствуешб находящуюся между ими разность. Въ чпеніи таковыя погрѣшности сунъ непримѣшныя крупинки, но въ разборѣ большіе камни. Для того по сочиненія и переводы рѣдко цѣнятсь по доспоинспву.

Во вшоромъ переводѣ сказано: *какъ перемѣнились вы, друзья мои, со дней Сельмскаго лиршества: въ семъ мѣспѣ нѣшъ Испаліяскаго выраженія dal buon tempo antico (отъ шѣхъ блаженныхъ, спарыхъ временъ), которое дѣлаешб рѣчь сію гораздо чувствительнѣе въ успахъ жалующагося на сію перемѣну. Когда мы слорили въ лѣніи: споритъ въ пѣніи, больше значитб слоритъ во время лѣнія, нежели слоритъ о превосходствѣ лѣнія, въ выраженіи: подобно вѣтер-*

дѣловъ моего ума, или переводчикъ его шуда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того ни другаго не понимаю. Положимъ,

какъ весеннимъ, несущимся вдоль по холму, замѣнить можно первое, что несущійся прилично говорить о крѣпкомъ вѣтрѣ: шуча, буря несется; но о весеннихъ вѣтеркахъ должно говорить нѣжнѣе: летаютъ, вѣютъ. Второе, лучше просто сказать: несущимся по холму, нежели: несущимся вдоль по холму, попому что у холма нѣтъ длины; онъ имѣетъ только вершину, подошву, и пологость или крутизну.

п е р в ы й :

„Во едино изъ сихъ
„поржествъ зрѣли мы
„нѣжную Минону, грядущую
„въ полномъ сіяніи
„своихъ прелестей. Ея
„поникшія къ долу очи
„окроплялись слезами.“

в ш о р ы й :

„Выступила Минона
„въ красотѣ своей съ
„пошупленнымъ взоромъ
„и очами слезящими.

п р е ш і й :

Suonami ancor nella memoria il canto :
Ricordanza soave. Usci Minona,
Minona adorna di tutta beltade,
Ma il guardo ha basso, e lagrimoso il ciglio.

п . е .

„Еще сіи пѣсни отзываются въ памяти моей:
„сладкое воспоминаніе ! Вышла Минона, Минона
„всѣми прелестями украшенная; но взоры ея были
„пошуплены, изъ очей капилась слезы.“

П р и м ѣ ч а н і е .

Въ первомъ переводѣ вмѣсто сей прекрасной и
нужной для вспугленія рѣчи: *еще сіи пѣсни отзываются въ памяти моей: сладкое воспоминаніе !* сказано

Ч а с т ь II.

18

что я по шупости моего ума (хотя уже лишь десятка при и по больше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ

просное увѣдомленіе: во едино изъ сихъ торжествъ зрѣти мы, и проч.

Во второмъ переводѣ введеніе или приступъ сей совсѣмъ выпущенъ и повѣствованіе начинается сими словами: *выступила Миннона въ красотѣ своей*: выраженіе, *выступить въ красотѣ своей*, какъ будто въ какомъ одѣяніи, по Руски не хорошо, и далеко не можешъ сравниться съ сею величавою и важною рѣчью, сказанною въ первомъ переводѣ: *грядущая въ полнотѣ сіяніи своихъ прелестей*. Здѣсь слово *грядущая*, по важности другихъ сопряженныхъ съ нимъ словъ, весьма прилично. — Чипая многія нынѣшнія книги можно на подобныя высокія слова находить вмѣстѣ и гоненіе и употребленіе ихъ совокунно съ проспонародными, такъ что скоро, послѣ уя жудому навыку, не будемъ мы чувствовашъ сипранности въ выраженіяхъ: *отверзь ротъ и разинуть уста*. Къ сему неприличному смѣшенію важныхъ словъ съ простыми ведетъ насъ пожъ самое подражаніе Французскому языку. Молодые писатели наши, вмѣсто познанія языка своего изъ старинныхъ, а особливо священныхъ книгъ, ополчуются прошивъ важнаго, величественнаго въ нихъ слога, которой называютъ они славенскимъ, вооружаются прошивъ многихъ коренныхъ словъ, изгоняютъ ихъ, и на мѣсто оныхъ переводятъ буквально чужія, или соснавлиютъ прошивусвойственню языку свои собснвенныя, упверждая, что это будетъ очищенный Руской языкъ, тотъ, подобный Французскому, на которомъ мудрецъ, вельможа и просполудинъ пишутъ и говорятъ въ бесѣдахъ съ равною проспотою. Но проспотоша имѣетъ свое искусство:

мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобы я разумѣла мысль, которая безъ словъ существовала

разломать великолѣпныя званія, и на мѣсто ихъ, или рядомъ съ ними построить жижины, есть худая простота.

первы й :

вторы й :

. „Порывистый вѣтръ
 „отъ холма несущійся,
 „тихо развѣвалъ ея во-
 „лосы.“

п р е п і й :

E lento lento le volava il crine
 Sopra l'auretta, che buffando a scosse
 Uscia del colle.

ш. е.

„И вырывающійся изъ за холма вѣтерокъ тихо „тихо развѣвалъ ея власы.“

П р и м ѣ ч а н і е.

Въ первомъ переводѣ слова сіи совсѣмъ пропущены. Во второмъ замѣтить можно, что *порывистый вѣтръ несущійся*, означаетъ великую силу вѣтра, которому уже не свойственно развѣвать волосы тихо.

первы й :

вторы й :

„Сердца героевъ смяг- „Печалію наполнились
 „чились, когда возвыси- „души героевъ, когда она
 „ла она сладостный свой „сладостнымъ голосомъ
 „голосъ. Часто видали „запла. Часто видали
 „они гробъ Сальгара, и „они гробъ Сальгаровъ и
 „мрачное жилище неща- „мрачное жилище бѣло-
 „стной Кольмы, Кольмы, „грудой Кольмы. Оста-

не можешь? Напримѣръ: что значить *вездѣ-
сый* или *вездѣсущій*? Тотъ, который вездѣ
и повсюду пребываетъ. Я не могу никого

„которой Сальгаръ объ-
„щалъ возвратиться при
„концѣ дня; но мракъ
„ночи ее окружаешь; она
„зрѣвшъ себя осшавленну
„на холмѣ.“

„лась Кольма едина на
„холмѣ, едина съ своею
„пѣсню. Салгаръ объ-
„щалъ прійти къ ней;
„темная ночь ниспуска-
„лась. Внимайте пѣню
„Кольмы, когда она еди-
„на на холмѣ сидѣла.“

т р е т ь и й :

Degli Eroi nell' alma

Scese grave tristezza, allor che sciolse

La cara voce; che di Salgar vista

Spesso aveano la tomba; e 'l tenebroso

Letto di Colma dal candido seno.

Colma sola sedea su la collina

Con la musica voce: a lei venirne

Salgar promise; ella attendealo, e intanto

Giù dai monti cadea la notte bruna.

Già Minona incomincia: udite Colma,

Quando sola sedea su la collina.

ш. е.

„Глубокая печаль овладѣла сердцами вишняей,
„когда унылый гласъ ея раздался: они часпо ви-
„дали гробъ Салгаровъ и мрачное ложе бѣлогрудой
„Кольмы. Кольма одна съ сладкозвучнымъ гласомъ
„своимъ сидѣла на холмѣ. Салгаръ общалъ прид-
„ти къ ней; но между тѣмъ ночь темная ниспу-
„скалась уже съ горъ.“

вообразить себѣ таковымъ, кромѣ Бога. Чшожь такое: *вездѣсущій предметъ или средство*? И какъ *вездѣсущій* можетъ быть *вез-*

П р и м ѣ ч а н і е.

Во всѣхъ сихъ переводахъ нѣшъ разности въ смыслѣ. Ипакъ замѣнимъ только, хопя и мелочи, но и онѣ подають поводъ къ сужденію. Въ первомъ переводѣ: *сердца героев смягчились, когда она возвысила голосъ*, оба глагола *смягчились* и *возвысила* не шъ, копорымъ бы тутъ быть надлежало; ибо *смягчаются* только ожесточенныя или гнѣвныя сердца; но герои, слушавшіе сіе пѣніе, не были въ семъ расположеніи. — *Возвысила голосъ* значитъ больше *стала пѣть громче*, нежели *залала*. Вопросимъ здѣсь, копорое выраженіе правильнѣе: *гробъ Силгара* (какъ сказано въ первомъ переводѣ, или: *гробъ Силгаровъ* (какъ сказано во второмъ)? Безсомнѣнія сіе послѣднее. Между пѣмъ не лзя сказать, чшобъ оба сіи выраженія не были свойственны языку нашему; но дѣло въ томъ, гдѣ и когда свойственны? Языкъ имѣетъ свои законы, иногда положительные, иногда разбору предоставленные, въ копорые надлежитъ щцапельно вникать, дабы чрезъ смѣшеніе ихъ не поршить оный. Иногда *гнѣвъ царя*, иногда *царскій гнѣвъ* лучше, смотря по смыслу и составу рѣчи. Французы не могутъ сего различать, но мы можемъ и должны; ибо худо *сдѣлаемъ*, ештли вмѣсто *видъ моря* скажемъ *морской видъ*, но еще хуже, ештли вмѣсто *морская рыба* скажемъ *рыба моря*. Таковыя погрѣшности нынѣ, какъ мы по ниже сего увидимъ, часто примѣчаются. — Во вѣпоромъ переводѣ можно замѣнить, что отъ подобнаго сему непріятнаго спсеченія одинакихъ звуковъ: *она едина на холмѣ*, должно спарашься избѣгать.

дѣсущиѣе? Что такое: простой, всенасладительной, благодарительной, постоянной предметъ? Какимъ образомъ пойму и разберу я

Кольма поешъ.

первый:

„Уже ночь, я одна на холмѣ, гдѣ соединяются бури.“

второй:

„Пришла ночь;—я одна на бурномъ холмѣ оставленная.“

третьей:

E notte: io siedo abbandonata e sola
Sul tempestoso colle.

ш. е.

„Се ночь; я одна, оставленная, сижу на холмѣ, въпрямь обуреваемомъ.“

Примѣчаніе.

Въ первомъ переводѣ выраженіе: холмѣ, гдѣ соединяются бури, не хорошо. Бури никогда и нигдѣ не соединяются. Выраженіе сіе не естественное и странно. — Во второмъ переводѣ пришла ночь хорошо, когда что нибудь рассказываешь, и рассказываешь просто; но Кольма начинаетъ пѣть, и хочетъ положить свое предспавитъ спрашнымъ, ужаснымъ; а потому се ночь (é notte) гораздо приличнѣе и важнѣе, нежели пришла, или настала, или наступила ночь. Также одно причастіе безъ глагола не составляетъ полного смысла: я одна на бурномъ холмѣ оставленная, не говорится; надлежитъ сказать или оставлена, или оставленная сижу, пребываю. Теперь разсмотримъ свойственно ли выраженіе бурный холмѣ нашему языку: что разумѣемъ мы подъ словами бурный вѣтеръ, бурное дыханіе? Въпрѣмъ великою силою дующій. А подъ словами бурный мѣсь или бурный мѣзь? Мечъ или гнѣвъ, дѣйствующий

всѣ сія прилагательныя имена? Чшо шакое? сильно существовать? Существо можешь ли бышь. существеннѣе? Тѣло можешь ли бышь

щій на подобіе бури. Можно ли сказать: *я лыву по бурному морю?* можно; ибо море представляется намъ погда волнующимся, кипящимъ, или, какъ говаривали предки наши, вреющимъ. Но можно ли сказать: *я лыву на бурномъ корабль?* Нѣтъ, для того, что корабль не самъ дышетъ бурю, но буря на него дышетъ, и потому онъ не есть бурный, но обуреваемый, то есть колеблемый или попрысаемый бурнымъ вѣтромъ или моремъ. — Можно ли сказать: *бурный камень?* Можно, когда камень сей представляется намъ въ образѣ дѣйствующаго орудія. Напримѣръ: *онъ сильною рукою бросилъ тяжелый камень, и бурная громада сія засвистѣла по воздуху.* Такъ Гомеръ говоритъ иногда о своихъ Греческихъ богатыряхъ. Здѣсь камень по тому бурный, что онъ лепитъ и пягосію или огромностію своею все, во что ударяется, наподобіе бури ломаетъ, сокрушаетъ. Но можно ли сказать: *я сижу на бурномъ камнѣ?* опіюдь нѣтъ; потому что камень погда неподвиженъ, и ни мало не представляется мнѣ бурнымъ. По тойже причинѣ бурный холмъ, бурной пригорокъ, бурная котка, суть пустыя выраженія. Скажупъ: такъ у Оссіана сказано; памъ стоишъ слово соотвѣтствующее нашему бурный. Можешь бышь. Сошлюсь шакже на Италіанской переводъ, гдѣ сказано *tempestoso colle*. Не спорю, но въ Италіанскомъ *tempestoso* значить вмѣстѣ и бурный и обуреваемый. Они не различаютъ сихъ двухъ понятій, а мы различаемъ. Искусному переводчику должно вникашь въ свойство языка своего, и не располагать его по чужимъ выраженіямъ, хотя бы онъ были Оссіановы или Гомеровы.

тѣлеснѣ, *мясо мяснѣ*, *дерево деревяннѣ*?
 Говоримъ ли мы когда: *я тебя любящѣ*, *ты*
меня ненавидящѣ, *онѣ его глядящѣ*? Также

Гомерѣ, писавѣ по Руски, можешѣ бытъ не упо-
 пребилѣ бы шого слова или выраженія, какое на
 своемѣ языкѣ употребилѣ.

п е р в ы й :

„Я слышу гремятъ
 „яростные въ ребрахъ
 „горы въпры; испоч-
 „никѣ, наводненный до-
 „ждемѣ, шумитѣ покру-
 „пизнѣ скалы. Я не вижу
 „никакова убѣжища, гдѣ
 „бы могла скрышься.
 „Увы! я одна оставлена.“

в ш о р ы й :

„Шумитѣ въпрѣ на
 „горѣ; спремительно
 „поптокѣ мчитъся внизѣ
 „по утесу. Некуда мнѣ
 „опѣ дождя укрышься.—
 „Мнѣ, оставленной на
 „бурномѣ холмѣ!“

п р е т і й :

Il vento freme

Sulla montagna, e romoreggia il rivo
 Giù dalle rocce, nè sapanna io veggo
 Che dalla pioggia mi ricopri: achi lasso!
 Che far mai deggio abbandonata e sola
 Sopra il colle de' venti?

п. е.

„Въпрѣ воешѣ на горѣ; шумитѣ быстрая съ
 „крушой скалы рѣка. Не вижу убѣжища, куда у-
 „крышься опѣ дождя. Нещасная! что мнѣ дѣ-
 „лать одной, оставленной на холмѣ ярими въпра-
 „ми обуреваемомѣ?

П р и м ѣ ч а н і е.

Зѣсь въ Италянскомѣ переводѣ не употреблено
 больше прилагашельное *tempestoso*, но сказано:

можемъ ли сказать: я тебя живуща? Можемъ, но вошь въ какомъ разумѣ: эта собака живуща, не скоро ее убить можно, а эта еще

sopra it colle de'venti (на холмѣ вѣтровъ). Я привожу сіи подробности для показанія, что хотя бы на пыслчи языкахъ сказали: сидѣть на бурномъ холмѣ, или на холмѣ вѣтровъ, но въ нашъ языкъ вводилъ сіи выраженія несвойственно. Замѣтимъ еще здѣсь, что въ первомъ переводѣ рѣчь: *гремятъ яростныя въ ребрахъ горы вѣтры*, хотя и громозвучна, однако есть одно только напыщенное пуспословіе. Первое, глаголъ *гремятъ* не весьма приличествуетъ вѣтрамъ, копорые паче шумятъ, бушуютъ, нежели *гремятъ*. Второе, просто *ребра* не означаютъ упробы или внутренности горы боками или ребрами обѣмлемой. Третье, здѣсь не говорится о горахъ огнедышущихъ, у коихъ во внутренности или упробѣ ихъ слышенъ бываетъ шумъ; но просто о вѣтрѣ, шумящемъ на горахъ или между горъ.

Я прекращаю замѣчанія мои, пошому что можно ими наскучить чашапелю; но между тѣмъ изъ сего сличенія довольно явствуетъ, что переводы, съ какихъ бы они славныхъ сочинителей ни были дѣланы, должны принаравливаемы быть къ своему языку. Не столько вреда въ томъ, что переводчикъ худо выразитъ мысль сочинителю, сколько въ томъ, что, углубленный въ достоинство переводимаго имъ писателя, забывъ самого себя, безъ разсужденія будетъ вводить его выраженія. Отъ сего поршится языкъ и дѣлается изъ чистаго и яснаго спраннымъ и невразумительнымъ. Нѣтъ нужды, что найдемъ мы въ переводѣ Оссіановой пѣсни (называемой Карпонъ): *солнечный лучъ изливаетъ предъ нимъ свѣтлость свою, вмѣсто: солнце предшествуетъ*

живущѣе. Свойственна ли намъ опъ глагола *оживлять*, производишь уравнишельный степень *оживляющѣе*? По этому я могу ска-

елу и разливасть прель ниль лугинну свѣта: (lo precede il sole e sgorga lucidissimo torrente innanzi ad esso). Здѣсь ничего нѣтъ пропиев языка, кромѣ что одно изображение слабѣе другаго. Но когда мы въ поий же пѣснѣ найдемъ: *кто, кромѣ сына Кожалова, царя великихъ дѣлъ?* Тогда не знающій хорошо языка своего можетъ подумать, что *царь великихъ дѣлъ*, есть прекрасное выраженіе. Если же по навыку къ *старому слову* и покажется оно ему не хорошимъ, то не посмѣетъ въ помѣ усумниться, слыша, что повсюду въ журналахъ швердятъ о *новомъ словѣ*, о *вкусѣ*, о *изящномъ*, и проч., и проч. Но разберемъ смыслъ сего выраженія, и тогда мы противное тому увидимъ. Когда мы называемъ кого царемъ, то симъ означаемъ или власть его надъ чемъ нибудь, какъ напримѣръ *Нелчицъ царь морей*, или преимущество его надъ тѣми животноными или существами, которыя одинакаго съ нимъ рода, какъ напримѣръ *левъ царь звѣрей*, или *роза царица цвѣтовъ*; но *человѣкъ* и *дѣло* суть вещи совсѣмъ различныя, между которыми не лзя вообразить ни связующей ихъ власти и повиновенія, ни преимущества существующаго между ими, и потому *царь дѣлъ*, *царь метей* *), суть такія же пустыя выраженія, какъ *царь шалокъ* или *царь благоуханій*. Для чего бы вышеупомянутой рѣчи не сказать по Руски: *кто, кромѣ сына Кожалова, царя великими дѣлами свѣтлаго*, или по тому подобнымъ образомъ? Разсмотримъ еще нѣкоторыя выраженія въ сихъ переводахъ. Мы не опнимемъ чрезъ по славы у пе-

*) И никогда не покорялся, царь метей. См. въ тойже пѣснѣ.

запѣ: ты умѣешь колить деньги, а я еще и тебя колащѣе? Свойспвенно ли намъ имени теловѣкѣ дѣлашь уравнишельный спе-

реводчикоѣ, но между тѣмъ, избличая нѣкопоруя ихъ погрѣшности, принесемъ ту пользу, что молодые люди, начинающіе упражняться въ словесности могутъ осперечья и не принимая въ нихъ худое за хорошее. Читая далѣ вышеприведенные нами переводы Сельмской пѣсни находимъ мы въ нихъ слѣдующія выраженія. Въ первомъ: юный ратникъ! въ величественной высотѣ своей прекраснѣе ты всѣхъ сыновъ равнины. Во второмъ: внимайте моему гласу сыны любви мои. — Онъ пришелъ въ одеждѣ сына морскаго — Одинъ сынъ скалы отвѣтствовалъ ей, и проч. — Я бы могъ изъ обоихъ переводовъ еще гораздо болѣе выписать сихъ сыновъ, естли бы захопѣлъ. Что значатъ всѣ сіи сыны? Между тѣмъ не лзя отрицать, чтобъ выраженіе сіе не было свойспвенно языку нашему, равно какъ и всѣмъ другимъ. И въ священномъ писаніи правовѣрные называются сынами Божиими, а грѣшники сынами человеческими. Краснорѣчивый нашъ Плапонъ весьма хорошо въ проповѣди своей сказалъ: *преображаетъ молитва невѣрющаго въ правовѣрнаго, и изъ сына тьмы творить сыномъ свѣта.* Не худо также, когда кто, желая означить грознаго или свирѣпаго воина, скажетъ: *сынъ брани, тадо мѣва,* и тому подобное. Но надлежитъ разсматривать, чтобъ такое иносказаніе имѣло должную силу и приличіе. Къ таковымъ важнымъ словамъ, каковы сущь: *тьма, свѣтъ, брань, мѣва,* оно прилично. Когда же мы, разбирая вещей, спанемъ ко всякой изъ нихъ прикладывая сіе названіе и говоримъ: *сынъ любви, сынъ морской, сынъ скалы, сынъ равнины, сынъ камня, сынъ дерева,* и проч., и проч., то наконецъ въ сло-

пень теловѣтнѣ? По этому могу я говорить:
моя лошадь лошадинѣ твоей, моя корова

весности нашей народится сполько дѣтей, что и дѣвать ихъ будетъ не куда; ибо сіи сыны любви весьма плодовиты: отъ нихъ поспчасъ произошло новое поколѣніе выраженій, доселѣ нигдѣ, во всемъ просипранствѣ языка нашего не существовавшихъ, а имянно: мы находимъ въ тѣхъ же самыхъ переводахъ: *олень холма, лещера камня, сѣлрца любви*, и проч. Почему Еленю въ вѣчное и потомспвенное владѣніе пожалованъ холмъ? Мы въ описаніяхъ живопныхъ не видимъ, чшобъ олени раздѣлялись на два рода, изъ которыхъ одни жили бы всегда на холмахъ, а другіе на поляхъ; да еспъли бы и сіе было, пакъ однихъ, для различія родовъ ихъ, называли бы горными или нагорными, а другихъ полевыми, и опшюдь не говорили бы: *олень холма, олень поля*. На какомъ разумѣ основано право вмѣсто *каменная лещера* говорить *лещера камня*? гдѣ въ книгахъ своихъ найдемъ мы пому примѣры, и позволишъ ли языкъ нашъ вмѣсто *деревянной домъ, золотое кольцо, мѣдной котель*, говорить: *домъ дерева, кольцо золота, котель мѣди*? Опшюдь нѣтъ; потому что *мѣдный котель* значитъ у насъ изъ мѣди сдѣланный, а *котель мѣди*, подобно какъ *рюжка вина, стаканъ воды*, и проч., значитъ *копелъ наполненный мѣдью или мѣдными вещали*. Равнымъ образомъ вмѣсто *любезная, милая сѣлрца* въ языкъ нашемъ неспвойспвенно говорить *сѣлрца любви*. Подъ словами *сѣлрца лѣтѣха* всякъ разумѣетъ у насъ курицу, такъ и подъ словами *сѣлрца любви* долженъ будетъ разумѣть поже, но весьма спранные, шо еспъ любовь на комъ-то женатую. Начшо въ богатый и сильный языкъ нашъ вводшъ пакія не нужныя ему новоспи, которыхъ больше безобразятъ его, нежели украшаютъ?

коровиѣ твоей? Вошь, милоспивые государи
 мои, въ какой мракъ заводишь насъ нена-
 висть къ славянщинѣ и любовь къ чужезы-
 чію! Корни словъ нашихъ всѣ въ Славен-
 скомъ языкѣ; а не зная корней словъ, не
 будемъ мы знать силы оныхъ; не научимся
 приспойно выражать ими свои мысли, при-
 лично и съ ясностію упошреблять ихъ въ
 иносказательныхъ смыслахъ. Все сіе почер-
 пнемъ мы изъ чужезычныхъ книгъ и будемъ
 писать, какъ уже и пишемъ, Руско-Францу-
 скимъ, или Руско-Нѣмецкимъ слогомъ. Мо-
 жешь бышь на сіе скажешь мнѣ: свѣтскихъ
 превосходнаго сочиненія книгъ у насъ не
 много, а Священныя книги скучно читають.
 Въ Библии слогъ весьма древень, и во мно-
 гихъ мѣстахъ невразумителень; въ Проло-
 гахъ и Чепиминяхъ нѣтъ разнообразности:
 вездѣ одинакимъ слогомъ описывается жи-
 тие и спрдаіе Святыхъ овецъ. Очень хо-
 рошо! Но во первыхъ, охошникъ и люби-
 тель словесности найдешь и въ свѣтскихъ
 нашихъ книгахъ довольно для ума своего пи-
 щы; во вторыхъ Священныя книги читай
 не для забавы, читай ихъ для того, чѣмъ
 вникнушь въ знаменованіе коренныхъ словъ
 нашихъ, примѣнишь къ свойственному
 намъ слогу. Ты хочешь бышь писателемъ,
 познай изъ нихъ силу языка своего и приучи
 разумъ свой къ собственнымъ своимъ выра-

женіямъ, дабы не было тебѣ нужды гоняшь-ся за переводомъ чужихъ словъ: тогда можешь ты читать иностранныя книги; тогда можешь переводить ихъ и сочинять самъ; тогда, если при глубокомъ знаніи языка своего, одаренъ ты остроуміемъ ума и силою воображенія, можешь, подобно Цицерону, Расину, Ломоносову, изобрѣщать и вводить новости: они конечно основаны будутъ на свойствахъ языка нашего и послужатъ къ обогащенію и украшенію онаго; тогда, въ случаѣ недостатка какого либо собственнаго названія, и избѣгая, чтобы не ввести слишкомъ странную новость, каковы суть нынѣшнія *вліянія*, *развитія*, *оплетки*, *прогательности* и проч., можешь ты употребить и иностранное слово, а особливо давно уже употребляемое, и которому дѣйствительно въ нашемъ языкѣ нѣтъ равносильнаго; однакожь дѣлай сіе не иначе, какъ по самой крайней нуждѣ, и опіюда не переводить изъ слова въ слово цѣлую иностранную рѣчь, какъ скоро она хоть чуть понятію затруднительна; ибо каждому народу свой составъ рѣчей свойственъ. И Французы тоже говорятъ: *la proposition est toujours la même chez tous les peuples. La phrase est particulière chez chacun d'eux, et formée d'après le génie de chaque langue (elem. de grammaire générale par Sicar, tome I, page 40).* — И въ другомъ мѣ-

стѣ: *il est si vrai que chaque langue a ses métaphores propres et consacrées par l'usage, que si vous en changez les termes par les équivalens même qui en approchent le plus, vous vous rendez ridicule* (Encyclopedie). Можеть бышь найдутся многіе изъ нынѣшнихъ писателей, которые возопіюшь прошивъ меня, и скажутъ, что я брежу; но не ужъ ли не повѣряшь они и самимъ наставникамъ своимъ Французамъ? — Дѣлайте и говорите, что вамъ угодно, господа любители чужой словесности; но сія есть непреложная истина, что доколѣ не возлюбимъ мы языка своего, обычаевъ своихъ, воспианія своего, до шѣхъ поръ во многихъ нашихъ наукахъ и художествахъ будемъ мы далеко псади другихъ. Надобно жить своимъ умомъ, а не чужимъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Написавъ разсужденіе мое о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, давалъ я оное чашаь нѣкоторымъ изъ моихъ приятелей, дабы узнать ихъ о томъ мысли, и между шѣмъ, какъ оное изъ рукъ въ руки ходило, получилъ я ошъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ людей два письма, которыя при семъ прилагаю.

П И С Ь М О I.

Государь мой!

Нечаянно случилось мнѣ прочиташъ сочиненіе ваше подъ названіемъ: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогахъ Россійскаго языка.* Признаюсь вамъ, что сначала наименованіе сіе показалось мнѣ спранны: я часпо слыхалъ о старыхъ и новыхъ модахъ, но никогда не приходило мнѣ въ голову, чтобъ слога языка нашего могъ бытъ старой и новой. Я подумалъ, что вы или нѣчто иное подъ сими словами разумѣете, или что вы сочиненію своему неприличное дали заглавіе. Любопытствуя однакожъ узнать содержаніе сего разсужденія, прочиталъ я оное до конца, и шущъ увидѣлъ я, что вы правы. Хотя уже и прежде васъ большою частію нынѣшнихъ писателей, въ разсужденіи спранныго слога ихъ, былъ я недоволенъ, и для того мало ихъ читалъ; однако не имѣлъ о семъ такого полного понятія, какое по прочтеніи сочиненія вашего получилъ. Во первыхъ собраніемъ во едино сихъ чуждыхъ и несвойственныхъ языку нашему рѣчей и выраженій привели вы мнѣ на память, что я многія изъ нихъ въ новѣйшихъ нашихъ книгахъ дѣйствительно самъ находилъ; но какъ я не упошреблялъ на шо особливаго вниманія,

шо и не были они мнѣ такъ примѣшны. Во вшорыхъ, послѣ разсужденія о помѣ вашего, хопя и находилъ я оное довольно истиннымъ, однако оспавался въ шѣлѣ мысляхъ, что вы, называя сіе распроспраняющеюся ко вреду языка нашего заразою, больше сіе увеличили, нежели оное въ самомъ дѣлѣ есть: мнѣ казалось, что нѣскольکو чело- вѣкъ худыхъ писапелей, каковые во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена бывають, не могушь попрясть основаніе такога зданія, копорое шолікими вѣками упверждалось. и что временные шмели не испоршяпъ нико- гда работу прудолюбивыхъ пчель. Въ семъ намѣреніи, желая паче опровергнушь, неже- ли упвердитъ ваше мнѣніе, спалъ я нароч- но чипать выдаваемыя нынѣ сочиненія и переводы. Чипожъ вышло изъ шого? Скажу чипосердечно, безъ всякаго желанія вамъ угодитъ, что чѣмъ больше бралъ я книгъ въ руки, шѣмъ больше находилъ, что вы имѣли всю справедливосшь раздѣлишь слогу нашъ на *старой* и *новой*. Вездѣ переводное, вездѣ несвойшвенное, несходное съ здравымъ раз- судкомъ. Въ нѣкошорыхъ изъ нихъ подлинно нѣшъ уже и сѣдовъ Рускаго языка, такъ что ешъли бы праопцы наши, копорые не болѣе, какъ лѣшъ сто назадъ пому умерли, воскресли; шо бы они не могли разумѣшь безъ перевода. да и съ онымъ многое не рас-

полжовали бы, потому что бредъ ни на какомъ языкѣ не можешь бытъ ясенъ. Однимъ словомъ, видя увеличивающееся число шаковыхъ писателей, видя рвеніе, съ какимъ молодые сочинители перенимають у нихъ, видя не токмо непогасающую, но опчасу усиливающуюся спрась соснавяль слогъ свой по слогу Францускаго языка, чѣмъ больше я вникалъ въ сіе, шѣмъ больше къ сожалѣнію моему и прошивъ воли моей, долженъ я былъ соглашаться съ вами. Однакожъ, такъ какъ я люблю ушѣшать себя сими мыслями, что всякое заблужденіе, рано ли или поздно, изобличится, и всякое худо исправится, то и обращаюсь къ прежнему моему мнѣнію, надѣясь, что предспоящая прекрасному языку нашему опасность, не взирая на умноженіе шаковыхъ сочиненій, не такъ велика, какъ вы себѣ воображаете; ибо естьли съ одной стороны слабые разумы, посябдуя примѣру худыхъ писателей, заражающія ихъ нечлвностями, то съ другой стороны швердые и основательные умы напояютъ себя красоцою слога изъ хорошихъ Россійскихъ сочиненій. Часто худой писатель упражняющемуся въ словесности чловку полезенъ бываетъ: онъ, сравнивая его съ хорошими писателями, яснѣе видитъ превосходство ихъ предъ нимъ, и дѣлаетъ изъ него такое употребленіе, какое Сумароковъ приписываетъ пчелѣ:

И посѣщающа благоуханну розу,
Бережь въ свои сопы частицы и съ навозу.

Впрочемъ весьма несправедливо разсуждають шѣ, которые думаютъ, что недостапокъ на нашемъ языкѣ изящныхъ шворцовъ есть виною малыхъ успѣховъ нашихъ въ словесности. Франція до временъ Корнелія и Расина не больше насъ имѣла ихъ. Опшюдь немалочисленность превосходныхъ писателей, но, какъ вы говорите, безразсудное прилѣпленіе наше къ Французскому языку есть истинною и единственною шому причиною. Дабы шѣмъ, которые шакъ мыслятъ, показашъ, что мы имѣемъ довольно пропшпанную дорогу, но не хотимъ по ней ходишь, разсудилось мнѣ привести здѣсь въ примѣръ образцы разныхъ сочиненій и переводовъ нашихъ, въ которыхъ слогъ естли не вездѣ превосходенъ, шо по крайней мѣрѣ чистъ, гладокъ, вразумителенъ и непохожъ на нынѣшній. Я выбиралъ оныя безъ всякаго особливаго шщанія изъ разныхъ случайно попадавшихся мнѣ книгъ, а пошому и не выдаю сего собранія за шакое полное, въ которомъ бы всѣ лучшія мѣста изъ всѣхъ лучшихъ нашихъ сочинителей, стихотворцевъ и переводчиковъ, выписаны были, но шокмо за шакое сокращенное, и изъ однихъ опривковъ состоящее, въ которомъ нѣкошорая часть писателей нашихъ, для пока-

занія хорошаго и достойнаго подражанія слога ихъ, вкупѣ собрана. И шѣмъ паче счелъ за нужное сдѣлать сію выписку, что не всякому, кто захочетъ, удобно сличить разныхъ писателей нашихъ, потому что если бы мы осмопрѣли все дома зажиточныхъ дворянъ нашихъ, то между тысячу Французскихъ книгохранилищъ, конечно не нашли бы двухъ Русскихъ.

Выписка изъ разныхъ книгъ.

Переводъ Казницкаго изъ сочиненій Віона.

Я оплакиваю Адонида, ибѣтъ прекраснаго Адонида: Адонидъ прекрасный погибъ; плачь мой повшоряюшъ Ерошы. Богиня острова Кипра не сии болѣе на покровенномъ порфириою одрѣ, вспанъ нещасливая, облекися въ плачевную одежду, шерзай грудь швою, и вѣщай предъ всеми: ибѣтъ прекраснаго Адонида. Я оплакиваю Адонида, плачь мой повшоряюшъ Ерошы. Лежишъ прекрасный Адонидъ на горахъ, бѣлымъ клыкомъ въ бѣлую лядвею узвланный, и Венеру печалью сокрушающій. Онъ уже едва дышешъ, а черная кровь льется по шѣлу его подобному снѣгу; глаза подъ бровями мершвѣюшъ, роза устъ увядаетъ, а съ оною купно исчезаютъ

и цѣлованія, опъ коихъ Киприда оспспать
 никогда не можеть. Афродитѣ пріятны цѣ-
 лованія и мершваго Адониды; но Адонидъ
 уже не знаеть, кпо его при смерти цѣлу-
 етъ. Я оплакиваю Адониды, плачь мой по-
 влоряюеть Ероны. Великую, великую лзу
 имбеть на лдвѣ Адонидъ; но Киферин еще
 большую въ сердцѣ оцущаетъ. Любимые
 ны сего юноши около него воюеть. Пимфы
 горыя плачуеть, а Венера распренавъ во-
 лосы, по горамъ, по лбсамъ бродитъ боса,
 вся въ слезамъ, съ распренанными носами:
 ее ходящую шерніе уязвляетъ, и священною
 омокаеться кровію и проч. *).

Переводъ Кондратовита изъ Овидіевыхъ элегій.

Боги моря и небесъ! (ибо что уже мнѣ
 кромѣ моливъ ошало?) не допустите раз-
 валипья часпямъ корабля волнами повреж-
 деннаго, и не соглашайтеса, молю, на гнѣвъ
 великаго Кесаря. Часно когда одинъ богъ
 ушѣсняетъ, другой подаетъ помощь. Вул-
 канъ ополчался противу Трои, а Аполлонъ
 за Трою споялъ. Венера была Тевкрамъ до-
 брожелашельна, а Паллада на нихъ враждо-

*) Чиня побольше шакowychъ переводовъ, можеть бытъ пере-
 спель бы я сожалѣшь, что не знаю по Гречески.

вала. Ненавидѣла Сатурнова дочь, будучи Турну милостива, Енея; однако онъ подъ защищеніемъ Венеринымъ безопасенъ пребывалъ. Часто жестокой Нептунъ на оспорожнаго нападалъ Улисса, но неоднократно его Минерва отъ своего дяди избавляла. И хотя я себя съ ними не равню, однако чшо преплещивуешь, чшобы и при мнѣ не присущствовало какое нибудь божество, когда на меня одинъ изъ боговъ прогнѣвался? Вошце я бѣдный погубляю безплодныхъ слова: свирѣныя воды забрызгивають уста мои сіе вѣщающія, и ужасный полуденный вѣпръ развѣваетъ мои рѣчи, и молишвамъ моимъ возбраняешь лещѣшь къ щѣмъ богамъ, къ которымъ я оныя возсылаю. Ишакъ щѣ же вѣпры, чшобъ мнѣ не въ одномъ спрадашь, невѣдомо куда и парусы и моленія мои несутъ. Ахъ бѣдной я! Коликія горы водъ валяпся! Почши уже до высопы звѣздъ досягають. Коликія въ распутившемся морѣ являюпся долины! Почши уже пемнаго шаршара касаюпся. Куда ни посмотришь, нѣтъ ничего кромѣ моря и воздуха; одно волнами надменно, другой грозень облаками и проч. *).

*) Можешъ бытъ Овидіевы стихи прилѣше, но ежели бы онъ писалъ прозою, то бы прочишавъ подобный сему переводъ, можно было не имѣшь желанія чишашъ подлинника,

Амоносоевъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ.

Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою Благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ ней примѣръ къ ушверженію въ православіи видишь. Видишь повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и ея сіяніе свое умножающія церкви; съ удивленіемъ зриаешь, что поль многихъ Государевъ Повелишельница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часпо швердосію вѣры укрѣпалема спрогимъ пощеніемъ и сухолдвнїемъ шѣло свое изнуряетъ; которой не токмо великолѣпныя колесницы и избранныя кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію гошповы, вперенна усердіемъ, купно съ подданными, далекій путь къ мѣспамъ Священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляющся сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предспоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговнїемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужешвенно дерзають прошивъ сопоспашовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ Благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходишь! Коль великою радо-

спію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присущіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ аки невѣста въ день брачный шоржествующая Россійская црковь, блисала порфиною и златомъ, и паче радостию сія, возвышаешся окруженна славою къ пресвѣтлому Жениха своего пресполю, и показуя Ему свое великолѣпіе вѣщаетъ: шаль украшаешь меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добропою славы; возносишь рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ея надъ всѣми обладашелями земными; посѣщаешь меня пошвеніемъ усерднымъ: пошви Ея благодарію Твоею неопустуно; утверждаешь столпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколебимо; споспѣшествуешь мнѣ въ побѣжденіи невѣрія: споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ сопоспашовъ, и благословеніемъ Твоимъ и силою Твоею свыше осѣни Ея воинство и проч. *).

*) О Ломоносовѣ нѣчего много разсуждать: кто желаетъ бышь силенъ въ языкѣ, шотъ долженъ есъ спихошворенія, и почти всю прозу его, знашь наизустъ.

Херасковъ въ Россiядѣ.

Аячба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
 Въ Россiйской свѣла уныніе столицѣ;
 О благѣ собшвенномъ вельможи гдѣ рачашъ,
 Тамъ пользы общія законы замолчашъ;
 Москва разимая погибелію вѣщной,
 Опъ скорбей внупреннихъ являлась безупѣщной.
 Сокрылась испинна на время опъ Царя;
 Лукавство, честь поправъ, на собшвенность
смошря,
 Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
 Вошло и дѣнь опъ днѣ сильнѣе становилось.
 Тамъ лѣсть явилася, въ прищворной красощѣ,
 Копора го своей природной нагощѣ,
 Мрачна какъ ночь, робка, покорна, тороплива,
 Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
 Лежащая у ногъ владѣшелей земныхъ,
 Дабы служиши имъ ко препкновенью ихъ. (и пр.) *)

Разсужденіе о двухъ славныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю Исторіи имѣть необходимо должно, то есть объ искренности и не суетѣрномъ Богопочитаніи, сочиненіе Николая Матюиска.

Слѣдовательно называю я несуетѣрнымъ въ сочинителѣ Богопочитаніемъ шу долж-

*) Прочитайше описаніе зимы въ Россiядѣ, прочитайше многія другія мѣста, прочитайше разныя сочиненія сего знаменитаго писателя, и вы должны будете почувствовать, что у насъ есть спихотворцы.

ность, которую обязанъ онъ отдать Творцу
 вся вселенная, исполняя всѣ Его Святые,
 премудрые и душеспасительные законы, и
 не приписывая Ему ничего, что проповио
 свойствамъ Его бытъ можеть. Довольно
 уже я изъяснилъ, что подъ именемъ обоихъ
 помянутыхъ добродѣтелей разумеется; те-
 перь надлежишь подумать, имѣю ли я при-
 чину назвашь ихъ главными. Сие споль смѣ-
 ло могу я утверждашь, сколь ясно вижу,
 что въ которомъ сердцѣ они вкоренились,
 въ томъ всѣ добродѣтели царствуютъ, а
 изъ коего сии предводители изгнаны, въ
 томъ пороки обитуютъ. Упопробимъ не
 много прилѣжанія, и разсудимъ, кто опол-
 чаеть сочинителя испорчи неустрашимо-
 стію, не искренность ли? Кто рождаетъ
 въ немъ презрѣніе награжденія и пользы?
 Искренность. Кто научаетъ его бытъ пра-
 веднымъ судією, не взираетъ на вражду, ни
 на дружбу, не любитъ слѣпо свойственни-
 ковъ, или одноземцовъ своихъ? Воистинну
 всему сему причиною одна его искренность.
 О добродѣтель достойная златой спашуи!
 Достойна, чпобъ тебѣ жилили всего зем-
 наго круга въ храмахъ и домахъ, на спогнахъ
 и распуціяхъ, сооружали олтари и ежеднев-
 но въ жершву сердца свои съ благоговѣніемъ
 приносили! Гдѣ тебѣ ибѣшь, шамъ спрашь,
 желаніе награжденія и пользы, ласкашельство

присушствуюшъ ; шамъ ложь, неправосудіе, лицепріемство, раболѣпство шоржесшвуютъ. Да можемъ ли и опъ зараженнаго суевѣріемъ писателя чего нибудь лучшаго ожидать? По моему мнѣнію какъ злое дерево не приноситъ добраго плода, какъ волчець и шерніе не раждаютъ пшеницы, да когда произрастеть, удавляютъ оную: такъ и суевѣрь не можеть не шолько ни мало читателя пользовашъ, но еще въ состояніи упушить и послѣднюю въ немъ искру добродѣтели, и пр.

Филотова рѣчь, когда онъ обвиняемъ былъ въ злоумышленіи на жизнь Цареву. Сочиненіе Квинта Курція о дѣлахъ Александра Великаго, переводъ Крашенинникова.

Теперь къ одной истинной винѣ моей надлежитъ мнѣ обратиться. Для чего я извѣсть ушайлъ? Для чего оной такъ безопасно слушалъ? Въ семь, каково оно ни есть, я тебѣ, Великой Государь! повинился, и гдѣ ты ни находишься, получилъ опъ себя прощеніе; облобызалъ десницу швою въ знакъ примиренія со мною, и къ сполу швоему допущень былъ. Ежели ты мнѣ повѣрилъ, шо я свободенъ: ежели простишь, разрѣшенъ: не перемѣни хошя мнѣнія швоего. А въ про-

шедшую ночь, опшедъ опъ спюла швоего, что я сдѣлалъ? Какое новое объявленное дѣло перемѣнило сердце швое? Я спалъ крѣпкимъ сномъ, когда меня посреди бѣдствія моего покоящагося непріатели мои наложѣ оковы разбудили. Опъ чего и убійцѣ и оговоренному такой глубокой сонъ? Злодѣи опъ обличенія совѣсти спать не могутъ, и не токмо по совершеніи, но и по умысленіи убійства безпокоятся фуріями. А миѣ въ началѣ невинность моя, пошомъ десница швоя причиною были безопасности: не боялся я, чтобъ злоба другихъ милость швою преодолѣла; но чтобъ ны не каялся о шомъ, что миѣ повѣрилъ. Оное дѣло доносилъ миѣ малолѣпной, и не имѣя ни свидѣтельства, ни довольнаго доказательства, которой бы всѣхъ въ страхъ привелъ, ежелибъ я слушалъ его началъ. Думалъ я злощастной, что доносится миѣ двухъ блудниковъ ссора; и не вѣрилъ для шого, что не самъ извѣщалъ, но чрезъ своего брата. Опасался, чтобъ опъ не заперся, будтобъ шого Кебалилу не приказывалъ, и чтобъ о миѣ не подумали, будто бы я вводилъ въ бѣдствіе многихъ друзей царскихъ. Ишакъ хотя я не учинилъ никому вреда; однакожъ нашлись шавіе люди, которые погибнуть миѣ паче, нежели сохранену бышь, желаютъ. Въ какую бы я ненависть у всѣхъ пришелъ, еже-

либъ коснулся невинныхъ? Что же Димнъ самъ себя убилъ, могъ ли я по напередъ узнать? Никакъ. Ишакъ почему оказалось, что доносъ справедливъ, оное меня не могло понудить въ то время, когда Кебалинъ приходилъ ко мнѣ съ извѣстомъ. Но ежелибъ я заподлинно Димну сопричастенъ былъ, то мнѣ въ оныя двои сублики не надлежало думать, что на насъ есць доносители. Самого Кебалина можно было погубить мнѣ безъ всякой прудности. На послѣдокъ послѣ доносу, ошъ кошораго мнѣ надлежало погибнуть, входилъ я одинъ въ царскіе покои и при саблѣ: для чего было мнѣ отлагать оное дѣло? Такъ онъ былъ предводишелемъ бунша, а я, кошорой царствомъ Македонскимъ овладѣть домогаюся, за нимъ крылся? Кого же я изъ васъ прельспилъ дарами? Кошораго полководца и начальника почиталъ чрезмѣрно? Мнѣ въ вину причисаешся, что я опеческимъ языкомъ гнушаюся, что ненавижу Македонскихъ обычаевъ. Такимъ ли образомъ стараюся я похитить Македонское царство, что презираю оное? Уже давно мы ошъ природнаго языка ради обложденіа съ другими народами опвыкли; какъ побѣдишеслямъ, такъ и побѣжденнымъ должно учитьсся чужеспранному языку. Сіе меня споль же мало вредить можетъ, какъ и то, что Аминтъ Пердиккинъ сынъ искалъ

царской погябели. Чшо же я съ нимъ въ дружбѣ жилъ, за то спрадашь неоприцаюсъ, когда намъ не надлежало любить брата Царева; а буде въ разсужденіи погдашняго его достоинства и почиташъ его должно было, по пошому ли я виновенъ, чшо не могъ предвидѣть? Развѣ друзья злочестивыхъ и неповинные смерти достойны? И ежели справедливость того шребуешъ, для чего я такъ долго живу? А ежели нѣшъ, чего ради меня нынѣ на смерть осуждають? Чшо же я писалъ, чшо сожалѣю о тѣхъ, которые принуждены будутъ жить подъ властію такога человека, которой себя сыномъ Юпитеровымъ почиташъ: вѣрное дружество, бѣдственное безпристрастіе въ совѣтахъ, вы меня прельстили! Вы меня понудили объявить мысль мою! Я не опираюсъ, чшо оное писалъ къ Царю, но не о Царѣ къ другому. Ибо я не приводилъ его въ ненависть, но опасался, дабы Царь въ оную не пришелъ. Мнѣ казалось, чшо приличіе Александру почиташъ себя въ тайнѣ Юпитеровымъ сыномъ, нежели всенародно тѣмъ щеславиться. Но понеже Оракулу вѣришь безъ сумнѣнія должно; я Бога представляю въ дѣлѣ моемъ свидѣтеля. Содержите меня въ узахъ, пока увѣдомитесь ошъ Аммона о тайномъ и неизвѣстномъ злодѣяніи. Которой Царя нашего удостоилъ приняшь въ усыновленіе,

попшѣ ни одному злодѣю своего рода не попустишь укрышья. Ежели вы мучительныя орудія достовѣрнѣйшими Оракула почисаете, то я, для показанія моей невинности, и оныхъ не оприцаюся. За осужденныхъ на смерть обыкновенно предшательствуюшь у васъ сродники. Я двухъ брашей за нѣскольکو времени лишился; опца и показашъ не могу, и на помочъ призывашъ, яко въ поль важномъ дѣлѣ приличившагося, не дерзаю. Ибо недовольно того, чпобъ многочадной опецъ, одного полько уже сына имбующій на утѣшеніе, лишился и послѣдняго, но чпобъ и онъ погибъ купно со мною. И того ради любезнѣйшій мой родитель и для меня, и купно со мною умрешъ. Я себя лишаю жизни, я спаросшь пвою погашаю! Почто пы прошивъ воли боговъ родилъ меня злополучнаго? Развѣ для сихъ опъ меня плодовъ, которые шебѣ готояшся. Не знаю, младосшь ли моя, или спаросшь пвоя нещасливѣе. Я въ самой крѣпости силъ моихъ умираю; шебя мучитель живота лишить, котораго бы и напура не вдолгѣ потребовала, ежели бы нещасіе не ускорило и проч. *).

*) Изъ писателей и переводчиковъ нашихъ Матонисы, Крашенинниковы, Польшики, Лепехины, Румовскіе и подобныя имъ, писали и переводили Рускимъ слогомъ, переводили прекрасно, и нигдѣ не найдемъ мы въ нихъ нынѣшняго чужезычія. Изъ стихотворцевъ (сверхъ шѣхъ, коихъ

*Рѣчь отъ лица малолѣтнихъ Царевенъ ,
Анны и Елисаветы , къ родителю ихъ
Петру Великому , возвратившемуся въ
Россію по долговременномъ Его стран-
ствованіи, сочиненіе Феофана Прокоповита.*

Не смотри на сіе , Державнѣйшій роди-
телю, яко шихимъ и легкимъ шествіемъ ис-
ходимъ въ срѣшеніе твое: шворишь шо вро-
пость возрасту и полу нашему приличная,
а радость хощѣла бы исполнскимъ шпоско-
комъ ускориши. Аще бо и прочіихъ всѣхъ,
шо насъ наиначе ублажаетъ приходъ швой ;
понеже прочіи Царя своего пріемлюшь, мы
же и родителя нашего объемлемъ. О сладкаго
благополучія! И что о немъ достойно изре-
чемъ? Вѣру имѣй намъ , яко шебѣ возвра-
тившуся , возвращающа сердца наша къ
намъ. Лучшею самыхъ насъ частію , шамо
мы доселѣ были , гдѣ не были : шѣломъ въ
дому, духомъ же въ шстранствіи съ шобою
пребывали. О копорыхъ мѣстахъ швоего пу-
шешествія сказывала намъ вѣдомость , шамъ
всегда и мысли наши. Но не удоволялася лю-
бовь умнымъ онымъ видѣніемъ , невидящи

стихотворенія приведены здѣсь въ примѣры) Петровы,
Майковы, Пелединскіе, Капништы, Дмитриевы и другіе
имѣ подобныя, сколько мнѣ ихъ чинашь случалось, также
нигдѣ не пошчивали меня Рускими шами, по Французки
изгшошвеннымъ.

тебе очима пѣлесныма, и потому неприятно было намъ что либо утѣшенію служащее видѣти: не свѣшлы палаты, не веселы верпограды, не сладки шрапезы: самое сіе новопреспольнаго града швоего мѣсто дивное, сугуболичное, воднымъ и земнымъ позоромъ очи на себе влекущее, мнилось намъ быти не шое, которое было при тебѣ, и аще бы не имя швое на себѣ имѣло, было бы весьма нелюбое. Едина неложная была утѣха живыи образъ швой, прелюбезнѣйшій брашъ нашъ Пешръ: въ его лицѣ, аки въ зеркалѣ, самаго тебе видѣли мы, и нѣчто забывали печали наша. Обаче егожъ безъ родителей спуженіе и сію намъ опраду опнимало, и тако все утѣшеніе наше оспавалось во ожиданіи; но въ колицѣмъ ожиданіи, довольное искусство имѣемъ, какъ шо долгіе часы ожидающимъ бываюшъ. Кому бо скорое, а намъ вельми лѣнливое было солнечное печеніе, и двулѣпнее удаленія швоего время вмѣняемъ себѣ за многолѣпнее. Но се уже dospѣло въ конецъ свой желаніе наше! Видимъ возвращенное намъ лице опеческое, и шуги прежней забываемъ. Все при тебѣ лучшій видъ приемлешъ, и солнце свѣшипъ веселѣе, и дни осенни пріятнѣйшии намъ паче весеннихъ и лѣпнихъ мимолетшихъ: лучи очесъ родителейскихъ вся намъ видимая предивнѣе позлащаюшъ. Вниди же въ побѣдоносный домъ

пвой, препочій на престолѣ швоемъ, здравъ, радоспешъ, благополучешъ. Мы же всеусердно шоликаго гостя привѣщспвующи, сіе къ Богу (еже и непрешпанное намъ ешъ) возсылаемъ моленіе: да сподобитъ насъ видѣши тебе шако царспвующа и побѣждающа въ долгаа лѣша.

Платонъ, въ рѣчи говоренной имъ въ Успенскомъ Соборѣ въ день Коронаціи Его Императорскаго Величества Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Вселюбезнѣйшій Государь! Сей вѣнецъ на главѣ Твоей ешъ слава наша: но Твой подвигъ. Сей Скипетръ ешъ нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія Держава ешъ наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія Порфира ешъ наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія ушваръ Царская ешъ намъ ушѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя поистиннѣ и подвигъ! Предспашепешъ бо лицу Твоему проспраннѣйшая въ свѣшѣ Имперія, какovou едва ли когда видѣла Вселенная: и будешъ ошъ мудросши Твоея ожидашъ во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ шѣлѣ, совершеннаго согласія и благоуспройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ ошъ Судіи неба

и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шее ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, пребывающее, да милоспивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Доспигнушь бо престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдныя, утѣсняемыя во зло употребленную властію, и лицепрїапіемъ и издоимспвомъ лишаемыя правъ своихъ, и вопишь не преспанушь, да защитиши ихъ, да опреши ихъ слезы, и да успроиши ихъ вездѣ проповѣдовашъ Твою промыслишельную державу. Предспанешъ и самое челоѳчештво въ первородной своей и нагой преспощѣ, безъ всякаго опличїа порожденїи и пронсхожденїи: зриай, возопіешъ, общїи Опецъ! на права челоѳчештва. Мы равно всѣ чада Твои. Никшо не можешь бышь предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснишель челоѳчештва, и подымающїи себѣ выше предѣловъ его. Наконецъ благочештію Твоему предспанешъ и Церковь, сія машь возрѣдившая насъ духомъ, облеченная во одежду обогренную кровїю единороднаго Сына Божїи. Сїя Августѣйшая дщерь неба, хощя довольно для себя находить защиты въ единой главѣ своей Господѣ нашемъ Исусѣ Хрисѣ, яко огражденная силою Креста Его; но и къ Тебѣ, Благочештїивѣйшїи Государь, яко къ первородному Сыну Своему, преспрешъ она

*

свои руки, и ими объявь Твою любезнѣйшую
 выю, умолять не преспанеть, да сохраниши
 залогъ вѣры цѣль и невредимъ: да сохрани-
 ши не для себя шокмо, но паче да явиши
 собою примѣръ благочестія: и шѣмъ да за-
 градиши нечестивыя уша вольнодумства, и
 да укропиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божиими не усумнятся
 предспашь и духи злобы. Ошважашся окресить
 преспола Твоего пресмыкашися и ласкапель-
 сиво, и клевета, и пронырсиво, со всемъ
 своимъ замъ порожденіемъ: и дерзнуть по-
 думашь, чшо, аки бы, подъ видомъ раболѣн-
 ности, можно имъ возодадать Твоею про-
 зорливостию. Откроешь безобразную гла-
 ву свою мздоимство и лицепріятіе, спре-
 мясь превратишь вѣсы правосудія. Поя-
 вишся безснѣдно и роскошь со всѣми ви-
 дами нечистоты, къ нарушенію свяности
 супружеснѣвъ, и къ пожертвованію всего еди-
 ной плоти и крови, въ праздности и суешѣ.

При таковомъ злымъ полчищѣ окруженіи,
 объимуть Тя истина и правда и мудрость
 и благочестіе, и будутъ охраняя державу
 Твою, вкупѣ съ Тобою желашь и молишь, да
 воскреснешь въ Тебѣ Богъ, и распочашся
 врази Твои. *).

*) Еслили въ подобныхъ сочиненіяхъ, каковымъ сунъ сіи дѣ-
 рьши, Феодотова и Платонова, не будемъ мы находить

Клеона къ Циней.

*Переводъ Ивана Логиновита Голеницева -
Кутузова.*

Прошу только одного слова; дождусь ли того когда? Или вѣчно мнѣ бытъ въ страхѣ, мученіи, и молчашь? Ахъ! Циней, сердца своего болѣе я удержашь не могу; горесть снаго наконецъ изливася. Жалобы и слезы естъ послѣдняя отрада несчастныхъ; ежели мы не хочемъ самъ подать мнѣ утѣшенія; по по крайней мѣрѣ не опнимай сего послѣдняго облегченія въ моей печали.

Люблю тебя, сладко мнѣ и шееръ швое воспоминаніе; тщетно я старалась испребишь къ тебѣ мою любовь, всѣ пролишья мною слезы не могли ее угасишь. Преспши мнѣ, еспьли я похищаю у тебя минушы, въ которыя могъ бы ты вкушашь сладкое восхищеніе въ объятіяхъ другой любовницы; но можно тебѣ оспавишь и для меня минушу. Я имѣю право сего отъ тебя пребовашь: увы! сколь великою цѣною приобрѣла я сіе право: оно спобитъ спокойствія моей жизни. Не можно тебѣ того забышь; день, котораго я не могла сдѣлать для тебя пріятнѣйшимъ, хотѣла бы я исключишь изъ

доспѣшочныхъ къ подражанію примѣровъ краснорѣчія; то я уже не знаю, какіе намъ образцы и примѣры надобны.

числа дней моей жизни. Судьбы своей искала я въ своихъ глазахъ, чила въ нихъ свою радость и печаль, жизнь и смерть. Въ воздаяніе пошкой любви, о Циней! Прошу у тебя одной минуты, одного вздоха.

Не бойся взглянуть на сіе письмо; и чего тебѣ бояться отъ любовницы, копорая тебя обожаетъ? Не буду жаловаться на твою невѣрность, не опягчу тебя клятвами оставленной любовницы. Какъ могу я тебя проклинашь? тебя, копорой одинъ можешь сдѣлать меня щаспливою. Сладкая и леспная надежда! Ты исчезла; но любовь со мною осталась. Сія любовь разлилась по всей моей крови, она печеть въ каждой каплѣ слезъ моихъ, живетъ въ каждомъ вздохѣ. . . . Дай мнѣ жаловаться, дай мнѣ омокать перо мое во слезахъ, дай мнѣ начертать шрепещущею рукою, чѣмъ сердце мое наполнено. Горести цѣлаго года собрались въ семь удрученномъ сердцѣ, оно бѣдное не можешь болѣе сдержашъ сего бремени; такъ, цѣлой годъ уже тому, какъ несчастная Клеона заблуждаетъ въ сей пустыни. Желаю, спрашусь, надѣюсь, опчаяюсь.

Не знаю, живъ ли ты? Ахъ! ежели ты и живъ; но Клеона забвенію предана. Какое участіе живымъ съ мертвыми, щаспливому съ безщаспнымъ? Можешь бышь по-

впировался ты повелѣнію жестокосердой
своей матери; можешь быть вкушаешь во
объявленіяхъ счастливѣйшей любовницы. . . .
Циней, да будешь благополучно новое свое
сочетаніе! не прошу тебя, чтобы ты воз-
вратился въ мои объявленія, буде считаешь,
что единая любовь недовольна сдѣлать тебя
счастливымъ; но я, что тебѣ могу пред-
ставить, кромѣ горячности, кромѣ любви?..

Не прошу, чтобы ты возвратился въ мои
объявленія! Что я сказала бѣдная? Солгала и
слезы мои за то меня наказуютъ. . . . Ци-
ней! я всего лишилась, чести, покоя, дру-
зей, родителей; возврати мнѣ мое сердце,
и все ко мнѣ возвратится. Но если дол-
жно мнѣ себя отречься, то отрицаюсь
счастія, надежды, жизни. . . . И что я буду
сдѣлать въ свѣтѣ, гдѣ Циней живетъ не для
меня? Увы! Для чего ты меня любилъ? Но
ты любилъ; наши родители и сами небеса,
согласовали любви нашей. Уже Гименъ воз-
жигалъ брачный свѣщильникъ, уже оларь
былъ угошванъ, намъ позволено было же-
лать и надѣяться. . . . Но сколь крапна
была сія надежда! Сколь опасна для моей
невинности! Сколь бѣдственна моему по-
кою! День счастія наступилъ. . . . О горь-
кое воспоминаніе! Лейся слезы; прекра-
снѣйшій день моей жизни обратился въ не-
настный день бѣдствія. . . . Жестокой слу-

чай погасилъ внезапно брачный свѣтильникъ и низвергъ съ головы моей вѣнецъ брака. Восшоргъ, веселіе, щастіе, все сокрылось.... О какъ скоро ты исчезло сладкое и нѣжное упражненіе мыслей! Весенніе дни моей жизни, въ какую ужасную темношу вы погрузились! Одна минуша премѣнила въ спрашную пустыню сей рай веселія и ушѣхъ, гдѣ мысли мои сладостно заблуждали. . . . Любовь! Увы! Опъ нея ожидала я своего блаженства; любовь низвергла меня въ бездну стыда и опчаянія. Тщепно я ищу ушѣшенія, ушѣшеніе далеко опъ меня убѣгаетъ, воспоминаніе минувшаго благополучія больше расправляетъ мои раны. Возвожу орошенные глаза слезами къ сей высотѣ, съ которой я низпала, ѣ не вижу кромѣ пропасти, въ которой погребенна пребываю, и пр. *).

*) Какую мягкость, какую нѣжность чувствъ неспособенъ изображать Руской языкъ! Вѣрше послѣ сего симъ сказкамъ, *что у насъ мало истинныхъ писателей, то надобно утвердить вкусъ, что мы не имѣемъ образцовъ, что намъ должно еще языкъ свой воспитывать, выдумывать новыя выраженія, обещать его новыми идеями, и что мы обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человекъ съ талантомъ.* Скажемъ лучше, что предразсудокъ и слѣпая привязанность наша къ Французскому языку не допускають насъ чувствовать красоту языка своего; что если бы мы разсширивъ чаще богатство, силу и великолѣпіе его, вникали въ оное, читали собственныя книги свои, любили языкъ свой; то могли бы, по важности и способности оного, въ словесности и краснорѣчїи превзойти всѣхъ другихъ народовъ. Но по нещастію мы восхищаемся токмо Французскимъ языкомъ; счи-

*Изъ Горацийевыхъ Сатиръ, переводъ Филиппа
Геннингера.*

По какой причинѣ, Меценатъ, никто
шою частію доволенъ не бываетъ, которую
онъ либо самъ себѣ по своему разсужденію
избралъ, либо судьба ему опредѣлила? Для
чего всякъ другихъ нещасливѣе себя почи-
паетъ? О коль благополучны кунцы! гово-
ришь воинъ, лѣтами ошлгченнй, у котора-
го уже всѣ члены опъ многого труда раз-
слабѣли. Напрошивъ шого кунецъ полуден-
ными вѣтрами носимый по морю: военная
служба лучше. Ибо что? сражаются: во
мгновеніе ока или скорая тебѣ смерть по-
стигнетъ, или радостную одержишь побѣду.
Искусный въ правѣ и законахъ, когда въ ку-
роглашеніе пребующіе его совѣтовъ въ две-
ли спучахся, хвалятъ земледѣльца; а сей,
давъ поруки, изъ села во градъ влекомый,
вопіетъ: одни градскіе жишели благополуч-
ны. Прочихъ симъ подобныхъ жалобъ шоль
много, что исчисленіе оныхъ можешъ упо-

шасемъ за единственное украшеніе свое, за необходимую
надобность погубляшь лучшія лѣта позрспна своего на
обученіе онаго къ совершенствѣ; читаемъ, пишемъ, поемъ,
думаемъ, говоримъ на яву и во снѣ по Француски. Какъ же
намъ знанъ Руской языкъ? Знаніе онаго пребуешъ време-
ни, охоты и прилѣжаніа. Не ужъ ли воображаемъ мы,
что скорѣе можно сдѣлаться искуснымъ писателемъ, чѣмъ
хорошимъ сапожникомъ?

мишь и говорливаго Фабія. Но чѣшобъ шебл не задержашь, послушай, къ чему моя рѣчь клонилсья. Еспьли бы какой богъ сказалъ: я ваши желанія исполню; шы, воинъ, будь купцемъ; а шы, сшрягчій, селяниномъ. Вы опсюда, а вы опшуда, получивъ перемѣну своихъ состояній, опходите. Ну! чшо медлите? Нѣшть; не захошяшть. Вишь имъ дозволяется бышь благополучными? Лъзя ли, чшобъ Юпигерь по справедливости на нихъ не вспьлалъ, и обѣ щеки надувъ, не сказалъ бы, чшо онъ впредь уже не будешь шакъ милосшивъ, чшобы къ прошенію ихъ преклоняшть ухо. Впрочемъ, чшобы миѣ сего, какъ будшо шушокъ смѣхомъ не предсшавляшть; хошя и въ смѣхѣ говоришь правду, чшо препьшшвуешь? Такъ какъ ласковые училели ребяшамъ даюшть пирожки, чшобы скорѣе азбуку выучили. Однако мы оставимъ шушки, спанемъ дѣло говоришь. Топъ, кшо пшвердую землю шяжкимъ разсѣкаешь раломъ, и сей обманомъ живущій корчемникъ, шакже воинъ и пловцы, дерзосшно всѣ моря обещающіе, говоряшть: чшо они съ шѣмъ намѣреніемъ шрудъ сей преперьпѣваюшть, чшобы приобрѣвъ себѣ довольное пропшпаніе, въ старосши дни свои спокойно и безпечально провождашть могли; и предсшавляюшть въ примѣръ маленькаго шрудолубиваго муравья, кошорый ршомъ своимъ все, чшо можешь,

лолочешъ , и въ собираемую кучу кладешъ ,
 рассуждая и промышляя о будущемъ . Но
 лишь только водолей подаспъ печальный
 видъ къ концу обратившемуся году , то уже
 онъ никуда не выпалзываетъ , и благоразумно
 пользуется тѣмъ , что прежде собралъ :
 а себя ни чрезмѣрный жаръ , ни зима , ни
 огонь , ни море , ни оружіе , отъ корысти от-
 вратишь не можешь ; всѣ бѣды презираешь ,
 лишь бы только тебя никто богачѣе не
 былъ . Что пользуешь , когда въ вырышай
 тайно землѣ со страхомъ погребашъ не-
 смѣтное множество серебра и золота ? А
 ежели оное разочтешъ , сойдешъ на бѣдной
 пѣнлѣ . Но естли того не будетъ , что
 утѣхи въ собранной кучѣ ? Хотя бы на шво-
 емъ гумнѣ по сипу тысячь мѣръ хлѣба моло-
 тили ; однако швое чрево не болѣе вмѣститъ
 моего . Такъ какъ будучи слугою , ежели бы
 ты мѣшокъ съ хлѣбами своего хозяина на
 плечахъ несъ , не больше получишь , какъ
 пошъ , копорой не несъ ничего . Или что
 разноспи живущему въ предѣлахъ еспеспва
 взорашъ сто четвершей земли или тысячу ?
 Но пріятно изъ великой кучи брашь . Когда
 намъ изъ малой сполькоже брашь можно ,
 то для чего ты свои жипницы предпочи-
 паешь будешь нашимъ кошамъ ? Такъ какъ
 естли бы тебѣ спаканъ или кружка воды
 надобны были , и ты бы сказалъ , я лучше

изъ большой рѣки, нежели изъ сего малаго источника, сполькоже почерпнуть хочу. Изъ чего бываетъ, что ежели кто изобиліемъ больше потребнаго наслаждашь желаетъ, пѣхъ быспрый Афидь оторвавъ купно со брегами уноситъ. А кто сполько пребуешь, сколько надобно, потъ ни мушной съ иломъ воды не черпаетъ, ни жизни въ водахъ не лишается, и проч.

Изъ Кантемировыхъ Сатиръ.

(Мы увидимъ здѣсь подражаніе Россійскаго Сапирика Лапинскому *).

И з ъ 8 С а п и р ы .

Несчастныхъ спрасшей рабы! опъ дѣлспива до гроба
Гордоспъ, зависпъ мучишъ васъ, лакомспво и злоба,
Съ самолюбіемъ вещей щщепныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охонники, вщдлась въ васъ неволя.

*) Въ нѣкоторой книгѣ случилось мнѣ прочитать слѣдующее:
„Есть непремѣнно и должно быть искусство писать. Это
„искусство не можеть существовать, поддерживать себя
„безъ природнаго дарованія; но оно можеть недоставать
„природному дарованію. Доказательствомъ сему послужатъ
„многіе писатели, родившіеся съ самыми щщспливыми ра-
„сположеніями къ спихоспворству, и которые однакожъ
„никогда не знали искусства писать стихи. — Таковы
„безспорно были Князь Кантемиръ и Тредьяковскій. У обо-
„ихъ было довольно Поэтическаго ума, довольно Энтузіас-
„му, охоты, однакожъ полѣвка проходитъ, какъ они осуж-
„дены совершенно не имѣть чшщателей.“ Хошя сочинитель

Такъ какъ легкое перо, коимъ въспрь играетъ,
 Лепуча и различна мысль ваша бываетъ.
 То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
 То грусно быть одному, то люди скучаютъ;
 Не знаете сами, что хопѣтъ; теперь пое
 Хвалите, потомъ сіе, съ мѣсла на другое

сихъ спрокъ говорить о семъ весьма утвердительно, какъ то показывается употребленное имъ слово *безспорно*, однакожь (съ позволенія его) я весьма различнаго съ нимъ мнѣнія о сихъ двухъ Россійскихъ писателяхъ. Мнѣ кажется Тредьяковскій и Кантемиръ не только несходны, но даже совсѣмъ противоположны между собою. Я не знаю довольно ли было въ нихъ Поэтическаго ума и Энтузіазму (слово сіе въ Россійскомъ языкѣ я худо понимаю), но вѣдлю, что между ими есть превеликая разность, а именно: Тредьяковскій былъ трудолюбивый переводчикъ, посредственный Сочинитель, довольно искусный въ знаніи словъ языка своего, но не знавшій въ чемъ состоятъ приличность, сила и красота слога. Въ разсужденіи же стихотворства былъ онъ хотя и весьма худой Стихотворецъ, однакожь такою, коюрой явель споспосложеніе въ Россійскіе стихи, и первый писалъ анапестами и дактилями. Кантемиръ напротивъ того былъ весьма хорошій Стихотворецъ, но сочинялъ Саширы свои въ такое время, когда еще у насъ споспосложіе и мѣра въ стихахъ не наблюдались. Инакъ въ семъ случаѣ ни мало не похожи они другъ на друга; теперь посмотримъ, естли какое сходство въ произведеніяхъ ума ихъ? У кого Ахиллесъ говорить Деидамія:

Царевна, приступись позволеволь къ вамъ смѣло?
 Я зрю, что углубленъ умъ въ шайное вашъ дѣло.
 Не лучше ль, какъ и мню, вамъ бытъ на единѣ?
 И сей ли вашъ приказъ, чтобъ оплучишься мнѣ?
 Я здѣсь предъ васъ предсхалъ для должнаго поклона,
 Не зналъ, что будетъ вамъ чрезъ мой приходъ препона,
 Но что! вы на меня не взводите очей,
 Ни хотите припомъ сподобишь и рѣчей:
 Васъ мысль къ себѣ одной весьма знашь пригвоздила.
 Я щасливиъ бы, когдабъ я вещь былъ ей и сила.

Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,
 Вдругъ одно желаніе другому проповно.
 Малый въ льто муравей попѣшетъ, помится,
 Зерно за зерномъ паша, и наполнятъ пщипшл
 Свой амбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ
 Мразами начнетъ, съ гнѣзда спанетъ неисходенъ,

У кого, говорю, въ Трагедіи Ахиллесъ изъясняется любовницѣ своей такимъ смѣшнымъ и спраннымъ слогомъ, похожъ ли сей на того, кто въ Саширѣ описываетъ вѣсповщика и болшуна сими прекрасными и оспроумными стихами:

Съ зорею вставши Менандръ вездѣ побываешъ,
 Развѣситъ уши вездѣ, вездѣ примѣчаешъ,
 Что въ домахъ, что въ улицѣ, въ дворѣ и въ приказѣ
 Говорятъ и дѣлаютъ. О всякомъ указѣ
 Вновь выданномъ, о всякой перемѣнѣ чина
 Онъ извѣстенъ прежде всѣхъ; такъ всему причина,
 Какъ Опче нашъ намзусъ. Три дни брюху дани
 Лучше не дашъ, нежъ не знашъ, что привезъ съ Гилли
 Вчера прибышій гонецъ; гдѣ кто съ кѣмъ подрался,
 Свахаеця кто на комъ, гдѣ кто проигрался,
 Кто за кѣмъ волочишся, кто выѣхалъ, въѣхалъ,
 У кого родился сынъ, кто на шоптѣ свѣтъ съѣхалъ.
 О когдабъ дворяне такъ наши свои знали
 Дѣла, какъ чужіе онѣ не сполькобъ ихъ крали
 Дворецкой съ прикащикомъ, и жириѣбѣ жили,
 И должниковъ за собою шолшыбъ не водили.
 Когда же Менандръ новизнѣ наберешъ нескудно,
 Недавно шо влишое ново вино въ судно
 Кишишь, бродишь, обручъ рвешъ, доски разширлешъ,
 И выбивъ впулку быстро успьемъ выпекаешъ.
 Вспрешишь ли шебл, пошчасъ въ уши вѣстей съ дѣсти
 Нажужжишь, и поймалъ тѣ изъ вѣрныхъ рукъ вѣсти,
 И шебѣ съ любви своей оны сообщаетъ,
 Прося, держашъ про себя. Составишь онъ знаешъ
 Мнѣнію окружности своему прилично;
 Рѣдко двумъ шужъ вѣдомосъ скажешъ однолично,
 И самъ своей наконецъ повѣришь онъ бредни,
 Ежели преидешъ къ нему изъ знаншой передни.

Въ зиму наслаждаяся пѣмъ, что нажилъ лѣпомъ.
 А вы, что мнитесь ума одаренны свѣпомъ,
 Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилѣжны,
 Въ не нужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни.
 Коротокъ жизни предѣлъ, велики запѣи,
 Своей сами пишинѣ глупые злодѣи,

Сказавъ, себя какъ судья бѣжитъ осторожный
 Просишелъ, у кого карманъ ужъ порожный,
 Имѣя многимъ еще въ городѣ наскучишь.
 Искусень и безъ вѣстей голову распучишь
 Тебѣ Лонгинъ; сперегись, сперегись сосѣдомъ
 Лонгина не зашпракавъ имѣть за обѣдомъ.
 Опъ жены, дѣшей своихъ долгое посольство
 Ошправитъ тебѣ, пошомъ свое недовольство
 Явитъ, что ты у него давно не бываешь,
 Хошь болну бышь новыми зубами дочь знаешь.
 Четвершой уже зубокъ въ деснахъ показался;
 Ночь всю и день плачется; жаръ вчера унялся.
 Другую замужъ даешь, женихъ знашень родомъ,
 Богатъ, красивъ, и жены старѣе лишь годомъ.
 Приданое дочерне опишешь подробно,
 Прочтешъ рядную всю сплошь, и вслку особо
 Исполкуешь въ ней спашью. Сынъ меньшей недавно
 Начавъ азбуку, шеперь чтешъ склады исправно.
 Въ деревнѣ своей началъ онъ копать прудъ новый,
 Тому изъ кармана планъ выпаша гошовый
 Тотъже часъ подъ носъ тебѣ размошрѣшь положишь,
 Иль на шу спашъ пожики и вилки разложишь.
 Сочтешъ, сколько въ ней земли, что берешъ оброку,
 Къ какому у него овощъ спѣшетъ сроку,
 И владѣльцень всѣхъ ея другъ за другомъ шочно
 Опъ пошопса самага, и какъ она прочно
 Изъ рукъ въ руки къ нему дошла съ приговору
 Судей, положила конецъ долгу съ длдей спору.
 Милуешь же себя Богъ, буде онъ осаду
 Азовску еще къ шому не прилѣпишь сряду;
 Рѣдко минуешь ея, и день нужень цѣлый
 Выслушашъ всю повѣсть шу. Полководецъ зрѣмый
 Много онъ шамъ почудилъ, всегда гошовъ къ дѣлу,

Состояніемъ своимъ всегда недоволенъ.
 Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
 Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покой
 И въ довольствѣ, вопъ не спитъ и мыслишь иное,
 Думая, какъ бы ему сдѣлался судыю:
 Куды де хорошо бышь въ людяхъ головою.

Всегда нагубенъ врагу. Тушь шо ужъ безъ мѣлу,
 Безъ верви кроишь обыкъ безъ аршина враки,
 И правды гдѣ, гдѣ крошечны увидишь шы знаки.

Въ стихахъ сихъ конечно не соблюдены нѣ правила, каковыя обыкновенно въ стихотворствѣ наблюдаются. Не сохранено въ нихъ той пріятности, какую даешь имъ правильное паденіе слоговъ, опредѣленная мѣра полуспишій, и окончаніе смысла въ стихѣ безъ переноса въ другой; но мы великому заблужденію подвергнемся, когда согласный звукъ словъ предпочитаешь будемъ содержащемуся въ оныхъ разуму. Искусные въ живописи знаменитыя удивляющія болѣе однимъ беспорядочно набросаннымъ рукою великаго художника чертамъ, нежели выработанной съ опмѣннымъ пищаіемъ посредственнаго мастера картинѣ. Кантемиръ, можетъ бышь, не хотѣлъ дать себѣ тяжелаго труда заключашъ мысли свои въ правильную и опредѣленную мѣру стиховъ; онъ свободное и ясное предложеніе ихъ предпочелъ невольному и часто шемному, какъ и самъ о томъ говоритъ:

Избравъ силамъ моимъ прудъ равный и способный,
 Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся;
 Многоль, малоль напишу стишковъ, не пекуся;
 Но смолрю, чѣмъ здравому смыслу рѣчь служила,
 Не нужда мѣры слова безпущно лѣпила,
 Чѣмъ всякое въ своемъ мѣстѣ стоя слово,
 Не слабо казалось, ни столь лишно ново,
 Чѣмъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.
 (Сатира VIII).

О естли бы всѣ стихотворцы наблюдали сіе правило! они бы меньше писали; но ихъ бы больше читали. Трудность сложенія стиховъ состоитъ въ томъ, что естественному и порядочному расположенію словъ часто препяществуешь наблюденіе порядка въ удареніи слоговъ, и

И чпяпть шебя, и даюпть; постою не знаешъ;
 Много ль мало ль, для себя всегда собираешъ.
 Славъ судьею, ужъ купцу не мало завидишь,
 Когда по нещаспю пусто въ мѣшкѣ видишь,
 И слыша просителей у дверей вздыхати,
 Долженъ вснашь не выпавшись съ шеплыми кровати:

обратно: наблюденію порядка въ удареніи слоговъ часто препятствуетъ еспешивенное и порядочное расположеніе словъ. Щасливъ пошъ Спихопворецъ, кошорый можешъ украшашъ спихи свои тѣмъ и другимъ! Но естли сіи два дарованія несомѣстны въ немъ, естли одинъ изъ сихъ недоспашковъ долженъ непремѣнно сущесшвовашъ въ спихахъ его; то лучше желаю я, чшобъ слухъ мой оскорблллся имъ, нежели разумъ. Прозамческими разумно составленными спихами, хошя бы оныя не украшены были ни спшою, ни рифмою, можно усладидься; но самое сладкогласпѣйшее для уха сборище словъ, когда не заключаешъ оно въ себѣ никакаго смысла, развѣ пому шокмо нравидься можешъ, кто любишь безъ размышленія пѣшь, а не чипашъ съ размышленіемъ. Не можно никакъ повѣришь, чшобъ пошъ, кто хошя нѣсколька знаетъ Руской лзыкъ, и хошя нѣкоторое имѣешъ поняшіе о спихопворствѣ, могъ Тредьяковскаго съ Каншемиромъ поспавишь на одну доску. Даже естлибъ и чужеспранецъ какой, разсуждая о словесности нашей, написалъ сіе, то бы и пому неспросшительно было; поелику, когда онъ беретса о чемъ судишь, шо и долженъ имѣшь достпашочное въ томъ знаніе. Впрочемъ естли вышепомянутое изреченіе, что *полвѣдка проходитъ, какъ Тредьяковскій и Кантемиръ осуждены совершенно не имѣть титателей*, справедливо, шо въ разсужденіи Каншемира не служишь сіе къ чесши и славі сего *полвѣдка*; ибо въ Каншемировыхъ спихахъ, не взирал на вышеписанной недоспашокъ ихъ, весьма много прекрасныхъ выражений и остроумныхъ мыслей: и шакъ ежели мы не чипаемъ ихъ; шо сіе не опъ шого происходишь, чшобъ они были худы, шакъ какъ Тредьяковскаго спихи; но опъ шого, чшо мы углубля умъ свой въ чпеніе мноспранныхъ, или ихъ слогомъ переводимыхъ полу-Рускихъ книгъ, не разбираемъ въ лзыкѣ своемъ ни красощъ, ни погрѣшностей.

Ч а с ш ъ II.

21

Боже мой! говоришь онъ, что я не посадской?
 Чорпъ бы взялъ и чинъ и честь, въ коихъ жи-
 вопъ адской.

Пахарь соху ведучи, иль оброкъ щипал,
 Не однажды привздохнешь, слезы опирая:
 За что - де меня Творецъ не сдѣлалъ солдапомъ?
 Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ плашьѣ богапомъ.
 Зналъ бы лишь одно ружье свое да капрала,
 На правежѣ бы нога мол не спонла,
 Для меня бѣ свинья моя полько поросилась,
 Съ коровы мнѣ бѣ молоко, мнѣ бѣ куря носилась;
 А по все прикащицѣ, спряпчицѣ, Княгинѣ
 Понеси на поклонъ, а самъ жирѣи на мякинѣ.
 Пришолъ поборъ, пахаря вписали въ солдапы,
 Не однажды дымныя вспомнилъ ужъ палапы,
 Проклинаешъ жизнь свою въ зеленомъ кафпанѣ,
 Десятью заплачешъ въ день по сѣромъ жупанѣ:
 Толь не жишье было мнѣ, говоришь, въ кресль-
 янспвѣ?

Правда, шогда не ходилъ я въ шакомъ убранствѣ;
 Да лѣпомъ въ подклѣпѣ я, на печи зимою
 Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
 Заплачу подушное, оброкъ господину,
 Какую жъ больше найду я пужипъ причину!
 Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
 Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скопамъ солома.
 Дальна ѣзда мнѣ была съѣздишь въ поргъ для соли,
 Иль въ праздникъ пойши въ село, и по съ доброй
 воли:

А теперь чорпъ не жишье, волочись по свѣшу,
 Все бы рубашка бѣла, а вымышь чѣмъ нѣшу;
 Ходи въ шшанахъ, возися за ружьемъ поспрѣлымъ,

И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣ-
лымъ ;
 Ни выпашься нѣкогда, часпо нѣтъ, что кушашь,
 Наружашь мнѣ все собой, а соперыхъ слушаешь.
 Чернецъ поплъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
 Имѣлъ ходитъ въ клубкѣ, и всяку работу
 Къ церкви легку оказывалъ, прося со слезами,
 Чпобъ и онъ съ небесными былъ въ щопѣ чинами,
 Сего дня не по поешь, радъ бы скинуть рясу
 Скучили ужъ сухари, полепѣлъ бы къ мясу:
 Радъ къ чоршу въ поварищи, лишь бы бѣльцомъ
 быши,
 Нѣтъ мочи ужъ Ангеломъ въ слабомъ шѣлѣ слыши,
 (и проч.)

Изъ 3 Сашеры.

За излишество Хрисиппъ пици суепися,
 Собирая, чѣмъ бы жипъ, что за нимъ шащися
 Дряхла жена и дѣпей куча малолѣпныхъ,
 Чпо шѣ сущъ его шрудовъ причина примѣпныхъ.
 Да не по; ужъ сундуки мѣшковъ не вмѣщающъ,
 И въ нихъ уже ржавыя почпи исплѣвающъ
 Деньги; а всей у него родни за душою
 Одинъ лишь внукъ, да и поплъ гораздо собою
 Не убогъ, дѣда хопя убожѣ вдвое.
 Скупость, скупость Хрисиппа мучипъ, не иное;
 И прачешъ онъ и копипъ денежныя шучи,
 Думаа, что изъ большой пріятно брать кучи.
 Но еспли изъ малой я своей получаю
 Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
 Предпочишаешъ? Тому подобенъ мнѣ мнишся
 Хрисиппъ, кшо за чашею одною шащися

Воды на пространную рѣку, хопя можешь
 Въ ручейкѣ чиспу доспашь. Чпо ему поможешь
 Излишноснпъ, когда рѣка, берегъ подъ ногами
 Подмывъ, съпескомъ и его покромъ спруями (и пр.)

*Захаровъ въ похвальномъ словѣ своемъ
 ЕКАТЕРИНѢ Второй.*

Но что? Польша подъ Хоругвию Коспюш-
 ки дерзаетъ оскорблять Повелишельницу
 свою? Дерзаетъ шашьски убивать сыновъ
 ея? Дерзаетъ угрожать рушеніемъ Поспо-
 лишымъ? — Суворовъ, рекла Екашерина,
 накажи! — Какъ бурный вихрь взвился онъ
 ошъ спрегомыхъ имъ границъ Турецкихъ;
 какъ соколъ низпалъ на добычу. Кого уви-
 дѣлъ — распочилъ; кого напекъ — побѣдилъ;
 въ кого бросилъ громъ — испребилъ. Пала
 Прага — изгладилось ошъ лица земли Коро-
 левство Польское — было — и нѣшь! — Ев-
 ропа содрогнулась — Княжество Липовское
 влилось въ Россію и соспавило двѣ ея Гу-
 берніи: — се Екашерина! — Но воззримъ
 съ благоговѣніемъ на ея образъ; изочшемъ,
 еспьли возможно, прекрасныхъ свойспвъ ея
 сокровища. — Сановиный ростъ являлъ Ца-
 рицу; великія небеснаго цвѣта очи — про-
 ницаніе и милоспъ; ошверское чело — пре-
 споль ума; полныя руки — щедросы сим-

воля: осанка, поступь, гласъ — премудрости богиню. Во всѣхъ движеніяхъ ея видима была величественная непринужденность; въ украшеніяхъ простота; во вкусѣ изящность. Во всѣхъ разсужденіяхъ обила особенное свойство сладостнаго убѣжденія; въ глаголахъ Апшическая соль, Лашинская крапкось, Славенское великолѣпіе. Какая въ велѣніяхъ кротость! Какая нѣжность въ привѣщивіяхъ! Какая въ ожиданіи терпѣливость! — Повелѣвая, казалась просящею; даруя — одолженною; наславляя — приемлющею совѣщью. Гнѣвъ Ея былъ шайна кабинета; милость — обрадованныхъ гласъ прубный. Никогда величіе не являлось съ благодушіемъ подобнымъ; ни единый изъ Монарховъ поликаго уваженія, ни едина изъ Царицъ поликія любви не привлекала. Когда окруженная блистательнымъ дворомъ своимъ являлася собранію чиновъ, всякъ мнилъ погда видѣши свяшая свящихъ. Когда принимала пословъ въ облеченіи Императорскаго велелѣпія, казалась окруженною и благоспію небесъ, и священнымъ ужасомъ силы, могущества и власти, въ единой Ей совокупленныхъ, и опъ единыхъ происходящихъ. Когда удоспоивала кого своей бесѣды, величіе слагала, робѣющаго ободряла, скромную нужду предваряла, самые недоспашки вѣщающаго Ей не примѣпившею казалась. — Тшло че-

ловѣна всегда предшествовало въ понятіяхъ Ея шишлу Самодержца. Наричаніе Россіянъ чадами — именованію подданнаго; любовь ихъ — повиновенію предпочисала. Спражу свою въ седцахъ народныхъ — славу въ блаженствѣ ихъ поставляла. Въ наградахъ щедре — какъ мать природа; въ наказаніяхъ милоспива — яко отецъ небесный. — Колико нещасныхъ, коихъ злодѣянія умѣли прогнѣвись ангельское Ея сердце, оставлены были грызенію совѣсти, или естешвенному поспиженію смерти, безъ утвержде- нія Ею осудившаго ихъ приговора! Колико благополучныхъ, кои немощи ради человѣческой извинены были. Колико шаковыхъ, которые исправленіемъ погрѣшностей своихъ пакн сердце Ея къ себѣ приклонили! Опъ самага вступленія своего на прешоль сохранила она равномѣрный блескъ славы до послѣдняго дня своея жизни: никогда не изнемогла въ превращеностяхъ форшуны; никогда въ неудачахъ своенравія не оказала; даже въ болѣзненныхъ припадкахъ ни жалобъ, ни унынія не изъявила. Опягчена будучи игомъ правленія шоль обширной державы, никогда бременемъ своимъ нескучала; никогда многозабопливымъ печеніемъ онаго не запруднялась. Будучи оспорожна, никогда щещнымъ сомнѣніемъ сердца своего не шерзала; благонадежна — никогда неосла-

была престола своего безопасности. Любя
 людей, всегда имъ недовѣрляла; — недовѣрля
 — никогда любви своей къ нимъ не уменьши-
 ла. — Таковыми ограждена правилами всегда
 была одинакова, премудра, велика; всегда
 себѣ единой подобна. Подражая Высочай-
 шему Существу, въ соцарствование съ собою
 посадила правду; подпорами престола сво-
 его милость и судъ поставила; безпристра-
 стіе мѣриломъ всѣхъ своихъ дѣланій учинила.
 Любя во всемъ изящное, не обременяла себя
 маловажными дѣлами; любя правосудіе, не
 перпѣла самовластия преимуществъ; любя
 человѣковъ, гнушалась пайныхъ доносовъ, и
 сихъ шoliko же подлыхъ, колико и злосп-
 ныхъ изверговъ, кои изъ заугла наносятъ
 согражданамъ своимъ въ пыль удары. Она
 считала ихъ пружиною правленія малоумнаго
 и вкупѣ жестокаго, которое развращаетъ
 одну для гибели другой согражданъ поло-
 вины; которое сыну на отца, женѣ на му-
 жа, браташу противъ брата, другу на друга
 даетъ кинжалъ; которое награждаетъ для
 того клевету, чшобъ не воздашь заслугамъ;
 которое утѣшаетъ исчисленіемъ наказан-
 ныхъ мнимо-виновныхъ, отвращаясь внуше-
 нія несравненнаго удовольствія награждать
 добродѣтель; которое мнишь бышь право-
 суднымъ, наказуя безъ суда; мнишь бышь
 проицательнымъ, видя глазами чудовищнаго

клевешника; которое наконецъ усмотри себя обманушымъ, шерзается раскаяніемъ, и на оскорбленнаго напрасно подданнаго незазорными очами зришь не смѣешь (и проч.)

Суворовъ въ словѣ на торжество мира.

И воистинну, бывало ли когда народодержавіе долговременно? Оно едва воспашеть, уже и погибаетъ: яко быліе возникшее на каменіи или на пскѣ, вмалѣ мимоходишь; едва нѣколикіе годы высочайшую его славу созерцаши могутъ; ибо сѣмена своего разрушенія въ самомъ себѣ носишь, — сѣмена плодоносящія зависть, властолобіе, несогласіе, мятежи. Во что же оно претворяется? Паки во единоначаліе. Сіе убо начало, сіе и конецъ, всякаго правленія. Опверземъ книгу минувшихъ вѣковъ, опверземъ книгу чловѣчества: сіе всегда найдемъ быши шако; ибо хощя чловѣки и преходящъ, яко же волны моря, и днешъ сушь единыя, заупра другіе, но родъ ихъ, и свойство, и естество ихъ всегда ошашаетъ непремѣнное и шое же: по чему всегда шоже и быши долженствуешь; и прошедшія времена сушь образъ и примѣръ временъ грядущихъ. Убо надлежишь чшиши мудрость праощевъ, и неудобъ себе мыслиши превыше ихъ разума,

превыше ихъ свѣденій и искуса. — Чшо? како помыслимъ о просвѣщеннѣйшемъ и славнѣйшемъ во Европѣ народѣ Французскомъ, приводящемъ насъ днесъ во ужась и содроганіе? Чшо таковое съ нимъ шворися? Се спрана изобильная, совокупная, многлюдная, просвѣщенная; лежащая полико же способно на всякую пошребу на единомъ краю великой суши, колико на другомъ пресловущый Кишай, — сія спрана распоченна, расперзана, безъ власти, безъ законовъ, безъ подчиненія. Како сіе? Государь ея не имѣлъ силы бышь опцемъ ея. Онъ поруганъ, попракъ; — супруга его, шолкиихъ и шоль неисчешныхъ Имперашоровъ дщеръ и внука.... Отвратись сердце мое, заградись уша мои; да не повѣдаю ужасовъ, разящихъ челоуѣчештво паче грома. Тамо царшвуютъ днесъ неистповые, неблагословенные кровопійцы. — Но сему, мню, едва не подобало и быши шако. Давно уже народъ сей упражняешся въ безчисленныхъ новоумышляемыхъ суешахъ, совращающихъ Европу: коснулся благочештія, коснулся правительштва: пренебрегъ древніе, пренебрегъ живые примѣры: мечшаешъ изобрѣшашъ, и непрешанно глашпъ новое просвѣщеніе, новые сосшавы всего, новыя права челоуѣчештва: умы и сердца многихъ неразумныхъ ядоупоиль погибельнымъ своимъ ученіемъ. Се убо погибель

его возвращается на главу его! — Воззри великій, но не благоусмотрительный, писатель Фернейскій! воззри, прославленный, но не истинный, другъ человѣчества, гражданинъ Женевы, возмѣвшій искаши славы ошъ замысловатыхъ, и чрезъестественныхъ, и неожиданныхъ писаній паче, нежели ошъ швердыхъ, создающихъ сердце! Воззрише, вы, и прочіе немалочисленные, чему вы научили соопшчичей вашихъ? Вы преврашили правила, нравъ правленій; поколебали учрежденное вѣрою, ошъяли сладчайшее упованіе, сладчайшее ушѣшеніе человѣчества: вы породили дерзоспѣвшія и пагубившія мнимовдохновенныхъ, мнимопросвѣщенныхъ, общества: шмы шѣмъ человѣковъ вами совращены: но се наипервѣе совращено и разрушено собшвенное отечество ваше! — О koliko паче зубовъ зміевыхъ язвительнѣйшій, не сыновній, не отечественный духъ! — И ты, премудрый Творецъ духа законовъ преселившася въ писанія и учреждения Екашерины, честь разуму человѣческому, вшще же человѣческому сердцу честь! Мню, яко гнушаешься и оприцаешься почестей, шебѣ соотечественниками швоими, во храмѣ великихъ мужей, нѣкогда послѣ многихъ, опредѣляемыхъ. Твое ученіе не безначаліе, не народодержавіе въ пространнѣйшей и сильнѣйшей области Европы, владычеству-

ющей во всѣхъ часяхъ свѣта; не неисповое и ярящееся власпишельство ноцныхъ сонмищъ, дерзающихъ пославляти пресполъ свой въ поруганныхъ и свяпыни обнаженныхъ храмахъ Божіихъ, и злоумышляющихъ шамо неслыханныя продерзоспи и беззаконія. Мудросшь швоя, почерпнушая изъ всѣхъ странъ земли, и изъ всѣхъ вѣковъ челоувчеспва, подвигъ двадесяти лѣтъ драгой швоей жизни опечеспву швоему днесъ не на пользу. *).

Изъ Хемницеровыхъ басенъ, куры и голубка.

Какой - то мальчикъ ппищъ любилъ,

Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;

И крошками кормилъ.

Лишь голосъ дастъ ко збору,

То куры *тутъ* какъ *тутъ*, *)

Отвсюду набѣгущъ.

Голубка шже прилепѣла

И крошекъ поклевашъ хопѣла;

Да той опваги не имѣла

Чпсбъ подойши къ крохамъ. Хопъ къ нимъ и
подойдешъ,

Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнешъ,

Голубка *прогъ; да прогъ;* и крохъ какъ *нѣтъ,* какъ
нѣтъ: *)

А куры между пѣмъ съ опвагой наступали,

Клевали крохи, да клевали. *)

*) Сии два похвальные слова, предъидущее и сіе, всегда будущъ въ почшени у шѣхъ, кои любяшъ Руской языкъ.

***) Подобныя симъ просшыя, но прямо Рускія выраженія ка-

На свѣпѣ часпо шакъ идешь,
 Чпо щаспія иной опвагой дослунаешъ;
 И смѣлой шамъ найдешъ,
 Гдѣ робкой попереаешъ.

*Изъ второй Гораціевой Сатиры, переводъ
 Баркова.*

Когда спараюаься порока избѣжаешь,
 Въ пропивной дураки обыкли попадаешь.
 Иной привыкъ ходишь раздувшись долгополымъ;
 Хошь скачешъ фершикомъ другой, но равень
 съ голымъ;
 Топь нѣженъ черезъ чуръ, а сей шоголеваешь;
 Маспьми душиспъ Руфилль, козлу Горгоній браешь.
 Благоприспойная жъ посредспвенносшь забвенна
 У шѣхъ, копорыхъ мысль спраспямъ порабощенна.
 Бываешъ въ склонности одной не безъ опмѣнъ;
 Еспъ, коихъ веселишь любовь замуакихъ женъ,
 Другіе жъ шѣмъ себя опъ оныхъ опмѣняють,
 Чпо спраспи шамъ предѣль, гдѣ должно, полагають.
 Увидѣвъ юношу неподлаго Кашонъ,
 Чпо изъ безчеспнаго выходишь дому онъ,
 Изрядно дѣлаешъ, дружокъ, сказаь безъ брани:
 Въ чужія не садись никшо опважно сани,

кую дають пріащносшь слогу! Смѣнимъ ихъ съ нынѣш-
 нимъ нефпнымъ чужесловіемъ, и мы увидимъ какъ одно
 знаменашельно и хорошо, и какъ другое невразумишельно
 и худо!

Но лучше на проспой наемной клячѣ сѣсть
 Тому, въ комъ сильная къ ѣздѣ охота есшь.
 Подобной похвалы Купеній не желяешъ,
 Кой правилу сему прошивно поспуашъ.
 Послушайше, каковъ прелюбодѣйспва плодъ,
 Которымъ мерзокъ есшь сласполобивыхъ родъ,
 Сколь полны горести бываюптъ, бѣдшвъ и плача,
 Упѣха крапкая и рѣдка я удача.
 Тошъ съ кровли полумершвъ скочиль, иль изъ окна.
 Другому до костей изсѣчена спина;
 Иной бѣжа съ двора несчешны видѣль спрахи,
 И на воровъ попавъ, облупленъ до рубахи;
 Тошъ деньгами едва опсыпашься возмогъ,
 Другой обруганъ весь опъ головы до ногъ.
 Не рѣдко дорогà и шѣмъ любовь приходишъ,
 Чшо послѣ жизнь иной скопцемъ по смершъ про-
 водишъ.
 Всякъ праведнымъ шакой о сихъ чшишъ приго-
 воръ, и проч. *)

*Письмо Горация Флакка о стихотворствѣ
 къ Пизонамъ, переводъ Половскаго.*

Увидѣвъ женской ликъ на шеѣ лошадиной,
 Шерспъ, перья, чешую на кожѣ вдругъ единой;

*) Стихи сіи, есшми несовершенно гладки и плавны, шо по
 крайней мѣрѣ слогъ въ нихъ чистый, удобообразумишельной,
 и во многихъ мѣсшахъ настоящими Рускими выраженіями
 укращенный. Чашая ихъ, вигдѣ не находимъ мы несвой-
 сшвенныхъ намъ новосшей; но судя по многимъ попадаю-
 щимся въ нихъ собсшвенно языку нашему сроднымъ рѣ-
 чамъ, забываемъ, что это переводъ, и думаемъ, что оно
 есшь Россійское сочиненіе.

Чтобы красавицей по чудо началось,
 Но въ черной рыбій хвостъ внизу оно сошлось:
 Могибъ ли вы тогда, Пизоны, удержашься,
 Чтобъ мастеру пакой карпины не смѣяшьяся?
 И увѣряю васъ, что гнусной сей уродъ
 Во всемъ съ шѣмъ слогомъ схожъ, пустыхъ гдѣ
 мыслей сбродъ.

Несходно ни съ концемъ ниже съ собой начало,
 Пинтѣ, знаю я, и живописцу съ нимъ
 Возможно вымысломъ представитъ все своимъ.
 Сей вольноспитъ себѣ и опъ другихъ желаемъ,
 И сами по другимъ охотно позволяемъ;
 Но ей предѣлы въ помъ природою даны,
 Чтобъ съ бурей не смѣшашъ любезной пишины,
 Чтобъ пигра не впрягашъ къ однимъ санямъ съ
 овцею,

И не сажашъ скворца въ шужъ клѣтку со змѣю.
 Начавши что нибудь великое пишашъ,
 И важности хопя стихамъ своимъ придашъ,
 Мы часно въ оныхъ храмъ Дѣяний представляемъ,
 Иль Рена быспрошу и шумъ изображаемъ,
 Иль радугу съ дождемъ и нѣжные луга,
 Гдѣ шумомъ сладкой сонъ наводяшъ берега.
 Но здѣсь о семъ писать прикрасы нѣптъ нималой,
 Какъ на кафпанѣ бышъ заплатѣ цвѣтомъ алой!
 Пускай пы дерево пакъ можешъ начерпашъ,
 Чпо съ подлиннымъ опнюдь его не распознашъ;
 Но естли описашъ даль слово въ договорѣ,
 Какъ боренся съ волной пловець разбишой въ морѣ,
 То дереву спояшъ приспанешъ ли при семъ?
 Почто начавъ съ орла, кончаешъ воробьемъ?
 О чемъ кто спалъ пишашъ, шого ужъ и держися,
 И въ пошпороннее безъ нужды не влжися.

О чемъ бы ни хотѣлъ ты пѣшь стихи, воспой,
 Лишь сила словъ былабъ одна и слогъ простой.
 Писовъ больша часть обманута бываетъ,
 Когда о добротѣ по виду разсуждаешъ.
 Одинъ за краткосію весь замысль свой пемнишь,
 Другой для чистоты не живо говоришь,
 Кто любишь высоту, пошь пышенъ чрезвычайно,
 Кто просто написалъ, пошь подль и низокъ крайно.
 Кто щался скрасить слогъ свой разностію вещей,
 Дельфиновъ пошь въ лѣсахъ, въ водѣ искалъ ве-
 прей, и проч. *)

Х А Р И Т Ы

(Изъ сочиненій Державица).

По слѣдамъ Анакреона
 Я хотѣлъ воспѣшь Харить;
 Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
 Мнѣ предспалъ и говоришь:
 Какъ, и ты уже небесныхъ
 Дѣвъ желаешъ воспѣвашъ?
 Столько прелесней безсмертныхъ
 Хочешъ смертный описать!
 Но бывалъ ли на высокомъ
 Ты Олимпѣ у боговъ?
 Обнималъ ли браннымъ окомъ

*) Таковыя стихи, хотя и не могутъ равняться съ славными Гораціевыми стихами; однакожъ они такъ хороши, что даже и по проченіи самого подлинника не безъ пріятности можно прочишашъ переводъ оного.

Ты веселье ихъ пировъ?
 Видѣлъ ли Харипъ предъ ними,
 Какъ подъ звукъ пріятныхъ лиръ
 Плясками онѣ своими
 Восхищаютъ горній миръ;
 Какъ съ пропѣваемъ, пихимъ пономъ,
 Важно павами плывушь;
 Какъ съ веселымъ, быспрымъ звономъ,
 Голубками воздухъ вьюшь;
 Какъ вокругъ онѣ спокойно
 Величавый мещушь взглядъ;
 Какъ ихъ всѣ движенья спройно
 Взору, сердцу говоряшь;
 Какъ хипоны ихъ эфирны,
 Лну подобные власы,
 Очи свѣплыя, сафирны,
 Помрачаютъ всѣхъ красы;
 Какъ богини всѣмъ соборомъ
 Признають: имъ равныхъ нѣтъ,
 И Минерва съ важнымъ взоромъ
 Улыбаешся имъ въ слѣдъ?
 Словомъ: *зрѣлъ ли ты картины*
Непостижныя цю? —
 Видѣлъ внука Екатерины,
 Я опивѣписповалъ Ему.
 Богъ Парнасса усмѣхнулся,
 Давъ мнѣ лиру оплешѣлъ —
 Я спрунамъ ея коснулся
 И младыхъ Харипъ воспѣлъ *) .

*) Прочишаемъ сочиненія сего знаменишаго стихопворца, и мы во многихъ мѣстахъ увидимъ пылокое воображеніе, находящее не въ чужезычности, но въ природномъ языкѣ своемъ, огонь и силу выражать себя.

*Богдановиць въ Душинькѣ описываетъ путеше-
шествіе Венеры.*

Богиня, учредивъ спаринный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишушь на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ Дельфинахъ.
Амуръ, проспря свой власпный взоръ,
Подвигнулъ весь Непшунувъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текупъ за ней весельемъ полны.
Трипоновъ водяной народъ
Выходишь къ ней изъ бездны водъ,
Иной вокругъ ея ныряешъ,
И дерзки волны усмиряешъ;
Другой, крупясь во глубинѣ,
Сбираешъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровищи изъ моря
Тащишь повергнушь ей къ спопамъ;
Иной съ чудовищами споря,
Прешипъ касаешься симъ мѣспамъ,
Другой на козлы сѣвъ проворно,
Со вспрѣчными бранишься вздорно,
Раздашься въ спороны велишь,
Возжами гордо шевелишь,
Отъ камней далѣ пупъ свой правишь,
И дерзоспныхъ чудовищъ давишь.
Иной съ презубчашымъ жезломъ,
На Кипѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаешъ взоры спроги,
И чшобы всякъ шо вѣдашь могъ,
Въ коральной громко шрубишь рогъ;

Ч а с ш ь II.

22

Другой изъ краевъ самыхъ дальнихъ,
 Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
 Несетъ опломокъ горъ хрустальныхъ
 Намѣсто зеркала предъ ней.
 Сей видъ пріятность обновляетъ
 И радость на ея челѣ.
 О есплибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
 Осался вѣчно въ хрусталь!
 Но тщетно то Трипонъ желаетъ:
 Исчезнетъ сей призракъ, какъ сонъ,
 Останется одинъ лишь камень,
 А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
 Которымъ впунѣ плѣшетъ онъ.
 Иной приспавъ къ богинѣ въ свиту,
 Опъ солнца ставитъ ей защиту,
 И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
 Пуская къ верху водный ключъ.
 Сирены, сладкія пѣвицы,
 Межъ тѣмъ поютъ спихи ей въ честьъ,
 Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
 Ее спараясь превознесъ.
 Иныи передъ нею пляшутъ,
 Другія во услугахъ шумъ,
 Предупреждая всякой прудъ,
 Богиню опахаломъ машутъ.
 Другіяжъ, на спруяхъ несясь,
 Пышашъ въ прудахъ по почтѣ скорой,
 И опъ луговъ любимыхъ Флорой,
 Подносятъ ей цвѣточну вязъ.
 Сама (Фешида ихъ послала
 Для малыхъ и большихъ услугъ,
 И полько для себя желала,

Чѣпобъ дома былъ ея супругъ.
 Въ благопріятнѣйшей погодѣ
 Не смѣютъ бури шамъ приспашъ,
 Однѣ Зефиры лишъ въ свободѣ
 Венеру смѣютъ лобызашъ.
 Чудеснымъ дѣиспвіемъ въ по время,
 Какъ въ вѣяніи пшенично сѣмя,
 Лепяшъ обратно бѣглецы,
 Зефиры, древни наглецы:
 Иной власы ея взвѣваешъ,
 Межъ тѣмъ, опкрывъ прелестну грудь,
 Переспашешъ на время душъ,
 Власы съ досадою опускаешъ,
 И съ ними спупавшисъ лепишъ.
 Другой, невѣдомымъ языкомъ,
 Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
 Любовь ей на ухо свиспишъ.
 Иной пыталъсь безъ надежды
 Сорвашъ покровъ другихъ красощъ,
 Въ сердцахъ вершишъ ея одежды,
 И падаешъ безъ силъ средъ водъ.
 Другой въ успа и въ очи дуешъ,
 И ихъ украдкою цѣлуешъ.
 Гоняшъ за нею волны шамъ,
 Толкаютъ въ ревности другъ друга,
 Чѣпобъ, вырвавшисъ скорѣй изъ круга,
 Смиренно пасшъ къ ея ногамъ *).

*) По какимъ образцамъ Богдановичъ написалъ стихи сіи, ко-
 шорымъ во всѣхъ Французскихъ сего рода стихахъ едва
 найдемъ ли мы подобный образецъ, и кошорыхъ Сафа и
 Анакреонъ не постыдились бы признашъ своими? Языкъ
 нашъ ко всякому роду писанія способенъ, надлежитъ шом-
 мо сдѣлашъ себя способнымъ писашъ на ономъ. Переспаш-

Имѣя у себя весьма недоспашочную библиотеку Рускихъ книгъ, а припомъ и опасаясь сіе мое письмо чрезмѣрно увеличивъ, прерываю я здѣсь выписки мои изъ такихъ писателей и переводчиковъ, копорые хорошимъ слогомъ своимъ обогащаютъ нашу словесность. Мы найдемъ ихъ довольно, когда спанемъ ихъ искашь. Впрочемъ хопя бы число превосходныхъ сочиненій на языкѣ нашемъ и не было шакъ велико, какъ на другихъ языкахъ; по конечно сіе не ошъ шого происходишь, что языкъ нашъ невычищенъ, или не ошкуда намъ почерпашъ; но ошъ шого, что мы въ чужомъ языкѣ свой языкъ узнашь хопимъ. Я видалъ называющихъ себя любителями Россійской словесности такихъ писателей, копорые, зная почти всего Расина и Волпера наизусть, едва ли удостоили когда прочишашъ нѣкошорыя оды Ломоносова, и по безъ всякаго вниманія. Мудрено ли, что съ таковымъ расположеніемъ, принимаясь пишашъ по Руски, находимъ мы языкъ свой бѣднымъ и недоспашочнымъ къ выра-

немъ жаловашся на скудость его и недоспашокъ образцовъ, возлюбимъ его, начнемъ упражняшь въ немъ, бросимъ чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и спанемъ повыл мысли свои выражашъ шариннымъ предковъ нашихъ складомъ: шогда появляшь у насъ много подобныхъ симъ стихомъ, шогда любители чишашъ произведуть любителей пишашъ, и шогда неуступимъ мы никому въ словесности.

женію нашихъ мыслей? Мудрено ли, будучи больше Французами, нежели Рускими, не умѣшь намъ писать по Руски? Однакожь не взирая на сіе важное обстоятельство, претяпшующее прозябанъ шаланшамъ, имѣемъ мы довольное число хорошихъ стихотворцевъ и писателей, копорымъ послѣдовать можемъ. Ишакъ, кто любишь пѣшь съ пріятностію, пошь будешь слушанъ и примѣняшь къ голосу настоящихъ соловьевъ, а не шѣхъ чижиговъ, копорые, примѣшивая къ пѣснопѣнію своему какое-то спранные чирканье, увѣряюшь насъ, что такъ поюшь соловьи въ чужихъ краяхъ. Я вѣрю этому, но въ своемъ лѣсу пріятны мнѣ свои соловьи, къ голосу копорыхъ и слухъ и разумъ мой привыкъ.

Я предоставляю сіе мое письмо въ полную вашу волю; вы можете сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вамъ угодно. Пребываю съ истиннымъ почтваніемъ вашъ, гдсударя моего, покорный слуга Безъимяновъ.

П И С Ь М О II.

Государь мой!

Я читалъ разсужденіе ваше о старомъ и новомъ слоgбѣ. Какую спранныость взяли вы себѣ за предметъ? Видно, что вы чело-вѣкъ безъ всякаго вкуса. Какъ можно хва-лишь грубое и порочишь шонкое? Заспав-лять насъ идши по слѣдамъ предковъ на-шихъ съ бородами, и хотѣшь, чшобъ про-свѣщенныя націи не имѣли никакова надъ нами вліянія? Знаете ли вы, что вы вздоръ говорите, и что на сценѣ прекрасныхъ буквъ (*belles lettres*) никто не сочтешъ васъ прекраснымъ духомъ (*belle esprit?*) Вы эщакъ вахотише насъ обушь въ онучи и одѣшь въ зипуны! Вы смѣшны! Вы безъ всякой моди-фикаціи глупой господинъ! Вы не имѣете никакой моральности; мысли ваши, какъ у молодова робенка, совсѣмъ не развишы; васъ надобно снова воспиташъ. Какая идея за-щищашъ *аще и бѣше!* Ха, ха, ха! Вы бы еще побольше привели примѣровъ изъ Про-логовъ и часовниковъ! Ха, ха, ха! Эшо право хорошей образчикъ вашего ума! Ха, ха, ха! Я сроду моего не видывалъ эщакъ рассу-ждашь! Ха, ха, ха! Впрочемъ вы напрасно го-ворите, что нынѣшніе писатели, въ числѣ которыхъ и я имѣю чesъть вамъ кланяшся,

не читаюшь никогда Рускихъ книгъ: я самъ перелистывалъ, шо есть фельюшировалъ Ломоноса и перебѣгалъ или паркурировалъ Сумарока *), чшобъ имѣшь объ нихъ идею. Оба они весьма посредственныя писатели. Я еще меньше аванпажнаго былъ объ нихъ мнѣнія, когда ихъ читалъ; но послѣ, читая Левека, узналъ, что одинъ изъ нихъ хорошо писалъ оды, а другой басни; да и шо я думаю, что Левекъ имъ пофлашировалъ, или сказалъ эшо объ нихъ въ шакомъ смыслѣ, что они на нашемъ польско языкѣ изрядно писали, а на Французскомъ ничего бы не значили. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ случилось на Французскомъ языкѣ читать письмо Ломоноса къ Шувалу, о пользѣ стекла; оно изрядно, польско въ немъ никакого опшмѣннаго элегансу нѣтъ. Эпакихъ писателей у нихъ тысячи. Недавно случилось мнѣ бышь въ Сосіетѣ съ нашими чынѣшними ушонченнаго

*) Вы небось спанеше кришиковать, для чего я не написалъ *Ломоносова, Сумаролова* и съ обыкновенною своею грубо-стію скажете, что я не по Руски пишу? Такъ ли сударь? По вашему я эшо худо дѣлаю. Пожалуйте спрячте на-смѣшливую минку свою въ карманъ. Я побольше васъ знаю вкусу въ Литературѣ. Вы можете бышь и не слыживали, что просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ авшоровъ, Волшеръ, когда бывало писывалъ къ Шувалову, шо никогда не называлъ его *Шуваловъ*, а всегда *Шувало*, сказывал, что Руской слогъ *овъ*, равно какъ и Турецкое слово *Фетфа*, пахнушь варваршвомъ, склавшвомъ, и досаждаюшь деликашнымъ его ушамъ. Ну сударь, смѣйшесь шеперь. Кому изъ васъ больше вѣришь, вамъ или Волшеру?

вкуса авторами; они резонировали о Ломоносовѣ, что онъ въ стихахъ совсѣмъ не гений, и что въ прозѣ его нѣтъ ни элегансу, ни гармоніи, для того, что онъ писалъ все длинными періодами. Эпа критика очень справедливая и спонкая. Въ самомъ дѣлѣ, когда всѣ носятъ короткіе кафтаны, то не смѣшонъ ли будетъ тотъ, кто выдетъ на сцену въ длинномъ кафтанѣ? Также случилось мнѣ опъ подобнаго вамъ вкусу людей слышать, что они, поперявши на эпомъ предметѣ умъ, будшо Руской языкъ богатъ и ко всякому соршу писаній удобенъ, приводили въ примѣръ какое-то описаніе соловья изъ Ломоноса. — Поспайте! у меня изъ большой доставшейся мнѣ по наслѣдству Руской библіотеки, осталась одна только завалившаяся гдѣ-то его Риторика: я ипо мѣсто выпишу вамъ изъ ней, коли оно невыдрано. Вотъ оно: *Коль великаго удивленія сіе достойно! Въ толь маленькомъ горлышкѣ нѣжной птицы толикое напряженіе и сила голоса! Ибо когда вызванъ теплотою вешняго дня взлетаетъ на вѣтвь высокаго дерева, внезапно то голосъ безъ отдыху напрягаетъ, то разлитно перебираетъ, то ударяетъ съ отрывомъ, то крутитъ къ верху и къ низу, то вдругъ пріятную лѣсъ произноситъ, и между сильнымъ возвышеніемъ урчитъ нѣжно, свиститъ, щелкаетъ, поводитъ, хрилитъ,*

дробитъ, стонетъ, утожленно, стремительно, густо, тонко, рѣзко, туло, гладко, кудряво, жалко, порывно. Какъ можно эшу галимашію хвалишь? Къ чему весь эшопъ вербіяжъ? Переведите его изъ слова въ слово на Французской языкъ, вы увидите, какой вздоръ выдешъ, и тогда вы узнаете, что вашъ господинъ Ломоносо никуда негодится. Правда, нынѣшніе писатели начинаютъ вводить въ Руской языкъ, но все далеко еще опъ Французкаго. Напримѣръ: весь эшопъ коршежъ словъ, надъ кошорымъ бѣдной Ломоносо сполько пошѣлъ, не пришелъ бы никому изъ нихъ въ голову; они шужъ самую идею изъяснили бы двумя или тремя словами: какъ занимательно поетъ Филомела: сколько въ голосѣ ея трогательныхъ оттѣнокъ и варіацій! Ну не лучше ли эшо всего сборища глупыхъ вербовъ его: ургитъ, свиститъ, щелкаетъ, поводитъ, хрилитъ, дробитъ, стонетъ, и прочее? Одно слово оттѣнки всѣхъ ихъ замѣняетъ. Драгоценное слово, изобрѣшенное самимъ Геніемъ, шы ко всему пригодно! Оттѣнки моего сердца, оттѣнки моего ума, оттѣнки моей памяти, и даже можно сказать: оттѣнки моей жены, оттѣнки моего табаку. Оно шакъ замысловашо, что кажешся ничего не значить; однако сколько подъ нимъ предметовъ вообразить себѣ можно! Также на эшихъ дняхъ попа-

лась мнѣ какимъ-то образомъ въ руки Русская книга. Я развернулъ ее и прочиталъ въ заглавіи: *Трудолюбивая Пчела, печатана въ 1759 году*. Я захопѣлъ было ее бросить, зная, что въ это время писали безъ вкуса и набивали слогъ свой Славеньщиною. Однако я былъ въ хорошемъ нравѣ, и захопѣло: я мнѣ посмѣялся надъ писателями того періода. Ишакъ я началъ эту книгу перелистывать. Во первыхъ заглавіе ея мнѣ не полюбилось: я никогда не слыхивалъ, чшобъ на Французкомъ языкѣ была какая нибудь книга, которая бы называлась: *abeille laborieuse*. Во вторыхъ попалась мнѣ басня господина Сумарока, названная *Старикъ, сынъ его и оселъ*. Туть нашелъ я:

Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,

И говорилъ: конечно братъ ты шумень,

Или безумень;

Самъ ѣдешь ты верхомъ,

А мальчика съ собой волочишь ты пѣшкомъ.

Мужикъ съ осла спустился,

А мальчикъ на осла и шакъ и сякъ,

Не знаю какъ,

Вскарабкался, взмопсился.

Прохожій встрѣпившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,

И говорилъ: на глупость это схоже;

Мальчишка помоложе;

Такъ лучше онъ бы шелъ, когдабъ ты былъ умень,

А ты бы ѣхалъ старой хренъ!

Мужикъ осла еще навьюпилъ,

И на него себя и съ бородою взрюшилъ,

А парень таки шамъ (и проч.)

Какъ можно это шерпѣшь? *Шуменъ, века-
рабкался, взмогилъ, навьютилъ, взрютилъ,
парень, старой хренъ*: все это такія экспрес-
сіи, кошорыя шолько что грубымъ ушамъ
сносны; но въ такомъ человекѣ, кошораго
уши привыкли къ ушонченному вкусу, про-
изводящъ онѣ такое въ мозговыхъ фибрахъ
содроганіе, кошорое, еообщаясь чершамъ
лица, физическимъ образомъ разрушаетъ
природную его гармонію, и коснувшись об-
ластей чувствительнаго, рисуешъ на немъ
гримасъ презрѣнія. Въ другой книгѣ, сочи-
ненія шогожъ Авшора, случилось мнѣ ви-
дѣшь, что онъ также, какъ Буало, вздумалъ
учишь людей наукѣ стихошворшва. Тамъ
между прочими наставленіями, какъ сочи-
няшь пѣсни, ешь у него стихи:

Не дѣлай изъ богинь красавицѣ примѣра,

И въ спраспи не вспѣвай: проспи моя Венера!

Хошь всѣхъ собрашь богинь, себя прекраснѣйшъ;

Скажи прощаяся: проспи шеперь мой свѣтъ!

Вошь какіе назидательные у насъ въ пред-
метѣ повѣзи наставники! Это называется
разсуждашь по Руски? Будшо *моя Венера*
хуже, нежели *мой свѣтъ*? Французы про-
щаяся съ красавицами весьма часто гово-

ряпъ : *adieu ma belle Venus!* Это очень элеганъ. Напрошивъ того они бы хохотать начали, ежели бы у нихъ кто сказалъ : *adieu ma lumiere!* Французы побольше насъ имбюшь въ эпомъ вкусу, такъ имъ и подражать должно. Послѣ того перелисывалъ я еще шу книгу, о которой прежде говорилъ, и нашелъ въ ней тогожъ Автора эклоги : мнѣ хотѣлось посмотрѣть, имѣлъ ли онъ въ любовной нѣжности какую нибудь тонкость; однако нѣтъ, и эпова я въ немъ не вижу. Напримѣръ, какъ бы вы подумали? Онъ описываетъ сходбище паспуховъ почно съ шакою же важностію, какъ будто бы онъ описывалъ *la societe' du beau monde*, и думаетъ эшимъ ипересовать. Вотъ его стихи :

И нѣкогда какъ день уже склонялся къ ноци,
 Гуляли паспухи въ срединѣ красной рощи,
 Котору съ трехъ сторонъ лугъ чистый украшалъ,
 Съ чепвертой хладный покъ лѣся орошалъ.
 Паспушки сладкія тушь пѣсни воспѣвали,
 Туть нимфы, крояся въ водахъ, ихъ гласъ внимали,
 Сапиры изъ лѣсовъ съ верховъ высокихъ горъ,
 Прельщаяся на нихъ мешали въ роцу взоръ,
 Пріятный пѣсень гласъ по рощамъ раздавался,
 И эхомъ разносимъ въ долинахъ повторялся.
 Всѣхъ лучше голосовъ Филисинъ голосъ былъ,
 Или влюбившійся въ нее паспухъ такъ мнилъ.
 По многихъ ихъ играхъ сокрылось солнце въ воды,
 И темность принесла съ собой покой природы.
 Ошходящъ къ шалашамъ ошполѣ паспухи,

Препровождаютъ ихъ въ лугахъ цвѣтновъ духи,
 Съ благоуханіемъ ихъ липы сокъ мѣшали,
 И сладостью весны весь воздухъ наполняли.
 Одинъ пасхухъ идетъ влюбившись съ мыслью сей,
 Что близко видѣлся съ возлюбленной своей,
 И опъ нее имѣлъ въ потъ день пріятство ново;
 Другой любовное къ себѣ услышалъ слово:
 Тотъ полонъ радости цвѣтокъ съ собой несетъ,
 Пріавъ изъ рукъ шоя, въ комъ духъ его живетъ,
 И порученный сей подарокъ съ нѣжнымъ взглядомъ,
 Начавшейся любви хранишь себѣ закладомъ.
 Иной размолвившись съ любезной передъ симъ,
 Что опреклась она поцѣловаться съ нимъ,
 Гуляя въ вечеру съ любезной помирился,
 И удовольсь шѣмъ, за что онъ осердился;
 Ликуеть, что оплъ пріязнь возобновилъ.
 Ипакъ изъ роци всякъ съ покоемъ опходилъ (и пр.)

Можно ли все это насказать о пасхухахъ и паспушкахъ? Развѣ это *des gens comme il faut*? — Въ другомъ мѣстѣ паспушка его, изъявляя любовнику своему поску, которую она безъ него ощущала, говоритъ:
 Испючники сіи помясь тогда плескали,
 И на берегахъ своихъ шебя не обрѣпали.
 По рощамъ, по лугамъ бродила я спеня,
 Ничто ужъ не могло увеселяшь меня.
 Я часто муравы журчащей эпой рѣчки
 Кропила покомъ слезъ. А васъ, мои овечки,
 Когда вы бѣгали вокругъ меня бля,
 Трепещущей рукой не гладила ужъ я.

Какія простыя идеи! По лугамъ бродить,
 оветку гладить! Естльи шупъ что нибудь

такое, которое бы было *ingenieux*, *elegant*, *sublime*? Такъ ли нынѣшніе наши писатели, которые формировали вкусъ свой по Французскому образу мыслей, пишушь и объясняюща? Прочитайше: изъ жалости къ грубому вашему пониманію, и въ надеждѣ, что вы еще можете исправиться, посылаю я къ вамъ элегію, которую сочинилъ одинъ изъ моихъ пріятелей. Вы увидите какой шпиль, какая гармонія, какой выборъ словъ, и какая тонкость мыслей и выраженій въ ней господствуетъ! Если же вы сего не почувствуете, если эфирное эпо пламя не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на симпатію души вашей; то надобно васъ оставить безъ вниманія, какъ такова человека, котораго грубоопредѣляя понятія неизлѣчимы.

Э Л Е Г І Я.

(Читатель предувѣдомляешся, что сочиненіе сіе писано нынѣшнимъ просвѣщеннымъ слогомъ, въ которомъ сохраненъ весь Французскій элегансъ; а напрошивъ того вся варварская Славянщина и весь старинный предковъ нашихъ слогъ ногами погранъ).

Потребностей моихъ единственнѣйшій предметъ!
 Красотъ швоей души моральной, милой свѣтъ,
 Всю физику мою приводишь въ содраганье:
 Какое на меня ты дѣлаешь вліянье!
 Упощенный швой вкусъ съ любезностью смѣсясь,

Межь мною и шобой улучшивающъ связь.
 Когдабъ шы въ Лондонѣ, въ Парижѣ, или въ Вѣнѣ,
 Съ швоими грасами явилася на сценѣ,
 Сосредоточилабъ шы мысли всѣхъ умовъ,
 Возобладала бы гармоніей духовъ,
 И въ опношеніи всѣхъ чувствъ и ослзаній,
 Была бы цѣлюю всѣхъ шайныхъ воздыханій.
 Ково и приведу съ шобою въ паралель:
 Венеру? Юлію? Ахъ нѣшъ! Vous etes plus belle *)!
 Ты занимапельна, какъ милая богиня,
 И аромапна шакъ, какъ ананась, иль дыня.
 Сколь разумъ швой развипъ, сколь шрогашельна шы,
 О помъ я ни одной не проведу чершы.
 Своею магіей, своими шы словами,
 Какъ будшо щепками, всѣхъ двигаешъ душами,
 И къ разговорамъ шы когда опкроешь ротъ,
 Въ сердцахъ безчувственныхъ шворишь переворощъ;
 Холодной человѣкъ шебѣ дашъ попчасъ цѣну,
 Дѣяшельность его получишь перемѣну;
 Онъ меланхоліей своей явипъ примѣръ,
 Какой ему дала шы нѣжной харакшеръ.
 Хопябъ онъ грубоспью похожъ былъ на медвѣдя,
 Тобою размягченъ, спрасшь пламенну увѣдя,
 Усовершенствовавъ своихъ всѣхъ мыслей спрой,
 Со вкусомъ, съ шонкою хорошихъ словъ игрой,
 Любовные шебѣ начнешъ онъ спроипъ куры;
 Чего не могъ надъ нимъ эфорб самой натуры,
 Чшобъ посмоптрѣлся онъ когда нибудъ въ шрюмо,
 Чшобъ вырвалось когда изъ успъ его бонмо,
 Чшобъ у него когда идеи были гибки,

*) Эшова уже я не могъ выразишь по Руски. Всего адругъ
 сдѣлашь не лзя: пошребно время, даби дзмяк привесши
 въ совершенство.

То сдѣлаешь ты все *a force* пвоей улыбки.
 Кто можетъ всѣ пвои паланпы очерпиль,
 И всѣ оппѣнки ихъ перомъ изобразишь?
 Какъ волосы пвои волнистыя сѣюптъ,
 Между ресницами амуры какъ играюптъ,
 Какъ извивается дуга пвоихъ бровей,
 Какъ въ горлышко пвое закрался соловей,
 Какъ живо на губахъ алѣюптъ розъ листочки,
 Какъ пухло дуюптся пурпуровыи щочки!
 Взглянувши на шебя, или на пвой порпшептъ,
 Кто мнѣнья моего своимъ не подопрешъ?
 Кого магнипное словцо пвое коснешся.
 Тотъ опъ движенія какъ можетъ уцѣлѣпться *)?
 Чью грудь не соблазниптъ Эмаль прекрасна лба?
 Самъ камень, на шебя взглянувъ, сказалъ бы: ба!
 Кто не найдетъ въ шебѣ той хипронѣжной минки,
 Къ кошорой льнуптъ сердца, какъ къ папакѣ пылинки?
 На дышущихъ пвоихъ амброзіей успахъ,
 Ктобъ свой не захопѣлъ послѣдній сдѣлать ахъ!

Прощайте, государь мой, остаюсь вашъ
 покорный слуга — я не подписываю никогда
 своего имени. Впрочемъ вы можете письмо
 сіе напечатать, еспли не поспыдишесь
 того, что я демонспраціями моими шакъ
 васъ шеррасировалъ.

*) Старинные писатели скажущъ, что эпо не по Русам, и что
 должно говорить: *уцѣлѣть*, а не *уцѣлѣться*. Они всякую
 новую идею называющъ не Рускою. Такъ-таки, не Руская!
 Невѣжи! вы ничего не знаете: это называешся *esprit createur*.

К О Н Е Ц Ъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ СОЧИНЕНІЮ, НАЗЫВАЕМОМУ

РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ
СЛОГЪ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА,

И Л И

СОБРАНІЕ КРИТИКЪ,
ИЗДАНЫХЪ НА СІЮ КНИГУ,

съ примѣчаніями на оныя.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Я бы не ошвѣщивовалъ на изданнныя въ журналахъ Сѣверномъ Вѣстникѣ, а особливо Московскомъ Меркуріѣ, прошивъ книги моея паче злонамѣренныя брани, нежели основанныя на пользѣ словесности сужденія, естлибъ не надѣялся въ ошвѣщахъ моихъ на оныя присовокупить еще нѣчто къ прежнимъ разсужденіямъ моимъ о старомъ и новомъ слогѣ нашего языка. Желаніе бытъ полезнымъ, а не побужденіе оскорбленнаго самолюбія, кошорое подобными возраженіями, скорѣе шщеслависься нежели оскорбляясь можешъ, естъ причиною изданія сей книги.

ПРИМѢЧАНІЯ

на письмо

ДЕРЕВЕНСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Въ новоиздающемся журналѣ подъ названіемъ *Сѣвернаго Вѣстника*, на страницѣ 17, подъ заглавіемъ *Словесность*, напечатано нижеслѣдующее письмо :

КАДОМЪ 30 Ноября 1803.

Письмо отъ неизвѣстнаго.

Милостивые государи!

Извините деревенскаго жителя, копорой упруждаешъ васъ своею прозьбою помѣспить письмо сіе въ вашемъ журналѣ *). — Нѣ-

*) Если письмо сіе дѣйствительно пристано отъ неизвѣстнаго къ издателямъ сего журнала, и если журналъ сей издаешся для пользы словесности, какъ-то всѣ журналы о себѣ говорящъ, то кѣже сія господамъ издателямъ онаго надлежало бы сказать о немъ что нибудь одобришельное. Ибо безъ сего всякъ справедливо заключашъ будешъ, что или сами они письмо сіе сочинили, или когда помѣспили его въ своихъ сочиненіяхъ и ничего о немъ не говорящъ, то слѣдовашельно находящъ содержащіяся въ немъ примѣчанія дѣльными и достойными занимащъ мѣсто въ ихъ журналѣ. Читашель по прочтеніи сихъ примѣчаній моихъ на оное лучше меня усмотритъ какаго роду сіе письмо, шакаго ли, чтообъ приноситъ пользу, или чтообъ шолько наполнящъ листки.

сколько лѣтъ уже какъ оставилъ я шумную столицу и живу въ тихомъ уединеніи, провождаю лѣтнее и осеннее время съ земледѣльцами, а зимнее въ кабинетѣ передъ каминомъ съ умершими и живыми писателями. Библіотека моя состоитъ, не только изъ иностранныхъ отборныхъ, но и изъ Русскихъ книгъ; ибо люблю смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія. Корреспонденцы мои немедленно присылаюшь ко мнѣ изъ обѣихъ столицъ всякую книгу, выходящую на свѣтъ. На дняхъ получилъ я отъ нихъ:

Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка, напечатанное въ С. П. Б. въ Императорской Типографіи 1803 года.

(Здѣсь надлежитъ предъувѣдомитъ читателя, что продолженіе сего письма, дабы напечатаніе онаго не повѣоряшь два раза, раздѣлено на части, изъ которыхъ послѣ каждой слѣдуетъ примѣчаніе на оную. Читая по порядку сіи раздробленія или части выдепѣ цѣлое письмо безъ всякаго исключенія).

Письмо. Сочинитель хочеть, кажется, обратишь насъ къ древнему нашему нарѣчію.

Примѣчаніе. Господинъ деревенскій житель! Когда кто хочеть судитъ чью книгу, то кажется необходимо должно ему напередъ прочитать ее и понять. Вы же, какъ видно, мою или не читали, или худо поняли. Разогните ее, вы вездѣ найдете въ ней подобныя сему разсужденія: *простой, средний*

и даже высокой слогу Россійской конечно не долженъ быть тогнй Славенскій, однако же сей есть истинное основаніе его, безъ котораго онъ не можетъ быть ни силенъ, ни важенъ *) (спран. 65). И въ другомъ мѣстѣ: „мнѣніе, что Славенскій языкъ разлитенъ съ Россійскимъ, и что нынѣ слогу сей нецѣлостителенъ, не можетъ случити къ олроверженію моихъ доводовъ: я не то утверждаю, что должно писатъ тогн Славенскимъ слогу, но говорю, что Славенскій языкъ есть корень и основаніе Россійскаго языка; онъ сообщаетъ ему богатство, разумъ, силу, красоту. Итакъ въ немъ удражняеться и изъ него лотсрплатъ должно искусство краснорѣчія, а не изъ Бонетовъ, Волтеровъ, Юнговъ, Толсоновъ, и другихъ иностранныхъ соитинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ тердятъ, и читаютъ у нихъ. Рускому на бредъ лохожему языку, съ гордостію чѣзряютъ, что нынѣ олразцется тогн лрїятность нашего слога.“ (спр. 81). Вездѣ, говорю, найдете вы въ книгѣ моей подобныя сему разсужденія, сопровождаемыя примѣрами, изъ которыхъ одними показываю я нелѣпой слогу, въ какой по незнанію языка своего заводитъ насъ невѣжеспвенное подражаніе чужимъ языкамъ; а другими олкрываю богатство, силу и красоту собспвеннаго языка своего, къ спыду нашему олспавляемаго и пренебрегаемаго нами. Итакъ еспь ли бы вы хотя съ малѣйшимъ вниманіемъ прочитали меня, по могли ли бы сказать: соитинитель, хотите, кажется, обратитъ насъ къ Древнему нарѣчію?

*) Въ самомъ дѣлѣ, еспь ли Славенскій языкъ олдѣлится олтъ Россійскаго, по изъ чего же сей послѣдній состоятъ будешъ? Развѣ изъ однихъ Ташарскихъ словъ, какъ - то: лошадь, кушакъ, калпакъ, сарай, и проч.; да изъ площадныхъ и низкихъ, какъ - то: калкать, тегенитъся, тохлитъся, и пому подобныхъ; да изъ чужеспранныхъ, какъ то: еармонія, элоквенція, серіозно, авантажно, и проч.? Влодлинну, удаляясь олтъ Славенскаго языка, краснорѣчіе наше будешъ безподобное!

Государь мой! показывать красоты природнаго языка своего и обращаться къ источникамъ оного, не есть обращаться къ неупотребительному нарѣчію. Конечно худой и не искусный писатель столько же обезобразитъ слоги свой Славенскими не къ спашъ употребленными выраженіями, сколько и Французскими фразами; но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣшую писать худо, да только худо не по Французски, а по Славенски? Вы говорите, вамъ кажется это; но винованъ ли я, когда я говорю по, а вамъ кажется иное?

Пис. Не жалѣя о прудѣ, который столько лѣтъ прилагали наши новѣйшіе писатели къ очищенію своего языка.

Примѣт. Кто такіе сіи новѣйшіе писатели, и какой прудъ прилагали они къ очищенію языка своего? Я въ книгѣ моей почти всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ привелъ въ примѣръ, и ссылаясь на слоги ихъ доказывалъ, что они почерпали его изъ книгъ Славенскихъ, а не изъ чужестранныхъ сочинителей, у которыхъ многіе нынѣшніе писатели наши, по незнанію собственнаго языка своего, заимствуютъ чуждые намъ обороты рѣчей. Ипакъ о какихъ же вы новѣйшихъ писателяхъ говорите, и для чего не поспурились показать намъ примѣры, въ чемъ состоятъ сіе очищеніе языка?

Пис. Признаюсь, мнѣ весьма странно показалось желаніе его, чтобы мы бросили читать книги на нынѣшнемъ Рускомъ и другихъ языкахъ, принялись бы за старину, и начали объяснять мысли свои на языкѣ Славенскомъ.

Прил. Подобное сему несправедливое укореніе я уже не опѣ перваго васѣ слышу: нѣкто въ письмѣ своемѣ, наполненномѣ таковыми же неоспоримыми истинами, какѣ и ваше, говоритѣ мнѣ *). Я читалъ разсужденіе ваше о старомѣ и новомѣ слоѣ. Какую странность взяли вы себѣ за предметъ? Видно, что вы человекѣ безъ всякаго вкуса. Какъ можно хвалить грубое и порогать тонкое? заставлятъ насъ и эти послѣдствія прѣдковѣ нашихъ съ бородами, и хотѣтъ, чтобъ просвѣщенныя націи не имѣли никакова надѣ нами вліянія? Знаете ли вы, что вы вздоръ говорите, и что на сценѣ прекрасныхъ буквѣ никто не сочтетъ васъ прекраснымѣ духомѣ? Вы такъ захотите насъ обучить въ онучи и одѣтъ въ зипуны! вы смѣшны! вы безъ всякой модификаціи глупой господинѣ! и проч.“ Нѣтъ, государи мои! напрасно одинѣ изѣ васѣ думаетѣ, будто я хочу обучить всѣхѣ въ онучи и одѣтъ въ зипуны; а другой будто я не велю читать ни своихѣ, ни иностранныхѣ книгѣ. Со всемѣ не похоже на это! Я въ книгѣ моей, какѣ и выше уже сказалѣ, многихѣ хорошихѣ писателей нашихѣ привожу въ примѣръ, и указуя на нихѣ говорю: вотѣ чистой Руской слоѣ, въ которомѣ нѣтъ чужестраннаго состава рѣчей. Будто сіи слова мои значатѣ: не считайте на языкѣ нашемѣ Рускомѣ языкѣ книгѣ? Опинюда нѣтъ. Онѣ значатѣ: слитые сей лучшихѣ писателей нашихѣ слоѣ съ языкѣмъ, недавно появившимся, но скоро, на подобіе саранси расплодившимся, Руско-Французскимѣ слоѣмъ, и познайте нелѣпость и бредъ всего послѣдствія. Въ разсужденіи же чужестранной словесности, я самѣ нѣкоторые языки знаю, и многихѣ писателей на нихѣ съ великимѣ услажденіемѣ читаю; но говорилѣ и говорю всегда, что всякой Россіянинѣ долженѣ опечесство свое и опечесственный языкѣ свой любить и знать гораздо больше,

*) Читатель можешь видѣть письмо сіе при концѣ моей книги.

нежели какуюбѣ по ни было чужую-землю и чужой языкѣ: по ли это, что я запрещаю чипать иноспранныя книги? Государи мои! вы обвиняете меня такими мыслями, какихѣ у меня въ головѣ никогда не бывало. Этакѣ вамѣ не мудрено сдѣлать меня невѣждою, когда вы, не понявъ меня, собственныя ваши мысли мнѣ приписывать будете.

Пис. Какѣ безприсраспный человекѣ скажу, что сочинитель справедливо вооружается прошивъ чрезвычайной привязанности нѣкопорыхъ молодыхъ нашихъ писателей къ Французскимъ словамъ и оборотамъ. Неопытность и мода наводнили книги наши безчисленными иноспранными выраженіями.

Прим. Вы сами это и чувствуете и не чувствуете, хвалите меня и браните. Недавно сказали вы, что сидя въ кабинетѣ за Рускими книгами любите смотрѣть на постепенное возвышеніе нашего просвѣщенія. — Разумѣется въ словесности; ибо рѣчь идетѣ у насѣ о языкѣ, а не о наукахѣ или художествыхъ. — Теперь говорите, что книги наши наводнены безчисленными иностранными выраженіями. Какимѣ же образомѣ согласи-те сіе постепенное возвышеніе съ симѣ великимъ наводненіемъ? Я думаю въ сихъ словахъ мало будетѣ смысла, когда кто скажетѣ: я люблю смотрѣть на густоту сего сада, изрытаго кротами и поросшаго терновникомъ и крапивою.

Пис. Таковая, можно сказать, дерзость достойна самой строгой крѣпости. Но строгость худой имѣетѣ успѣхъ, если основательность не составляетѣ ея подпоры, кошорой — не къ огорченію автора скажу — не нашелъ я во многихъ мѣстахъ.

Прим. И я не къ огорченію вашему, но для пользы словесности и къ оправданію моему, (хотя противъ подобныхъ возраженій и не имѣю никакой нужды оправдываться), изъ собственныхъ примѣчаній вашихъ доказываю, что вы во многихъ мѣстахъ, можетъ быть поверхностно книгу мою прочитавъ, весьма худо ее поняли. Я бы отъ чистаго сердца былъ вамъ благодаренъ, естлибъ вы вподлинну показали мнѣ мои погрѣшности; но малость замѣчаній вашихъ на нѣкопорыя мѣста моей книжки, какъ вы ее называете, и въ самой малости совершенный въ истинахъ недостатокъ, препятствуютъ мнѣ съ должною благодарностію наставленія ваши принять и воспользоваться оными.

Пис. Безсмыдно было бы думать, что я не ошибаюсь; по крайней мѣрѣ всякъ властенъ судить о такихъ предметахъ какъ хочешь. По сей самой свободѣ помѣщаю здѣсь на нѣкопорыя мѣста сей книжки мои замѣчанія, съ шаковыми же побужденіями, какія имѣлъ сочинитель, то есть, чтобы было сколько нибудь полезнымъ для любителей Россійской словесности.

Прим. Судить книги хорошо и полезно для словесности; но надобно то, что судить, прочитавъ со вниманіемъ, и то, что оговариваешь, оговаривать съ разсудкомъ. А безъ того больше принесешь словесности вреда, чѣмъ пользы; ибо умножишь число худыхъ сочиненій.

Пис. Авторъ говоритъ на стр. 2: „кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка сво-

его, начали вновь созидать оный на скудном основаніи Французскаго языка?“— Признаюсь, что сія мысль показалась мнѣ новою. Я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія, которыхъ ни мало не оскорбили бы нашихъ гражданъ, если бы они жили въ наши времена, и что къ сему принуждаются они упонченіемъ понышій нынѣшнихъ просвѣщенныхъ народовъ и недостаткомъ на нашемъ языкѣ словъ къ выраженію оныхъ.

Прим. Здѣсь, съ позволенія вашего сказать, я со всемъ васъ не понимаю. Подъ словами: созидать языкъ свой на скудном основаніи Французскаго языка, разумѣю я, какъ и вездѣ въ книгѣ моей полкую: не имѣть достаточнаго сѣденія въ природномъ языкѣ своемъ, и по незнанію силы собственныхъ словъ своихъ, вводитъ въ него чужестранныя слова, или еще хуже, по подобію чужихъ словъ и выраженій, безразсудно кропать новыя не свойственныя намъ имена и глаголы, необходимыми образомъ вовлекающіе насъ въ то, что мы и всѣ рѣчи свои должны уже располагать по составу рѣчей чужихъ языковъ: слѣдовательно принимая чужое — неплѣлое и скудное, оставляютъ свое богатое и сильное. Загляните въ книгу мою, вникните хотя нѣсколько въ нее, и скажите, то ли я говорю, или нѣтъ? Чтожъ значить возраженіе ваше: я всегда думалъ, что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и даже выраженія, и проч.? Сами вы признались прежде, что книги наши наводнены чужезычіемъ,

котораго не токмо прадѣды наши, но и мы, современники, разумѣть не можемъ. Какъ же теперь и предкамъ нашимъ не велише оскорбляясь, и писателей нашихъ, заимствующихъ слова и выражения съ чужихъ языковъ, называете лучшими? Я въ книгѣ моей, хотя не всѣхъ, однако многихъ привелъ изъ нихъ въ примѣръ, доказывая изъ сочиненій и переводовъ ихъ совсемъ прошивное мнѣнію вашему, то есть, что въ слогѣ ихъ опнудъ нѣтъ сего безобразнаго заимствованія. Для чего же и вы изъ вашихъ писателей не привели доказывающихъ мнѣніе ваше примѣровъ? Для чего не объяснили, въ чемъ состоятъ сіи *утомленныя лопатки*, о которыхъ вы упоминаете? Для чего не показали недоспѣвка въ языкѣ нашемъ словъ къ выраженію оныхъ? Мнѣ кажется, когда вы принялись о томъ говорить, такъ надлежало бы уже и ясно это вывести. Или вы придержались пословицъ: *легче сказать, труднее доказать*? Государь мой! заимствовать мысли изъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей весьма хорошо; идти во слѣдъ Гомеру и Виргилію, то есть силу краснорѣчія ихъ соблюдать на своемъ языкѣ, сколько прудно, столько и похвально; никто прошивъ сего спорить не будетъ; но заимствовать изъ нихъ однѣ токмо слова и выраженія, не смотря на то, свойственны ли онѣ языку нашему или нѣтъ, сколько легко, столько же и худо, попому что сила словъ и выражений ихъ не составляетъ силы словъ и выражений нашихъ. Вы щепотно будете прошивное сему утверждать: никто вамъ въ томъ не повѣритъ.

Пис. Стран. 4. „Ежели Француское слово *élegance* перевесшь по Руски *телуха*“ — благородный вкусъ! — далѣе: „по можно сказать, что мы дѣйствительно и въ крашкое

время слогу свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова! — Удивительное полновѣсіе! сколько элѣгансу вижу я въ сихъ словахъ: погрузили полную силу и при томъ всю — это весьма счастливо выражаетъ мысль авшора.

Прим. Вижу, что господинъ деревенской жипель восклицаніями своими: *благородной вкусъ! удивительное полновѣсіе!* хочетъ сказать мнѣ что-то бранное; но не понимаю ни-ра-чума сихъ словъ, ниже того, за что онъ меня бранитъ. Съ мнѣніемъ моимъ, что худые писатели часто французскимъ словомъ *élégance* называютъ такой слогъ, который приличнѣе назвать вздоромъ и глупою, можно не согласиться; но приписывать ему благородство или неблагородство вкуса, съ позволенія сказать, есть нѣкое невразумительное пустословіе. И что еще спраніе: господинъ деревенскій жипель не давно самъ соглашался со мною въ наводненіи языка нашего чужезычіемъ, распространяемымъ подъ именемъ элѣганса, и теперь бранитъ меня за то, для чего я это говорю! находитъ въ словахъ моихъ какое-то полновѣсіе, и въ рѣчи моей: *то можно сказать, что мы действительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова*, не знаю для чего не нравился ему выраженіе: *погрузить всю полную силу!* — Охотно бы желалъ я воспользоваться его наспавленіями, еслибы оныя сколько нибудь были понятны.

Пис. Спран. 8. „Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ, есть единствен-

ный пупъ, ведущій насъ во храмъ словесности.“ — По этому книги на природномъ языкѣ насъ направляютъ и въ шѣхъ часяхъ словесности, для которыхъ и въ еще у насъ никакихъ образцовъ?

Прим. Могли ли бы вы сдѣлать мнѣ сей вопросъ, когда бы книгу мою со вниманіемъ прочитали? Вы приводите здѣсь рѣчь мою, начинающуюся словами: *кратко сказать*. Самое сіе начало рѣчи моей показываетъ уже, что она естъ заключеніе изъ предвидущихъ разсужденій моихъ. Какъ же вы, не упоминая ничего о предвидущемъ, дѣлаете вопросъ на послѣдующее? Что могу я вамъ отвѣчать на оной, какъ не то: прочитайте предвидущее? Когда вы пропивно мнѣ мыслите, такъ надлежало бы вамъ разсужденія мои своими разсужденіями опровергнуть, а не о томъ вопросъ мнѣ дѣлать, на что я давно уже отвѣчалъ; поелику ~~ездѣ~~ въ книгѣ моей говорю и полкую, что изъ чтенія иностранныхъ книгъ, не читая никогда своихъ (помните! не читая никогда своихъ), не можемъ мы ни въ какомъ родѣ писанія на собственномъ языкѣ своемъ прославиться. Мы можемъ изъ Гомера, Виргилія, Расина, Мильсона, и другихъ иностранныхъ писателей, заимствовать мысли, почерпнуть правила, обогатить понятія наши; но можемъ ли научиться изъ нихъ краткости и плавности слога, свойственному намъ составу рѣчей, силѣ выражений, приличному употребленію словъ? Положимъ, что вы долговременно упражнясь въ чтеніи великихъ иностранныхъ писателей, приобрѣли всѣ нужныя въ словесности познанія; но можете ли вы показать ихъ на языкѣ своемъ, когда худо его знаете? Если бы самъ краснорѣчивый пворецъ Танкреда и Заиры былъ

когда нибудь въ Россіи, и выучась нѣсколько языку нашему захотѣлъ бы разговаривать съ нами на ономъ, можетъ быть мы услышали бы отъ него: *мой сеvodня былъ на Руска спектакель и видѣлъ ирать мой Магометь*. Инакъ не странно ли, не чудно ли думать и утверждать, что для отличенія себя въ Рускомъ слогѣ, надлежитъ не въ языкѣ своемъ упражняться, но смотрѣть на какіе-то образцы иносанных писателей? Сперва надлежитъ написать и обогатить умъ свой знаніемъ языка своего, и потомъ уже примѣняться къ тому, что вы называете *образцами*. Руской обыкновенной порпной можетъ по образцу Францускаго порпнова сшить почно такой кафпанъ; но Руской обыкновенной стихотворецъ не можетъ по образцу Францускаго стихотворца сочинить почно такую же поэму. Инакъ, государь мой, я не взирая на вопросъ вашъ говорю и утверждаю, что *теніе книгъ на природноль языкѣ есть единственный путь ведущій насъ во храмъ словесности*.

Пис. Кажется словесность взята здѣсь нѣсколько въ шѣснѣйшемъ смыслѣ, нежели какъ надобно. Стран. 8: „Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія.“ — Развращать людей можно, а языкъ никакъ не лзя; дурные писатели порпятъ его.

Прил. Ежели развращать людей можно, какъ вы сами утверждаете, то для оправданія моего предъ вами остается мнѣ только попросить васъ, чтобъ вы, когда впредь случится вамъ слова мои толковать, пожаловали получше въ нихъ вразумлялись. *Для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія — кого? шѣхъ, о которыхъ я выше говорилъ: слѣдовательно людей, а не языка. Безсомнѣнія можно въ книгѣ*

моей наипи погрѣшности, но не такимъ образомъ, какъ вы ихъ ищете.

Пис. Тамъже: „Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормщика, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе Французскихъ книгъ, дабы чиспопу нравовъ своихъ въ семь преисполненномъ опасностію морѣ не прешкнушь о камень.“ — Это правда; молодому человѣку вездѣ нуженъ пупеводитель. Но по чему въ чтеніи однихъ Французскихъ книгъ?

Прим. Какъ? вамъ и это надобно располовать? По тому, что Французской языкъ еспѣ общій и болѣе всѣхъ у насъ употребительный. По тому, что мы почищаемъ себя худо воспитанными, когда не умѣемъ на немъ болтать. По тому, что изо спа нашихъ молодыхъ дворянъ чепыре или пясть человѣкъ разумѣютъ нѣскольпо по Англински, по Испаліянски, или по Нѣмецки; а семьдесять или восемьдесять человѣкъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ Французскихъ, не читаютъ. Наконецъ по тому, что нигдѣ столько нѣтъ ложныхъ, соблазнительныхъ, суемудрыхъ, вредныхъ и заразительныхъ умствованій, какъ во Французскихъ книгахъ.

Пис. Книга прошивная нравспвенности равно опасна какъ на Французскомъ, такъ и на всѣхъ языкахъ.

Прим. Какую вы премудрость сказали! Но книга прошивная нравспвенности на Кипайскомъ или Халдейскомъ языкѣ много ли въ Россіи развратитъ нравовъ?

Ч а с л ь II.

24

Пис. У Французовъ естѣ вредныя и соблазнительныя книги; но естѣ онѣ и у Англичанъ, у Нѣмцовъ и другихъ народовъ. — Я уже не стану раздроблять красотою выраженія: *гистоту нравовъ преткнуть о камень.*

Прим. Корабль, идущій по морю, весьма можетѣ преткаться о камень. Ипакѣ по общимъ правиламъ и понятіямъ, кажется ни въ рѣчи сей, ни въ употребленіи семъ, нѣтъ ничего спрашнаго. Естѣли же по какимъ нибудь особливымъ, вамъ однимъ извѣстнымъ, правиламъ и понятіямъ, находите вы сіе выраженіе худымъ, по жаль, что вы сего особеннаго мнѣнія своего не объяснили.

Пис. Спраш. 14. „Вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнутыми изъ источниковъ онаго красотою, *растлѣваемъ* его не свойственными ему чужеспранными рѣчами и выраженіями.“ — *Растлѣвать* языкъ также можно, какъ и *развращать* оный.

Примѣт. Въ книгѣ моей (см. первое изданіе *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*), приложенъ маленькой опытъ Словаря, гдѣ между прочими словами и слово *растлѣть* исполковано, въ какихъ смыслахъ оно употребляется. Ипакѣ естѣли бы господинъ деревенской жишель прочипалъ меня и понялъ, такъ бы онѣ и увидѣлъ на какомъ правилѣ основываясь употребилъ я здѣсь глаголъ *растлѣвать*.

Пис. Спраш. 15. Сочинитель, въ доказательствѣ, какъ Ломоносовъ умѣлъ въ высококомъ слогѣ помѣщать низкія мысли и слова, не унижая ими слога и сохраняя всю важность

онаго, приводишь въ примѣръ сѣдующіе стихи изъ его поэмы ПЕТРЪ Великій:

„Текущу видя кровь рыкающѣ: *любо! любо!*
„Пронзеннаго поднявъ гласѣшѣ сіе сугубо.

И стран. 16.

„О коль велико въ немѣ движеніе сердечно!
„Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и *жаль*,
„И для погибели удалыхъ главъ печаль.

Я имѣю уваженіе къ великому нашему лирику; но признаюсь, никогда не думалъ, чтобы сіи стихи были слишкомъ хороши: они всегда казались мнѣ слишкомъ посредственны и я не узнавалъ въ нихъ Ломоносова.

Прим. Здѣсь вы опять, не вразумясь хорошенько въ мысль мою, дѣлаете мнѣ возраженіе не на то, о чемъ я говорилъ, но на то, о чемъ я ни слова не сказалъ. Кипо прочищаеишѣ сіе примѣчаніе ваше, пошѣ подумаеишѣ, что я вышепомянутые приведенные вами здѣсь изъ Ломоносова стихи выдаю за самое превосходнѣйшее ума его произведеніе. Ничего не бывало! Я говорю только, что помѣщенныя въ нихъ мысли и слова, паковыя какъ *рыкать, рыцать, тащить за волосы, поднѣтъ, удалая голова*, и проч., умѣль оиѣ употреблять въ высокомѣ слогѣ, не унижая ими онаго *). Виноватѣ ли

*) Дѣйствительно главная разность между великими и малыми писателями состоишѣ въ томъ, что первые изъ нихъ самыя простыя слова и выраженія умѣюшѣ такъ прилично употребляшѣ, что возвышаюшѣ и украшаюшѣ ими рѣчь свою; другіе напротивъ того не приличнымъ помѣщеніемъ высокыхъ и великолѣпныхъ словъ опшмаюшѣ у нихъ всю важность и обезображиваюшѣ ими слогъ свой. Часто одинъ писатель шѣмъ самымъ словомъ восхва-

я въ томъ, что вы одну вещь принимаете за другую? Говорить о приличности помѣщенія словъ, не есть разсуждать о красотѣ стиховъ; ибо легко случиться можетъ, что стихи сами по себѣ не хороши, а нѣкоторыя слова употреблены въ нихъ счастливо и пристойно. Ипакъ естли вы не согласны со мною, по надлежало бы вамъ опровергать вышепомянутое мнѣніе мое, а не въ томъ дѣлать мнѣ возраженіе, о чемъ вы еще и мыслей

пишъ насъ, кошорымъ другой размѣшитъ. Одно глубокое знаніе языка своего можетъ, такъ сказать, уму нашему дать глаза видѣть и различать сіе. Нѣгдѣ случилось мнѣ прочиташъ касающееся до сего весьма справедливое примѣчаніе на слѣдующіе Корнилевы стихи въ шрагедіи его, называемой Ошонъ. Дѣйствъ. I. Явл. I.

O t h o n.

Je les voyois tous trois se hâter sous un maître
 Qui chargé d'un long âge a peu de tems à l'être;
 Et tous trois à l'envie s'empresser ardemment
 à qui dévorerait ce règne d'un moment.

Вольтеръ въ примѣчаніяхъ своихъ на сіи стихи говоритъ:

Corneille n'a jamais fait quatre vers plus forts, plus pleines, plus sublimes. La beauté de ce vers:

à qui dévorerait ce règne d'un moment,

Consiste dans cette métaphore rapide du mot *dévoré*. Tout autre terme eût été faible: c'est là un de ces mots que Despréaux apellait *trouvés*. Racine est plein de ces expressions, dont il a enrichi la langue. Mais qu'arrive-t-il? Bientôt ces termes neufs et originaux, employés par les écrivains les plus médiocres, perdent leur premier éclat qui les distinguait; ils deviennent familiers; alors les hommes de génie sont obligés de chercher d'autres expressions, qui souvent ne sont pas si heureuses. C'est ce qui produit le stile forcé et sauvage dont nous sommes inondés. Il en est à-peu-près comme des modes: on invente pour une Princesse une parure nouvelle, toutes les femmes l'adoptent; on veut ensuite renchérir, et on invente du bizarre plutôt que de l'agréable.

моихъ не знаете. Впрочемъ, хотя я въ книгѣ моей и не входилъ въ разсужденіе о красотѣ сихъ стиховъ, однакожъ весьма далека отъ того, чтобы находить ихъ по вашему *слишкомъ* не хорошими, или *слишкомъ* посредственными. Вы говорите, что не узнаете въ нихъ Ломоносова: никто не снимаетъ съ васъ въ томъ воли; на это есть у насъ Русская пословица: *свой чумъ царь въ голову*.

Пис. Слово *жаль* никто, думаю, не почтешъ иначе какъ за нарѣчіе, которое частью употребляется за безличный глаголъ; а шутя употреблено оно вмѣсто существительнаго имени: *жалость, сожалѣніе*, и вставлено, какъ видно, для рифмы.

Прим. Можетъ быть, что безличный глаголъ или слово *жаль*, употребленное въ семъ стихѣ вмѣсто существительнаго имени *жалость* или *сожалѣніе*, по подобію слова *легалъ* или *болъ*, есть, буде не совершенная погрѣшность, то по крайней мѣрѣ стихотворческая вольность; но во первыхъ, таковая въ одномъ стихѣ вольность, весьма впрочемъ удобопонятная и вразумительная, отнюдь не заимѣваетъ смысла другихъ сопряженныхъ съ нимъ стиховъ. Во вторыхъ, когда употребилъ оную Ломоносовъ, котораго стихотворенія не раздражаемы и безсмертны, то да позволено мнѣ будетъ въ знаніи языка больше повѣрить ему, нежели господину деревенскому жителю, котораго пруды, кромѣ сего состоящаго изъ примѣчаній на мою книгу письма, нѣсколько уступающаго письму Ломоносова о пользѣ стекла, мнѣ совсѣмъ неизвѣстны.

Пис. Впрочемъ храбрыхъ, мужественныхъ воиновъ, я не смѣлъ бы назвать *удалыми*.

Слово удамый означаетъ у насъ буяна, повѣсу, и значило ли когда нибудь другое что либо, сомнѣваюсь.

Прим. Слово *удалый* пакѣ различно съ словами *буйный* и *повѣса*, какѣ день съ ночью. Самое коренное знаменованіе онаго ясно по показывающѣмъ: оно происходитъ отъ глагола *удастся*, и заключающѣмъ въ себѣ мысль: *одинъ удался изъ многихъ*, то есть: оплично смѣлый, предприимчивый, храбрый. Сіе понятіе весьма далеко отъ того, которое заключается въ словѣ *буйный*, происходящемъ отъ одного корня съ словами *буйность*, *буйство*, и проч. Прочитайше старую пѣсню:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владимира,
У солнышка Свяшославича,
Было пиrowаніе почешное,
Почешное и похвальное,
Про князей и про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую.

По вашему толкованію о словѣ *удалый* выдетъ, что Владимиръ угощаль споломъ своимъ буйновъ и повѣсѣ. Ипакѣ, господинъ деревенскій жипель, естли знаменованія многихъ Рускихъ, а особливо славенскихъ словъ, не болѣе вамъ извѣстны, какѣ знаменованіе сего слова, то вы безсомнѣнія благо-разумно сдѣлаете, когда смѣлосъ свою въ употребленіи оныхъ соразмѣрять будете силамъ своимъ и знанію въ языкѣ. Опважностъ тогда токмо бывающѣмъ благоуспѣшна, когда сопровождается искусствомъ. Не всякаго живописца кисть удивитъ насъ тѣми смѣлыми чертами, копорымъ удивляемъ ся мы въ Рафаиловой кисти.

Пис. Сверхъ того вообще низкія слова не принадлежатъ къ эпопеи; онѣ унижаютъ важность и достоинство оной.

Прим. Благодарю за поученіе! Но гдѣ вы въ книгѣ моей нашли, что я совѣтую съ *эллоси* употреблять низкія слова? Долго ли мнѣ будетъ поспорять, что вы оговаривая книгу мою почерпаете изъ ней мысли, какихъ въ ней нѣтъ? Я думаю излишно было бы толковать, что низкое слово, помѣщенное прилично, не есть уже тамъ низкое, иначе не было бы оно прилично помѣщено.

Пис. Спран. 21. „Таковъ Ломоносовъ въ стихахъ; таковъже онъ въ переводахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли разумъ его и глубокое знаніе; покажемъ теперь примѣръ оспорожности и наблюденія ясности въ рѣчахъ. Въ подражаніи своемъ Анакреону говоришь онъ о Купидонѣ:

„Онъ чуть лишь ободрился,
„Каковъ - то, молвилъ, лукъ;
„Въ дождѣ тать повредился,
„И съ словомъ спрѣлнлъ вдругъ.

„Потребно сильной въ языкѣ имѣть навыкъ, дабы чувствоватъ самамалѣйшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога, или сдѣлать его двусмысленнымъ и недовольно яснымъ. Въ проспорѣчии обыкновенно вмѣсто *таятъ* должно, говоряшь сокращенно: *тай*. Ломоносовъ шопчасъ почувствовалъ, что выдешъ изъ сего двусмысліе

глагола *тай* съ именемъ *тай*, по еспь, Кипайской правы, копорую мы по ушрамъ пьемъ, и для шого сокращая глаголь *таять* поставилъ *татъ*."

Доказательство не скажу слабое, а смѣшное! и не умбющій чипашъ пойметъ пошчасъ по смыслу пѣсни, что шупъ не означается напшпокъ; а знающій Ишторію знаетъ также, что во время Анакреона, чаю не шолько еще не пивали, но онъ былъ и не извѣстенъ; слѣдственно въ дождѣ ему повредиться никакъ не лзя было.

При.п. Господинъ деревенской жшпель! я говорю о чшпшбъ языка, о правилахъ сочиненія и о томъ, что должно избѣгать двусмыслія въ словахъ. Нарочно для сего взялъ я изъ Ломоносова такой примѣръ, въ которомъ бы маловажность шпшшшворческой вольности наименѣ чувствшпельна была, для показанія, съ какою шщательностшю, даже и въ самыхъ малыхъ вещахъ наблюдалъ онъ силу и несомншпельность смысла. Вамъ показалось это смѣшно, и вы въ доказательство, что *двусмысленной шпшхъ не двусмысленъ*, приводшше нѣкую исторшческую, спранную, и ушовашельно вамъ самшмъ худо извѣстную вещь, пивали ль во времена Анакреоновы чай или нѣшъ. Какъ? ежели бы кто сказалъ: *Демосенъ говоритъ, мой этотъ калпакъ*, и я бы спалъ ушверждашъ, что рѣчь эша двусмысленна, по еспь неизлѣспно, *пршсвоашъ ли себѣ Демосенъ эшшшбъ калпакъ*, или велшпъ его *мышь*; а вы бы для рѣшенія, двусмысленна ли рѣчь сія или нѣшъ, велѣли мнѣ справляться по исторшямъ, были ли въ Демосеново время калпаки, и шакіе ли, кошорые можно было *мышь*! Пре-

красное и совсѣмъ новое для словесныхъ наукъ правило! Подлинно я смѣшонъ послѣ эпова!

Пис. Больше думать можно, что Ломоносовъ занялъ сіе слово отъ прослоудиновъ, по крайней мѣрѣ въ инокшорыхъ мѣстахъ, употребляли оное.

Спран. 22. „Подобная сему осмощельность показываетъ, съ какимъ тщаніемъ старался онъ (Ломоносовъ) наблюдать ясность и чистоту слога.“ А мнѣ кажется, что поставивъ *татъ* вмѣсто *тай*, онъ зашмилъ смыслъ, потому что частичку *татъ* не многіе теперь понимаютъ и она всякаго ошанавливаетъ.

Прим. Частичка *татъ*, почно также какъ и глаголь *тай*, въ просторѣчїи и нынѣ употребляется. Впрочемъ я единожды навсегда скажу, что дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими показать, что я сполькоже силенъ въ немъ, какъ и онъ былъ, иначе сбудется пословица: *лицы курицы чгать*.

Пис. — Къ тому же мысль Автора, что Ломоносовъ всегда старался избѣгать двусмыслія, не всегда оное доказываетъ.

Прим. Сїи слова я худо понимаю. Мысль моя и не хотѣла того доказывать, а привелъ я изъ него одинъ примѣръ, для показанія съ какимъ раченіемъ старался онъ наблюдать въ слогѣ чистоту и ясность; прудъ, онъ котораго по видимому вы себя часто освобождаете.

Пис. На прим. на 19 спран. Авторъ приводишь слѣдующіе стихи :

- „Ошь всѣхъ къ шебѣ проспершы взоры,
 „Тобой всѣхъ полны разговоры,
 „Къ шебѣ всѣхъ мысль, къ шебѣ всѣхъ шрудь,
 „Дипл родиешихъ вопрошаешъ:
 „*Не тая ли на насъ взираешъ,*
 „Что матерію всѣ зовушь?“

Еспыли авторъ выше сего ушверждаешъ, что Ломоносовъ пошчасъ почувспвовалъ двусмысліе въ часпишкѣ *тай*, шо для чего онъ не почувспвовалъ погоже и въ сихъ стихахъ? ибо *не тая ли* можно приняшь за причасіе глагола *таять*.

Прим. Какъ ни убѣдигеленъ исторической вѣнѣ примѣрѣ, что во времена Анакреоновы не пивали чаю, однакожъ не взирая на сію великую истину никакъ не можно оприцать, чтобъ въ стихѣ: *въ дождѣ тай повредилъ*, не было двусмыслія. Худо ли, хорошо ли сдѣлалъ Ломоносовъ, но шакже и сего опровергнушь не лъзя, что онъ двусмысліе сіе чувспвовалъ, и для того глаголъ *тай*, дабы кто не принялъ онаго за имя *тай*, или по крайней мѣрѣ не обвинилъ бы его за малое о ясности смысла попеченіе, замѣнилъ часпицею *гать*. Теперь остаешся разсмопрѣшь, для чего по мнѣнію вашему, не почувспвовалъ онъ погожѣ двусмыслія въ стихѣ: *не тая ли на насъ взираешъ*. Хотя обязанность моя въ помѣ единспвенно состояла, чтобъ показать читателю примѣрѣ, какимъ образомъ шщательной стихотворецъ или писатель снараенся соблюдать ясность и чистоту слога, а не въ помѣ, чтобъ защищать Ломоносова, ко-

порому защищеніе мое сполькоже мало принесѣ пользы, сколько нападеніе ваше вреда; но если бы и по можно было поставити мнѣ въ вину, для чего не замѣшилъ я каждаго слова въ стихахъ Ломоносова, по и шущѣ мудроно мнѣ было укорити его въ нечувствованіи двусмыслія тамъ, гдѣ и самъ я, не только при первомъ чтеніи сего стиха, но даже и теперь, когда усремляю все мое на по вниманіе, не чувствую и не нахожу онаго по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ славенское мѣстоименіе *та* не можно принять здѣсь за причастіе глагола *таить* по шому, что когда возмемъ мы одно изъ нихъ за другое, по въ словахъ сихъ: *та* или *таивши на кого взирати*, не будещъ никакова смысла. Во вторыхъ, естли бы и можно было, оставя ясное и простое понятіе, заключающееся въ семъ стихѣ, вывести изъ него какую нибудь чрезвычайно напѣнушую мысль, по и тогда по грамматическому составу рѣчей, не доставало бы полнаго смысла въ сей рѣчи: *не та ли (по ест не таючи ли) на насъ взираеть, то матерію всѣ зовутъ?* Чегожъ бы не доставало въ оной? Мѣстоименія, котораго болѣе уже нѣтъ въ ней, поелику оное взято за причастіе. Слѣдовательно для дополненія смысла надлежало бы сіе мѣстоименіе прибавити и сказать: *не та ли (по ест не таючи ли) на насъ взираеть та* (по ест та), *то матерію всѣ зовутъ.* Ипакъ сколько надобно мучити себя, дабы найти какую нибудь препрудную, не складную мысль въ томъ, что само по себѣ такъ вразумительно и ясно. Може ли сіе назваться двусмысліемъ, и въ одинакихъ ли сей стихъ обстоятельствовахъ съ вышеупоминаемымъ стихомъ: *съ дождѣмъ таи побредился*, гдѣ хотя по смыслу и можно догадаться, что слово *таи* значитъ глаголъ, а не имя Кишайской правы, однакожъ безъ употребленія на по особливаго вниманія

легко при первомъ воображеніи можно принять одно за другое? Двусмыслія бывають двоякаго рода: однѣ такія, въ которыхъ совсѣмъ не возможно добратъся, что онѣ значатъ; онія свойственны однимъ токмо оракуламъ, и такимъ писателямъ, которые подобно имъ пишутъ. Въ другихъ хотя и можно угадать настоящую мысль, однакожъ съ нѣкоторымъ, смотря по темнотѣ ихъ, большимъ или меньшимъ напряженіемъ ума. Не брегущіе о ясности слога писатели часто впадаютъ въ первыя изъ нихъ, а въ послѣднія еще и того чаще; рачительные же напротивъ того никогда не обезображиваютъ слога своего первыми, и даже онѣ послѣднихъ спараются какъ возможно избѣгать. Впрочемъ и самаго величайшаго писателя умъ въ словесности не больше можетъ дѣлать, какъ солнце въ освѣщеніи мѣсяцъ: оно разливаешь свѣтъ свой повсюду, и не можетъ быть виновато, когда одному зрѣнію тамъ свѣтло, гдѣ другому темно кажется.

Пис. Утверждая что нибудь, надобно быть увѣрену въ справедливости доказательства и оспоружу въ выборѣ примѣровъ.

Прим. Государь мой! какъ вы щедры на поученія другимъ: раздаете ихъ распотчиительною рукою, не оспаляя ничего для сея самихъ!

Пис. Стран. 23. Авторъ примѣчаетъ, что наши писатели изъ Рускихъ словъ спараются дѣлать не Рускіе. Я согласенъ, что у насъ есть такіе писатели; но чтобы со временемъ стали писать вмѣсто: настоящее время *настоящность*, вмѣсто времени прошедшаго *прошедшность*; вмѣсто человѣ-

ческое жилище по подобію съ голубяшнюю, *теловѣтня*; вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ шбляшиною, *березятина*, *дубовятина* и проч., это невѣрояшно.

Прим. Господинѣ деревенскій житель принимаетъ и выдаетъ меня здѣсь за предсказывающаго съ важностію пророка: я смѣлся надъ словами *будущность*, *насмотренность*, *трогательность*, и пому подобными, говорю, что худые писатели, кропя такимъ образомъ чудесныя и неслыханныя слова, наконецъ дойдутъ до того, что спанутъ писать *теловѣтня*, *дубовятина*, и проч.; а онѣ принимаетъ шутку мою за важное увѣреніе!

Пис. Стр. 24). „Францускія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Руской языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ помѣже смыслѣ изъ Француской лихерашуры въ Россійскую словесность, какъ будшо изъ ихъ службы офицеровъ шбмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохранятъ пошъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. На прим: *influanse* переводятъ *вліяніе*, и не смотря на шо, что глаголь *вливать* пребуешъ предлога *въ*, располагаютъ ново-выдуманное слово сіе по Француской грамматикѣ, спавя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утоптаннй*, *сосредотогить*, *прогательно*, *занимательно*, и множесшво другихъ.“

Я согласенъ съ Авторомъ, что слово *вліяніе* употребляется у насъ не съ настоящимъ предлогомъ; но не могу согласиться съ нимъ, чтобы *influence* можно было перевести *наитіемъ*, *наитствованіемъ*. — Славенское *наитіе* означаетъ боже *нашествіе*, нежели *вліяніе*. *Наитіе Св. Духа*, хорошо; но *наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *имѣть вліяніе на дѣла*.

Прим. Въ сей рѣчи: *но наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *имѣть вліяніе на дѣла*, пропущенъ союзъ *тѣмъ*, которой даетъ ей совсѣмъ иной разумъ. Если бы сказано было: *но наитствовать на дѣла*, не знаю лучше ли *чѣмъ имѣть вліяніе на дѣла*, тогда бы смыслъ былъ ясенъ. Но я подобныхъ мѣстъ не замѣчаю; ибо гдѣ весь домъ поспроенъ косо и криво, шамъ кривизну одной спупеньки у крыльца примѣчать не должно. Ипакъ спанемъ говорить о другомъ. Господинъ деревенской жипель согласенъ со мною, что слово *вліяніе* употребляется у насъ не съ настоящимъ предлогомъ? слѣдовательно употребленіе составляемой симъ образомъ рѣчи осуждаетъ или отрицаетъ. Потомъ потчасъ послѣ сего говоритъ, что лучше сказать: *вліяніе на дѣла*, нежели *наитствованіе на дѣла*. Слѣдовательно употребленіе тойже самой рѣчи одобряетъ или утверждаетъ. Отрицаніе и утверженіе могутъ ли быть вмѣстѣ? Я говорю о словѣ *наитіе* или *наитствованіе*, что оно въ священныхъ книгахъ часто въ томъже самомъ смыслѣ употребляется, въ какомъ Французы употребляютъ слово свое *influence*, и въ доказательство тому привожу слѣдующіе изъ молитвъ примѣры: *сохрани душу мою отъ наитствованія страстей*; и въ другомъ

мѣстѣ : *наластей ты прилоги отклоняши, я страстей находи, Дѣво.* Говорю, что сіе понятіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ : *на него дурь находятъ*, такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безуміе имѣсть вліяніе на его разумъ.* Далѣе привожу еще примѣръ изъ Теофана, копорой похваляя правосудное ПЕТРА Великаго правленіе говоримъ : *кто нынѣ немощенъ и ѹбогъ сый трепещеть сильныхъ крѣпости, или богатыхъ наважденія?* Показываю, что похѣ самое слово и въ просторѣчіи употребляется, ибо мы говоримъ : *дьявольское наважденіе.* Изъ всѣхъ сихъ примѣровъ утверждаю (и кажется кто разумѣетъ Руской языкъ, похѣ согласился со мною), что слова : *наитствованіе, находъ, наважденіе,* здѣсь, въ приведенныхъ мною примѣрахъ, похѣ самое понятіе означаютъ, какое Французы изображаютъ словомъ *influence.* Подобнымъ образомъ, полкуя знаменованіе глагола *прозывать,* изъ многихъ примѣровъ показалъ я, что оный употреблялся у насъ почно въ такомъ разумѣ, въ какомъ Французы употребляютъ глаголь свой *développer,* копорой переводимъ мы нынѣ новымъ словомъ *развитіе.* Къ чему привелъ я всѣ сіи примѣры? Къ тому, чтохѣ показать, что мы не читая книгъ своихъ, и слѣдовательно не вникая въ знаменованія словъ, напрасно жалуемся на недоспапокъ оныхъ, или лучше сказать, недоспапокъ знанія своего въ языкъ называемъ недоспапкомъ языка, и опѣ сего часто бываетъ, что мы вмѣсто изображенія мыслей своихъ коренными словами, по невѣденію о нихъ, считаемъ за необходимую нужду кропать съ Французскаго и вводить въ языкъ свой новыя безобразныя слова, копорыя по неволѣ принуждаютъ уже насъ и всѣ рѣченія наши располагать не по свойству нашего, но по свойству ихъ языка. Въ книгѣ моей читатель найдетъ тысячу пому

примѣровъ и доказательствъ. Но чтожь мнѣ дѣлать, когда меня не понимаютъ, и думаютъ, что довольно меня опровергнувъ, когда скажу: *наитіе больше знатитъ нашество, нежели вліяніе*. Да кто противъ этого споритъ? Господинъ деревенской житель, прочитайте со вниманіемъ приведенные выше сего мною примѣры, такъ вы и увидите, что слову *influence* индѣ соопвѣтсвуетъ въ нихъ слово наитствование, какъ по: *сохрани душу мою отъ наитствованія страстей (de l'influence de passions)*; индѣ нашество или находъ, какъ по: *на него дурь находить, или: налостей ты приложи отгоняши, и страстей нахоло, Дѣво*; индѣ наважденіе, какъ то можно видѣть въ примѣрѣ изъ Теофана и въ проснонародномъ рѣченіи: *дьявольское наважденіе*. Ипакъ я не о помъ говорю, что слово *influence* должно вездѣ и непрѣнно переводить словомъ наитствование, а не словомъ вліяніе; но о помъ, что сіе послѣднее слово, неизвѣстное намъ прежде, перевели мы точно по разуму Французскаго слова *influence*, а не попому, чпобъ вподинну не доспавало у насъ словъ къ изображенію сего понятія, и что переведя оное съ Французскаго принуждены мы уже теперь по неволѣ, по есть силою обычая, употреблять его, по образу соснава Французскихъ рѣчей, съ несвойственнымъ намъ предлогомъ на *).

*) Можно сказать: *вліяніе, стегеніе въ дѣла; наліяніе, наитіе на дѣла*, но говоритъ *вліяніе на дѣла* несходно ни съ разумомъ ни съ граммашикою. Слова *наліяніе* и *наитствованіе* или *нашество*, взяшыя въ иносказательномъ смыслѣ, одинакое или почти одинакое изображаютъ понятіе; ибо *наліяніе* почерпается ошъ подобія съ попомомъ ошъ воды, а *наитствованіе* ошъ подобія съ набѣгомъ ошъ непріятелей. Оба сіи приключенія одинакое раждають въ умѣ нашемъ понятіе, по есть: *наливаешься, нашекашь, наитствовашь, нашествовашь*.

Подобнымъ образомъ и другія, переводимыя съ Французскаго слова, заводящъ насъ въ шаковыя же нелѣпости, и опчасу болѣе удаляющъ отъ знанія собственнаго и природнаго языка своего. Вотъ о чемъ я въ книгѣ моей пространно говорилъ, толковалъ, и теперь говорю и толкую. Какъ же господинъ деревенской жипель, принимаясь судить ее, ни малѣйше въ нее не вникнулъ, и вмѣсто опроверженія мыслей моихъ своими равносильными доводами, наславляетъ только меня въ знаменованіи пѣхъ словъ, которыхъ знаменованіе могъ онъ видѣть въ приведенныхъ мною примѣрахъ? Такимъ образомъ не судящъ чужихъ сочиненій. Этомъ способъ весьма легокъ. Надлежало бы ему надъ доводами и разсужденіями своими нѣсколько болѣе попридуриться, потому что я надъ моими долго сидѣлъ и думалъ. Со мною случилось, что въ одномъ мѣстѣ, читая при мнѣ книгу мою, нѣкоторыя изъ присутствовавшихъ спали говорить: для чего не употребляютъ *вляніе на*? И когда я просилъ ихъ прочиташъ напередъ прописанныя въ книгѣ моей доказательства, и при томъ присовокупилъ еще, что ни въ комъ изъ лучшихъ нашихъ писателей не найдемъ мы сего несвойственнаго намъ выраженія, и также нигдѣ не сыщемъ другаго подобнаго состава рѣчи, гдѣ бы глаголъ, соединенный съ предлогомъ *въ*, принималъ къ себѣ частицу *на*, какъ на примѣрѣ мы не говоримъ: *влить вино на бутку, вложить івоздъ на дырц, впрячь лошадь на коляску*, и проч., тогда нѣкто изъ нихъ сказалъ: *а ло мнѣ сто хощешъ говори, я все таки буду писать вляніе на разумы*. На подобныя сему доказательства какой лучшей можно сдѣлать отвѣтъ, какъ не пошъ, которой нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ сдѣлалъ одному нѣкоторой секты философу, начавшему доказывать ему, что въ мірѣ нѣтъ движенія. Мудрецъ, въ доказательство, что *сть движеніе*, не

давъ ему докончить рѣчи опворопилса опѣ него и пошелъ прочь.

Пис. Не знаю по чему не нравяшся Авшору слова : *развитіе, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно, хотя онѣ не носяшъ на себѣ иностраннаго мундира.*

Прим. Кажется бы господину деревенскому жителю надлежало здѣсь опровергнуть меня, а не говорить : *не знаю по чему не нравяшся Авшору сїи слова.* — Не лзя не знать, еспли онѣ книгу мою читалъ : я въ ней вездѣ обѣ эпомѣ полкую. Онѣ говоритъ, *то слова сїи не носятъ на себѣ иностраннаго мундира.* Напротивѣ : для того - то онѣ и не нравяшся мнѣ, что носятъ на себѣ иностранной мундиръ (я бы не употребилъ сего выраженія, еспли бы не долженѣ былъ повторяшъ чужія слова), или лучше сказашъ, не мундирѣ, но сброй кафтанѣ сб лацканами и обшлагами. Это еще хуже настоящаго иностраннаго плашья.

Пис. Для чего не сказашъ *развитіе ума, утонченный вкусъ, сосредоточить мысли, трогательная повѣсть, занимательная книга?*

Прим. Какимъ образомъ могу я отвѣчать вамъ на эпомѣ ващѣ вопросѣ? Когда изѣ всѣхъ моихъ доказательствъ и разсужденій, изѣ всѣхъ приведенныхъ въ книгѣ моей примѣровъ, не почувствовали вы спранности слога, въ какой заводяшъ насъ сїи самыя слова, по какимъ образомъ двумя спроками могу я располковать здѣсь то, чего я чепырьмя спами спраницѣ располковать вамъ не могѣ? Да и по не совсѣмъ такъ; ибо индѣ вы сами признаешесь, *то неолытность и мода наводнили лзыкѣ нашѣ безчисленными иностранными выраженіями,*

и тѣ такова можно сказать дерзость достойна самой строгой критики; а индѣ опять говорите для чего, по причинѣ какова - по *утонченія понятій*, не вводите иностранныхъ выражений *), и для чего еще болѣе не наводняте ими книгѣ нашихъ? Государь мой! еспьли бы вы говорили о Карельскомѣ или Чухонскомѣ языкахѣ, то можетѣ быть согласился бы я съ вами; но какѣ вы говорите о Славенскомѣ или Россійскомѣ языкѣ, то позвольте мнѣ остаться при моемѣ мнѣніи, что шотѣ, кто въ немѣ искусенѣ, всякія и *утонченныя* и *утолщенныя* понятія кратко, сильно, ясно и краснорѣчиво изображаятъ на немѣ можетѣ.

Пис. Жаль, что Авшорѣ не принялъ на себя труда перевести оныя по Руски.

Прим. Государь мой! сіи ваши слова надлежало бы мнѣ преищи молчаніемѣ; ибо во первыхъ можетѣ быть мы съ вами весьма различно о семѣ думаемѣ; во вторыхъ, бесполезны доказательства тамѣ, гдѣ ихѣ не выслушивая опровергаютѣ. Но какѣ вы не одинѣ мой судія, того ради почитаю я за нужное, еспьли не для васѣ, то по крайней мѣрѣ для другихъ читателей моихъ, не отрицающихъ мнѣ своего вниманія, нѣсколько здѣсь объяснишься. Поговоримѣ сперва о переводѣ книгѣ, а потомѣ уже спанемѣ разсуждать о переводѣ словѣ. Какой переводѣ книгѣ почитаетѣся наилучшимѣ?

*) Поелику я всѣ свои слова толковать долженѣ, то и здѣсь скажу, что подѣ названіемѣ *иностранныхъ выражений* разумѣю я всѣ шѣ слова и рѣчи, которые почерпнушы не изѣ собственнаго языка своего, но изѣ Французскаго; а всѣ *трезвительности*, *утонченности*, *замыслительности*, *насмотренности*, *будущности*, и проч. и проч., почерпнушы изѣ него и шолько же намѣ несвойственны, какѣ *бесцельности*, *соворительности*, *улывательности*, и проч.

Не шопъ ли, въ которомъ переводчикъ всѣ иностраннаго сочинителя мысли умѣлъ на своемъ языкѣ выразишь съ равною силою и красотою? Слѣдовательно не гонялся за чужими словами и оборотами рѣчей, но искалъ своихъ. Рѣчь одного языка, переведенная точно по соспаву рѣчи другаго языка, рѣдко можетъ быть равносильна подлиннику, и часто бываетъ совсѣмъ невразумительна. Подражая такимъ рабственнымъ образомъ словамъ и слогу чужесипранныхъ писателей, чему мы научаемся? Говорить и думать не по своему. Рускую рѣчь: *онъ сентябрь смотритъ*, не выразишь Французская рѣчь: *il regarde comme le mois de septembre*; равнымъ образомъ и Французкую рѣчь: *un homme de grand air*, не выразишь Руская рѣчь: *словѣкъ большаго воздуха*. Слѣдовательно, дабы умѣть хорошо переводить, нужно знать своихъ словъ пристойность и знаменованіе, своихъ выражений силу, своего языка красоту. Ничто такъ не научаетъ насъ, какъ сравненіе переводовъ; потчасъ можно видѣть слабость одного передъ другимъ. Вообще одинъ переводъ можетъ быть хуже другаго; но можетъ также и по быть, что одинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабѣе, а въ иныхъ сильнѣе другаго. Камоенсова Лузіада переведена довольно хорошо на Руской языкъ; подобные переводы можно читать съ пріятностію; однакоже при всемъ томъ сличимъ нѣкоторыя изъ тойже поэмы мѣста, переведенныя Ломоносовымъ, и рассмотримъ оба сіи перевода.

П Ъ С Н Ъ 8.

Переводъ взятый изъ Камоенсовой Лузіады.

Онъ (Гама посаженный Капуаломъ въ шемницу) изъискиваетъ въ умъ своемъ

П Ъ С Н Ъ 8.

Переводъ взятый изъ Ломоносовой рипорики.

Онъ устремляется отъ одного намѣренія къ другому, шислячи различныхъ мыслей

средствъ къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видишь опасность и размышляешь о способахъ. Всего спрашиваешь и хочешь все предупредить. Подобно какъ видишь младенца обращающаго въ дѣтской игрѣ своей гладкую спаль или прозрачный кристаллъ зеркала, ударяемый солнечными лучами, и наводящаго шо на спѣну, шо на кровлю дома отражаетъ льный блескъ, кошорый, слѣдуя движенію слабой руки его, колеблется.

объемлютъ его и колеблютъ, духъ его не можетъ устоять. Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вершитъ по своему непослушному легкомыслію. Отраженные лучи быспро ударяютъ шо въ спѣну, шо въ кровлю, и чуть успѣютъ они блеснуть на одну вещь, уже устремляются освѣтить другую, и купно опть ней ошескакиваютъ на инное мѣсто, однако и шамъ не останавливаются.

Прочитавъ оба сіи перевода пошчасъ можно видѣть, сколько одинъ изъ нихъ яснѣе и слѣдовательно лучше другаго. Вникнемъ шеперь съ подробностію и разберемъ опть чего сіе происходитъ. Въ первомъ переводѣ сказано: *онъ изыскиваетъ въ члмъ своемъ средствъ* — (хотя глаголъ *искать* и сочиняется иногда съ родительнымъ падежемъ, однакоже глаголу *изыскивать* свойственнѣе винительный падежъ: *искать правды, изыскивать правду*. Ишакъ *онъ изыскиваетъ средствъ*, неправильно, а надлежало бы сказать: *онъ изыскиваетъ средства*) — къ освобожденію себя изъ сего опаснаго положенія. Видишь опасность — (послѣ опаснаго пошчасъ *опасность*: подобное сближеніе одинакихъ словъ раждаетъ нѣкую неприятность въ слогѣ), — и *размышляетъ о способахъ* — (рѣчь сія: *видишь опасность и размышляетъ о способахъ*, еспъ шочное повтореніе предвѣдущей рѣчи: *изыскиваетъ средствъ къ освобожденію себя*, и повтореніе недокончанное, ибо можно спросить: о какихъ способахъ размышляешь? тогда выдетъ еще большее повтореніе: о способахъ къ избавленію своему). — *Всего спрашивается и хочешь все предупредить*. Подобно какъ видятъ младенца обращающаго

въ дѣтской игрѣ своей гладкую сталь или прозрачный кристалль зеркала — (1е, Къ чему здѣсь не нужное выраженіе сіе: подобно какъ видятъ? шѣмъ паче непріятное, что не давно употребленъ былъ глаголь видить. Для чего не просто: подобнымъ образомъ младенець, и проч.? 2е, Слово младенець означаетъ самый первоначальный возрастъ челоѡвка, а здѣсь уже онъ играетъ зеркальцомъ, слѣдовательно больше дитя, нежели младенець. 3е, Когда представляются простыя понятія, то и выражать ихъ должно съ приличною имъ простотою слога; но выраженіе: *обращать въ дѣтской игрѣ своей кристалль зеркала*, есть слишкомъ хитросплетенное и далекое отъ естественной простоты, заключающейся въ сихъ словахъ: *вертѣтъ или играть зеркальцомъ*. 4е, *Сталь и кристалль дѣлаютъ непріятную въ прозѣ рифму*). — *Ударяемая солнечными лучами, и наводящая* (здѣсь союзъ и при словѣ *наводящая* долженъ относиться къ сказанному выше сего слову *обращающаго*, но по связи относится онъ къ слову *ударяемая*, и слѣдовательно производитъ замѣшательство въ смыслъ и темношу въ слогъ). — *то на стѣнѣ, то на кровлю дома, отражательный блескъ* — (Здѣсь слово *отражательный* употреблено не въ помѣ знаменованіи, въ какомъ оно приемлется: *отражательный* собственно значитъ того, который отражаетъ, подобно какъ чувствительный, мучительный, губительный или пагубный, и проч., означаютъ того, который чувствуетъ, мучитъ, губитъ, и проч. Но блескъ здѣсь не есть дѣйствующая, а напротивъ того спрадущая вещь, и слѣдовательно не можно про него сказать *отражательный* или *отражающій*, но *отраженный*). — *который, послѣдця движенію слабой руки его, колеблется*. — (Колебаться не есть переходить съ одного мѣста на другое, и потому не выражаетъ того понятія, какое должно имѣть послѣ словъ: *послѣдця движенію*

слабой руки его). — Всѣ сіи погрѣшности и небреженія вмѣстѣ составляютъ темную слогъ, шѣмъ вяще открывающуюся, чѣмъ внятнѣе и прилѣжнѣе разбираешь. Прочитаемъ Ломоносова, и мы потчасъ почувствуемъ, какая простота и ясность слогъ его украшаютъ: Такимъ образомъ играющее дитя оборотивъ къ солнцу кристалловое зеркало вертитъ по своему нелестному легкомыслию. Отраженные лучи быстро ударяютъ то въ стѣну, то въ кровлю, и гдѣ уцѣлѣютъ они блещутъ на одну вещь, уже устремляются осветить другую, и кутно отъ ней отскакиваютъ на инное мѣсто, однако и тамъ не останавливаются. — Сіе приличное свойствамъ робенка выраженіе: вертитъ по своему нелестному легкомыслию; сіи пристойныя солнечнымъ лучамъ глаголы: ударяютъ, блещутъ, освѣщаютъ, отскакиваютъ; и наконецъ сіе съ мѣста на мѣсто перебѣганіе лучей, споль естественное, что кажется глазами видишь оное, и споль быстрое, что мыслию не успѣваешь слѣдовать за ними, потъ ли простой и бездушный образъ представляютъ понятію моему, какой сіи слова: *лослядця движенію слабой руки, колблется?* Изъ сего единого примѣра можно уже довольно усмотрѣть, какова шцанія, какова размышленія, какова знанія въ языкъ своемъ, пребуетъ хорошій переводъ книгъ! Ипакъ когда мы не упражнясь въ собственной своей словесности, не изоспря ни ума ни слуха своего въ чувствованіи красотъ оной, и припомъ безъ должнаго прилѣжанія и пруда, начнемъ переводить Демосфеновъ, Тациповъ, Расиновъ, то будущъ ли они на нашемъ языкъ Расины, Таципы, Демосфены? Когда же знаніе языка своего необходимо нужно для сочиненія и перевода книгъ, то меньше ли нужно оное для изобрѣтенія или приличнаго употребленія словъ? Я нарочно не говорю для перевода словъ, попому что выраженіе переводить книгу имѣетъ свой опредѣленный смыслъ,

но выраженіе *переводить слова* едва заключаешъ ли въ себѣ какой разумъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ оное? Естли то, чтобъ чужаго языка словамъ, изображающимъ какую нибудь мысль, приписывать въ нашемъ языкѣ слова, пуже мысль изображающія, то оное не значитъ переводить слова, но переводить мысль; ибо весьма часто случается, что слова, употребленные на одномъ языкѣ для выраженія какой нибудь мысли, тогда - то на другомъ языкѣ и не выразятъ оную, когда будупъ шѣжѣ самыя. Напримѣръ мысль заключающуюся въ словахъ: *il a éprouvé sa cause*, выразимъ ли мы почно тѣми же словами: *онъ женился на моемъ дѣлѣ*? Опшюдь нѣтъ. Мы для выраженія оной должны употребить совсѣмъ иныя слова, какъ напримѣръ: *онъ за меня вступается, онъ находитъ дѣло мое правымъ*, и проч. Ипакъ переводить мысль не есть переводить слова, поелику переводъ словъ не составляетъ перевода мысли. Естли же мы чрезъ выраженіе *переводить слова* разумѣть будемъ: взять какое нибудь иностранное слово отдѣленно отъ рѣчи, напримѣръ *éspace*, и положишь, что оное долженствуетъ быть въ Рускомъ языкѣ изображаемо, напримѣръ, словомъ *пространство*, то хотя шакое соотвѣтствованіе знаменованія словъ и существуетъ между двумя языками, однакожъ оное не есть шакое постоянное, чтобъ не подвержено было никакимъ измѣненіямъ. Загляните въ хорошіе словари, вы увидите, что часто одному иностранному имени или глаголу соотвѣтствуютъ пять или шестъ Рускихъ именъ или глаголовъ; и обратно, одному Рускому пяти или шестъ иностранныхъ. Опъ чего сіе? опъ того, что одно и тожѣ самое иностранное слово, употребленное въ пяти или шести разныхъ рѣчахъ, при переводѣ оныхъ на нашъ языкъ не иначе выражено быть можетъ, какъ особливимъ Рускимъ словомъ. Сіе

есть свойство языковъ. Французы говорятъ *espace de lieu*, и мы можемъ сказать: пространство мѣста, какъ по: пространство сей площади содержитъ въ себѣ пять сотъ квадратныхъ сажень. Но Французы говорятъ также: *espace de tems*; можемъ ли мы сказать: пространство времени? Нѣтъ. По Француски это хорошо, а по нашему совсѣмъ непонятно; мы говоримъ: разстояніе времени, какъ по: разстояніе времени между началомъ первой и концомъ шестидесятой минуты называется такъ, Французы говорятъ: *l'étendue d'un corps*: какъ переведемъ мы сіе? протяженіе тѣла. Хорошо. Но вездѣ ли можемъ мы *l'étendue* переводить протяженіемъ? Нѣтъ. Французы говорятъ: *l'étendue d'un jour*, у нихъ это принято и общимъ употребленіемъ утверждено, а у насъ смѣшно бы было вмѣсто *долгота дня* сказать протяженіе дня. Французы говорятъ *composer*, по нашему, смотря по составу рѣчи, иногда значить это составить, иногда согнуть, иногда сощипаться, иногда договориться, и проч. Они скажутъ *décomposer*, а мы не можемъ сказать разсоставить. Намъ для выраженія сего понятія надлежитъ искать другаго, собственнаго своего слова. Ипакъ чтожъ значить переводъ словъ? Еслили приискиваніе выраженій, то для сего нужно знать свой языкъ и силу собственныхъ своихъ словъ; еслили же простое преложеніе чужеспранныхъ названій и пріятіе оныхъ почто въ тѣхъ знаменованіяхъ, какія онѣ на своихъ языкахъ имѣютъ, не соображаясь со свойствами нашего языка, то шаковый переводъ не пребудетъ конечно ни трудныхъ умствованій, ни глубокихъ знаній, но за то вмѣсто мнимого обогащенія чрезвычайно портитъ языкъ нашъ. Тщепно будемъ мы надбаться, что общее и долговременное употребленіе пріучитъ насъ къ симъ новостямъ, наводящимъ нынѣ книги наши. Не

правда: нелѣпное и безразсудное всегда останеся нелѣпнымъ и безразсуднымъ. Положимъ напримѣръ, что мы нашедъ во Французскихъ книгахъ слово *coup - d'œil* переведемъ его почно по знаменованію онаго *ударъ глаза*: шо ли оно будетъ значить, или по крайней мѣрѣ можетъ ли со временемъ, когда всѣ начнутъ употреблять оное *), сдѣлаться столь же знаменательно въ нашемъ, какъ во Французскомъ языкѣ? Опнюдь нѣтъ; ибо свойство языковъ есть таково, что знаки или слова въ нихъ заимспивуютъ силу знаменованія своего отъ другихъ словъ, и припомъ на одномъ языкѣ такимъ, а на другомъ инымъ образомъ. Для чего Французскому выраженію *coup - d'œil* наше выраженіе *ударъ глаза* не можетъ никогда быть равносильно? Для того, что у нихъ слово *coup* входитъ въ составленіе многихъ другихъ словъ, и попому кругъ знаменованія его есть совсемъ не шопъ, какой имѣетъ наше слово *ударъ*, или иначе сказать ихъ понятіе совсемъ инымъ образомъ приучено къ слову *coup*, нежели наше къ слову *ударъ*. Они напримѣръ говорятъ *coup de canon*, а мы говоримъ *лучетный выстрѣлъ*, а не *ударъ пушки*; они говорятъ *coup de filet*, а мы говоримъ *тоня*, а не *ударъ невода*; они говорятъ *beau coup*, а мы говоримъ *много*, а не *красо-ударъ*. Наконецъ сколько различныхъ понятій изображаетъ у нихъ слово *coup*: *coup de malheur*, *coup de hasard*, *coup de grace*, *coup de vent*, *coup de soleil*, *après coup*, *pour le coup*, *tout-à-coup*, *à coup-sûr*, и проч. Слѣдовательно у нихъ выраженіе *coup d'œil* весьма знаменательно; ибо премножество

*) Сіе предположеніе сказано для одного примѣра; впрочемъ оное невозможно: ибо между всѣми найдутся много такихъ, которыми разумъ не позволишь употреблять противное разуму.

другихъ выраженій изъ сегожъ самаго слова составлены, и пошому, такъ сказать, ухо ихъ привыкло слышать, и разумъ ихъ привыкъ мгновенно воображать всѣ сіи изображаемыя имъ различныя понятія. У насъ на прошивъ слово *ударъ* ни единого изъ сихъ понятій не составляетъ, а пошому и *ударъ глаза* есть для насъ нѣкое дикое и непонятное выраженіе. Возьмемъ теперъ прошивной сему примѣръ: Россійскій глаголъ *двигать* изображается Французскимъ глаголомъ *ouvoir*; но послѣдуемъ различнымъ переимнамъ сихъ двухъ глаголъ, и мы увидимъ, что наши понятія, происходящія отъ глагола *двигать*, дѣлаются весьма опдаленными отъ Французскихъ понятій, происпекающихъ отъ глагола *ouvoir*. Ипакъ хопи корни одинаковы, но произрастающія отъ нихъ вѣтви различны. Наше слово *подвигъ* происходитъ отъ глагола *двигать*, но соопвѣтствующее оному Французское слово *explois* не происходитъ отъ глагола *ouvoir*. Сіе различіе вѣтвей часпо и самому корню сообщаетъ совсѣмъ иную силу, такъ что индѣ Французской глаголъ *ouvoir* не можетъ уже выразить того, что выражаетъ нашъ глаголъ *двигать*, какъ напримѣръ въ житіи Святой Софіи, мать сія, видя двухъ дочерей своихъ убіенныхъ мучителями, и послѣднюю на убіеніе ведомую, во ободреніе говоритъ ей: *третія вѣтве нол, гадо мос вселюбезное, подвинися до конца, добрымъ бо путемъ идеши*, и проч. Здѣсь глаголъ *подвинися* не значить *подвинься*, *перелѣни мѣсто*; но значить *терли*, *мужайся*: слѣдовательно заимствуетъ знаменованіе свое отъ имени *подвигъ*, а не отъ глагола *двигать*.

Чтожъ заключить изъ сего должно? То, что мы о своихъ словахъ умствовать, своихъ словъ силу познавать должны, а не Французскихъ. Хотя въ книгѣ моей много подковалъ я о семъ, однакожъ

посмотримъ еще въ какія заблужденія и погрѣшности вводимъ насъ умствование о чужихъ словахъ, а не о своихъ. Во многихъ нынѣшнихъ переводахъ и сочиненіяхъ, между прочимъ и въ сихъ вашихъ, господинъ деревенской жипель, на мою книгу примѣчаніяхъ, нахожу я выраженіе: *чтонсенныя понятія*. Скажите пожалуйста, что значить оно? Опколъ вы взяли глаголь *чтонснить* или *чтонить*? (я истинно не знаю, какъ надлежитъ написать оный). Мнѣ кажется опъ прилагательнаго имени *тонкой* произвешъ глаголь *чтонснить* спольже не свойственнъ, какъ изъ прилагательнаго имени *высокой* сдѣлашъ глаголь *чвысочить*. Безсомнѣнія не могли вы взять сего изъ прежнихъ нашихъ книгъ: сдѣдовашельно взяли изъ Французскихъ, по еспъ перевели слово *raffinement*. Но государь мой! Французское слово *fine* не всегда значить по Руски *тонко*: *herbes fines*, по нашему *мелкія* травы, а не *тонкія*; *or fin* по нашему *чистое* золотио, а не *тонкое*. Сдѣдовашельно и *raffinement* не еспъ *чтонсеніе* или *чтоненіе*. Ежели вы Рускимъ словамъ станете давать не собственное ихъ, но Французское знаменованіе, по какимъ образомъ могу я васъ разумѣть? Французское выраженіе *raffinement des idées* означенъ *чистоту* понятій, *просвѣщеніе* оныхъ, *разнаніе* помрасавшей ихъ *млы*. То ли значить наше спраннымъ образомъ соспавленное слово *чтонсеніе*? Подъ названіемъ понятій *чтонсенныли*, что иное по разуму слова сего могу я понимать, какъ не то, что оныя сдѣлались гораздо *тонѣе*, *хуже*, *меньше*, пакъ какъ бы по Французки вмѣсто *raffinement des idées* сказать *appauvrissement*, *amaigrissement de's idées*? Вы думаете, что такимъ образомъ можно переводить слова? Нѣнѣ, государь мой! такимъ образомъ, приемля одинъ пустой *звукъ* словъ за мнимую въ нихъ *мысль* и *разумъ*, станете вы намъ вы-

давать зайцовъ за медвѣдей: это не называется переводить. Часто хотя не въ книгахъ, однако въ разговорахъ, Французскую рѣчь: *il n'est pas dans son assiette*, переводящъ у насъ: онъ не въ своей тарелкѣ, не зная того, что ежели бы Французы подѣ словомъ *assiette* разумѣли здѣсь тарелку, такъ никогда бы рѣчь сія имъ въ голову не пришла, потому что онъ не составляла бы никакой мысли. Хотя тарелку и называютъ они *assiette*, однакожъ *assiette* есть также у нихъ и морское названіе, которое значитъ разность цѣлбленія между носомъ и кормою корабля. На нашемъ морскомъ языкѣ разность сію называютъ деферентомъ. Примѣчается что каждый корабль при разныхъ деферентахъ, какіе оному данъ можно, имѣетъ одинъ пакой, при которомъ онъ лучше и скорѣе ходитъ. Отсюду по подобію съ кораблемъ говорится и о чловѣкѣ: *il n'est pas dans son assiette*, онъ не въ своемъ деферентѣ, то есть: какъ корабль не при томъ углубленіи носа съ кормою, какое свойственно образу его, ходитъ лѣниво и медленно, такъ и чловѣкъ не въ томъ расположеніи духа, какой наиболѣе сроденъ ему, обыкновенно бываетъ вялъ, невеселъ, задумчивъ. Итакъ въ словахъ: онъ не въ своей тарелкѣ или деферентѣ, есть мысль и подобіе; но въ словахъ: онъ не въ своей тарелкѣ, нѣтъ никакого подобія ни мысли. Для чего привелъ я примѣръ сей? для того, чтобъ показать, что мы часто не зная ни Французскаго, ни своего языка силы, переводимъ слова и рѣчи, и соснавяя такимъ образомъ новыя, никому непонятныя выраженія, думаемъ, что мы обогащаемъ ими словесность нашу. Скажупъ, что я помѣстилъ здѣсь больше шуточнбй нежели настоящей переводъ. Знаю. Но многіе настоящіе переводы съ симъ шуточнымъ великое имѣютъ сходство: *чтоненныя понятія, ри-*

сующіяся поля, сосредоточенныя мысли, живописательныя горы, картинныя виды, изящныя обдуманности, развитія чмовъ, двианія дүховъ, и всѣ подобныя симъ выраженія весьма похожи на переводъ: онъ не въ своей тарелкѣ.

Таковые переводы недостойны никакова вниманія, и еще меньше подражанія онымъ. Они паче достойны осмѣянія, не для того, чтобы одурачить переводчика; но для того, чтобы молодые чипапели слогомъ его не заражались. Естли бы кто переводя книгу выписалъ изъ ней неизвѣстные ему слова, и единожды справясь объ нихъ, спалъ бы вездѣ, во всякой рѣчи, прошивъ одинакаго чужестраннаго слова одинакое Русское названіе спавить, какъ вы думаете, хорошъ ли бы переводъ его былъ? По моему онъ бы никуда негодился. Къ чему же служить намъ переводъ словъ? Я думаю не такимъ образомъ должно ихъ переводить. Вы спросите какимъ же? Вотъ какимъ: вамъ вспрѣпилось, наприкладъ, слово *administration*. Естли вы спросите у меня: какъ перевести оное? Отвѣтъ мой будетъ: не знаю; покажите мнѣ напередъ ту рѣчь или выраженіе, въ которой слово сіе употреблено, и тогда вразумясь въ оную скажу я вамъ, какое изъ Рускихъ словъ почитаю я приличнѣйшимъ для выраженія сего чужестраннаго слова; ибо слова сіи могутъ быть весьма различны, иногда *правленіе*, какъ наприкладъ: *administration des affaires*, *правленіе дѣлъ*; иногда *священнодѣйствіе*, какъ наприкладъ *administration des sacremens*: иногда *домостроеніе* или просто *строеніе*, какъ наприкладъ: *quand on t'aura oté mon administration* — *егда отставленъ буду отъ строенія дому*. (Еванг. опѣ Луки, гл. 16). Наконецъ найдутся можетъ быть еще и другія выраженія, въ которыхъ изъ прехъ вышеприведенныхъ мною словъ ни одно не будетъ такъ при-

лично, какъ четвертое какое, или пятое. *Trompeuse*, напимѣрь, всякой переведеть *обманчивый*; но Ломоносовъ, зная силу языка своего, перевелъ *прелестный*, и весьма хорошо :

Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons - nous tes autels ?

—
Доколѣ, ищуканъ прелестной,
Мы спанемъ жерпвой намъ безчестной
Твой щещной почиташь олшарь ?

—
Приведемъ еще нѣсколько мѣспѣ изъ сего перевода *) для показанія, гонялся ли переводчикъ за словами, или спарался изобразить мысль.

Et toujours ses fausses maximes
Erigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris,

—
Его неправедны устаяы
На верьхъ возводяшъ пышной славы
Твоихъ любимцевъ злобной родъ.

—
Ломоносову слова : *héros*, *sublime*, не были здѣсь камнемъ претыканія. Онъ не останавливался за пѣмъ, какъ перевестъ ихъ, но будучи силенъ въ изворотахъ языка своего спарался наилучшимъ образомъ преложить мысль.

Mais de quelque superbe titre,
Dont ces héros soient revêtus,
Prenons la raison pour arbitre
Et cherchons en eux leur vertus.

*) Смощри въ сочиненіяхъ Ломоносова переведенную имъ на Россійской языкъ *оду на щастіе*, сочиненную господиномъ Руссо.

Но пусть великостію сею
 О шишлахъ хваляся своихъ;
 Поспавимъ разумъ въ томъ судьею,
 И добрыхъ дѣлъ пощемъ въ нихъ.

Похожъ ли Французской стихъ: *dont ces héros
 soient revêtus*, на Руской: *о титлахъ хвалятся своихъ*?
 Но между тѣмъ вообще мысль подлинника вездѣ
 въ переводѣ сохранена.

Leur gloire féconde en ruines,
 Sans le meurtre et sans les rapines
 Ne sauroit - elle subsister ?

Ихъ слава бѣдствами обильной,
 Безъ брани хищной и насильной
 Не можно развѣ устоять ?

Расположеніе Французскихъ стиховъ по Руски дѣлаемъ, что глаголы *subsister* и *устоять* имѣють здѣсь одинакую силу; но впрочемъ говоря особенно о глаголѣ *subsister*, кто скажетъ, что соотвѣстствующее оному на Рускомъ языкѣ слово есть глаголъ *устоять*? Чпожъ значилъ переводъ словъ?

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что безъ знанія языка своего и безъ прилжнаго въ немъ упражненія, не будемъ мы умѣть переводить ни книгъ, ни словъ. Ипакъ паки обращаюсь къ тому, о чемъ я въ сочиненіи моемъ *о старомъ и новомъ словѣ* такъ много пвердилъ, что учиться языку своему и словесности своей должно изъ собственныхъ своихъ книгъ, а не изъ Французскихъ. Мнѣніе, что языкъ нашъ бѣденъ, и что недостаемъ въ немъ словъ для выраженія *тонсенныхъ понятій*, есть ложное. Оно поселилось въ насъ отъ пристрастія нашего къ Французскому языку и отъ не-

знанія чрезъ то своего собственнаго. Доколѣ дѣ-
 пямъ нашимъ настояще *батьюшкн* будущѣ Францу-
 зы *); доколѣ не перестанемъ мы ушѣшаться, что
 маленькой сынъ нашъ, не зная Руской азбуки,
 умѣетъ уже наизусть читать цѣлыя монологи изъ
 Французскихъ прагедій; доколѣ дочери наши бу-
 дутъ думать, что скорѣе могутъ онѣ выдти за
 мужъ безъ приданова, чѣмъ безъ Французскаго язы-
 ка; доколѣ племянники и внуки, племянницы и
 внучки наши, говоря съ стариками дѣдушками сво-
 ими, вмѣсто: *позвольте мнѣ, дѣдушка сударь, съѣздить*
къ сестрицѣ, говорятъ станутъ: *пустите меня монъ*
гранъ перъ къ моей кѣзинѣ; доколѣ писатели наши
 такимъ же, или подобнымъ сему полурусскимъ скла-
 домъ пишутъ будущѣ; — до пѣхъ поръ коренной
 и богатой языкъ нашъ опчасу болѣе будетъ оску-
 дѣвать или дѣлаться мершвымъ, а новое непонят-
 ное на мѣсто онаго возрастать и умножаться.
 Худое переимчиво, потому что легко и не пребуемъ
 разсудка. Искажающіе языкъ писатели смѣшны для
 не многихъ, но для многихъ заразительны и вред-
 ны. Читайте больше собственныхъ свои книги,
 нежели чужестранныя **), привыкните объяснять-
 ся своимъ языкомъ, и тогда вы увидите, что онѣ

*) Между учителемъ и воспитателемъ есть великое разли-
 чіе; одинъ обогащаетъ умъ нашъ науками, а другой вли-
 ваетъ въ сердце наше свои спраспи, свои мнѣнія, свои по-
 нятія, свои склонности; однимъ словомъ, созидаетъ въ
 насъ душу и нравъ. Между правами учителя и правами
 отца есть превеликая разность, но между правами воспи-
 тателя и правами отца почти нѣтъ никакой.

***) Разумѣется писанныя прямымъ Рускимъ языкомъ, а не
 пѣ, кошорыя нынѣ по складу Французскаго языка пишу-
 ся: сія причисляю я къ иностраннымъ книгамъ. Впрочемъ
 не худо иногда и ихъ прочиташь, дабы при *серномъ* аснѣ
 увидѣшь *бблос*.

изобиленъ и богатъ. Познавъ красоту его и силу, вы бросите Французской языкъ, такъ какъ дитя бросаетъ любимую свою деревянную игрушку, когда покажутъ ему такую же золотую. Напримѣръ: вы говорите въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова *patriote*; но скажите естли во Французскомъ языкѣ понятіе равносильное шому, какое заключается въ нашемъ выраженіи: *сынъ отечества*? мы не можемъ выразить ихъ слова *héroisme*; но могутъ ли они выразить наше слово: *доблѣдущіе*? У насъ нѣтъ слова *saisone*; но естли у нихъ слово: *погода*? Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы тысячи. Чиножъ изъ сего заключить должно? шю, что мы ошъ шого шокмо чувствуемъ бѣдность языка своего, что не вникаемъ въ него, не знаемъ богатства онаго, шочно такъ, какъ бы кто, имѣя у себя тысячу имперіаловъ, щипалъ себя нищимъ для шого, что у него нѣтъ ни одного люйдора.

Мы конечно имѣемъ еще нѣкоторую нужду въ иношранныхъ названіяхъ; но въ какихъ? въ шѣхъ, копорыя шариннымъ нашимъ писателямъ не могли бытъ извѣсны, и копорыхъ мы нигдѣ въ книгахъ нашихъ находить не можемъ. Сіи слова суть имена нѣкоторыхъ наукъ, художествъ, орудій, и проч. Таковыя слова называются особливимъ именемъ: *художественныя названія* или *техническіе термины*. Такимъ образомъ мы говоримъ и пишемъ: *астрономія, геометрія, физика, центръ, перпендикуляръ, листоеть, эшлантонъ, и проч.* Изъ сихъ словъ нѣкоторыя необходимо нужны, по крайней мѣрѣ до шѣхъ поръ, покуда не изобрѣтены будутъ соотвѣтствующія имъ Россійскія названія, копорыя примутся въ нашъ языкъ и чрезъ частое упошрбленіе кругъ знаменованія ихъ опредѣлился. Напримѣръ *механику, болбу*, мы не можемъ иначе называть, какъ *механикою, болбою*. Другія же изъ

сихъ словъ, хотя и употребляются еще, однако же безъ всякой нужды, потому что уже приисканы соотвѣтствующія имъ Россійскія названія столь же знаменательныя; какъ напримѣръ никакой нѣтъ надобности вмѣсто мореплаванія употреблять *навигация*; вмѣсто кораблестроенія *корабельная архитектура*; вмѣсто опѣсь, *перпендикуляръ*; ибо хотя слово *опѣсь* и не въ такомъ еще употребленіи, въ какомъ слово *перпендикуляръ*, однакожъ оно совершенно ему равнозначуще, и припомъ гораздо короче. Что же препятствуетъ общему употребленію сего Россійскаго слова вмѣсто онаго иностраннаго? Ничто кромѣ школьной привычки превозмогающей здравое разсужденіе: учитель мой напередилъ мнѣ *перпендикуляръ*, въ книгахъ почти вездѣ читаю я *перпендикуляръ*, товарищи мои говорятъ мнѣ *перпендикуляръ*; бѣдной *опѣсь* остается въ забвеніи, рѣдко кто упомянетъ о немъ; вопль причина, по которой всѣ мы говоримъ и пишемъ *перпендикуляръ*, не разсуждая о томъ, что ежели бы всѣ стали писать *опѣсь*, то слово *перпендикуляръ* вышло бы изъ употребленія, а слово *опѣсь* получило бы всю силу и ясность онаго. При началѣ обученія въ Россіи математическихъ наукъ, кругъ назывался *циркулемъ*, окружность *циркулиференціею*; нынѣ весьма бы странно и смѣшно было, естли бы кто вмѣсто *окружность круга* сталъ писать *циркулиференція циркуля*. Разсужденіе сіе можно распространить и на другія многія слова. Напримѣръ: какъ называется по Руски астрономія? — звѣздочество. Геометрія? — землебріе. Физика? — естествословіе. Для чего не употребляемъ мы Рускихъ названій? — для того, что привыкли къ иностраннымъ. Опъ чего привыкли? — опъ частаго употребленія оныхъ. Слѣдовательно и къ Рускимъ привыкнемъ, когда часто употребляемъ ихъ будемъ.

*

Изъ сего явствуемъ, что и въ самыхъ художественныхъ названіяхъ болѣе навыкъ, нежели нужда заставляемъ насъ употреблять иноспранныя слова. И такъ по моему мнѣнію кто желаетъ дѣйствительную пользу приносить языку своему, пошъ всякаго рода чужестранныя слова не иначе употреблять долженъ, какъ по самой необходимой нуждѣ, не предпочитая ихъ никогда Россійскимъ названіямъ шамъ, гдѣ какъ чужое такъ и свое названіе съ равною ясностію употреблены бытъ могутъ.

Пис. Конечно выдешъ чепуха, ешъли слова сіи не у мѣста употребляющся.

Прим. Исковерканныя, безобразныя, мнимо Рускія слова, вводимыя писателями, незнающими языка своего, и подобными имъ подражателями ихъ, никогда не могутъ бытъ у мѣста.

Пис. Съ какою замысловатостію (спран. 39 и 40) доказано посредствомъ круговъ, что у насъ ешъ слова, кошорыя могутъ выражашъ иноспранныя, и такія, кошорыя никакъ не могутъ бытъ равнозначущи съ иноспранными!

Прим. Господинъ деревенской жипель! большой замысловатости шупъ нѣшъ, и не первой я эпо выдумалъ: Эйлеръ въ физическихъ письмахъ своихъ къ нѣкошорой Нѣмецкой Принцессѣ, кошорыя такъ прекрасно переведены на Россійской языкъ господиномъ Румовскимъ, логическія понятія извясняемъ также кругами. Я употребилъ ихъ для лучшаго исполкованія моихъ мыслей, и доказашельно, что въ сихъ способахъ имѣлъ я нужду, поелику и при оныхъ вы меня почти вездѣ худо поняли.

Пис. Толкованіе Французскаго слова *esprit* (спран. 43) очень полезно для всякаго — ученика. Кто хотя не много обучался Логикѣ и имѣешь здравый разумъ, пошь не переведешъ: *Тусентъ былъ великій духъ между Неграми*, или *Тусентъ былъ великій запахъ между Неграми*.

Прим. Вездѣ вы, дѣлая выписку изъ моей книги, слова мои полкуете по своему, и даете имъ такой смыслъ, какова онѣ ебъ себѣ отнюдь не имѣють. Я въ книгѣ моей говорю, что нѣгдѣ случилось мнѣ прочиташъ: *Тусентъ былъ великой духъ между Неграми*, и разсмапривая во всѣхъ знаменованіяхъ слово *духъ*, копорое иногда и *запахъ* значитъ, вывожу, что ебъ вышесказанной рѣчи оно ни единого изъ сихъ знаменованій не имѣетъ, доказывая тѣмъ, какъ и многожды о томъ говорилъ, что незнающіе языка своего писатели часпо Рускія слова употребляютъ въ знаменованіи Французскихъ словъ, какъ и здѣсь слово *духъ* поставлено въ знаменованіи Французскаго слова *esprit*. Ушверждаю ли я симъ, что многіе знающіе логику и имѣющіе здравый разумъ люди переводятъ: *Тусентъ былъ великой запахъ между Неграми*? покажите мнѣ, гдѣ я эшакую нелѣпицу сказалъ? Господинъ судья! простипельно ли, позволительно ли такимъ образомъ судить! Какъ возможно клепать на книгу? Вѣдь эша книга напечатана: всякой посмотришь, всякой увидишь, что въ ней ни крошечки нѣтъ того, что вы на нее взводите! Вы говорите: *толкованіе Французскаго слова esprit очень полезно для всякаго — ученика*. Не знаю полезно ли оно для всякаго — ученика; но смѣло могу сказать, что оно для тѣхъ учениковъ, копорые поймутъ его, гораздо будешъ

полезнѣ, нежели для пѣхъ *судей* и *читателей*, копорые его не понимаютъ.

Пис. Авторъ въ примѣчаніи своемъ (стр. 160) *) говоритъ: „находя въ книгахъ нашихъ подобныя сему чужестранныя слова, надлежишь весьма осторожно чипашь ихъ, чтобъ не смѣшашь съ пѣми Рускими словами, копорыя выговоромъ на нихъ похожи; напримѣръ, чтобъ вмѣсто *Геній* не сказашь *Евгеній*; вмѣсто *моральный* маральный; вмѣсто *на сценѣ* — такое слово, копорое лучше предоставишь угадывашь чипашелю, нежели здѣсь его поставишь.“ — Тонкой, нѣжной вкусъ!

Прим. Государь мой! это правда: можетъ быть съ нѣкотою излишнею колкостью осмѣиваю я здѣсь пристрастіе писателей нашихъ къ Французскимъ словамъ. Любовь къ опечественному языку моему спраждеиъ во мнѣ, когда я вижу изъясляемое къ оному презрѣніе, и часто печаль смѣшенная съ досадою спекаютъ съ пера моего, когда я говоришь о семъ начинаю. Можетъ быть вы, будучи холоднѣе и равнодушнѣе меня къ этому, могли бы въ подобныхъ случаяхъ воздерживашься отъ изліянія вашихъ чувствъ; но къ чему вы прилепили пупъ вкуса мой? Я говорю, что упопрѣбительное у насъ Французское слово *на сценѣ*, похоже выговоромъ на Руское не хорошее слово. Чѣмъ же пупъ вкуса мой виноватъ? По Италіянски *garbata* говоритъся о пріятной женщинѣ, а по нашему *горбата* значитъ женщину съ горбомъ: естли бы слово сіе звели въ упопрѣбленіе у насъ, и я бы сказалъ, что сіе учтивое Италіянское слово похоже выговоромъ

*) Первое изданіе.

на наше не учпивоое, по бы вы изъ сего заключили, что я имбю весьма худой вкусъ! — Справедливое, по истиннѣ логическое заключеніе! не хуже пого наспавленія, что для разобранія двусмыслія спиха : *въ дождѣ гай повредился*, надобно знашь, пивалиль во времена Анакреоновы чай!

Пис. Скажу *серіозно*, для чего намъ не уклоняшья опъ испочника, слбдуя въ помъ опышамъ вѣковъ и народовъ?

Прим. И я скажу *серіозно*, что мнѣніе ваше весьма *куріозно*. Позвольте мнѣ спросить у васъ *интеррогаторіозно*: ну да какъ мы уѣдемъ опъ испочника пакъ далеко, что поперяемъ его совсѣмъ изъ виду, куда же мы пріѣдемъ?

Пис. Возьмемъ въ примѣръ Греческій и Лашинскій языкъ. Кшо чипалъ древнихъ и новыхъ авшоровъ на сихъ языкахъ, пошь знаешъ разность между ими. Уже ли Греки худо дѣлали, что оставляли по нарѣчіе, коимъ писали Орфей, Исіода и проч.? Они чѣмъ болѣе приближались ко временамъ Демосееновымъ, шѣмъ языкъ ихъ спановилса чище и идеи ушонченнѣе. Уже ли Римляне, оставивъ нарѣчіе Эниія и Плавша не должны были помышляшь о нарѣчіи Тацита, Тита - Ливія, Виргилія, и вообще временъ Августовыхъ? —

Прим. Высокое разсужденіе: Милостивый государь мой! падаю, яко невѣжда, предъ глубокою вашею ученостію, и уничиженно признаюсь, что я не чипалъ вѣ подлинникъ ни Орфея, ни Исіода,

ни Демосфена ; не знаю отъ чего уклонялись и къ чему приближались Греки, пакожъ и какъ ихъ идеи *чтонгивались*; но при всемъ мракъ невѣденія моего не могу однакожъ согласиться, чтобъ нынѣшній Греческій языкъ ; далеко уклонившійся отъ древняго Эллинскаго , можно было предпочесть Гомерову языку.

Пис. Всѣ языки подвержены неминуемой переменѣ : времена Мономаха, Царя Иоанна Васильевича , ПЕТРА Великаго и ЕКАТЕРИНЫ II. Очень примѣшно между собою отличаются.

Прим. Господинъ деревенской житель ! мы всемъ о разныхъ вещахъ думаемъ, по какъ же согласиться можемъ ? Вы говорите о нарѣчїи, или простонародномъ употребленіи языка. Кто съ вами объ этомъ споритъ ? И вѣдомо оно переменяется : мы въ простомъ слогѣ и разговорахъ вмѣсто : *я члѣю титать*, не говоримъ нынѣ : *азъ есмь книгогїй*; или вмѣсто : *случа! вели мнѣ осѣдлатъ лошада*, не скажемъ : *гадо! посели мнѣ осѣдлати коня*. Но о томъ ли я говорю ? я рассуждаю о разумѣ языка, о красотахъ онаго. Есльи бы во времена Мономаха процвѣталъ Руской Гомеръ или Виргилій, такъ какъ упоминаютъ о нѣкоемъ Боянѣ , котораго творенія до насъ не достигли ; по хощя бы нарѣчїе его и различно было съ нарѣчїемъ временъ ЕКАТЕРИНЫ Великой; но языкъ его, есльибъ онъ былъ языкъ Гомеровъ, языкъ Виргиліевъ, языкъ боговъ, могъ ли бы состарѣться и перемениться ? Слово о полку Игоревѣ, Псалпирь, Чепи-минеи, и другія старинныя книги, писаны неупотребительнымъ нынѣ нарѣчїемъ ; но языкъ ихъ, сила, красота, богатство, мысль, тѣ ли, какія нахожу я во

многихъ нынѣшнимъ нарѣчіемъ писанныхъ романахъ? Однѣ, когда я читаю ихъ, самую сильную дремолу мою разгоняющъ, а другіе и при самой безсонницѣ моей меня усыпляютъ: вопѣ какая между ими разность.

Пис. Конечно не надобно вводить иностранныя слова безъ всякой нужды; но ежели мы чувствуемъ въ нихъ недоспашокъ, то счастливая въ шакомъ дѣлѣ отважность не есть порокъ.

Прим. Счастливая отважность вводить въ языкъ нашъ иностранныя слова! нѣтъ, государь мой! въ расположеніи рѣчи Руское слово можетъ употреблено бытъ щасливо, какъ напримѣръ въ сихъ стихахъ извѣстной всѣмъ оды къ *сосѣду*:

Придушъ, придущъ часы тѣ скучны,
 Когда твои ланишы пучны,
 Престанущъ граціи шрепашъ.

Здѣсь глаголъ *трелать* употребленъ весьма щасливо: никакой другой глаголъ съ равною красотою замѣнить его не можетъ. Въ словѣ о полку Игоревѣ сказано: *яръ туре Всеволоде! стоиши на боронѣ, прыщещи на вон стрѣлами, гремлещи о шеломахъ мсти харалужными.* Здѣсь глаголъ *прыскать* есть подлинно не обыкновенное, рѣдко попадающееся уму человѣческому, щасливое выраженіе. Но что принадлежитъ до щасливой отважности вводить въ языкъ свой иностранныя слова, то одну всякой имѣть можетъ, и скорѣе всѣхъ потѣ, кто хуже знаетъ языкъ свой.

Пис. Не худо для шаковыхъ случаевъ, всегда имѣть въ памяти, что всѣ самыя

богатѣйшіе языки, въ помѣ числѣ и Славенской, образовались одинакимъ способомъ; по естѣ подражаніемъ, или если можно такъ сказать, переливомъ словъ одного языка въ другой. Сличите церковныя наши книги съ Греческими и убѣдишесь въ сей истинѣ. Разумѣется, что во всемъ должна шолько бытъ мѣра.

Прим. Языки образуются рѣдко родящимися превосходными умами, изобрѣтателями высокыхъ мыслей, шаспливыхъ выраженій, знаменательныхъ словъ. Заимствованіе или подражаніе ихъ великимъ на другихъ языкахъ писателямъ можетъ способствовать природному ихъ дарованію, но разумъ ихъ устрояетъ и работаетъ самъ. Такимъ образомъ Корнелій подражалъ Гишпанскимъ писателямъ. Такимъ образомъ Буало подражалъ Латинскимъ спихопворцамъ. Такимъ образомъ Расинъ подражалъ Гомеру *). Сіи превосходные, творческіе умы уснащаютъ слогъ, создаютъ красоты, обогащаютъ языкъ, родятъ краснорѣчіе, разливаютъ пользу. Однако подражаніе сіе не естѣ рабственное, или рабсловное, не пребывающее никакихъ иныхъ размышленій, кромѣ переноса или перелива словъ изъ одного языка въ другой. Языки не бочки: слова одного изъ нихъ неудобно переливать въ другой, такъ какъ воду изъ одной бочки въ дру-

*) См. въ трагедіи его *Ifigenie en Aulide* разговоръ Ахиллеса съ Агамемнономъ, начинающійся симъ спихомъ:

Un bruit assez étrange est venu jusqu'à moi,
Seigneur, etc.

Подобное подражаніе дѣлаетъ такую же пользу Французскому языку, какую Гомерови сочиненія приносили Греческому.

гую. При переливѣ ихъ поребно умспивовать и размышлять. Сколькo ни сравнивайше церковныя наши книги съ Греческими, вы не найдете въ нихъ сего *перелива словъ* изъ Греческаго въ нашъ Славенскій языкъ.

Пис. Но я вамъ наскучилъ, милоспивые государи; чувствую, что *умодѣліе* вывело меня изъ границъ письма. Остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою

А. — З.

Прим. Слово *умодѣліе* не пакъ щаспливо употреблено здѣсь, какъ вышеприведенныя мною глаголы *трелать* и *прыскать*. Полусловцо *умо* опбемлешъ у него много силы. Наконецъ, въ заключеніе сихъ моихъ примѣчаній, скажу вамъ, господинъ деревенскій житель! что я весьма благодарю васъ за доброе ваше намѣреніе научить меня и наспивить; но покуда не придумаєте вы такихъ доказательствъ, на которые разсудокъ мой согласиться можетъ, до тѣхъ поръ оставайтесь вы при вашихъ о вещахъ мнѣніяхъ и понятіяхъ, а мнѣ позволше остаться при моихъ.

ПРИМЪЧАНІЯ НА КРИТИКУ,

изданную въ Московскомъ Меркуріѣ, на книгу, называемую Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgбъ Россійскаго языка.

Когда примѣчанія мои на письмо деревенскаго жителя уже печатались, тогда на пожъ самое сочиненіе мое *о старомъ и новомъ слоgбъ*, вышла новая крипика, изданная въ журналѣ, называемомъ Московскій Меркурій. Поелику вышепомянутую книгу мою писалъ я изъ усердія къ опечеству и для людей любящихъ языкъ свой, а не для пѣхъ, которые не зная ни красотъ ни силы онаго, и часпо, не понимая меня, пустыми возраженіями оспорируютъ; того ради положилъ было я твердое гамбреніе не отвѣщивать болѣе никому, и сдержалъ бы данное себѣ слово, еспьлибъ Московской Меркурій на одно сужденіе мое о словесности и на слоgбъ мой нападалъ; таковое нападеніе его не преодолѣло бы во мнѣ чувствва, побуждавшего меня къ молчанію; я бы отвѣчалъ ему улыбкою моею, а не перомъ; но какъ онъ, скрывая себя подъ личиною безприсраспаднаго разсматривателя сочиненій, хочетъ намбренію книги моей, и даже образу мыслей моихъ, дать такой полкбъ, какой лицембрные или безграмотные судіи даюшъ иногда законамъ къ обвиненію праваго; того ради да позволишъ онъ и

миѢ въ оправданіе мое, не передѢ нимѢ и подобными ему, но предѢ другими чипашелями моими, нѣчто сказать.

Я буду спараться какѢ можно меньше наскучить чипашелю, пропуская всѢ шѢ мѢста, которыя сами по себѢ такѢ неимовѢрны, что оговаривать ихѢ было бы недостойно его вниманія, какѢ напримѢрѢ слѢдующія: изъ нашихъ старинныхъ писателей ни одинъ не можетъ намѢ слѢдить примѢромѢ, ни самѢ ЛомоносовѢ, для согнскія прозою. (спран. 184). — или: кто пишетъ хорошо на одномѢ языкѢ, тотѢ скоро выучится писать (по естѢ бытъ знаменитымѢ писателемѢ) на всякомѢ другомѢ (спр. 185, и прочія сему подобныя.

СверхѢ сего многія мысли въ письмѢ деревенскаго жипеля сходны сѢ мыслями издашеля Московскаго Меркурія, а пошому и многія примѢчанія мои на возраженія перваго, опносятся сполькоже и къ сему послѢднему *).

РазсмотримѢ сперва на чемѢ основано главное миѢніе издашеля Московскаго Меркурія. На помѢ, что всѢ языки спарѢются, перемѢняются, а пошому и нашѢ не только Славенскій языкѢ, но и

*) По сходству, примѢчаемому въ сихъ двухъ на мою книгу кришикахъ, надлежишь думать, что сія вторая, естѢ нечто иное, какѢ продолженіе первой. Издашель Московскаго Меркурія почти вездѢ въ кришикѢ своей, или ближе къ правдѢ, въ злонамѢренномѢ руганіи книги моей, говоритѢ въ множественномѢ числѢ: *мы*; а пошому думать должно, что слово *мы* означаетѢ нѣкоторую особливую *шайку* писателей, вооружившихся противѢ Славенскаго языка. Сія шайка поспѢша, по видимому, издашѢ первую кришику, была сама не довольна ею, находя въ семѢ первомѢ спряпаньи своемѢ мало соли и мало желти: чего ради приспустила издашѢ другую, гдѢ все оное, сколько могла, поправила.

поишѣ, кошорымѣ писалѣ Ломоносовѣ, уже обвѣщашаѣ, и не можешѣ намѣ болѣ служить примѣромѣ для сочиненія прозою. (спран. 162, 184). — Чпо поелику опѣ предковѣ нашихѣ не оспалось сочиненій ни обѣ аспрономіи, ни о геомеприи, ни о естеспвенной исторіи, ни о медицинѣ, пого ради не могли они бышѣ искусны вѣ словесности и писашѣ краснорѣчиво. (спран. 157). — Чпо мы, хопя и имѣемѣ великое количество словѣ, однако же не умѣемѣ извѣяснитѣ ими всего, что думаемѣ, и слѣдовашельно должны чужія слова и рѣчи принимашѣ вѣ языкѣ нашѣ. (спран. 159, 165). Чпо поелику пра бды наши, находясь подѣ Татарскимѣ игомѣ, ввели вѣ него много Латинскихѣ, Нѣмецкихѣ и Татарскихѣ словѣ, по для чегоже и намѣ не вводитѣ Французскихѣ, Арабскихѣ, и какихѣ бы по ни было? (спран. 166). — Чпо со временемѣ и сіи сполькоже вразумительны будупѣ, какѣ и пѣ. Вѣ доказательство сему издашель Меркурія приводитѣ слово *күсърь*, и спрашивашель: *какой поселянинѣ не разумѣеть сіо?* (спран. 165). — Чпо нынѣшніе писатели, намѣрены вовсе уничтожитѣ книжной языкѣ, и писашѣ какѣ говорашѣ, а говорашѣ какѣ пишупѣ. (спр. 180). — Чпо для достиженія сего великаго намѣренія надлежитѣ писашѣ не учась своему языку, и не для ученыхѣ людей, а для женщинѣ (спр. 181).

Основываясь на сихѣ правилахѣ, издашель Меркурія находитѣ книгу мою *разсужденіе о старомѣ и новомѣ слогахѣ* наполненною ложными поняпіями, ошибками, грубоспіями, и даже худыми намѣреніями. Но чпашель изѣ нижеслѣдующихѣ на крипику его примѣчаній моихѣ увидитѣ, сѣ такимѣ ли безприсрастіемѣ, знаніемѣ и справедливостію судитѣ онѣ обѣ ней, сѣ какою бы надлежало судитѣ, когда бы перомѣ его управляло побужденіе бышѣ

полезнымъ, а не желаніе злословить. Онъ говоритъ обо мнѣ.

„Согинитель чѣрлетъ, что языкъ Славенскій во столько надсестъ вѣкъ уже столько процѣталъ, сколько языкъ Французскій сталъ процѣтатъ во времена Людовика XIV (!!!)“

Надлежитъ, утверждая или опровергая что нибудь, доказывать разсужденіями: удивительные знаки, хотя бы ихъ поставишь припцашь сряду, ничего еще не доказываютъ: всякой ребенокъ можетъ наславить ихъ сколько угодно. Посмотримъ понялъ ли меня господинъ Меркурій, и я ли сказалъ здѣсь пельпицу, или онъ, какъ говорится по словица, глядѣлъ въ книгу, да худо видѣлъ. Порядокъ доказательствъ моихъ въ сочиненіи моемъ о старомъ и новомъ слоге есть слѣдующій: я многими выписками изъ священныхъ нашихъ книгъ, и примѣчаніями моими на оныя, показываю, какое краснорѣчіе, и какое великое богатство языка въ нихъ заключается. Помомъ для доказательства, что мы пребогатымъ сокровищемъ симъ не пользуемся, прилагаю малый опытъ словаря, изъ котораго, при всей его малости, довольно уже явствуетъ, что мы, гоняясь за какими-то упонченными въ чужихъ языкахъ понятіями, теряемъ всю важность, изобиліе и силу собственнаго языка своего и собственныхъ понятій своихъ. На сихъ двухъ доказательствахъ основываясь говорю, что по красотѣ и силѣ, съ какою предки наши умѣли объяснять мысли свои, когда начали переводить славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, должно заключать, что Славенскій языкъ процѣшалъ уже и прежде, то есть во времена самыя опдалѣннѣйшія. Ибо хотя мы и не видимъ никакихъ древнихъ книгъ, показующихъ ученость Славенскаго народа; однакоже вѣроятно заключить можемъ, что когда переводы съ другихъ языковъ изобилуютъ велико-

лѣпнѣмъ и красотою мыслей, по уже люди того времени умѣли мыслить, разсуждать и обѣясняться. Видя дымъ, хопя мы и не видимъ огня, однакоже безошибочно заключаемъ, что дымъ сей опъ горящаго внутри пламени происходитъ. Отсюду вывожу я, что богатство и краснорѣчіе древняго языка Славенскаго, которое видимъ мы въ духовныхъ писаніяхъ нашихъ, уже и во второмъ надеяшь въкъ, столько процвѣтало, сколько краснорѣчіе Французскаго языка въ свѣтскихъ писаніяхъ спало процвѣтать во времена Людовика XIV. Вся моя книга еспъ полкованіе о семъ. Какимъ же образомъ издапелю Московскаго Меркурія могло помѣспинься въ голову, что я свѣтскихъ впораго надеяшь въка писателей вашихъ, которыхъ погда никого еще не было, равняю съ Французскими свѣтскими при Людовикѣ XIV писателями? Я знаю, что не только въ погдашнее время, но и нынѣ свѣтская словесность наша не можетъ равняться со свѣтскою словесностію Французовъ, однако же не меньше того увѣренъ, что языкъ нашъ несравненно богатѣе ихъ языка. Великая ЕКАТЕРИНА, разговаривая нѣкогда съ Посланникомъ Сегюромъ о Россійскомъ и Французскомъ языкѣ, сказала: *ихъ не лзя сравнивать между собою; одинъ изъ нихъ Ислоникъ, а другой Карла. Ломоносовъ, разсуждая о нашемъ языкѣ, говоритъ: „Карлъ пыный Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіанскимъ съ женскимъ поломъ говоритъ прилично; но еспыли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, по конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говоришь пристойно.“* — Когда бы не было у насъ духовныхъ книгъ, изъ которыхъ однихъ можемъ мы разсуждать о силѣ и богатствѣ Славенскаго языка, по могла ли бы ЕКАТЕРИНА Великая, могъ ли

бы Ломоносовъ, по однимъ погдашнимъ нашимъ свѣтскимъ писаніямъ, превозноситъ сполько языкъ нашъ? Иное дѣло сравнивать науки и нынѣшнюю словесность нашу съ науками и словесностію Французскою, иное дѣло разсуждать о языкѣ, которой у нихъ процвѣталъ подѣ перомъ свѣтскихъ писателей, а у насъ подѣ перомъ духовныхъ. Издаватель Московскаго Меркурія, продолжая приписывать мнѣ свое понятіе, и не вразумясь о какой учености и глубокомысленности Славенскаго народа говорю я, спрашиваетъ: „*Гдѣ остатки сей учености? о какихъ наукахъ физическихъ или математическихъ писали наши предки? Много ли знаемъ древнихъ Русскихъ сочиненій объ астрономіи, о геометріи, о химіи, о естественной исторіи, о медицинѣ, или по крайней мѣрѣ о предметахъ словесности?*“ — Къ чему всѣ сіи вопросы, когда я не о наукахъ разсуждаю, но о древности языка, и о краснорѣчии духовныхъ нашихъ книгъ. Когда бы я спалъ говорить о силѣ и красотѣ Демосеновыхъ противъ Филиппа, или Цицероновыхъ противъ Капилины словъ, имѣлъ ли бы кто право спросить у меня: да знали ль они Геометрію? Мы даже и сего упвердительно скажемъ, что предки наши не писали о наукахъ. Гдѣ сочиненія Бояновы? Кто мнѣ докажетъ, что и многихъ разнаго рода Бояновъ не погладила рѣка забвенія.

Издаватель Меркурія, почитая Славенскій языкъ нашъ состарѣвшимся, худымъ, недостапочнымъ объясняетъ новыя наши понятія, говоритъ: „*Сочинитель разсужденія о словѣ, выписавъ изъ Чести - минеи цѣлое житіе трехъ святыхъ Дѣвъ (мученицъ), отъ первой страницы до послѣдней, обращаясь къ читателямъ, говоритъ: откудажь мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ? (спран. 126)? Надобно думать, что это ошибка.*“ — Нѣтъ, господинъ Меркурій, это не ошибка. Бѣдоснь сего выраженія вашего спобитъ

Ч а с т ь II.

27

грубости моихъ словъ *). Разсмотримъ здѣсь два обстоятельство: первое, съ добрымъ ли намѣреніемъ издатель Меркурія судилъ книгу мою, или съ пѣмъ зложелательствомъ, чѣмъ переполковываетъ ее по своему, въ надеждѣ, что не всякой читатель пойдетъ въ нее справляться, почто ли Меркурій говоритъ о ней правду. Второе, вѣдлинну ли мнѣ, что изъ Славенскихъ книгъ можемъ мы почерпнуть знаніе языка, такъ не вѣроятно и спранны, что издатель Меркурія не иначе почитаетъ оное, какъ *ошибкою*, по естъ сумашествіемъ или совершеннымъ безуміемъ; ибо ошибка ничего инаго значить здѣсь не можетъ. Господинъ Меркурій приступаетъ къ исполкованію меня слѣдующимъ образомъ: во первыхъ рѣчь мою сокращаетъ; во вторыхъ все предвѣдующее разсужденіе, объясняющее оную, выкидываетъ. Мы увидимъ топчасъ для чего онъ сіе дѣлаетъ. Вотъ что въ книгѣ моей сказано: „всѣ сіи приведенныя для примѣра здѣсь выписки изъ священныхъ писаній **)

суть ошнюдь не такія, которыя бы съ особли-

*) Издатель Меркурія, для показанія грубости словъ моихъ, часто выписывал ихъ прибавляешь къ обстоятельству дѣла опъ себя вѣчно ложное. Какъ на примѣръ онъ говоритъ обо мнѣ: „въ другихъ мѣстѣ, послѣ длинной выписки, онъ сирѣшиваетъ: *похожъ ли этотъ бредъ на Руской языкъ? Такіе примѣры находимъ почти на каждой страницѣ.*“ — Мѣсто въ книгѣ моей, о кошоромъ здѣсь говоритъ Меркурій, естъ слѣдующее: „что такое *развивать характеръ?* похожъ ли эшотъ бредъ на Руской языкъ? (сир. 129).“ — Ишакъ слово *бредъ* сказано здѣсь не *послѣ длинной выписки*, и не ошносился ни къ какому лицу, по единственню къ словамъ *развивать характеръ*. Желаніе повредить кому нибудь лукавыми напѣжками и ѣдкими мыслями гораздо хуже, нежели грубая правда, чистосердечно сказанная.

***) Слѣдовательно не объ одномъ житіи шрехъ свяшыхъ Дѣвъ говорю я здѣсь, какъ шолкуешь меня Меркурій. Сихъ выписокъ въ книгѣ моей много. Я сидѣлъ и шрудился надъ

вымъ щцаніемъ выбраны были, но случайно взяты изъ немногаго числа попавшихся мнѣ въ руки книгъ. Между тѣмъ, естли мы безъ всякаго предубѣжденія и предразсудка вникнувъ хорошенько въ языкъ свой, сравнимъ ихъ съ самыми краснорѣчивѣйшими иносипранными сочиненіями, то должны будемъ признасться, что оныя ни общимъ расположеніемъ описанія, или повѣствованія, ни соображеніемъ понятій, ни оспрошою мыслей, ни изображеніемъ, ни украшеніемъ, ни чистотою и величавостію слога, не уступають имъ. Опкудужь мысль сія, что мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искусствѣ слова? “Примѣтимъ теперъ безприспастіе Меркурія: во первыхъ онъ выпустилъ все предвидущее, къ чему я послѣднюю рѣчь мою сказалъ. Во вторыхъ даемъ словамъ моимъ такой оборотъ, какъ будто я на одно житіе прехъ святыхъ дѣвъ указываю. Въ претъихъ изъ рѣчи моей: *откудажь мысль сія, то мы не имѣемъ хорошихъ образцовъ для наставленія себя въ искусствѣ слова*, сію послѣднюю часть рѣчи: *для наставленія себя въ искусствѣ слова*, выкинулъ. Для чего все сіе сдѣлано? для того, дабы удобнѣе было дасть словамъ моимъ такой полкъ, какъ будто бы я говорилъ: *лишите старымъ исцупотребительнымъ слогамъ, лишите поэмы и трагедіи по образцу житія святыхъ отецъ*. Нѣтъ, господинъ Меркурій! не только другіе чипатели поймутъ, о чемъ я въ книгѣ

ними долго, дабы показати красоту языка нашего въ Священныхъ писаніяхъ, и увѣренъ, что благомыслящіе люди внутри сердца своего поблагодарять меня за то. Меркурій станушь долговременные плоды упражненія моего въ языкъ, и прехъ-лѣшній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергати двухъ-дневною работою своею; Меркурій станушь меня злословишь, но я и не пекусь о ихъ похвалѣ. Я въ предисловіи кимги моей сказалъ, что не для нихъ оную пишу.

★

моей говорю, но и вы сами понимаете, и для того - то и стараешься выпускашь, сокращаешь меня, чтобъ показать не въ помѣ видѣ, въ какомъ я вамъ самимъ прошивъ воли вашей кажусь. Къ подобнымъ уловкамъ господинъ Меркурій весьма часто прибѣгаетъ. Напримѣръ: выписавъ изъ книги моей приведенные мною для примѣра старинные стихи: *только есть тебе Бога вамъ хвалити и проч.*, говоритъ: „сомнительно, чтобы такія красоты обратили вниманіе къ пражному слогу.“ (спран. 171). — Господинъ Меркурій, дабы взвесити на меня небылицу, пришворяется здѣсь, будто меня не понималъ. Я въ книгѣ моей (на спр. 57) о самыхъ сихъ стихахъ говорю, что они не имѣютъ ни желаемой чистоты, ни согласія, ни опредѣленной мѣры, ни спройнаго слогападенія: слѣдовательно послѣ сего не трудно было понять меня, что я не выдаю ихъ за образецъ краснорѣчія. Напротивъ, я нарочно старался изъ старинныхъ стиховъ выбрать здѣсь самые простыя, дабы слича ихъ съ нынѣшними гладкими и высокоумными стихами (смотри стихи сіи въ той же книгѣ моей и на той же страницѣ), явнымъ очевиднѣе показати разность, что первые изъ нихъ при всей своей простотѣ удобовразумительны и ясны, а въ другихъ разумъ гонясь за хитростію сбился совсѣмъ съ пути. Сравнивать естественную простоту старинныхъ стиховъ съ непонятною замысловатостію нынѣшнихъ новоязычныхъ, для показанія преимущества однихъ предъ другими, не есть выдавать сіи простыя старинные стихи за образецъ красоты. Подобнымъ же образомъ господинъ издатель Меркурія изволивъ полковаць и о стихахъ, приведенныхъ въ книгѣ моей изъ Ломоносова. Тамъ разделены они на три рода: одними показываю я, какимъ образомъ умѣлъ онъ простыя и даже низкія слова помѣщать пристойно, не унижая ими слога.

Другими, съ какою плавностію, силою и красотою изображалъ онъ свои мысли. Послѣ приведенныхъ мною пому примѣровъ говорю: „мы видѣли разумъ его и глубокое въ языкѣ знаніе; покажемъ теперь примѣръ осторожности его и наблюденія ясности въ рѣчахъ.“⁶⁶ Здѣсь упоминаю я о стихѣ: въ дождѣ гать повредился, единственно для того, дабы дать читателю примѣнить, съ какимъ раченіемъ пекся онъ о слогѣ своемъ, когда при самома́лѣйшемъ обстоятельстве темноты или двусмыслія старался избѣгать отъ оныхъ. Меркурій по благонамѣренному безпристрастію своему, желая вездѣ меня показывать на выворотѣ, смѣшиваетъ сіи мои при весьма различныя между собою мысли, и о пѣхъ стихахъ, которыхъ замѣчаю я красоты, ничего не говоритъ; а о которыхъ красота я ничего не говорю, на тѣ указываетъ онъ и восклицаетъ: „послѣ сего читатель ожидаетъ прекраснаго, грезвытайнаго и къ удивленію своему находить: О коль велико въ немъ движеніе сердечнаго, и проч. (см. въ Журналѣ его стран. 171 и 172). — Мнѣ кажется чужіе пруды должно опровергать своими прудами и справедливыми показаніями, а не клеветами. Обратимся теперь къ пому, можно ли, читая священныя писанія, настаивать себя въ искусствѣ слова. Хотя я въ книгѣ моей довольно о семъ говорилъ, однако скажемъ и здѣсь нѣчто. Всякъ знаетъ, что богатство наше состоитъ въ Славенскомъ языкѣ. Употребительный нынѣ Россійскій языкъ есть чадо онаго, заимствующее отъ него все свое украшеніе. Запрещи намъ писать: конь, всадникъ, возница, вертоградъ, храмъ, молніеносный, быстроларяцій, и всѣ подобныя симъ слова, имѣющія корень свой въ Славенскомъ языкѣ, словесность наша не лучше будетъ Камчадальской. Издашеть Меркурія думаетъ, что языки старѣются, и что когда нарѣчіе переименилось, то уже и старой языкъ никуда не годится.

Такимъ образомъ могу я думать о шупоносыхъ башмакахъ, когда повѣрье переменится, и спануть носить остроносые; но совсѣмъ иное понятіе имѣю я объ языкахъ и о словесности. Древность языка и чтеніе старинныхъ книгъ есть поже для меня, что поучительная бесѣда съ умаченнымъ сѣдиною славнымъ воиномъ. Тѣло его слабо, но душа его сильна. Онъ не спана своего сановитостию, не красивымъ и легкимъ въ десницѣ своей обращеніемъ оружія, научилъ меня владѣть мечемъ; но достойными вниманія рассказами о храбрыхъ воинскихъ дѣлахъ и подвигахъ воспламенилъ сердце мое и вложилъ въ грудь мою духъ чесполубія, духъ мужества. Такимъ образомъ первая искра стихотворческаго огня загорѣлась въ душѣ Ломоносова отъ чтенія Псалтири. Опними всѣ старинныя книги, уничижь Славенской языкъ, мы не будемъ имѣть ни письма о пользѣ стекла, ни Россіяды, ни Душиньки, ни Фелицы. Науки и чтеніе иностранныхъ книгъ распроспраняютъ познанія наши, но могутъ ли они одарить насъ силою слога? Мы хотимъ подражать Французамъ, но подражаемъ ли имъ, когда заимствуемъ у нихъ и слова и образъ рѣчей? Какой Французъ учился у Нѣмца писать по Французски? Мы имѣемъ мало хорошихъ свѣтскихъ сочиненій, тѣмъ нужнѣе читаемъ намъ духовныя Славенскія книги: ибо опкудужь иначе познаемъ мы языкъ свой? Взглянемъ на первоначальное Французской и нашей словесности возникеніе. До временъ ПЕТРА Великаго, или паче Елисаветинныхъ, не было у насъ наукъ, не было свѣтскихъ писателей, стихотворцевъ. Французская словесность начала процвѣтать около временъ Людовика XIV. Въ его царствованіе спали у нихъ появляться знаменитые писатели. Они прославились въ тѣхъ родахъ сочиненій, которые у насъ были неизвѣстны. Въ трагедіяхъ, въ комеді-

яхъ, въ операхъ, въ наукахъ, въ разныхъ стихотвореніяхъ и проч. Мы оставались еще, до временъ Ломоносова и современниковъ его, при прежнихъ нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, при священныхъ книгахъ, при размышленіяхъ о величествѣ Божиѣмъ, при умствованияхъ о христіанскихъ обязанностяхъ и о вѣрѣ, научающей человѣка крошечному и мирному житію; а не пѣмъ развратнымъ нравамъ, которыми новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыми пагубные плоды, послѣ шотландскаго проліянія крови, и понынѣ еще во Франціи гнѣздятся. Но оставимъ наипаче ихъ на нравственностъ и обратимся къ словесности. Франція изобиловала уже различными сочиненіями, когда наша словесностъ едва двигала еще свои мышцы. Французскіе писатели попеченіемъ объ языкъ своемъ вычистили, обогатили оный; мы прилѣпленіемъ къ языку ихъ спали отставать отъ своего собственнаго. Такимъ образомъ въ наукахъ и въ художествахъ сдѣлалось у нихъ множество названій, въ которыхъ мы, переводя книги ихъ, почувствовали нужду, и спали принимать ихъ въ свой языкъ. Отъ наукъ и художествъ просперлось сіе и на словесностъ. Въмѣсто того, чтобъ и пѣ названія, въ коихъ мы дѣйствительную имѣемъ надобностъ, стараться испреблять, замѣняя ихъ своими приисканными въ Славенскомъ словарѣ, или новыми сощцаніемъ изобрѣщенными, мы спали въ разговорахъ и въ книгахъ щеголять употребленіемъ всякихъ, ни мало не нужныхъ намъ, чужеспранныхъ словъ, предпочитая ихъ своимъ *).

*) Меркурій по одному великодушію своему, безъ всякой денежной платы, обучая меня различашъ Французскія слова съ Латинскими и Греческими, говоришь: „нынѣшніе хорошие писатели приняли нѣсколько словъ чужеспранныхъ, большею частію Греческихъ и Латинскихъ.“ — Господи!

шло и до цблхъ рбчей. Переводчики спали тысячами вносишь ихъ въ языкъ свой, принуждая читателя понимать непонятное; ибо такіе переводы гораздо легче *головоломныхъ* переводовъ. Опсуду часъ опчасу большее удаленіе отъ знанія и любленія собственнаго языка своего, и часъ опчасу большее прилбпленіе къ нелбпому, безобразному чужезычію, такъ что напоследокъ господа Меркуріи начали явно утверждать, что *теніе Славенскихъ книгъ не наставляеть насъ въ искусствѣ слава; что мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми не умѣемъ объяснять всего, что думаемъ; что двѣ трети языка нашего нккуда не годятся; что нынѣшніе писатели наши намѣрены истребить книжной языкъ; и что писать надобно не угасъ своему языку, и не для угеныхъ людей, а для женщинъ.* Разсмотримъ по порядку каждую изъ сихъ мыслей, ибо каждая изъ нихъ достойна особливаго вниманія.

Издатель Меркурія удивляется, какъ мы выше видѣли, что я въ Славенскихъ и священныхъ писаніяхъ нахожу примѣры краснорбчія, удобные къ наставленію насъ въ искусствѣ слова, и говоримъ: „*надобно думать, что это ошибка.*“

Не знаю по чему будетъ это ошибка, когда я читалъ въ пбсни Игровой: *а мои ти куряни свѣдоми жъ мсти, подъ трубаши ловиты, подъ шеломи возлетяны, концель колія воскормлени,* нахожу, что въ словахъ сихъ заключается мысль, какой сильнѣе не

Меркурій! гдѣ совѣсть? Да развѣ *актъ, сцена, мифологія, рельефъ, дескриптивнал, вирмонировать, фиритатъ, бандидъ, фурманъ, визитаціа, катедральная,* и проч. и проч. Все Греческія и такія слова, которыя намъ необходимо нужны! — Вы о сихъ словахъ, упомянутыхъ въ книгѣ моей (на стран. 255) ни слова не говорите, а говорите о словѣ *фраза*, о которомъ я ни слова не говорю, хотя и оное опшюдь не почишаю украшеніемъ нашего языка.

читалъ я ни въ Виргиліи, ни въ Тассѣ, ни въ Волперѣ. Свѣтскія писанія конечно различествуютъ съ духовными: изъ Посланій Святаго Павла Сумороковъ не могъ заимствоватьъ нѣжныхъ при прощаніи разговоровъ Трувера съ Ильменою; однакожь во многихъ случаяхъ краснорѣчіе какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ, можетъ быть равное и одинакое. Изображеніе страстей, пороковъ, добродѣтелей; описаніе бури или пишины, гордости льва или крохоспи агнца, и тысячи подобныхъ сему вещей можно находить какъ въ житіи святыхъ отецъ, такъ и въ Мармонтелевыхъ сказкахъ. Трагедія вообще есть сочиненіе не похожее на Псаломъ, на Акаѳистъ, на Прологъ, на Чепи-миней, кто объ этомъ спорить? но въ Псалмѣ, въ Акаѳистѣ, въ Прологѣ, въ Чепи-миней, также какъ и въ Корнелиевой трагедіи, есть богатыя мысли, сильныя чувствованія, прекрасныя выраженія. Въ какомъ Французскомъ стихотворцѣ найду я сильнѣйшее сего разсужденіе о Богѣ: *у него преледрость и сила, у него совѣтъ и разумъ: аще изложитъ, кто созиждетъ? аще затворитъ, кто отверзетъ? аще возбранитъ воду, изсушитъ землю; аще лютитъ, полюбитъ ю.* Расинъ въ трагедіи своей *Федръ*, описывая морское чудовище, говоритъ:

Son front large est armé de cornes menaçantes.

и л и :

Sa croupe se recourbe en replis tortueux.

Ювъ въ Библии, изображая подобное же чудовище, говоритъ:

На вышге ео водворяется сила, предъ нимъ тещтъ лацуба.

и л и :

Ребра ео ребра мѣдана, хребтъ ео жельзо сѣяно.

Естьли читая сіи Расиновы стихи научаюсь я, какимъ образомъ должно изображать чудовище, то

и чипая Іова помужѣ самому научаюсь, съ пою разностію, что Расинѣ обогащаетъ меня одними только мыслями, а Іовѣ и мыслями и словами къ выраженію оныхъ приспойными; одинѣ научаетъ меня понимать вещи, а другой и понимаетъ ихъ и пересказывать съ таковоюже силою; начипавшись одного познаю я красоты чужаго языка, начипавшись другаго познаю я собственный свой языкъ и богатство онаго. Когдаже разумъ мой обогащенъ будешъ мыслями и словами, тогда, имѣя дарованіе, удобнѣ могу я писать и простымъ и важнымъ и забавнымъ и высокимъ слогомъ; но когда я ни силы, ни оборотовъ языка своего, ни приличнаго помѣщенія словъ, ни знаменованія оныхъ, не знаю, тогда переводя Волтера изъ оспрыхъ и забавныхъ шутокъ его сдѣлаю нѣчто сухое, изъ жалостныхъ и важныхъ твореній его нѣчто смѣшное. Ипакъ священныя наши книги могутъ намъ служить образцами для наставленія насъ въ искусствѣ нынѣшней нашей словесности, подобно какъ служили онѣ образцами Ломоносову, и сравнивать заключающееся въ нихъ краснорѣчіе съ краснорѣчіемъ Французскихъ писателей, процвѣтавшихъ во времена Людовика XIV, есть не такой душепагубный грѣхъ, какимъ кажется оный издапелю Московскаго Меркурія. Онѣ говорятъ: *наши старинныя книги не сообщаютъ красокъ для роскошныхъ Будчаровъ Аслазін, для картинъ Виландовыхъ, Мейснеровыхъ, или Доратовыхъ. Очень хорошо. Но откудужъ возьмемъ мы сіи краски, еспли не научимся соспавлять ихъ изъ прежде бывшихъ красокъ? Еспли Виландовы, Мейснеровы, Доратовы карпины хороши, такъ это опѣ того, что они учились писать ихъ. Мейснерѣ чипаетъ нечаянно попавшуюся ему забытую всѣми старинную книгу, называемую: *шесть сотъ двадцать семь повѣстей о шуточные рѣчахъ и бранныхъ словахъ придворнаго балацра Клауза. Прія-**

шель Мейснеровъ, нашедъ его упражняющагося въ чтеніи сей книги, спрашиваетъ у него: какъ можетъ онъ читать такой вздоръ? Мейснеръ отвѣчаетъ: *можетъ быть усмотрю я здѣсь первое основаніе нѣкоторыхъ славныхъ вымысловъ; найду нѣсколько хорошихъ несправедливо забытыхъ выраженій; соберу нѣкоторые свѣденія о тогдашнемъ образѣ мыслей Саксонцевъ — *)*. Господинъ Меркурій не знаю по какому праву опъ лица всѣхъ нынѣшнихъ писателей кричитъ: *мы не хотимъ читать старинныхъ Русскихъ книгъ; мы хотимъ быть Виландами, Мейснерами, Дораталли!* Государи мои! я опъ истиннаго сердца желаю вамъ сего, но не вижу къ тому никакой надежды: Мейснеры даже и въ Клаузахъ ищутъ, нѣтъ ли чего шакого, что изъ нихъ почерпнуть можно; а вы даже и въ сокровищахъ Славенскаго языка ничего добраго не находите. Но довольно о семъ. Обращимся ко второй его мысли. Онъ защищая писателей вводящихъ въ языкъ нашъ спранныя новости, вопія противъ меня за похвалы мои Славенскому языку, доказывая негодность онаго и надобность заимствованія новыхъ словъ и выраженій, говоритъ:

„Мы получили въ наслѣдство великое количество словъ, которыми однакожъ не умѣемъ изъяснить всего, что думаемъ. (спран. 159).

Во первыхъ, я бы желалъ знать, о комъ здѣсь сказано: *мы не умѣемъ?* Ломоносовъ умѣлъ, Херасковъ, Державинъ, и другіе, подобные имъ писатели, умѣютъ. У насъ конечно не много важныхъ сочиненій, и знаменитыхъ писателей, но тѣ которые есть, умѣютъ Рускимъ языкомъ обьяснять

*) Vielleicht das ich hier den ersten Grund manches berühmten Einfalls ausschürfte; manche gute unrechtmässig vergessne Redensart auffinde; manchen Beitrag zur Denkart der damaligen Sachsen samle, — (Meisners Skizzen).

мысли свои, иначе не были бы они хорошими писателями. Не ужъ ли издатель Меркурія думаетъ, что когда онъ не умѣетъ, такъ и вся Россія не умѣетъ? — Во вторыхъ, на чѣмъ сіе разсужденіе основано? имѣтъ великое количество словъ и не умѣтъ объясняться ими, не поже ли самое есть, какъ имѣтъ великое множество кирпичей и не умѣтъ изъ нихъ построишь себѣ домъ? ктожъ виноватъ: хозяинъ или кирпичи? Ломоносовъ умѣлъ воспользоваться великимъ количествомъ словъ, умѣлъ изъ сихъ кирпичей воздвигнуть преславное зданіе; естли бы многіе Ломоносовы умѣли также созидать изъ нихъ высокіе дома, такъ бы вышелъ великолѣпный, огромный городъ. Слѣдовательно не кирпичи сіи бросаешь, но надобно намъ изъ кирпичей сихъ учиться строишь дома. Обратимся къ шрепей мысли господина Меркурія. Онъ говоритъ:

„Сочиненія Кантемировы были первою зарєю нашей словесности. Послѣ того чумы Россійскіе летѣли къ просвѣщенію. Недоставало только словѣтка съ дарованіями превосходными и обработанными цѣнѣмъ долговременнымъ, чтобы отважиться на образованіе новаго языка. Ломоносовъ отважился и предалъ и ня свое безсмертію: (Ломоносовъ ни на что не отважился и никакова новаго языка не образовалъ. Нарѣчіемъ или слогомъ, какимъ писалъ онъ, уже до него всѣ писали. Сумароковъ жилъ и сочинялъ въ одно съ нимъ время и уже эклоги его дышали нѣжностію, каковую и самъ Ломоносовъ не способенъ былъ изображать. Онъ пылкимъ воображеніемъ своимъ, соединеннымъ съ знаніемъ языка своего, вознесся покомъ выше всѣхъ современниковъ своихъ, и главное достоинство его состояло въ томъ, что онъ умѣлъ простой Россійскій языкъ сочетать съ высокимъ Славенскимъ языкомъ, и такъ сказать одинъ изъ нихъ распворишь другимъ. Трудъ и намѣреніе его были

совсѣмъ прошивны шому, чшобъ бросить Славенскій языкъ и просшой Руской смѣшашъ съ Французскимъ). Онъ собственнымъ примѣромъ доказалъ, что старинное не всегда бываеъ лучше. (Эшо всякой знаеъ, что худое старинное хуже хорошаго новаго, а худое новое хуже стариннаго хорошаго. Ломоносовъ, напротивъ, и словами и дѣломъ доказалъ, что желающему бытъ искуснымъ писателемъ, должно читашъ Славенскія книги). *Дорога проложена: оставалось только слѣдовать по ней, то естъ очищать, обогащать языкъ по гмслу новыхъ понятій. (Обогащаетъ языкъ пошъ, кто упражняется въ немъ; очищаетъ его, кто истребляетъ чужезычіе. Но кто думаетъ, что онъ введеніемъ въ него чужезычныхъ нечлпостей очищаетъ и обогащаетъ его, пошъ не по шой дорогѣ идеъ, копорую проложилъ Ломоносовъ). Ибо языкъ самой богатой бѣднѣсть, естъли не пріобрѣтаеъ. (Мнѣ извѣстны покомо понятія, заключающіяся въ словахъ: *терля бѣднѣсть, или: пріобрѣтала богатѣть; но выраженіе бѣднѣсть не пріобрѣтала* принадлежишъ къ числу новыхъ цтонсенныхъ понятій, о копорыхъ я давно уже опозвался, что ихъ не разумѣю. По крайней мѣрѣ, говоря такими загадками, должно обьяснять ихъ. Мнѣ кажется языкъ нашъ пріобрѣтала бѣднѣсть. Эшо также загадка; но я свою располкую и скажу, что я подъ симъ разумѣю: пріобрѣтаеъ онъ переводную изъ Французскаго языка нечлпцу, а шеряеъ природную силу и крашкосшь: слѣдовашельно бѣднѣеъ). Ломоносовъ сравнялся съ лучшими поэтами, но не могъ поравнять нашей словесности съ Французскою, ни даже съ Италианскою, ни даже съ Англинскою; не могъ поровнять нашихъ понятій съ понятіями другихъ народовъ. (Название словесность обьемлетъ собою всѣ роды писаній, а пошому одинъ человекъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, не можеъ сосшавить всей словесности, или поравнять ее съ словесностію*

другихъ народовъ. Понятія одного народа сравни-
 ваюпся съ понятіями другаго народа общимъ по-
 печеніемъ о языкѣ и о наукахъ. Разсмапривапелю
 книгъ надобно умѣшь разсуждашь). *Нѣтъ вещи, нѣтъ*
и слова, нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія. (Такъ; да не
 о томъ рѣчь идетъ, а вотъ о чемъ: есть слово и
 есть понятіе, но мы или не знаемъ, или не хопимъ
 употреблять его, для того, что оно наше соб-
 ственное. Когда бы господинъ Меркурій поприле-
 жнѣ книгу мою прочиталъ; пакъ бы онъ увидѣлъ
 о чемъ я въ ней говорю). *Послѣ Ломоносова мы узна-*
ли тысячи новыхъ вещей. (Какія это вещи? что та-
 кое. новое открылось намъ въ словесности? поели-
 ку господинъ Меркурій говоришь здѣсь ариемети-
 чески, и вмѣсто всѣхъ разсужденій и доказа-
 тельствъ употребляетъ только щотное число
тысячи, того ради и отвѣчаешь ему должно ариеме-
 тическиже: положимъ, что до Ломоносова извѣст-
 но было пятьдесятъ тысячъ вещей, а послѣ него
 открылось еще двѣ тысячи. Для чегоже нынѣш-
 нему Ломоносову съ пятьюдесятью двумя тыся-
 чами вещей, не говоритъ такимъже числымъ Ру-
 скимъ языкомъ, какимъ старой Ломоносовъ гово-
 рилъ съ пятьюдесятью тысячами?). *Чужестранные*
обычаи родили въ члѣ нашелъ тысячи новыхъ понятій.
 (Опять тысячи? да въ чемъ состоятъ сіи тыся-
 чи, и какую связь чужестранные обычаи имѣютъ
 съ языкомъ и краснорѣчіемъ нашимъ? Французы
 выкрасятъ сукна и дадутъ цвѣтамъ ихъ названія:
мерца, бѣ-де-лари и проч. — Они надѣлаютъ дома-
 шнихъ уборовъ и назовутъ ихъ: *табуре, шезлонгъ,*
кѹшетъ и проч. — Они выдумаютъ *шарады, логгри-*
фы, акростиши, абракадабры, и проч. — Они на-
 дѣнутъ толстой галстукъ и скажутъ: это *жибо;*
 возмутъ въ руки суковатую дубину и скажутъ:
 это *массю д'еркюль.* — Они переимѣнятъ имена сво-
 ихъ мѣсяцовъ; изобрѣмутъ *декады, шльютны,* и

проч. и проч. — Какъ! и все это должно попра-
сать языкъ нашъ? Какъ! для всѣхъ эпитъ здо-
ровъ должно намъ пренебрегать Славенскій, корен-
ный языкъ свой и выдумывать новой, парабар-
ской? — Нѣтъ, господинъ Меркурій, мало вы най-
дете людей, которые бы вамъ въ этомъ повѣри-
ли). *Вку . очистился.* (Судя по великому числу вы-
ходящихъ нынѣ худыхъ сочиненій, и по малому
числу хорошихъ, не вижу я, чѣмъ вкусъ нашъ въ
словесности очистился, и врядъ очистится ли
онъ, когда мы такъ о языкъ нашемъ судить бу-
демъ, какъ судятъ Меркуріи). *Читатели не хотятъ,
не терпятъ выраженій противныхъ слуху.* (Не хотятъ,
но по неволѣ терпятъ, когда худые писатели, или
пѣ, копорымъ припала охота поршпть языкъ
свой, безпрестанно пѣмъ ихъ попчиваютъ. Въ
книгѣ моей можно видѣть ясныя шому доказатель-
ства). *Болѣе двухъ третей Рускаго словаря остается
безъ употребленія.* (Прекрасное доказательство про-
цвѣпанія нашей словесности и очищенія вкуса! я
не знаю за чѣмъ уже и оспальную шрепъ остав-
лять; лучше бы весь Руской языкъ испребить;
но правда, это и не нужно; ибо когда останетса
его одна шрепъ, а двѣ шрепи будутъ чужезычія,
по уже и оспальной шрепи никшо Руской разу-
мѣтъ не будутъ. Господинъ Меркурій хвалитъ
это и называетъ просвѣщеніемъ! что опвѣчанъ
на сіе?). *Что дѣлать? искать новыхъ средствъ объяс-
няться.* (Да гдѣ же мы искать ихъ станемъ, коли
не въ своемъ умѣ и не въ своемъ языкѣ?). *Удер-
жать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такоза
туда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не
перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фло-
кѣоновъ и Демосевоновъ должны какъ чужестранцы чгнть-
ся тому, которымъ предки ихъ грѣмѣли на кафедрѣ Афин-
ской.* (Хорошій примѣръ для послѣдованія! Господинъ
Меркурій желаетъ насъ видѣть похожими на по-

помковъ Демосееновыхъ, у которыхъ нѣтъ уже ни языка ни наукъ! Для того что ихъ языкъ уклоняясь отъ Гомерова языка пришелъ въ упадокъ, такъ и нашему уклоняясь отъ Славенскаго надобно придти въ упадокъ! Вотъ здѣсь вподинну должно думать, что это ошибка). — Обратимся къ четвертой мысли издателя Московскаго Меркурія. Онъ говоритъ:

„Залѣтили еще нѣкоторыя мысли сочинителя. Кажется, что онъ полагаетъ необходимымъ особливою языкъ книжной, которому надобно цѣдиться какъ чужестранному, и различаетъ его только отъ низкаго, протонароднаго. Но есть языкъ средній, тотъ, который стараются образовать нынѣшніе писатели равно для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорить, и говорить какъ пишуть; однимъ словомъ, чтобы совершенно уничтожить языкъ книжной.“ (спран. 180).

Здѣсь опять надлежитъ быть великой ошибкѣ. Книги пишутся простымъ, среднимъ и высокимъ слогомъ. Издатель Меркурія перебивавъ, какъ видно, сіи понятія, думаетъ, что мы разговариваемъ между собою простымъ, среднимъ и высокимъ языкомъ! Признаться, что я о такомъ раздѣленіи разговоровъ нашихъ на различные слогі отроду въ первой разъ слышу. Книжной языкъ раздѣляется на три слога; изъ которыхъ простой есть тотъ, которымъ говорятъ въ хорошихъ обществѣхъ; средній есть замысловатѣе и цвѣтущее онаго, высокойже громче и величавѣе. Средній языкъ въ книжномъ языкѣ есть средній слогъ; но средній языкъ въ языкѣ разговоровъ есть почти поже, что средняя почка на поверхности шара. Въ книгѣ моей довольно ясно сказано, что такое разумѣю я подъ словами *книжной языкъ*, да естлибъ и не дѣлать о семъ никакого объясненія, такъ самыя слова сіи не могутъ инаго значить, какъ то, что книжной языкъ есть простой, копо-

рымъ пишутся книги, а не пошъ, которымъ люди другъ съ другомъ разговариваютъ. Сіи два языка различаются между собою во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ народахъ, кромѣ тѣхъ развѣ людей, у которыхъ нѣтъ ни книгъ, ни наукъ, ни словесности. Не возможно не различать ихъ, потому что книжной языкъ всегда бываетъ выше языка употребляемаго въ разговорахъ; сіе не можетъ быть иначе, потому что мы сообщаемъ другъ другу мысли свои простию, безъ всякаго приуготовленія; а когда сочиняемъ книгу, то чѣмъ она важнѣе, тѣмъ больше сидимъ надъ нею и думаемъ, какъ бы намъ мысли свои объяснить и выразить лучше. Расинъ въ сочиненіяхъ своихъ говорилъ самымъ чиснымъ, прилипнымъ, цвѣшущимъ и высокимъ языкомъ, какимъ рѣдкіе писатели говорить могутъ; но языкъ разговоровъ его въ обществѣ или бесѣдѣ былъ безъ сомнѣнія обыкновенной, какимъ и всѣ, или по крайней мѣрѣ многіе говорили. Слогъ или языкъ, которымъ объясняемся мы въ книгахъ, часто не приличенъ бываетъ разговорамъ, а языкъ какимъ объясняемся мы въ разговорахъ, часто не приличенъ бываетъ книгамъ, особливоже требующимъ важнаго и высокаго слога. Въ книгѣ могу я сказать: *гряди Суворовъ, надежда наша, любѣди брѣговъ!* но если бы я чѣмъ лично въ моемъ разговорѣ съ нимъ сказалъ ему это, такъ бы всѣ сочли меня сумасшедшимъ. Въ книгѣ могу я сказать: *звѣздололюбный, златовласый, быстроокій;* но если бы я въ бесѣдѣ такимъ образомъ разговаривать сталъ, такъ бы всѣхъ поморилъ со смѣху. Въ книгѣ ни мало не странно, когда любовникъ говоритъ любвицѣ:

Противъ тебя, противъ себя вооружался;
Не зря тебя искалъ, а видя удалялся.

Но какой любовникъ въ комнатѣ спанетъ разговаривать такимъ высокимъ слогомъ съ любов-

Ч а с т ь II.

28

ницею своюю? Арисія въ трагедіи Федръ у Расина говоритъ :

Et la terre humectée
But à regret le sang des neveux d'Ericée.

Но естли бы какая нибудь Княжна спала окружающимъ ее подобнымъ слогомъ, и съ такимъже наборомъ словъ, что нибудь рассказывать, какъ бы при такомъ краснорѣчии ея спали всѣ опъ смѣха кусать себѣ губы. Сколько книжной или ученой языкъ страненъ въ разговорахъ общежитія, сполько языкъ разговоровъ страненъ въ высокихъ сочиненіяхъ, и недоспапochenъ для книгъ, выключая пѣхъ, копорыя пребуотъ простаго слога. Весьма бы смѣшно было въ похвальномъ словѣ какому нибудь Полководцу, вмѣсто: *Герой! вселенная тебѣ дивится*, сказать: *Ваше Превосходительство, вселенная вамъ удивляется*. Плапонова рѣчь на коронацію, Феофановы слова, далеко опшрѣятъ опъ языка обыкновенныхъ разговоровъ. Въ бесѣдѣ никогда не скажутъ: *Да отреши ихъ слезы, и да устройши ихъ ездѣ проловѣловать Твою промыслительную державу*. Сами защипники новаго языка пишутъ книжнымъ же языкомъ, хопя и весьма худымъ. Напримѣръ, никто въ разговорахъ не скажетъ: *Геній исторіи трясетъ дорогу въ землю тудесь, или Геній не смѣетъ взять свѣтильника философин, и летѣть безъ откровенія*. (Мерк. стр. 176). Это также книжной языкъ, да полько смѣшной и не понятной. Книжной языкъ какъ опличенъ опъ языка разговоровъ, что ежели мы представимъ себѣ человека, весь свой вѣкъ обращавшагося въ лучшихъ обществахъ, но никогда не читавшаго ни одной важной книги, то онъ высокаго и глубокомысленнаго сочиненія понимать не будетъ: не всѣ Англичане разумѣютъ Мильтона; не всѣ Испаліянцы разумѣютъ Петрарка; не всѣ Нѣмцы разумѣютъ Клопфштока; но токмо тѣ, копорыя много читали книгъ, изосприли ими поня-

тія свои, искусились въ ученѣмъ, книжномъ языкѣ. Вопреки сему часто бываетъ, что человекъ пресильной въ книжномъ языкѣ, едва въ бесѣдахъ разговаривать умѣетъ: таковъ сказывающъ былъ Жанъ - Жакъ Руссо. Я не знаю, что такое издатель Меркурія разумѣетъ подъ книжнымъ языкомъ, и о какихъ нынѣшнихъ писателяхъ говоритъ онъ, что они хотѣли его уничтожить; но знаю, что хотѣли уничтожить шотъ книжной языкъ, о которомъ я въ книгѣ моей говорю, хотѣли поравнять его съ языкомъ разговорѣмъ, хотѣли писать какъ говоримъ и говорить какъ пишемъ, естъ шже что хотѣли поровнять орла съ синицею, или носъ свой съ головою своею. Такія чудеса невѣроятны: скорѣе соглашусь я, что можно изъ листка бумаги построить Соломоновъ храмъ, или изъ Меркурія сдѣлать Иліаду. — Обращимся къ пятой мысли издателя Меркурія. Онъ говоритъ:

„Всякой ли можетъ посвятить 30 лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на тенѣ старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ чуждыхъ. Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію, но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Девры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной, всегда были почитаемы за драгоценнѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ.“ — (стр. 182).

По этому не надобно въ молодыхъ лѣтахъ упражняться? не надобно учиться языку своему? не надобно писать хорошихъ сочиненій, ученыхъ книгъ? — На что же прудились Гораціи, Тациты, Моншескюи, Бюфоны, Фенелоны, и другіе многіе? — По этому надобно писать одни романы, сказочки, басенки, для женщинъ? но и тѣхъ не знавши языка не напишешь хорошо. Буало говоритъ:

Sans la langue, en un mot, l'Auteur le plus divin
Est toujours, quoi qu'il fasse, un méchant Ecrivain.

Анакреонъ и Сафо не умѣли бы, одинъ такъ умно шупишь, а другая такъ нѣжно извѣялять любовныя чувства свои, естлибѣ не упражнялись въ чтеніи книгъ, не знали языка своего. Сверхъ сего почему женщинамъ не могутъ нравиться важныя сочиненія? Умная женщина и ученый мужчина равно могутъ чипашь съ пріятностію, какъ Душиньку такъ и Телемака. Похвалы и Лавры Делій конечно пріятны, но сочинитель книгъ есть различное существо отъ щоголя или красавца, ищущаго нравиться женщинамъ, а попому и честолюбіе ихъ должно быть различное: красавцу прилично желашь похвалъ отъ *пригожихъ* Делій, но сочинителю нужны рукоплесканія *умныхъ* Делій, умбющихъ не объ одномъ цѣпѣ кафпана, но пакожъ и о красотѣ сочиненій разсуждашь здраво и справедливо, или лучше сказашь, ему нуженъ попѣ лаврѣ, которой наденутъ на него не женщины и не мужчины, но знапоки, какого бы ни были они пола. Меркурій говоритъ: *лавры изъ рукъ женщины любезной всегда посчитаемы были за драгоцѣнную награду.* — По этому довольно для писателя славы, когда онъ понравится своей любовницѣ? Но естли любовница его худо грамотѣ знаетъ, такъ не смѣшотъ ли онъ будешъ, чпо надѣшымъ отъ нее лавромъ спаненѣ гордишься?

Я не могу надивисья опколѣ такія ложныя понятія объ языкѣ родились въ умахъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ писателей нашихъ, утверждающихъ, чпо надобно старинный языкъ свой оставить, бросить, осмѣивать, презирать, и на мѣсто онаго переводить, выдумывать новыя выраженія, новыя слова, новыя рѣчи. Пускай не читаютъ они Рускихъ книгъ, и потому не могутъ чувствовать ни силы, ни богатства, ни красоты языка своего; но

по крайней мѣрѣ, читая Французскія книги, могли бы они видѣть, какимъ образомъ знаменитѣйшіе пворцы ихъ разсуждающъ о словесности и о правилахъ языка. Въ какомъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англинскомъ, Испаліанскомъ писателѣ найдемъ мы что либо подобное ихъ мыслямъ? Возьмемъ, напримѣръ, Волпера, и посмотримъ, какъ разсуждаетъ онъ о семъ: при переводѣ извѣстныхъ изъ Шакесперовой трагедіи Гамлета стиховъ: *to be, or not to be*, говоритъ онъ: „не подумайте, чтобъ я персвелъ здѣсь Англинское изъ слова въ слово; горѣтѣмъ рабственныиъ переводчикамъ, которые, гонясь за каждыиъ словомъ, отъемлютъ ч мысли силу! Здѣсь-то прилично сказать, что слово убиваетъ, а разумъ живо творитъ.“ *) — Но когда мы спарыя выраженія и слова пренебрегаемъ будемъ, то чтожъ останется намъ, какъ не заимствовать ихъ, сирѣчь переводить изъ слова въ слово? Заглянемъ въ книги новыхъ нынѣшнихъ писателей, не вездѣ ли увидимъ мы въ нихъ сей рабословный переводъ? Французъ скажетъ: *у a-t-il une gradation plus marquée?* и мы говоримъ за нимъ: *естьли постепенность означеніе сей?* Французъ скажетъ: *quel tableau interessant!* и мы за нимъ говоримъ: *какая занимательная картина?* Французъ скажетъ: *quel endroit pittoresque!* и мы за нимъ говоримъ: *какое живописательное мѣсто!* сего еще мало; мы пишемъ: *картиннѣе, напряженнѣе, словеснѣе*, и тому подобное. Какъ! весь эшотъ вздоръ будутъ выдавать мнѣ за *чтонтенныя* понятія, какихъ предки наши не имѣли; за богатство, за красоту языка, и я не буду эшому смѣяться! не скажу вмѣстѣ съ Волперомъ: „несвой-

*) *Ne croyez pas que j'aie rendu ici l'Anglois mot pour mot; malheur au faiseurs de traduction littérale, qui traduisant chaque parole énervent le sens! c'est bien là qu'on peut dire, que la lettre tue, est que l'esprit vivifie.*

ственность словъ есть порокъ наиболѣе господствующій въ худыхъ сочиненіяхъ! *) или вмѣстѣ съ Фресне-Вокелиномъ, стариннымъ Французскимъ писателемъ: „стихотворица! надлежитъ и въ стихахъ, равно какъ и въ прозѣ, отнюдь не забывать великой сластолюбивости и тисоты, какиихъ языкъ нашъ требуетъ; должно наблюдать всякую ясность, и не смотрѣть на юность слѣблю, кропающую съ вѣтренностію и легкомысліемъ новыя слова!“ **) Спросяиъ: какъ же писать, какъ переводить? въ книгѣ моей, и въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо деревенскаго жителя довольно я о семъ толковалъ: языкъ успанетъ болшаниъ все обѣ одномъ. Въ другомъ мѣстѣ Волперъ разсуждая обѣ языкахъ говориъ: „всѣ языки, подобно намъ, не совершенны. Какъ въ языкахъ, такъ и въ законахъ, меньше несовершенныя и лучшіе сущъ тѣ, въ которыхъ меньше самопроизвольнаго.“ — ***) Но когда каждый изъ насъ, прочитавъ романа два три Французскихъ, и научась изъ нихъ называть дѣдушекъ своихъ варварами, спанетъ поправлять языкъ ихъ премудрыми своими выдумками, то не все ли будетъ въ немъ произвольное, сирѣчь ни на чемъ неоснованное, нескладное, не понятное? Волперъ продол-

*) L'impropriété des termes est le défaut le plus commun dans les mauvais ouvrages.

**) Il faut en la prose,
Poète, n'oublier aux vers aucune chose
De la grande douceur, et de la pureté
Que notre langue veut sans nulle obscurité:
Et ne recevoir plus la jeunesse hardie,
À faire ainsi des mots nouveaux à l'étourdie.
(Art poétique du Fresnaie - Vauquelin).

***) Toutes les langues sont imparfaites comme nous. Les moins imparfaites sont comme les loix : celles dans les quelles il y a le moins d'arbitraire sont les meilleurs. (Voyez langues, diction, Philosophie).

жасть: „лучшій изъ языковъ долженъ быть тотъ, которій вкупѣ и изобильнѣе дружихъ, и звучнѣе, и разнообразнѣе въ оборотахъ своихъ, и правильнѣе въ тегснѣхъ своихъ; тотъ, въ которомъ больше составныхъ словъ, который произношеніемъ своимъ лучше выразитъ и тихія и быстрыя движенія души, который походитъ больше на музыку — выраженія музыки зависятъ отъ долгихъ и короткихъ слоговъ.“ — *) Всѣ сіи свойства въ превосходномъ степени имѣетъ Славено - Россійской нашъ языкъ, копорой, какъ говоритъ Меркурій, писатели нынѣшніе уничтожили вознамбрились. Волперъ исчисляя недостатки, существующіе въ языкахъ, между прочимъ говоритъ: „надлежало бы, чтобъ крикъ каждаго животнаго отличался особливимъ словомъ. Не имѣть выраженія, означающаго лгкѣй или ребячій крикъ, и называть толь разныя между собою вещи одинакимъ именемъ, есть превеликая скудость языка. Слово *vagissement*, происходящее отъ Латинскаго *vagitus*, могло бы весьма хорошо выражать волю младенца въ колыбели.“ — **). Защипники чужезычія, которые говорятъ: „ло гелу Французскія слова не должны быть у насъ терлимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. —

*) Le plus beau de tous les langages doit être celui qui est à la fois le plus complet, le plus sonore, le plus varié dans ses tours et le plus regulier dans sa marche; celui qui a le plus de mots composés, celui qui par sa prosodie exprime le mieux les mouvements lents ou impetueux de l'ame, celui qui ressemble le plus à la musique. — L'expression de la musique depend des syllabes longues et brèves.

***) Il faudrait que le cri de chaque animale eût un terme qui le distingât. C'est une disette insupportable de manquer d'expression pour le cri d'un oiseau, pour celui d'un enfant; et d'appeler des choses si différentes du même nom. Le mot de *vagissement*, dérivé du latin *vagitus*, aurait exprimé très-bien le cri des enfans au berceau.

Французы приняли слова Греческія, Латинскія, и даже Италіянскія. — По телу намъ однимъ не занимать? мы ли первые напали? и проч.“ (Мерк. стр. 165). — Защитники, говорю, чужезычія, прочитавъ сіе, скажутъ: вопль и Волперъ великъ брать слова изъ другаго языка! сочинитель сихъ примѣчаній самъ на себя подаетъ оружіе! (Мерк. стр. 168. — Господа защитники не такъ понимаютъ вещи, какъ ихъ понимать должно. Италіянской и Французской языки суть дѣти Латинскаго языка: дѣтиамъ сродно заимствовать отъ отца, поелику главную часть первообразныхъ словъ и понятій своихъ получили они отъ него. О томъ самомъ и я въ книгѣ моей шолкую, что должно производить и почерпанъ слова отъ корня и отъ источника оныхъ. Волперъ здѣсь не шокмо согласно съ мнѣніемъ моимъ говоритъ, но еще большаго пребуетъ, чѣмъ я: ибо хотя Французской языкъ и происходитъ отъ Латинскаго, однакоже не такъ близокъ къ оному, какъ нашъ Россійскій къ Славенскому, между которыми даже никакого существеннаго раздѣленія полагать не можно. Итакъ, когда знаменитый писатель сей, будучи Французомъ, великъ, для обогащенія языка своего, почерпанъ слова изъ Латинскаго, довольно уже отдаленнаго отъ нихъ языка; то какъ же будучи Рускимъ, не велѣлъ бы онъ намъ почерпанъ словъ изъ ближайшаго къ намъ и природнаго языка нашего Славенскаго? Что касается до Греческихъ словъ, то хотя инокоторыя и вошли изъ нихъ во Французской языкъ, чрезъ Латинскій; однакоже Французы никогда не испещряли ими слога своего. Было время, когда инокоторые писатели ихъ, какъ по: Ронсаръ и другіе, привязываясь къ Греческому языку, такъ точно, какъ мы къ Французскому, писали:

Ah! que je suis marry que ma Muse Française
Ne peut dire ces mots comme fait la Grégeoise:

Ouverture, Despotisme, Oligochronien!
 Certes, je les dirois du sang Valésien.

Но за шо Буало смѣялся надъ такимъ языкомъ ихъ, и обличалъ спраннысть онаго симъ Ронсаровымъ стихомъ, копорой написалъ онъ въ Сонетѣ къ своей любовницѣ :

Etes vous pas ma seule Entéléchie ?

Сколько бы нашихъ стиховъ съ *Геніями* и *Гармоніями* сдѣлались похожими на сіи Французскіе стихи съ *Ентелэхіями* и *Олиохроніями*, естълибъ у насъ былъ Буало ! Впрочемъ Волперъ справедливо жалуется на скудость языка своего ; но естъли бы онъ былъ Россійскій писатель , то не имѣлъ бы никакой причины жаловаться ! у насъ естъ слова, выражающія разные крики живописныхъ. Мы говоримъ : левъ рыкаетъ , медвѣдь реветъ , лошадь ржетъ , лисица лаептъ , собака брешетъ , овца блептъ , свинья визжитъ , боровъ хрюкаетъ , корова мычитъ , кошка мяучитъ , гусь гогочетъ , утка квакаетъ , кукушка кукуетъ , воробей чиркаетъ , соловей поетъ , кузнечикъ цикаетъ , и почти для каждаго крика животнаго найдемъ особливое названіе. Мы даже беременность многихъ живописныхъ словами своими различать можемъ : овца сугна , корова стѣльна , свинья супороса , сука щонна , и проч. Волперъ говоритъ : „невѣжество вошло другое употребленіе во всѣ новѣйшіе языки. Многие слова перемѣнили свое знаменованіе. *Idiot* знагло пустытника, нынѣ знатитъ дурака ; *Epiphanie* знагло поверхность, нынѣ знатитъ крещеніе.“ — *) Не то ли же самое и

*) L'ignorance a introduit un autre usage dans toutes les langues modernes. Mille termes ne signifient plus ce qu'ils doivent signifier. *Idiot* voulait dire *solitaire*, aujourd'hui il veut dire *sot*; *Epiphanie* signifiait *superficies*, c'est aujourd'hui la fête des trois rois.

съ нами дѣлается? Можемъ ли мы вникать въ силу и знаменованіе словъ своихъ, когда спанемъ опѣ корня языка своего удаляться? не впадемъ ли мы наконецъ въ совершенное неразумнѣе другъ друга, когда однѣ и тѣжъ самыя слова одинъ изъ насъ будетъ упопрелять въ настоящемъ Рускомъ, а другой во Французскомъ знаменованіи? Руской человекъ говоритъ будетъ: *занимать деньги*, а полуруской скажетъ: *деньги есть вещь занимательная*, и эшо по его значить будетъ *примангивал*. Руской говоритъ спанетъ: *не трогай моей книги*, а полуруской скажетъ: *какая это трогательная книга!* Для чего же прешему, услыша эшопѣ новой языкъ, не говоришь: *я хоту идти въ садъ, взять воздухъ, для того что время отъень цѣлительно?* Меркурій говоритъ обо мнѣ: „*согнителя разсужденія о словѣ не любитъ даже настоящихъ Рускихъ словъ, естли нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ.*“ — Меркурій воленъ половать меня по своему; мысли его ко мнѣ не прильнуть, когда онѣ не мои. *Водопадъ, едометь, супъ* Рускія слова, хопя бы ихъ и не было въ старинныхъ книгахъ; но *означенный, исколодязить, прописанный*, (*marqué, epuiser, proscrit*), не будутъ никогда Рускими словами.

Естьлибѣ вмѣсто иноспранныхъ словъ *горизонтъ, атитюдъ, аля*, приняли мы Рускія слова: *обзоръ, постава. олъна* *), и ввели бы ихъ въ упопре-

*) Слова *постава, олъна*, хопя не почно соопвѣстивуютъ Французскимъ словамъ *attitude, allée*, однако близкое къ нимъ знаменованіе имѣюшъ: *не прельцайся лѣнотою и поставою, и прекраснымъ лицемъ: удобъ бо сокрушаемо и изтезновенно есть.* (Алф. дух. л. 28). Здѣсь *постава* соопвѣстиваетъ больше Французскому слову *taille*, нежели слову *attitude*; но поелику слово *taille* весьма хорошо изображаетъ мы словомъ *станъ*, того ради *постава*, сообразуясь съ знаменованіемъ глагола *поставить*, совершенно можешъ

бленіе, такъ какъ введены слова *водолазъ* и *водо-
метъ*, испребившія чужія названія *каскадъ* и *фон-
тънъ*; естлибъ, говорю, мы такимъ образомъ спа-
рались опъискивать, опредѣлять слова, и распро-
странить знаменованіе оныхъ, тогда бы конечно
языкъ нашъ обогащался; но обогатится ли онъ
*трогательностями, описывательностями, занимательно-
стями, развивательностями, живописательностями, кар-
тинностями, гармонированьями, вдыхательностями, вли-
вательностями въ себѣ*, и прочими сему подобными
выраженіями, которыя называемъ мы *силою, остро-
уміемъ, мыслями, чувствованіями, цвѣтами поэзіи*, и
которыя гораздо приличнѣ назвасть самыми силь-
нѣйшими средствами къ отвращенію опъ чпенія
писанныхъ симъ складомъ книгъ. Доказывать пур-
дно, а злословить легко. — Но обратимся паки къ
Волшеру. Онъ продолжаетъ: „*хорошіе писатели
стараются всѣми силами опровергать худыя выраженія,
небѣжествомъ распространяемыя, и которыя, трезъ са-
стое отъ несмысленныхъ писателей употребленіе, поль-*

выражать поняшіе, заключающееся въ словѣ *attitude*. Чтожь
принадлежитъ до слова *омъна* или въ множественномъ
омъны, по въ припчяхъ Соломоновыхъ (гл. 7. ст. 25) нахо-
димъ мы: *кымъ же сыне мой послушай мене. и внимай гла-
голы устъ моихъ, да не уклонится въ пути ея прелест-
ницы) сердце твое, и да не прельстишися въ омънахъ ея.*
(dans ses sentiers, Франц. auf ihren streifen. Нѣм. Исно, что
слово *омъны* значить здѣсь пуши, сшези, дорожки. Сіи
дорожки во первыхъ долженствуюшь быть прекрасныя,
веселыя, поелику ходишь по онымъ женщина, любящая
наслаждаться ушѣхами жизни, и припомъ ушѣсваніе да
не прельстишися или даешь о нихъ сіе поняшіе; во вто-
рыхъ по производшеу слова сего должно заключасть, что
онъ сушь короткія, часто прерывающіеся или *лѣбнющіеся*.
Ишакъ разумъ ни съ какой стороны не приращиваетъ
принятію и распространенію, или паче возобновленію зна-
менованія сихъ словъ.

ляются наконецъ въ вѣдомостяхъ и общенародныхъ ли-
саніяхъ. — Другое слѣдствіе неправильности сихъ язы-
ковъ, составившихся случайно въ грубыя времена, есть
множество сложныхъ именъ, простаго имени не имѣю-
щихъ. Это дѣти потерявшіе своихъ отцевъ. Мы имѣемъ
architaves, и не имѣемъ *traves*; есть у насъ *archi-
tectes*, и нѣтъ *lectes*; есть *soubassement*, и нѣтъ
bassement; есть *ineffables*, и нѣтъ *effables*; есть
intrepide, и нѣтъ *trépide*; есть *impotent*, и нѣтъ
potent; есть *inépuisable*, и нѣтъ *puisable*. Мы гово-
римъ *impudens*, *insolens*, и не можемъ сказать ни
rudens, ни *solens*; *nonchalant* значитъ лѣнивый, а
chalant покупающій.“ — *) Сіе Волперово рассу-
жденіе весьма справедливо; но укоризна его не
столько обвиняетъ Французовъ, сколько насъ Ру-
скихъ. Французскія простыя въ сложныхъ словахъ
закрывающіяся имена можетъ быть издавна вышли
изъ употребленія, такъ что ни въ какихъ старин-
ныхъ книгахъ ихъ находить оныхъ уже не можно;
а потому писатели ихъ виноваты тѣмъ только,
что не старались вновь дать имъ знаменованіе и
ввести въ употребленіе. У насъ совсѣмъ не по.

*) Les bons écrivains sont attentifs à combattre les expressions vi-
cieuses que l'ignorance du peuple met d'abord en vogue, et qui,
adoptées par les mauvais auteurs, passent ensuite dans les ga-
zettes et dans les écrits publics. — Un autre effect de l'irrégularité
de ces langues composées au hasard dans des temps gros-
siers, c'est la quantité de mots composés dont le simple n'existe
plus. Ce sont des enfans qui ont perdu leur père. Nous avons
des *architaves* et point de *traves*, des *architectes* et point de
lectes, des *soubassemens* et point de *bassemens*; il y a des cho-
ses *ineffables* et point d'*effables*. On est *intrepide*, on n'est pas
trépide: *impotent*, et jamais *potent*; un fond est *inépuisable*,
sans pouvoir être *puisable*. Il y a des *impudens*, des *insolens*,
mais ni *rudens*, ni *solens*: *nonchalant* signifie *paresseux*, et
chalant celui qui achete.

Слова сія и поньмѣ въ старинныхъ книгахъ нашихъ существуютъ; но мы, новѣйшіе писатели, не чистая книгъ сихъ, не токмо слова сія бросаемъ, не токмо отспаемъ отъ нихъ, да еще и многія другія, самыя знаменательныя, по незнанію силы въ нихъ, также бросить хопимъ. Напримѣръ существительное имя *дѣтель* и глаголъ *дѣтельствовать*, нынѣ иначе неизвѣстны намъ, какъ въ словахъ *добродѣтель*, *благодѣтельствовать*; но въ священныя книгахъ имѣющъ они сами по себѣ свое знаменованіе: *Господи, не смущенъ помыслъ раба твоего соблюди, и всю сатанину дѣтель отжени отъ мене. Или: Владыко сынъ по существу, соединився рабомъ плотію, и видѣнъ былъ еси, намъ дѣтельствуя различное спасеніе Христе.* (мин. общ. л. 6): Мы не употребляемъ нынѣ словъ *ядца* или *ядецъ*, *лѣйца* или *ливецъ*, иначе какъ въ словахъ *плотоядецъ*, *кроволѣйца* или *кроволливецъ*; но во многихъ мѣстахъ священнаго писанія ихъ находимъ: *Аще же яси и лѣси, возлагаютъ на Тя, яко сей словѣкъ ядца и лѣйца есть, дрѹкъ мытарель и грѣшникомъ.* (Ифика. л. 96). Для чего бы и нынѣ въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ не сказать: *гнущенъ есть ядца плоти себѣ подобнаго? или: бездущенъ есть лѣйца крови своего ближняго?* Во многихъ случаяхъ словъ сихъ не можемъ мы замѣнить другими: слѣдовательно онѣ надобны. При томъже слова сія суть собствѣнныя наши и не имѣющъ въ себѣ ничего безобразнаго: слѣдовательно никакому вкусу, никакому разуму, никакому уху, не могутъ или не должны быть противны, кромѣ развѣ тѣхъ вкусовъ, разумсѣв и ушей, которыя отъ всего того отвращаются, что только звенитъ по Руски. Обратимся опять къ Волперу. Онѣ продолжаетъ: *„Все согласуется портить языкъ нѣсколько обширный; писатели, искажающіе слоги свой ложными украшеніями; тѣ, которые лишуютъ въ тѣхъ земляхъ, и прилѣживаютъ всегда къ природному языку своему нѣкто тѣхъ*

зытно; чужестранные остряки, которые не зная употребленія, вмѣсто: сей Князь хорошо воспитанъ, или имѣлъ хорошее воспитаніе, говорятъ: сей Князь получилъ хорошую воспитанность.“ — *) Волперъ жалуется здѣсь на искаженіе языка своего живущими въ чужихъ земляхъ, и чужестранными писателями, приводя въ доказательство пому одинъ только примѣръ; но сколько же тысячъ таковыхъ примѣровъ найдемъ мы въ новыхъ нашихъ книгахъ, и сколько у насъ есть такихъ писателей, которые не выѣзжая никуда изъ Россіи пишутъ не по Руски? Волперъ продолжаетъ: „изъ того, что всякой языкъ не совершенъ, не слѣдуетъ, что должно переимѣнить оный: надлежитъ непреимѣнно держаться того, какъ хорошіе писатели говорили, и когда есть достаточное число добродѣтельныхъ писателей, тогда языкъ утверждать. Сею ради не можно ничего переимѣнить ни въ Италіанскомъ языкѣ, ни въ Гишпанскомъ, ни въ Англинскомъ, ни во Французскомъ, безъ того, чтобъ не испортить оныхъ. Причина сему весьма очевидна: ибо книги, которыя служатъ къ наставленію и удовольствію народовъ, вскорѣ сдѣлаются не вразумительны.“ — **) Похожи ли сіи

*) Tout conspire à corrompre une langue un peu étendue; les auteurs qui gâtent le style par affectation; ceux qui écrivent en pays étranger, et qui mêlent presque toujours des expressions étrangères à leur langue naturelle; les beaux esprits des pays étrangers qui ne connoissant pas l'usage vous disent qu'un jeune prince a été très bien éduqué, au lieu de dire qu'il a reçu une bonne éducation.

**) Toute langue étant imparfaite, il ne s'ensuit pas qu'on doive la changer. Il faut absolument s'en tenir à la manière dont les bons auteurs l'ont parlée; et quand on a un nombre suffisant d'auteurs approuvés, la langue est fixée. Ainsi on ne peut plus rien changer à l'Italien, à l'Espagnol, à l'Anglois, au Français, sans le corrompre. La raison, en est claire, c'est qu'on rendroit bientôt intelligibles les livres qui font l'instruction et le plaisir des nations.

Волперовы разсужденія на пѣ, что надобно двѣ прѣши языка своего бросить, и коренную силу и богатство его замѣнить новымъ никому не вразумительнымъ чужесловіемъ? Кажется при такихъ умствованіяхъ Волперъ прочитавъ книгу мою о старомъ и новомъ слоgѣ не спалъ бы, какъ какъ Меркурій, осмѣивать меня, для чего желающимъ писать совѣтую я упражняться больше въ чтеніи Славенскихъ книгъ. Правда, что Волперъ можетъ быть и не умѣлъ такъ хорошо разсуждать объ искусствѣ языка своего, какъ издашель Московскаго Меркурія!

Меркурій говоритъ про меня, что я съ удивительнымъ перпѣніемъ разсмотрѣлъ нѣсколько сопенъ дурныхъ фразъ: разсмотримъ и здѣсь съ пѣмъже удивительнымъ перпѣніемъ еще нѣсколько сопенъ изрыгнутыхъ противъ книги моей несправедливыхъ его полковъ и обвиненій. Онъ наспран. 189 говоритъ:

„Всего непріятнѣе видѣть фразы господина К. . . . перемѣшанныя въ сей книгѣ съ фразами цѣлнстескини, и писателя, которому наша словесность такъ много обязана, поставленнаго на ровнѣ съ другими. По щастію всеобщее и отличное къ нему уваженіе, котораго онъ ежедневно получаетъ новыя доказательства, не зависить отъ мнѣнія одного словѣка. Г. К. . . . сдѣлалъ злоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ публика. Сотинитель разсужденія о слоgѣ думаетъ иначе: но противурѣча мнѣнію всеобщему, надлежало кажется говорить не столь цѣлнстескино; надлежало вспомнить, что одинъ словѣкъ можетъ ошибиться; а тысячи, когда судятъ по вещамъ очевиднымъ, рѣдко ошибаются. Г. К. . . . сдѣлался извѣстнымъ всему цѣлому свѣту; его сочиненія переведены на разные языки, и приняты вездѣ съ величайшею похвалою: какъ патріоты, мы должны бы радоваться славѣ, которую соотечественникъ нашъ прі-

обрѣтаетъ у народовъ тужестранныхъ, а не стараться затмить ее! —

Что отвѣчать на сіе Цицероново за Архія слово? Кто успоипѣ прошиву силы сего неоспоримаго доказательства: мы, издатель Московскаго Меркурія, такъ думаемъ, следовательно и вся публика, весь свѣтъ, такъ думаетъ? Чѣмъ опровергнувъ сей неопровергаемый доводъ: Сопинитель разсужденія о словѣ не можетъ судить по вещамъ очевиднымъ, и потому ошибается; а я, издатель Московскаго Меркурія, сужу по вещамъ очевиднымъ, и потому не ошибаюсь? Какое логическое заключеніе можетъ быть справедливѣе сего: сопинитель разсужденія о словѣ одинъ; а я, издатель Московскаго Меркурія, хотя одинъже, однако именемъ многихъ тысячъ словѣкъ, именемъ всѣхъ славныхъ и великихъ нынѣшнихъ писателей, именемъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, именемъ всего цѣлаго свѣта, утверждаю, что онъ противурѣчитъ всеобщему мнѣнію, и что книга его никуда не годится? Оспавимъ сіи яснѣйшія солнца истины, и скажемъ шолько о помѣ, о чемъ необходимо сказать должно. Меркурій упоминаетъ здѣсь о господинѣ К. . . . , котораго я лично не имѣю чеспи знашь, и какъ сочинитель самъ не есть сочиненная имъ книга, по, по долгу уваженія къ именамъ людей, и не считалъ бы я себя въ правѣ входить о немъ въ какія либо разсужденія или толки, еспѣли бы не вынужденъ къ шому былъ издашелемъ Меркурія, которой говоришь, что я фразы сего писателя посшавилъ на-ровнѣ съ фразами ученическими. Я нигдѣ въ книгѣ моей не говорилъ о господинѣ К. . . . , и не шолько никого не назвалъ въ ней по имени, но даже и о заглавіи пѣхъ книгъ, изъ которыхъ выбиралъ я несвойшвенныя языку нашему рѣчи, опшюдь не упомянулъ. Слѣдовашельно съ моей спороны самымъ спрощайшимъ образомъ соблюдена была вся возможная скромность. Чшожъ

принадлежитъ до того, что издатель Меркурія укоряетъ меня, для чего я рѣчи сіи напечаталъ, поставляя мнѣ въ вину, что хотя о сочинителяхъ ихъ и не сказано, однако *всякой изъ нихъ цзпастъ своимъ*, по во первыхъ, естли бы я сего не сдѣлалъ, такъ бы мнѣ и доказательствъ моихъ составить было не изъ чего, и книга моя не могла бы существовать, поелику вся цѣль ея состоятъ въ томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ прилѣпляясь къ чужому языку, и удаляясь отъ своего собственнаго, порчимъ мы оный. Во вѣпорыхъ, читая журналы, я не обязанъ справляться, чья эта сказочка, или чья эта пѣсенка; да хотя бы въ заглавіи книги и поставлено было имя сочинителя, то и тогда не имя его за книгу, но книга сама за себя опвѣчашъ долженствуешъ. Пускай въ сочиненіяхъ моихъ находятъ погрѣшности противъ чистоты слога и языка; я радъ буду, когда кто меня въ томъ поправитъ. Вздорному и не смысленному сужденію я смѣлясь спану, но справедливое и дѣльное приму съ благодарностію *). И такъ естли ебъ вышле-

*) Издатель Меркурія на страницѣ 192 говоритъ: „пускай другіе хвалитъ критику; а по нашему критика есть дѣло весьма непріятное! мы сами не одинъ разъ жалбли, сто приллись за сей Журналь. Не одинъ разъ думили: какия надобность была осортить людей, можетъ быть добрыхъ и потпенныхъ? какия надобность была искать славы Фрерона, котораго или Волтеръ умѣлъ сдѣлать обиднымъ?“ — Издатель Меркурія рассказываетъ здѣсь и спрашиваетъ, какия надобность была ему искать славы Фрерона; но кто же объ этомъ можешь лучше знашь, какъ не онъ самъ? Впрочемъ мнѣ кажешся никакіе Волтеры не могли бы дѣлать людей Фреронами, когда бы не сами они сочиненіями своими дѣлали себя таковыми. Благонамѣренное разсмаприваніе книгъ и замѣчаніе погрѣшностей для извлеченія изъ того пользы, естъ ошнюдь не предосудительное дѣло, и не долженствующее никого огорчать. Волтеръ разсма-

упомянутыхъ собранныхъ въ книгѣ моей примѣрахъ и попались нѣкоторые рѣченія писателя впрочемъ доспойнаго и почтеннаго, по хотя я и весьма о томъ сожалѣю, однакожъ на бѣясь на благосклонность моихъ читателей, въ томъ числѣ и на сего самаго писателя естли онъ удостоитъ меня прочиташъ, уповаю, что не всѣ они, согласно съ издашелемъ Московскаго Меркурія, поставяишь мнѣ эпо въ такое пресшупленіе, какъ будто бы оскорбилъ я нѣчто священное, и не достоинъ уже, чшобъ земля меня носила. Самъ издашель Меркурія, говоря о Ломоносовѣ, ссылается на стихъ :

И въ солицѣ и въ луиъ ешь шемныя мѣша.

По чему же не могу я сослаться на томъ же стихѣ, говоря о комъ бы по ни было? Я самъ могу находить слоги его пріятнымъ и многія мѣста въ сочиненіяхъ его читашъ съ удовольствіемъ, но естли бы въ иныхъ и не былъ я съ нимъ согласенъ, какъ изъ сего не слѣдуетъ еще кричашъ на меня: *какъ ты осмѣлился найти нѣчто худое въ писателѣ, извѣстномъ всему ценому свѣту! ты одинъ, а насъ тысячи! наше мнѣніе есть мнѣніе всеобщее!* — Государи мои! сколькобъ васъ ни было, сотни или тысячи, но

шривая Корнелія сдѣлалъ великую услугу упражняющимся въ стихотворствѣ. Лонгинъ выписывалъ многія мѣста изъ Греческихъ писателей, для показанія хорошихъ и худыхъ примѣровъ. Естли бы и у насъ кто, съ проникательнымъ умомъ и хорошимъ въ языкѣ своемъ знаніемъ, взялся разсмошрѣшь сочиненія Ломоносова или Сумарокова, то принесъ бы не малую услугу нашей словесности. Ишакъ судишь о книгахъ позволяешся; но клепаешь на сочинителя, переворачивашъ его слова съ умысломъ, дабы дашь имъ иной смыслъ, иной шолкъ: вопъ эшо не позволительно и ешь дѣло наемныхъ писателей, Фреоновъ.

въ словесности дѣла рѣшаются не по числу голо-
совъ *). Я не указываю ни на кого лично, не го-
ворю ни о какой сдѣланной въ испоріи Рускаго
языка эпохѣ, но разсуждаю вообще, что если она
сдѣлана, такъ это очень худо; ибо естли *сдѣланъ*
злоху значитѣ произвестъ *нѣкоторцю перемѣну въ слоги*,
то въ книгѣ моей пространно и ясно показано,
какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ,
и что мы наполняя слоги свой чужезычіемъ, не
шкмо ошѣ истиннаго краснорѣчія удадемся, но
и совсѣмъ невразумительны спазновимся. Мерку-
рій говоритѣ обо мнѣ, что я *нѣсколько сочень дур-*
ныхъ фразъ разсмотрѣлъ съ удивительнымъ терпѣніемъ,
но сіи дурныя фразы выбралѣ я изѣ разныхъ сочи-
неній, и естли бы взялѣ на себя еще больше пер-
пѣнія, такѣ бы могѣ показашъ нѣсколько сочень
книгѣ, писанныхъ такимъже языкомъ, и наполнен-
ныхъ такимиже фразами. Меркурій говоритѣ:
это доказываетъ только, что у насъ много дурныхъ пи-
сателей, въ темъ никто еще не сомнѣвался. — Не дур-
ныхъ, но худыхъ; слово *дурень* относится больше
къ лицу. — Да худыхъ — то опѣ шого много, что
они, не различая хорошаго слога опѣ худаго, под-
ражаютѣ худому и щеголяютѣ чужезычіемъ. Тѣ

*). Въ книгѣ моей называю я нынѣшними писателями худыхъ
писателей, которые безобразяшъ слоги свой новымъ до-
селѣ неслыханнымъ чужезычіемъ, какъ и самъ Меркурій
говоритѣ, что у насъ ихъ много. Прочіе же писатели,
которые украшаютѣ нынѣ словесность нашу, потому ве-
душъ подѣ сіе названіе, что они пишутѣ обыкновеннымъ
чистымъ и хорошимъ Рускимъ слогомъ. Итакъ я не знаю
по чему то, что я говорилѣ о худыхъ писателяхъ, госпо-
динъ Меркурій съ товарищи относится къ себѣ, и словно
какъ бы ихъ было особое какое гнѣздо, или рой пчель
съ машкою, говоритѣ вездѣ въ множественномъ числѣ:
насъ тысячи! мы хотимъ сосимать фразы! хотимъ произ-

же бы самыя писатели были хороши, естли бы они побольше въ языкѣ своемъ упражнялись, и узнали бы настоящую его силу и красоту. Но къ чему распространяюсь я о томъ, что само по себѣ такъ ощутительно и очевидно? Впрочемъ господинъ Меркурій напрасно меня винитъ, будто я стараюсь затмить славу писателя, котораго онъ именуесть. Я ни чьей славы затмѣвать не хочу; а желаю общаго добра, какое происходить можетъ отъ любленія природнаго языка своего, и опнюдь не думаю, чтобъ человекъ справедливый и благомыслящій могъ въ примѣчаніяхъ моихъ находить какую нибудь личность или пристрастіе. Мнѣніе мое не есть законъ; но и намѣреніе мое не есть злословіе.

Я не стану говорить здѣсь о разбираниі до-стоинства слога моего: о томъ, что издастель Меркурія изъ множества приведенныхъ мною худыхъ рѣченій защищаетъ только одно: *когда путешествованіе сдѣлалось потребностію души моей* *) о томъ,

водитъ слова: я никому не запрещаю, и запретишь не могу, сочиняешь фразы и производишь слова съ Французскаго, съ Греческаго, съ Арабскаго языка, съ какова кто хочешь; но по чему же запрещаешь мнѣ говорить о сихъ фразахъ и словахъ? Масшерскія ли онѣ, или ученическія, но когда худы, такъ худы. On sera ridicule, et je n'oserai lire! говоришь Буало.

*) Меркурій говоритъ: *безъ всякаго сомнѣнія можно путешествованіе назвать потребностію души: тѣло имѣетъ потребности физическія, а душа моральныя.* Господинъ защитникъ не то защищаетъ, что надобно: это и безъ него всякъ знаетъ; но выраженіе: *путешествованіе сдѣлалось потребностію души моей*, по несовмѣстности вѣдѣній своего сколько не хороша, какъ бы кто сказалъ: *при такомъ жестокомъ холодѣ теплая сорница сдѣлалась*

что я окончание стиховъ Сумарокова въ разныхъ мѣстахъ повторилъ при раза, — о томъ, что приложенное при концѣ книги моей письмо отъ защитника Французскаго языка не принесетъ мнѣ славы *), о томъ, что рѣчь мою: *хотя уже и прежде всѣхъ болѣею частію нынѣшнихъ писателей, въ разсужденіи страннаго слога ихъ, былъ я недоволенъ, нынѣшніе писатели сказали бы какъ нибудь яснѣе.* **) — о томъ, что другую рѣчь мою: *всѣ сѣи, требующія великаго удивленія, искусства въ языкѣ и размышленія, тѣдности, а притомъ и малыя способности мои, не позволяли сдѣлать мнѣ лучшаго и пространнѣйшаго словарю сему олыта, надобно не одинъ разъ прочитавъ, дабы ее понявъ.* ***) о томъ, что въ словахъ моихъ: *мысль его на его языкѣ хороша, два раза сказа-*

потребностію тѣла моего. Меркурій говоришь, что *единое изъ вождѣннѣйшихъ желаній моихъ, есть поже, что единое изъ желаннѣйшихъ желаній моихъ.* Не правда, господинъ Меркурій! вождѣніе значишь нѣ что болѣе, чѣмъ желаніе: и потому *единое изъ вождѣннѣйшихъ желаній моихъ, есть почно поже, какъ бы сказано было: единое изъ любезнѣйшихъ, изъ пріятнѣйшихъ желаній моихъ.* Возносливость есть почни поже что гордось, однакоже нѣгдѣ о порокѣ пьянства прекрасно сказано: *растетъ въ возносливыхъ гордость, злоба въ завистныхъ, въ жестокихъ лютость.* Дабы умѣшь разсмаширивашъ чужія сочиненія, надобно знашь силу языка своего.

- *) Можетъ бышь оно не хорошо по поже самой причинѣ, по какой зеркало худо для непригожихъ женщинъ.
- ***) Слова какъ нибудь не ясно ли доказываютъ, что рѣчь нынѣшнихъ писателей гораздо лучше моей? Какой читатель не повѣришь шоль сильному доказательству.
- ***) Меркурій полагаешь заключающуюся въ сей рѣчи моей не ясность въ томъ, что сказано *сдѣлать мнѣ, а не мнѣ сдѣлать.*

но *его*. — о томъ, что вмѣсто *работы* поставлено *работу*, и пр. и пр. — Благодарю господина Меркурія за поправленіе нѣкоторыхъ опечатокъ въ книгѣ моей, и обѣщаю ему, что впредь буду оспорожнѣе смотрѣть за наборщиками. — Пропустимъ также разныя сдѣланныя мнѣ наставленія. Пропустимъ укоризны, что я осуждая упопребленіе иностранныхъ словъ пишу самъ: *единоцентранный, метафорическій, текстъ, проза*, и пр. *) Пропустимъ полкованіе о словахъ и о томъ, что Нѣмецкое слово *кугеръ* сдѣлалось пребогатымъ Россійскимъ словомъ **). Пропустимъ и другое многое: ибо на-

*) О техническихъ и вообще объ иностранныхъ словахъ говорилъ я довольно пространно въ примѣчаніяхъ моихъ на письмо Кадомскаго или деревенскаго жителя. См. оныя стран. 387 по 405.

***) Издашель Меркурія между прочими о словахъ полкованіями на стран. 168 говоритъ: *вмѣсто вліянія оны* (сочинишель разсужденія о шаромъ и новомъ слогѣ) *велишь писать наитствованіе, вмѣсто развитія прозбленіе понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу: но сѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? кто знаетъ не ошибались ли тогда болѣе нынѣшнее? какал старинная Грамматика рѣшитъ сей вопросъ?* — Всякой рѣшитъ вопросъ сей и прочишавъ книгу мою скажетъ: въ ней ясно выведено, что слова *наитствованіе* и *прозбленіе* почно въ шѣхъ смыслахъ упопреблялись, въ какихъ упопребляюшя нынѣ слова *влияніе* и *развитіе*, переведенныя съ Французскихъ словъ *influence* и *développement*. Оспавляшь собственныя свои слова, и вмѣсто ихъ выдумываешь новыя переводныя съ чужаго языка, ешь не обогащеніе, но порча языка своего. Тѣ самыя понятія, копорыя давно уже въ старинныхъ книгахъ нашихъ существующъ, называешь *утолченными* и *новыми* для шого шолько, что мы книгъ своихъ не читаемъ и не знаемъ языка своего, ешь невѣжешво. Ушверждашь, что общій вкусъ состоитъ не въ здоровомъ разсудкѣ, но въ привязанности къ слову *влияніе* или *наит-*

скучишь поднимать всякую соринку шамъ, гдѣ ихъ много на полу валяется. Остановимся на сѣдующемъ главномъ обвиненіи, на томъ, которое понудило меня написать сіи мои примѣчанія. Издатель Меркурія на стран. 170 говоритъ:

„Не ужели сочинитель для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хотеть возвратить насъ и къ бытаемъ и къ понятіямъ стариннымъ?.... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли: однакожъ, что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, титая (стран. 220): „народъ, коптой все перенимаешь у другаго, его воспишанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуешь, такой народъ уничижаешь себя, и шеряешь собственное свое достоинство?“

Прежде нежели я объясню свой образъ мыслей и пошъ, коптой въ сей сѣсланной миѣ укоризнѣ заключается, примѣтимъ, что господинъ Меркурій, выписывая изъ книги моей слова, всегда пропускаетъ то, къ чему я ихъ сказалъ. Онъ не ошибается думая: *такимъ образомъ могу я удобнѣе дать имъ свой толкъ.* Но въдъ книга моя напечатана, можно въ нее заглянуть и справиться. Я разсуждая въ ней о воспишаніи дѣшей нашихъ иностранцами,

*ствованіе, есть утверждать нѣчто странное. Дѣлать вопросъ: *смы можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе?* есть не знать о чемъ спрашиваешь; ибо по этому можемъ мы и всѣ слова языка нашего переимѣнать, утверждаясь на томъ, что мы умнѣе шѣхъ, копторые прежде ихъ выдумали. — Вошь что скажешь благо-разумный читатель, прочитавъ книгу мою и возраженіе на оную господина Меркурія.*

именно опредѣляю, какое воспитаніе почитаю я хорошимъ и какое худымъ. Воиъ что я въ разныхъ мѣстахъ книги моей о семъ говорю въ первомъ мѣстѣ: *Полезъ именовъ воспитанія разумно я больше полезный отгестству духъ, нежели легкое тѣло-движеніе, (стр. 225).* Кажется полезный отгестству духъ не есть невѣжество. — Во-второмъ мѣстѣ: *Когда мы сблизились съ гужестранными народами, а особливо съ Французими, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлостныя ихъ обычаи, наружныя виды, тѣлесныя украшенія, и гасъ отгасу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, то собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они гсать насъ всемю: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ лѣтъ, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ гситаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по Французски. Благородныя дѣвцы наши стыдятся слѣтъ Рускую лѣсно, и прот. (стр. 251).* Кажется и здѣсь желать, чтобъ мы украшались полезными знаніями, а не поспыднымъ заимствованіемъ пусныхъ и поспыбнія доспойныхъ вещей, не есть желать зла и невѣжества. — Въ прешьемъ мѣстѣ: *Когда и самый благоразумный и гестный гужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго вреда воспитать гужой земли юношчу, то какой же произведутъ вредъ множество таковыхъ воспитателей, изъ коихъ главная гастъ состоитъ изъ невѣждъ и разврщенныхъ правиль людей *)? Съ нравственностію не то дѣлается, то*

*) Издатель Меркурія дѣлаетъ мнѣ превеликія упреки за сіе, по миѣнію его, гнѣва небесъ доспойное выраженіе, сказанное, какъ онъ говоритъ, мною къ поношенію иносстранцевъ, а болѣе Французовъ, здѣшнихъ учителей. Но онъ забылъ, что это не мои слова, а бывшаго здѣсь при посольствѣ, въ царствованіе Государыни Елисаветы Пе-

съ естественностію : курица высиженная и оскорвленная чуткою останется курицею, и не лойдетъ за нею въ волю; но Руской, воспитанной Французомъ, всегда будутъ больше Французъ, нежели Руской. (стр. 253). Зѣсь также усердное желаніе, чшобъ мы любили свое отечество, гордились именемъ Россіянина, и влагали бы чувства сіи въ дѣтей нашихъ, не ешь пре-

шривны, Француза Мессалье, изъ кошораго въ книгѣ моеѣ приложена выписка. Меркурій вопіешъ: „жаль, что мы, любя хвалиться гостеприимствомъ, позвоаемъ себѣ озорвать безъ надобности людей, которыхъ сами вызвали, пригнали, обласкали; которые живутъ здѣсь подъ защитою Правительства и законовъ, полагаал не только жизнь, но и честь свою въ безопасности и народи дружественнаго.“ Что слово, шо неправда. Во первыхъ ни чья здѣсь честь не оскорблялась. Благоразумные и честные Французы сами съ мнѣніемъ моимъ согласны: свидѣтельствуютъ въ шомъ вышепомянутый Мессалье, и всѣ шѣ, съ которыми мнѣ самому разговаривашъ случалось. Во вторыхъ, мы ихъ не вызываемъ для воспитанія нашихъ дѣтей, да и сдѣлать сего нельзя: вызывають шолько извѣстныхъ людей. Однимъ Государямъ сіе возможно, и шо не всегда. Но какой извѣстной человекъ, какой Адамбершъ, или Руссо, оспаял отечество свое, поѣдешъ въ Калугу, въ Осташковъ, въ Тверь, въ Олонецъ, воспитывашъ дворянскаго сына, за которымъ всего имѣнія полшараша душъ? — Ештли издашеля Меркурія подъ словомъ вызвали разумѣшъ времена ПЕТРА Великаго, когда иностранцы приглашаемы были въ Россію, шо и шогда вызывались корабельные мастера, хлѣбопашцы, художники, а не учили для воспитанія нашихъ дѣтей. Наконецъ скажу и шо, чшо ештлибъ, въря чудсамъ, и положишь, чшо изъ пріѣзжающихъ сюда Французовъ, обрающихъ насъ и послѣ ругающихъ въ книгахъ своихъ, всѣ безъизвѣстныя суть люди добропорядочныя и разумныя, шо и шогда не желалъ бы я, чшобъ шомъ народъ, въ которомъ шоликое расплѣніе нравовъ и разрушеніе всѣхъ добродѣтелей оказалось, былъ воспиташелемъ и наставникомъ нашимъ. Сожалѣю, чшо я сими чувствами моими прогнѣваю издашеля Московскаго Меркурія, но осмѣливаюсь его уѣришь, чшо я для него оныхъ не перемѣню.

ступленіе. Ну, господи́нъ Меркурій! приведите теперь всѣ мои разсужденія въ систему, и скажите, па ли она, какою вы покажете ее хопите. Какъ! кто совѣщуетъ перенимать у другихъ народовъ одно шокмо полезное и доброе, а не легкомысленное и бесполезное; кто желаетъ, чшобъ въ опечесивъ его было меньше проспаковыхъ и вральмановъ; кто говоритъ, что надобно любить свою землю больше, нежели чужую: попъ по вашему презираетъ науки и хочепъ просвѣщеніе обратиться въ невѣжество? Государь мой! позволено крипиковать, но позволено ли клеветать? Не похожи ли здѣсь заключенія ваши о моей книгѣ на шѣ, какія Буало приписываетъ Копеню :

*Qui méprise Cotin, n'estime point son Roi,
Et n'a selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.*

Вы называете нѣкоторыя мои выраженія жосткими, но чорныя намѣренія лучше ли жосткихъ словъ? Посмотримъ теперь вашу систему. Вы говоря о книгѣ моей спрашиваете: „не уже ли сошнитса для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хотеть возвертнуть насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?.. Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли.“ — Государь мой! ешлы вы не смѣете, такъ я смѣю оспановиться здѣсь и разсмотрѣть вашу мысль. По чему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать объ нихъ безъ крайняго отвращенія. Нравы и обычаи во всякомъ народѣ бывають проякаго рода: добрые, худые и невинные, шо ешь ни худа ни добра въ себѣ не заключающіе. Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили опечество свое, шверды были въ вѣрѣ, почитали Царей и законы: свидѣтельствуютъ въ помѣ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицы-

мы, Минины, Долгорукіе, и множество другихъ. Храбрость, швердосшь духа, шерпѣливое повиновеіе законной власти, любовь къ ближнему, род-ственная связь, безкорыстіе, вѣрносшь, гостепримствво, и инья многія достоиинства ихъ украсили. Оно сіе изрѣченіе: *а кто измѣнитъ или нарцшмтъ данное слово, то ну да бѣдсть стыдно*, показывается уже каковы были ихъ нравы. А гдѣ нравы честны, шамъ и обычаи добры. Чшо жѣ въ предкахъ нашихъ было худаго, и чѣмъ докажете вы, что другіе народы были ихъ лучше? Бude же мы за худосшь обычаевъ ихъ возьмемъ, что они не все шо знали, что мы нынѣ знаемъ, шакъ во первыхъ эшо не ихъ вина: время на время не походишь; а во впорыхъ, просвѣщеніе не въ помѣ состоишь, чшо бѣ напудренной сынъ смѣялся надъ опцемъ своимъ ненапудреннымъ. Мы не для шого обрили бороды, чшо бѣ презирашь шѣхъ, которые ходили прежде или ходяшь еще и нынѣ съ бородами; не для шого надѣли короткое Нѣмецкое платье, дабы гнушались шѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились шанцовать минуэшы; но за что же насмѣхались намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, пипающихъ насъ своими шрудями? Они шакъ шочно пляшуть, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣшь Италіянскія аріи, возненавидѣшь подобудныя пѣсни? Должны ли о свяшой недѣлѣ изломать всѣ лубки для шого шолько, что въ Парижѣ не катаютьъ яицами? Просвѣщеніе велишь избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, шакъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велишь бѣдучи въ карешъ гнушались шелегою. Напротивъ, оно соглашаясь съ естествомъ раждаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ бездушнымъ вещамъ шѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами. Въ чемъ состоишь любовь къ отечеству? Послушаемъ

въ Метастазіевой оперѣ Семистоклова отвѣща на сей вопросъ :

Семистоклъ полководецъ Аѳинскій, ратуюя противъ Персидскаго царя Ксеркса, оказалъ великія опечеству заслуги; наслаждался въ немъ славою; но напоследокъ коварствами злодѣевъ своихъ изгнанъ былъ изъ онаго. Скипающійся и не имѣющій никакова пристанища, прибѣгаетъ онъ къ непріятелю своему Царю Персидскому. Великодушный Ксерксъ приѣмлетъ его, забываетъ прежнюю вражду, поручаетъ ему всѣ свои войска, и пылая еще гнѣвомъ противъ Аѳинъ: повелѣваетъ ему — разорить ихъ. Семистоклъ, услыша сіе, повергаетъ жезлъ повелительства къ стопамъ его, и отрицается идти противъ опечества. Тогда разгнѣванный Ксерксъ, напоминая ему о неблагодарности Аѳинъ, и о своихъ добродѣтеляхъ, спрашиваетъ, что такое любитъ онъ столько въ опечестивъ своемъ? Семистоклъ отвѣчаетъ :

Tutto, signor, le ceneri degli Avi,
Le sacre leggi, i tutelari Nuni,
La favella, i costumi,
Il sudor che mi costa,
Lo splendor che ne trassi,
L'aria, i tronchi, il terren, le mura, i sassi.

Переведемъ сіи божественные стихи; они потеряютъ красоту, но намъ нуженъ токмо смыслъ оныхъ.

„Все, государь, прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей боговъ, языкъ, обычаи, пошъ мною за него проліянный, славу отъ того полученную, воздухъ, деревья, землю, стѣны, камень.“

Съ такими чувствами Семистоклъ безомнѣнія, прочитавъ книгу мою, не сказалъ бы обо мнѣ: не чужды для удобнѣйшаго возстановленія ста-

риннаго языка, хотеть онъ возвратитъ насъ и къ обыкн-
лмъ и къ понятлмъ стариннымъ?? . . . Мы не смѣемъ
остановиться на сей мысли.“ Господинъ Меркурій !
вы образомъ мыслей своихъ худо оправдываете
Французское воспитаніе.

Послѣ сего вопроса, въ другомъ мѣстѣ (на стр.
185) издатель Меркурія въ такомъже шочно разу-
мѣ продолжаетъ :

Господинъ сочинитель воленъ думать, какъ ему угодно;
но; — (благоразумный читатель видишь, какъ я
думаю: образъ мыслей моихъ сходенъ съ образомъ
мыслей Семиспокловыхъ, а не съ образомъ мыслей
Московского Меркурія). Что касается до насъ, мы
не хотимъ бросить иностранныхъ книгъ! — (никто васъ
объ этомъ не проситъ). Не хотимъ возвратиться
къ пражному слогу, ибо совершенно увѣрены въ праж-
ществе нынѣшняго — (мнѣ мало отъ этого будетъ
потери, что вы станете писать худо; однако сія
самая ваша крипика уже показываетъ, что вы о-
спереглись отъ употребленія тѣхъ спранныхъ
выраженій и словъ, надъ которыми я въ книгѣ мо-
ей смѣюсь: слѣдовательно пропишъ воли вашей
возвращаешься). Не хотимъ возвратиться къ обыкн-
лмъ прародительскимъ; ибо находимъ, что вопреки напрас-
нымъ жалобамъ строгихъ людей, нравы становятся еже-
дневно лучше. — (можетъ быть, хотя это и трудно
доказать. Ежедневную перемену нравовъ не скоро
примѣшишь. Возвращаться же къ прародитель-
скимъ обычаямъ нѣтъ никакой нужды, однако не-
навидѣшь ихъ не должно. Всякое время и всякое
состояніе людей имѣетъ свои обычаи: прежде на
охоту ѣзжали съ соколами, а нынѣ ѣздятъ съ со-
баками; купецъ ходитъ въ длинномъ кафтанѣ, а
дворянинъ въ коропкомъ; купецкая жена любитъ
баню, а знатная госпожа ванну. Пускай всякой
дѣлаетъ по своему, но не должно презирать ни
дворянину купецкихъ обычаевъ, ни купцу дворян-

скихъ). Благодаримъ виновниковъ просвѣщенія нашего: благодаримъ Великаго ПЕТРА, то онъ принудилъ насъ украшаться знаніями! — (знаніями, а не заимствованіемъ пустыхъ вещей и пороковъ. ПЕТРЪ Великій желалъ науки преселить въ Россію, но не желалъ изъ Россіянъ сдѣлать Голландцевъ, Нѣмцовъ, или Французовъ; не желалъ Рускихъ сдѣлать не Рускими). Благодаримъ Великую ЕКАТЕРИНУ, то она принудила Европу имѣть погтеніе къ имени Рускому! — (Великая ЕКАТЕРИНА мудростію правленія своего распространила, возвеличила, прославила, украсила, просвѣтила Россію; но мудрость не оппоргала ее отъ отечества: она любила Рускую землю, Руской народъ, Руской языкъ, Рускіе обычаи. Сама ходила въ Рускомъ платьѣ. Сама сочиняла великолѣпныя зрѣлища, представляющія древнія Рускія обыкновенія. Сама въ извѣстныя времена въ черпogaхъ своихъ учреждала Рускія игры, не столько для собственнаго увеселенія своего, сколько для показанія народу своему, что она любя его, любитъ и всѣ, даже и самыя простыя забавы его и обряды). И желаемъ только, чтобы ларка долѣ пряла драгоценную нить щастливыхъ и мирныхъ дней нашего Покровителя наукъ АЛЕКСАНДРА I. — (Кто объ отечествѣ своемъ думаетъ, какъ думалъ Ѳемистоклѣ, потъ въ чувствахъ своихъ и въ благоговѣннн къ нашему Покровителю наукъ АЛЕКСАНДРУ, не входитъ ни въ какое сравненіе съ издателемъ Московскаго Меркурія).

Поспѣшимъ прекратитъ скуку читателя и свою собственную: пропустимъ такія мѣспа, которыя паче достойны усмѣшки, нежели опроверженія. Окончимъ. Издатель Меркурія при концѣ возраженій своихъ на книгу мою говоритъ:

„Врогелъ нѣкоторыя замѣчанія сочинителя довольно справедливы. — (Какія же? спаралсь оклеветать меня, насаказавъ столько худова обо мнѣ, господинѣ

Меркурій, для показанія безпристрастія своего начинаешь теперь меня хвалишь! Какое простое лукавство! такимъ образомъ дѣши спрятавшись въ уголъ и закрывъ руками лице свое, думаютъ, что никто ихъ не видитъ). *И даже словъ его вообще можно назвать жесткимъ, а не дурнымъ.* — (я тогда доволенъ буду слогомъ моимъ, когда хорошіе и справедливые писатели его похвалятъ). *Примѣтно, что онъ дѣйствительно занимался тѣмъ, чѣмъ нашихъ старинныхъ книгъ — (у иныхъ значило бы сіе похвалу, но у господъ Меркуріевъ значилъ это насмѣшку).* *Если бы не вооружался напрасно противъ Французскаго языка — (вооружаться противу тѣхъ, которые чужой языкъ лучше знаютъ чѣмъ свой, не есть вооружаться противъ Французскаго языка).* *Если бы не огорчалъ дѣлшихъ учителей иностранцевъ — (миліоны учителей, миліоны Меркуріевъ, миліоны братьевъ ихъ, не погасяли во мнѣ желанія въ любезныхъ соотечественникахъ моихъ видѣть истинныхъ Россіянъ).* *А особливо противъ Рускихъ писателей.* — (Къ тѣмъ Рускимъ писателямъ, которые трудами своими приносятъ намъ пользу и себѣ дѣлаютъ честь, имѣю я великое почтеніе; а которые порпятъ языкъ свой, или развращаютъ нравы, или едва зная грамоту выдають себя судіями въ словесности, или достаютъ себѣ хлѣбъ ремесломъ Зоиловъ, къ такимъ писателямъ не имѣю я никакова почтенія, и нигдѣ ихъ не почитаютъ *). *Если бы не додирѣвалъ насъ въ раздражающей ненависти къ своему отечеству.* — (Что разумѣтъ здѣсь господинъ Меркурій подѣ словомъ насъ? по этому

*) Буало говоритъ объ нихъ:

Il n'est valet d'auteur, ni copiste, à Paris,
 Qui la balance en main, ne pese les écrits;
 Dès que l'impression fait éclore un poète,
 Il est esclave né de quiconque l'achète.

когда я скажу: Рускіе всю дүшею прилѣленные къ тѣмъ землямъ, и не любящіе своего отечества, недостыны носить на себѣ имени Россіянина, тогда онъ вступится за это, и скажетъ: за чѣмъ ты насъ бранишь? *Если бы не утверждали превосходства древняго слога предъ новымъ.* (Господинъ Меркурій самъ не знаетъ чего онъ меня требуетъ. Хорошая книга всегда хороша, древнимъ ли слогомъ написана, или новымъ. Не о парѣи дѣло идетъ, о разумѣ, о силѣ языка. Я въ книгѣ моей многими разсужденіями, полкованіями, примѣрами, шѣмъ болѣе объясняющимися, чѣмъ далѣе читаешь оную, показалъ, какое богатство мыслей и словъ заключается въ Славенскомъ нашемъ языкѣ, и какая невразумительность и нелѣпица въ нынѣшнемъ чужезычїи, почерпаемомъ изъ книгъ Французскихъ. Кто хочетъ проповѣдать моему мнѣнію утверждать, тому должно такимъ же образомъ распространиться о семъ, и также ясно вывести, въ чемъ состоитъ красота и преимущество сего новаго чужезычїя предъ старымъ языкомъ. Когда онъ подобными же объясненіями и примѣрами докажетъ это, тогда всякой съ нимъ согласится; но если всѣ доказательства его состоятъ будущъ только въ сихъ словахъ: *мы не хотимъ возвратиться къ старому слогу, ибо совершенно увѣрены въ преимуществъ нынѣшняго; мы хотимъ согнать фразы, хотимъ производить слова.* — То какъ могло ему помѣститься въ голову, что читатель такому пустому возраженію его долженъ больше повѣрить, нежели всѣмъ яснымъ доводамъ другаго? Долговременные труды, имѣющіе предметомъ своимъ общую пользу, не такимъ образомъ разсмаприваются: искусство долженствовало ихъ судить устами истины; но когда господинъ Меркурій, вмѣсто всѣхъ доказательствъ кричитъ только: *онъ нелѣпцу утверждаетъ! онъ одинъ! насъ много!* то такое книгосужденіе не если

знакъ удивительной дерзости и неуваженія къ читателямъ? (Если бы онъ сообщилъ нѣкоторыя правила для языка, другимъ еще неизвѣстныя, и найденныя долювременнымъ его прилѣжаніемъ: то получилъ бы истинныя права на благодарность. (Я тогда опшчаюсь въ благодарности, когда всѣ мои читатели будутъ Меркуріи). Но господникъ согннтель давь свободу патріотической своей ревности, забывъ, что написанное въ кабинетъ должно еяже волею лвиться въ публикѣ. — (Господинъ Меркурій прошивъ воли своей опшдаешъ мнѣ здѣсь справедливость. Конечно такъ: папріюшическая ревность, или скажемъ по Руски, ревность къ опечешпу, побудила меня издашь книгу мою. Въ чемъ онъ меня винилъ, я шѣмъ горжусь. Правила мои не согласны съ его наспавленіями: мнѣ кажется, кто ревность сію обуздываетъ въ себѣ и не даетъ ей свободы, шопъ на языкъ шолько имѣешъ ее, а не въ сердцѣ. Какъ? Меркурій думаетъ, что истину, основанную на чувствахъ любви къ опечешпу, не въ слухъ говоритъ, но шокмо въ кабинетъ своемъ бормошашъ должно! По чему это? не ужъ ли опасаясь гнѣва писателей Московскихъ Журналовъ? Но гнѣвъ ихъ не ешть еще гнѣвъ Юпишеровъ, и судъ ихъ не ешть судъ Минервинъ). Выдалъ книгу для кныхъ штомншельную, для другихъ огорчншельную, и не знаешъ къ чему полезнцю. (Ушомншельное Меркурію не всему свѣшу упомншельно, огорчншельное Меркурію не всему свѣшу огорчншельно, неизвѣшное Меркурію не всему свѣшу неизвѣшпо).

Въ заключеніе крипика своей издашель Меркурія говоритъ: *должностію логнмашъ сказать своимъ штатешамъ, что въ разсужденіи о новомъ и старомъ слоѣ Россійскаго языка, мы не нашли ни одной фразы изъ нашего Журнала.*

Въ заключеніе сихъ примѣчаній своихъ и сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка, должностію почитаетъ сказать читателямъ своимъ, что онъ въ то время, когда писалъ свою книгу, не только Журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ; но ниже слышалъ, что оный естъ на свѣтѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

66 425 A A 3046

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02950 1585

